

**БОРИС РЯБУХИН
ВЛАДИМИР ВЕБЕР**

**ДЛЯ НИХ МОНАРХИ – КРЕСТНЫЕ ОТЦЫ
400 ЛЕТ ДВОРЯНСКОМУ РОДУ ЛИШИНЫХ**

Хроникально-историческое повествование

Рябухин Б. К., Вебер В. Ф.

Р98 ДЛЯ НИХ МОНАРХИ – КРЕСТНЫЕ ОТЦЫ.
400 лет дворянскому роду Лишиных: хроникально-
историческое повествование. – Рязань: Литера М,
2016. – 432 с.; ил.

ISBN 978-5-906008-__ -

Эта книга о древнем дворянском роде Лишиных, который служил доблестно России более 400 лет. Для всех членов этого княжеского рода монархи – крестные отцы. При крещении каждого из его детей воспитанниками были императоры или дети монархов.

Обширный материал книги включает в себя историю рода, его малой родины – села Нивное. Они во всех делах были вместе, все трудились и воевали на этой земле, строили на ней церкви, школы и больницы, этим укрепляя духовность, ум и нравственное здоровье своих потомков. В книге представлены записанные ими воспоминания о своих предках, биографические справки, краткие очерки об их участии в боях, свершениях и творческих начинаниях.

Издание проиллюстрировано историческими портретами, старинными и современными фотографиями.

Книга предназначена для читателей, интересующихся историей Отечества, а также специалистов историков, краеведов, преподавателей, работников культуры.

ББК 84

Книга подготовлена по документам, собранным прямым потомком княжеского рода Лишиных – Борисом Николаевичем Лишиным и прямым потомком княжеского рода Константиновых – Владимиром Фредовичем Вебером, приложившим много сил для сбора воспоминаний и других документов и получившим письменное разрешение Б. Н. Лишина на публикацию в открытой печати переданных им архивных материалов о дворянском роде Лишиных-Константиновых (текст и фото): «...С подготовленной для публикации этой книгой подробно ознакомлен и согласен с её публикацией. Что и подтверждаю своей подписью, Борис Николаевич Лишин».

ISBN 978-5-906008-__ -

© Рябухин Б. К., 2016
© Вебер В. Ф., 2016
© ООО «Литера М», 2016

Мглинская земля. Село Нивное

Земля Мглинская в Малороссии — корневой край рода князей Лишиных.

Глянем на неё сначала взглядами гетмана, историка и писателя.

В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Николай Васильевич Гоголь раскрывает мистическую тайну этого края: «полдень блещет в тишине и зное и голубой неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшийся над землёю, кажется, заснул весь потонувший в неге, обнимая и сжимая прекрасную в воздушных объятиях своих».

Казачий историк Самуил Величко на заре XVIII в. писал про эту землю: «Присмотревшись, увидел я покрытые мхом, камышом и зельем просторные тамошние украино-малороссийские поля и просторные долины, леса и большие сады, красивые дубравы

и реки, пруды и запущенные озёра. И это был край, который воистину когда-то, уже жалея за утратой его, называли поляки раем мирским, — был он перед войной Хмельницкого, словно другая земля обетованная, что кипела молоком и мёдом».

Нормальная жизнь сохранилась только на Левобережной Гетманской Украине. Она не платила налогов в царскую казну. Земельные наделы после того, как Хмельниччина смела польскую шляхту, разделили с помощью «займанщины» — кто успел огородить, того и земля. Царское правительство вместо слабых пикетов запорожцев на границе с Крымским ханством построило Украинскую линию.

Однако гетман Кирилл Разумовский в 1761 г. писал: «Малороссияне не только пренебрегают земледелием и скотоводством, от которых проистекает богатство народное, но ещё, вдаваясь в непомерное винокурение, часто покупают хлеб по торгам дорогою ценою не для приобретения каких-либо себе выгод, а для одного пьянства».

Таким образом, в Малороссии «составился народ, по вере и месту жительства принадлежавший Европе, но между тем по образу жизни, обычаям, костюму совершенно азиатский, народ, в котором так странно столкнулись две противоположные части света, две разнохарактерные стихии: европейская осторожность и азиатская беспечность, простодушие и хитрость, сильная деятельность и величайшая лень и нега, стремление к развитию и усовершенствованию — и между тем желание казаться пренебрегающим всякое совершенствование», — так заканчивает малоросс Николай Васильевич Гоголь свой очерк «Взгляд на составление Малороссии».

Какая же природа этой земли?

Более 600 лет назад город Мглин был впервые упомянут в старинной летописи. Мглинский уезд занимал обширную территорию, более 3000 квадратных вёрст, в три раза больше нынешней площади Мглинского района. В состав уезда входили г. Мглин, местечки Почеп, Баклань и семнадцать волостей. До 1910 г. входил в состав Украины и занимал северную часть Черниговской губернии.

Низко опущена южная сторона уезда, потому река Ипуть течёт на юг. Вот, оказывается, почему реки текут к устью. Наибольшая впадина — в треугольнике между Кокотами, нашим родным Нивным и Луговцом. Поэтому там большие залежи торфа, глубиной до четырёх метров, и поэтому называют её Болонье или Торфяники. Самая возвышенная — северо-восточная окраина — Шверд,

около 215 м над уровнем моря эта «гора Негов». С дельтаплана её хорошо видно. В окрестностях Мглина тоже есть возвышенности, например, между Нетяговкой и Новыми Чешуйками под названием «Стовпицкая гора».

На Негове и Стовпицкой горе в давние времена ставились сторожевые вышки. У подошвы Стовпицкой горы берёт начало маленькая речушка Упрец, приток Судынки, а на вершине её растут хвощи. По примете, там, под Стовпицкой горой хранятся большие запасы хорошей питьевой воды.

Недра нашего края до сих пор не исследованы. Мы и теперь ещё не знаем, каковы здесь запасы железной руды, из которой в XVIII в. в обеих Руднях немало выплавляли железа домницы.

Богат и разнообразен здесь животный и растительный мир.

Мглинский уезд издавна славился буйно разросшимся краснолесьем. Значительную территорию занимали хвойные и лиственные леса. Заболоченные заросли мелкокося скрывали под корнями запасы торфа. Были большие массивы зрелой древесины промышленного назначения, рощи мачтового леса. Тысячи кубометров морёного дуба достали со дна рек прибрежные поселенцы, сделали из него немало ценной посуды и мебели, а сколько ещё морёной древесины под слоем ила и песка до сих пор хранит Ипуть. Многочисленные речки и малопроточные изобиловали рыбой, стаями водоплавающей птицы. Обширные заливные луга всегда являлись высокоурожайными сенокосными угодьями и роскошными пастбищами для скота. Рядом с лесами и лугами тянулись пашни местного населения. Климатические и почвенные условия благоприятствовали выращиванию разнотравных сельскохозяйственных культур и получению высоких урожаев. На мглинских базарах бойко торговали хлебом, пенькой, постным маслом, скотом, кожами, овчинами, пушниной, кустарными изделиями, привозными товарами. Казалось, что в Мглинском уезде сложились благоприятные условия для культурного роста и полного материального благополучия каждой семьи в городе и деревне. Ведь рабочие, кустари, ремесленники Мглина работали изо дня в день целыми семьями. Ещё больше трудились крестьянские семьи. «Мир держится на людях, которые сами себя кормят». При подушном распределении на каждый крестьянский двор в Мглинском уезде приходилось бы в среднем около 20 десятин всех земельных угодий.

Углубимся же в историю прошедших веков этой земли.

Пограничный характер территории Поипутья определился ещё в 1503 г. с переходом её из состава Великого княжества Литовского под руку Москвы. Опорными пунктами Русского государства стали волостные центры Дроков на р. Ипать и Попова Гора на р. Беседь. Эти населённые пункты ранее других упоминаются в исторических источниках. Дроков и Попова Гора встречаются в списке «городов русских дальних и ближних», составленном ещё в XV в. и включённом в Воскресенскую летопись.

В XVI — начале XVII вв. эта территория постоянно находилась в зоне русско-литовских и русско-польских военных конфликтов. Примером такого конфликта между Россией и Литвой явилась «Стародубская война» (1534–1535 гг.). Литовско-польскому войску тогда не удалось закрепиться на Стародубовье, и в 1537 г. Иван IV заключил с Литвой соглашение, по которому все северские города оставались в составе Московского государства. В связи с этими событиями впервые были упомянуты сёла Смяльч и Верещаки.

В период Смутного времени начала XVII в. территория будущего Суражского уезда оказалась в зоне военных действий. В 1607 г., в связи с переправой через Беседь Лжедмитрия II, в документах снова упоминается Попова Гора.

В 1618 г., после подписания с поляками Деулинского перемирия, рассматриваемая территория, в составе всей Северщины, отошла к Речи Посполитой. Поипутье было разделено на Мглинскую и Дроковскую волости, пожалованные королём троцкому воеводе; а сёла, в большинстве своём, были отданы шляхте.

Название «Слободская Украина» в XVII–XIX веках понимали в Киеве и Москве не как часть Украины, а как Слободскую окраину. В то время были, например, и государевы амурские окраины, и другие.

В 1638 г. царь Михаил Фёдорович издал указ: «запорожским Черкассам, которые в прошлом 1638 и нынешнем 1639 приехали из польской стороны в степные и украинные города на государево имя и на вечную службу и по городам устроены на жизнь с жёнами и детьми — дано государева жалованья «за выход»...

Беженцы из Речи Посполитой, как правило, прибывали с оружием и сразу на месте стали создавать отряды самообороны от татар и вольных казаков. Так в Слободской Украине появились полки.

Эти полки представляли собой не просто воинские части, как в России XVII в., а административные единицы с городами, местечками, сёлами. Полковники и канцелярия помимо военной власти имели власть административную и судебную на всей территории полка.

Любопытно, что переселенцам из Малой России царём была дана одна льгота, крайне важная для русского человека, — право на винокурение.

В 1640-х годах Поипутье затронуло антипольское восстание Богдана Хмельницкого, закончившееся победой над поляками. А в 1651 г. Богдан Хмельницкий подписал с поляками Белоцерковский мир, по которому численность реестрового войска сократилась с 60 до 20 тысяч человек.

А в 1654 г. был подписан Переяславский договор, по которому на территории Левобережной Украины (Малороссии) устанавливалось самоуправление в виде Гетманщины.

В 1663 г. в северной части Малороссии был образован Стародубский полк, административным центром которого стал г. Стародуб. Полк состоял из нескольких сотен, в том числе Мглинской и Новоместской, между которыми и была разделена территория Поипутья.

Принципиальным различием между слободскими полками и малороссийскими была стабильность и преданность престолу. Раньше малороссийские полки, что левобережные, что правобережные, десятки раз переходили от одного гетмана к другому, периодически меняли подданство — то Речи Посполитой, то московскому царю, то Оттоманской империи. Слободские же полки во весь период Руины оставались верны Москве.

Так, гетман Выговский, перешедший на сторону ляхов, прислал однажды в Сумской полк «прелестный универсал». Ответ был короткий: «Слобожане — не гетманцы, и за бесчестие считают равняться с ними после их измены царю и присяге».

Единственным исключением было событие в Острогожском полку в сентябре 1670 г. в ходе восстания Степана Разина. Не желая выходить за штат, черниговский полковник Иван Николаевич Дзиньковский раньше по всем полкам «с семьями и скарбом» перешёл русскую границу. Он получил от царя Алексея разрешение на строительство крепости Острогожск на берегу реки Тихая Сосна. Видимо, у Дзиньковского ещё до восстания были приятельские

отношения со Стенькой Разиным. Поэтому всё население города сразу же перешло на сторону разинцев. Ольшанский воевода С. Беклемишев был сброшен с башни, а двух иноземцев «посажали в воду». Эти события в Острогожске и Ольшанске вызвали широкий резонанс, и воеводы окрестных городов запаниковали. Вернувшись из Ольшанска в Острогожск, казаки созвали круг, на котором решили идти на Коротояк. Но 10 сентября в Острогожске произошёл переворот: казачья старшина не пожелала мириться с уравнительными порядками повстанческой власти, вступила в сговор с местным духовенством и захватила власть в городе.

Кроме этого исключения, Слободские полки регулярно использовались для борьбы с мятежным казачеством. Так, они активно участвовали в подавлении Булавинского восстания на Дону, сражались с запорожскими и малороссийскими казаками Орлика. В сентябре 1708 г. территория Мглинской сотни оказалась в центре событий одного из эпизодов Северной войны (1700–1721).

Во второй половине XVI — первой половине XVII вв. на территории Поипутья появляются поселения: д. Красная — выселки из Дрокова; Катичи, Ущерпье, Кожаны, Великоудебное, Лотоки, Медведи, Паконь, Казаричи, Кулаги, Овчинец, Слище, Нивное, Суботовичи, Суражичи, Смолевичи и Творишин. Население сёл было преимущественно крестьянским. Однако, в Дрокове, Овчинце и Суражичах, вместе с крестьянами жили и служилые люди — казаки, а также стрельцы и бобровники, занимавшиеся промыслом зверя, птицы и пушнины.

Самым массовым сословием на этой территории являлось крестьянство. Оно делилось на владельческих, ранговых, монастырских крестьян. В период Гетманщины шло наиболее интенсивное заселение западной части Стародубского полка. Основными инициаторами освоения новых территорий выступали представители казачьей старшины — Есимонтовские, Искрицкие, Чернявские, Ханенки, Корецкие, Ширай. Они активно осваивали пустующие земли и селили на них новые слободы, привлекая переселенцев из Восточной Польши, Литвы и Великороссии. Во второй половине XVII — первой половине XVIII вв. на территории будущего Суражского уезда появилось около 50 новых поселений. Изначально они формировались как владельческие, их население составляли крестьяне.

Ранговые крестьяне появились тоже во время Гетманщины, когда возникла необходимость обслуживать уряды, жалуемые гет-

маном казачьей старшине. Крестьяне, приписанные к рангам, несли повинности в пользу полковников, судей, писарей, обозных.

Монастырские крестьяне в XVII–XVIII вв. составляли значительную часть населения Северщины. Они принадлежали Киево-Печерской Лавре, с XVII в. владевшей Бобовицкой, Попогорской (бассейн р. Ипути) и Лыщичской волостями, на землях которых она активно селила новые слободы. Все лаврские владения управлялись «монахами-городничими», а жители имели статус монастырских крестьян. К 1780-х годов в Стародубском полку в собственности Лавры числилось более 30 сёл и деревень с общим количеством населения около 20 тыс. человек.

Отдельную категорию населения составляли так называемые крестьяне буд и гут. Многие державцы на принадлежавших им землях основывали рудни, гуты и буды, «обраставшие» не только дворами мастеровых, но и крестьянскими хозяйствами. Рудни, располагаясь на низменных, болотистых и лесистых местах ипутьского левобережья, занимались добычей и переработкой болотной руды. Так появились Вепринская рудня, Рудня-Ходинская, Завод Корецкий, Рудня-Селицкая. Буды вырабатывали «поташ» (углекислый калий) для стекольного дела, выделки кож, а гуты производили изделия из стекла. Буды и гуты заводились в лесах, так как требовали большого количества топлива. На рубеже XVII–VIII вв. возникли Гута Корецкая, Гута Виднова, Струговская буда, Буда Вовнянская.

Казачество в массовом количестве появилось во время антипольского восстания 1840-х годов. Воспользовавшись тогда уничтожением кабальных документов, большое число состоятельных крестьян записалось в казаки. Как правило, казаки проживали рядом с крестьянами и встречались, в основном, в сёлах Мглинской сотни: в Ляличах, Овчинце, Дубровке, Влазовичах, Косичах, Старом Дрокове и д. Красной. В Новоместской сотне — в сёлах Смяльч, Лотоки и Казаричи. Только деревня Лопатни, поселённая в начале XVIII в., была истинно казачьей.

Стрельцы, пороховники, бобровники — особая категория служилых людей появилась тоже в период Гетманщины. Это были выходцы из казаков, занимавшиеся добычей пушнины и птицы для гетманского стола. Стрельцы, пороховники и бобровники встречались только в сёлах Мглинской сотни: Овчинце, Нивном, Калинках, Суражичах, Старом и Новом Дрокове.

Мещанство будущего Суражского уезда первоначально формировалось из старообрядцев, появившихся на землях Стародубского полка в конце 1660-х годов. Из 16 старообрядческих слобод, возникших на Северщине в конце XVII — начале XVIII вв., три были поселены в Новоместской сотне: Клинцы — в 1707 г., Ардонь — в 1711 и Свяцкая — в 1713 г.

После Указа Петра I от 1715 г. о переводе всех староверов «в оклад», великорусские поселенцы закрепили за собой личную свободу, а с оформлением посадов получили статус мещан. Впоследствии, с появлением г. Суража, его первыми поселенцами-мещанами стали выходцы из бывших служилых сословий, упразднённых Екатериной II в начале 1780-х годов.

Вместе с тем население Поипутья (западной части Мглинщины и Новоместской сотни) оставалось, по преимуществу, крестьянским. Во многом это объяснялось тем, что большинство населённых пунктов появилось здесь уже после Освободительной войны 1654 г. Новые слободы селили владельцы земли, а их жители изначально превращались в экономически зависимых крестьян. Крестьянско-казацкие поселения были крайне малочисленны и в большей степени характерны для сёл, появившихся до начала XVII в.

С ликвидацией Гетманщины и упразднением в 1781 г. Стародубского полка его территория вошла в состав вновь учреждённого Новгород-Северского наместничества. В социальном составе населения представители казацкой старшины влились в российское дворянство; ранговые, монастырские крестьяне, а также стрельцы и бобровники, были переведены в разряд казённых или государственных крестьян. Казаки как сословие сохранились, но по своему положению приблизились к государственным крестьянам. Владельческие крестьяне были окончательно закрепощены.

В 1781 г. Указом Екатерины II на месте деревни Суражичи, расположенной на р. Ипать, был учреждён г. Сураж. Уже в следующем, 1782 г., город получил герб и в качестве поветового центра вошёл в Новгород-Северское наместничество.

Первыми жителями Суража стали выходцы из служилого сословия деревень Суражичи и Калинки — казаки, стрельцы и бобровники. Но уже в конце XVIII в. этноконфессиональный состав населения города значительно изменился. В связи с разделами Польши, Стародубовье оказалось в «черте оседлости», и в Сураж начался приток переселенцев из Белоруссии.

История Суражского уезда началась с Указа Александра I от 1802 г. «Об учреждении губерний Малороссийских: Черниговской и Полтавской». Согласно Указу, в состав Черниговской губернии, в числе других, вошли Стародубский, Мглинский и Новоместский (с 1809 г. — Новозыбковский) уезды. Суражский уезд был образован и включён в Черниговскую губернию в 1803 г., а заштатный г. Сураж получил статус уездного центра.

Суражский уезд занимал северо-западную часть Черниговской губернии. Его территория простиралась с запада на восток на 96, а с севера на юг — на 64 км. С севера и запада уезд граничил с Могилёвской губернией, с юга — с Новозыбковским; с юго-востока — со Стародубским и с востока — с Мглинским уездами Черниговской губернии. Крупнейшие реки, протекавшие по территории уезда, — это Ипать и Беседь с многочисленными притоками. Почвы правобережья рек были глинистые, на них произрастали дубовые и липовые леса. Остальная территория была занята песками, поэтому там преобладали сосны, ели, берёзы, ольха. В целом, почвы Поипутья отличались бедностью и малой плодородностью. Основные культуры региона — рожь, гречиха, конопля; позднее — картофель. В Суражском уезде большую роль играли промыслы.

В целом, в первой половине XIX в. шло активное формирование населения города и его организационно-экономической структуры. В это же время на юге Суражского уезда создаётся промышленный округ, центром которого становятся Клинцы. Купцы-старообрядцы развернули здесь широкую предпринимательскую деятельность. С 1830-х годов в посаде и его окрестностях основывают сукожные, ткацкие и верёвочно-шпагатные фабрики, на которые приглашают специалистов из Западной Европы.

К началу 1860-х годов в Клинцах и округе действовало 13 предприятий текстильной промышленности. В 1897 г. в посаде функционировали кожевенные, чугунолитейные предприятия и маслобойный завод. В пореформенное время посад называли «Манчестером» Черниговской губернии.

Уездный центр Сураж во второй половине XIX — начале XX вв. оставался самым бедным городом Черниговской губернии. Здесь полностью отсутствовала промышленность, и слабо было развито ремесленное производство. В пореформенное время в Сураже имелись уездное и приходское училища, две молитвенные школы и больница. В городе действовала Благовещенская церковь, здание

которой было перенесено в Сураж в 1815 г. из упразднённого в конце XVIII века Суражицкого Волосовичского монастыря. К концу XIX в. население города немногим превышало 4000 человек.

В сельских населённых пунктах уезда в первой половине XIX в. развивалось помещичье производство в виде свеклосахарных, винокуренных, маслобойных предприятий, на которых использовался труд крестьян.

После отмены в 1861 г. крепостного права бывшие помещичьи крестьяне перешли на положение самостоятельных крестьян-собственников, но из-за недостатка плодородной земли многие из них вынуждены были заниматься отходничеством. Были распространены: «отход на сахар» — найм на сахарные заводы в Одесскую и Полтавскую губернии; «отход на воду» — сплав леса по Сожу, Снови, Ипути и Днепру до Киева. В начале XX в. из суражских деревень началась миграция крестьян в Америку для работ на рудниках, шахтах и заводах. Немало крестьянских семей в конце XIX — начале XX вв. переселялось на постоянное местожительство в Сибирь и на Дальний Восток. Широкое распространение отходничества значительно задерживало развитие как самого Суража, так и всего уезда в целом.

В июле 1919 г. Черниговская губерния была ликвидирована. С 11 июля 1919 по 6 декабря 1926 г. Мглинский уезд (с Почепским районом), Новозыбковский, Стародубский и Суражский уезды входили в состав Гомельской губернии. В 1921 г. Суражский уезд, в связи с перенесением центра в Клинцы, был переименован в Клинцовский. В декабре 1926 г. Клинцовский, Новозыбковский и Стародубский уезды вошли в состав Брянской губернии.

СЕЛО НИВНОЕ

Теперь краткая история села Нивное.

Родовое гнездо Лишиных — село Нивное расположено в 25 верстах от Мглина, на правом берегу реки Ипуть, слева в неё впадает река Воронуса, справа — Нивлянка.

Ландшафт села и его окрестностей отличают супесчаные почвы с преобладанием мелколиственных и хвойных пород деревьев.

Первые люди пришли в эти места ещё до нашей эры и на правом берегу Нивлянки основали поселение, где жили в полуземлянках. Позднее жизнь возродилась здесь в период Древней Руси, о чём свидетельствует курганный могильник и поселения XI–XIII вв.

В период пребывания Поипутья в составе Великого Княжества Литовского (XIV–XV вв.) сведения о Нивном ещё не встречаются.

Одно из наиболее ранних упоминаний о селе относится к концу февраля 1664 г. В период русско-польской войны, начавшейся сразу после подписания в 1654 г. договора о Воссоединении Украины с Россией, рассматриваемая территория в очередной раз оказалась в зоне военных действий. Одним из подтверждений этого является надпись на старинной иконе Богоматери Одигитрии, находившейся в Мглинской Успенской церкви: «року божого 1664, сей образ найден, як король Ян Казимир ишол в угомонише Слеще, меж Дрокова и Нивного, на болоте». Видимо, в это время был разорён и уничтожен Дроков, так как в переписи 1666 г. он назван «пустым местечком». Его жители переселились на новое место, названное Новым Дроковым. Позднее часть бывших дроковчан возвратилась, а прежнее поселение получило название «Старый Дроков».

Образ Богоматери Одигитрии, по преданию, был обретен недалеко от места сражения польского короля с русскими войсками под предводительством князя Ивана Борятинского. В ходе боя поляки были разбиты, а сам Казимир спасся бегством.

Местность Нивного славилась фруктовыми садами. Жители Мглинского уезда отличались охотой к садоводству, а земля и климат здесь столь благоприятны, что почти без усилий вызревают груши лучших сортов (bonchrétien), бергамоты, яблоки (ранеты), сливы и вишни, кустовые фруктовые и цветочные растения. Как правило, при садах везде имелся овощной огород, иногда с парниками.

В первой четверти XVIII в. Нивное имело статус деревни Мглинской сотни Стародубского полка. Здесь было 24 казачьих двора, 7 дворов стрельцов, бобровникам принадлежало 26 дворов и 31 хата. Уже в те времена Нивное было большим селом. Ведь, кроме названных, в Нивном находились ещё 62 двора и 63 хаты крестьян Михайлы, Ивана и Фёдора Лишней.

Соседство сотни с польской границей оказало влияние и на формирование местного населения, состоявшего, в значительной степени, из служилых людей — казаков, стрельцов и бобровников. Казаки села составляли наиболее высокий процент среди служилого населения. В 1782 г. в Нивном существовал казацкий курень, в состав которого входили казаки Нового и Старого Дрокова, а также деревни Красной. Атаманом куреня был избран Фёдор Семёнов сын Лобач.

Как правило, выходцами из казаков являлись стрельцы и бобровники, главным занятием которых являлась поставка дичи и мехов для малороссийского гетмана. Эта деятельность обеспечивала им привилегированное положение среди других жителей села.

Крестьянское население во второй половине XVII — первой трети XVIII вв. было причислено к Мглинской ратуше и несло повинности, как в пользу города, так и в войсковую казну.

Однако в 1730 г. у нивнянских крестьян появились свои владельцы. Ими стали сыновья казака села Высокого Василия Иосифовича Лишня — атаман куреня Высоцкого Тимофей, и его братья — Денис и мглинский сотенный хорунжий Мартин.

Род Лишних известен в Украине с 1313 года. А фамилия Дудицкий известна с XIII века. Фамилия Дудицкий ведёт начало от прозвища Дуда. Суффикс «цкий» указывает на украинское происхождение фамилии Дудицкий.

(Не могу не предоставить слово живому потомку Лишних — Александру Ивановичу Дудину. Он говорит следующее.

Король, у которого князья Дудицкие попали в опалу, был Сигизмунд III. Дудицкие на Волыни Лишними не были. Это у казаков клички присваивали по месту жительства (рождения). Суффикс «цкий» в фамилии Дудицкий говорит о польском её происхождении (а не украинском). Кстати, в те времена никакой Украины не было. Была Малороссия. А если и Украина, то с ударением УкрАйна (окраина). Волынь не Украина.

Я думаю, что в России они появились с Волыни во время смуты. А потом осели и назад уже не рывались. Служили России. Там по моей линии есть ещё поляки из Мазовии — Рыдзевские, есть с Хмельниччины — Порохня, этих подманили в запорожские казаки, затем после упразднения их Екатериной Великой подались на Кубань, не за Дунай за зипунами, а служили России. Родина у всех была разная, а Россия одна. На Стародубщину пёрли и поляки, и шведы, и французы.

Это древняя княжеская польская фамилия, последнее возвышение которой было в конце XVI века. От этого же рода произошёл род Лишних, известных до сих пор. По семейным преданиям, родоначальником рода являлся один из сыновей Чингисхана, бывший предводителем монголов, попавших в период татарского нашествия на Волынь, там осевших и смешавшихся впоследствии с украинцами и отчасти с литовцами и поляками. Княжеское достоинство

Дудицкие получили при польском короле. Они принимали активное участие в войнах, и за победу при местечке Држевица получили одноимённый герб. Этот герб рода идёт от монголов и представляет собой щит, на котором изображён полумесяц и две звезды. Над щитом корона, а в короне пять перьев (позже осталось только три). Однако на рубеже XVI–XVII вв. род попал в опалу у польского короля. Потомки рода перешли на службу русскому царю в состав запорожского казачества.

Один из Лишней, по имени Денис, стал казаком в Запорожской Сечи, где он был избран «войсковым скарбничим» (казначеем).

Сведения о селе внесены в «Описание Черниговской епархии» за 1729 г. Оно интересно тем, что на деньги казаков, стрельцов, бобровников и посполитых людей в 1731 г. здесь был возведён новый деревянный храм Рождества Пресвятой Богородицы. Большую часть средств вложил владелец этого села хорунжий сотник Мартын Лишень. Старый храм в селе Нивном был уничтожен ещё во времена польского владычества в 1618 году.

За заслуги отца и деда Лишени получили от гетмана Апостола Универсал «на купленные грунты с поселёнными людьми» в Нивном и других сёлах Мглинской сотни. При разделе собственности между братьями дворы с Нивном достались Тимофею Васильевичу Лишню. В 1757 г. он составил завещание («запис»), по которому село Нивное с мельницей отходило его сыну, бунчуковому товарищу (знаменосцу) Андрею Лишеню за службу в Мглинской сотне Стародубского полка.

Андрей Тимофеевич родился в 1713 г.

В 1736 г. начал службу войсковым канцеляристом в Генеральной войсковой канцелярии, где несколько лет занимался систематизацией и приведением в порядок войскового архива. В дальнейшем его служба была отмечена участием в различных архивных и следственных комиссиях как при Генеральной, так и при Стародубской полковой канцеляриях. В 1763 г. он вышел в отставку.

В браке с Анастасией Андреевной Рубец Андрей Тимофеевич Лишень имел пятерых детей: Михаила, Ивана, Фёдора, Марину и Татьяну.

Карьера всех его сыновей также была связана с канцелярской и судебной деятельностью, в том числе, в уездных Суражском и Мглинском поветовых судах. В 1770-х годах они унаследовали от отца более 60-ти крестьянских дворов в Нивном. Но к 1799 г.

старший сын Михаил Лишень умер, не оставив потомства, что привело к разделу его владений между другими родственниками. Часть крестьянских дворов в селе Нивном отошла к родным братьям Ивану и Фёдору, а часть — к двоюродному брату Ивану Прокофьевичу Лишню.

Кроме Лишиных в селе были и другие собственники.

В 1760 году в Нивном упоминается священник Свенцицкий, продавший часть своих угодий суражским владельцам Есимонтовским, расширившим границы своего с. Высокоселище. Линию Свенцицких в селе продолжили его потомки — дворяне Пётр Иванович и Василий Ивановичи Свенцицкие (Свентицкие). Пётр Иванович имел сына Якова, служившего в 1840-х годах стихарным пономарём в церкви Рождества Пресвятой Богородицы. После смерти отца в 1834 году Яков Петрович жил в родительской усадьбе с женой Евпраксией Фёдоровной и детьми.

Предположительно, в конце 18 — начале 19 вв. в селе обосновался отставной корнет Иван Моисеевич Жилеев (Жиляй). Он имел четырёх сыновей: Афанасия, Михаила, Никифора и Ирадиона.

По сохранившимся документам известно, что в 1820–40-х годах все сыновья Ивана Жилея жили в Нивном и имели свои семьи. Афанасий Иванович в 1820–30-х годах был губернским секретарём. В браке с женой Анной Иосифовной он имел детей: Матрону, Наталью (ум. в 1842 г.), Анастасию, Дмитрия и Ивана.

У Михаила Ивановича была жена Анна Петровна, дочь Пелагея и сыновья — Михаил, Пётр и Тимофей.

Никифор Иванович в 1820–40-х годах был женат на Александре Никитичне и имел дочерей — Евдокию, Татьяну, Варвару и Александру.

Ирадион Иванович жил в Нивном с женой Анастасией Лукиничной и дочерьми Евфросинией и Параксевой.

Сам Иван Моисеевич Жилеев умер в Нивном в 1827 г.

Потомки Свенцицких и Жилеевых продолжали жить в селе и после Октябрьской революции.

Также, в XIX веке в Нивном проживали дворяне Свицерские.

В 1729 году жители села, «всеи единостайне казаки, стрельцы, бобровники и посполитые люде, умыслили в своём селе Нивном, по благословению архиерейском, построить церковь Божию». В 1731 году епископ Черниговский Ирадион Жураковский дал благословение на строительство церкви Рождества Пресвятой Богоро-

дицы, и в скором времени деревянный храм был возведён. Первым священником стал Матвей Васильевич Гутниченко. Впоследствии, в церкви служил священник Свенцицкий.

В первой половине XIX века долгое время священником Нивного был Даниил Григорьевич Ромаскевич, живший в селе с женой Анной Яковлевной и детьми.

В 1870–90-х годах в церкви Рождества Пресвятой Богородицы служил священником Михаил Гораин, а позднее — Николай Росинский, преподававший в конце 1890-х годов Закон Божий в Нивнянском народном училище.

ЛИШЕНЬ ТИМОФЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1680–1757)

ВОЙСКОВОЙ АТАМАН

Лишень Тимофей Васильевич, с 21 февраля 1727 г. — Мглинский городской атаман; войсковой атаман в отставке с 1757 г.; за службы деда и отца получил с братьями 31.07.1730 г. универсал гетмана Апостола на купленные грунты с поселёнными людьми в с. Великой Дуброве, Нивном, Костяничах, Швердах, Осколкове и Высоком; 14.07.1744 г. получил универсал Генеральной Войсковой Канцелярии на с. Великую Дуброву и Нивное; жил в с. Высоком; 26.08.1757 г. распределил своё имение между детьми и внуками: Степаном Трощинским и Петром и Гаврилой Тарасевичами; неграмотный. Умер в 1757 году.

ИЗ АРХИВА Л. С. ЛИШИНА

К ИСТОРИИ КРАЯ

Из газеты «Черниговские губернские ведомости» (изд. с 1838 г.)

«...Генеральной Малороссийской старшине, полковникам, полковой старшине, особливо полковнику Стародубовскому, Полковой Старшине, сотникам того полку с сотенниками старшинами и всему кому о том ведать надлежит объявляется с сего марта... Генеральной войсковой канцелярии канцелярист Андрей Лишень

бил челом Ея Императорскому Величеству, а в генеральную войсковую канцелярию подал челобитную, в которой написал прадед до его полку Стародубовского сотни Мглинской товарищ Иосиф Лишень служил высочайшим Ея Императорского Величества предкам чрез многие годы в военных и прочих походах верно и родительно и, наконец, будучи в Чигиринском военном походе от неприятеля и убит, а сын его Иосифа и его дед Василь Лишень были в походах под Казикерменом, под Самаром, под Руголевым, при главном тогда над малороссийскими полками в походе командире Ясире, да перед шведскою руиною между городами Мигнонич и Падином на баталии при главном тогда над малороссийским войском командире Скоропадскому, кой после того был Гетманом, и в прочих разных походах, и служил со всяким радением на смерть свою, а потом, объявленного деда его сын, а его отец будучи тогда в разных чинах, а ныне обшитованный войсковою товарищ Тимофей Лишень оставшийся по смерти вышепрописанных прадеда и деда его с родными братьями своими Матвеем и Мартином с нераздельно с ним отцом его жившими были поочередно в походах за гетмана Скоропадского под Каменным Затонем, под Быховым в Несвежском, на работе в Киево-Печерской крепости три раза в Царичанском на каналной работе, в Низовом Сулацком, и будучи в тех походах служили Высочайшим Ея Императорского Величества предкам без всякого порока...»

**ЛИШЕНЬ
МАРТЫН ВАСИЛЬЕВИЧ**
(... – 1743)

Лишень Мартын Васильевич, Мглинский сотенный хорунжий (1723–1731); жил в селе Высоком (1731 г.); неграмотный; умер в июне 1743 г.

Жена: Подлузская, дочь казака села Высокого (1723–1732).

ИЗ АРХИВА Л. С. ЛИШИНА

Из газеты «Черниговские губернские ведомости» (изд. с 1838 г.)

...Гетман I Кавалер, принявши помянутого Мартына Лишня и Нилу Протекцию к оборону яко определяем ему службу отпра-

вовать с означенными Стрельцами и быть под оными Атаманом, так должен он Мартын Лишень смотреть, чтобы у оных Стрельцов было оружие особое и справное с прочими потребностями до походу надлежащее кроме того оружия, которым птиц и зверей стреляют; и дабы до его Лишня никто не интересовался, но надлежал бы он до двора Нашего Рейментарска приказуем. Дан в Глухове февраля 7, 1732 года.

Вышеименованный Гетман и Кавалер рукою властною (ж.п.)...».

Воспользуемся возможностью рассказать подробно о селе Нивном его главным владельцам — князьям Лишиным.

**ДУДИЦКИЙ-ЛИШЕНЬ
ЛУКА ИВАНОВИЧ**
(1777–1847)

Лука Иванович Дудицкий-Лишень, родился в 1777 г. в с. Нивном; в службе Лейб-гвардии Измайловского полка фурьером с 4.04.1788 г.; с 1797 г. — подпоручик; с 1798 г. — поручик; с 1799 г. — штабс-капитан; с 1800 г. — капитан; 27.10.1801 г. — майор при отставке; служил в 9-м егерском полку, а затем, после отставки, в земском войске (1808); Мглинский поветовый хорунжий (1809); подполковник (1809–1846); по записи отца 1805 г. получил в с. Нивном господский жилой дом и 30 дворов крестьян; 5.02.1846 г. уступил дарственной записью имение своё в с. Нивном, 83 души и 1300 десятин земли своему единственному наследнику — сыну Николаю (№ 82).

После отставки, в своё имение возвратился подполковник Лука Иванович Лишень. Его родители — отец Иван Андреевич Дудицкий-Лишень, мать — Евдокия Петровна Юркевич (Дудицкая-Лишень). Будучи записанным в 11-летнем возрасте фурьером в Измайловский полк, он прошёл путь от подпоручика до подполковника. Лука Иванович поселился в родительском имении, где жил до второй половины 1840-х годов, имея во владении около 50-ти крестьянских дворов. Он воспитывал сына Николая и «питомицу» Юлию, которую в 1836 г. отдал замуж за канцеляриста Мглинского

духовного правления Михаила Ивановича Козловского. В 1846 г. Лука Лишень составил дарственную запись, по которой вся собственность в Нивном переходила к его сыну Николаю, имевшему звание подпоручика. В 1850-х годах Николай умер, отписав своё имение и крестьян дочери Вере, в замужестве Надеиной.

Одним из самых подробных документов о селе Нивном является «Журнал ежедневных занятий подполковника Луки Ивановича Дудицкого-Лишняя, где записано всё любопытное с 13 октября 1816 года по 16 сентября 1834 года». Настоящий документ любезно позволил переписать его хранитель, член Калужского земельного банка А. Н. Гончаров.

ЖУРНАЛ ЕЖЕДНЕВНЫХ ЗАНЯТИЙ ПОДПОЛКОВНИКА ЛУКИ ИВАНОВИЧА ДУДИЦКОГО-ЛИШЕНЯ (фрагменты)

*Краткое описание по всем отношениям
места родины моей — села Нивного*

...При Владимире Великом, ещё чаятельно и прежде, с неизвестных в летописях наших времён, место сие называлось: Пolesье, Родимичи, Кривичи, Метла, Северщина и проч. Попеременно, под чьим владением оно состояло; с древнейших времён составляло всегда почти приграничное место. Потом названо Малороссией и, попеременно также, то под великороссийским, то под польским владением находилось. Потом, Стародубского полка, Мглинской сотней названо. С 1782 года, с разделением России на губернии, уезды, Императрицею Екатериною II было оно: Новгородско-Северской губернией, Суражского уезда, а с 1797 года, при Павле I, сделалось: Малороссийско-Черниговской губернией, Мглинского повета. Положение своё имеет: в восьмидесяти верстах от вершин реки Ипути, на правой его стороне, где Ипуть реку Ворочусу — с левой, а речку Невлейку с правой его стороны в себя принимает. Село сие называется по речке Нивным. Место весьма не хлебородное. Земля глееватая, Припадью называется. С хозяйским, неусвоенным трудом, и немалыми физическими в посеве замечаниями времени при уваживании, даёт содержание безнужное. Она обрабатывается сохою в одну лошадь и боронами, с дерева сделанными; первый раз проходят сохою — называется орать; боронами первый раз зовётся — скородить, второй сохами — мешать, вто-

рой — боронами пахать; вывезенный же в ниву навоз всегда трогается. В хозяйственных продуктах всякий год место сие имеет недостаток. С Орловской и Курской губерний ежегодно значительное количество: ржи, пшеницы, ячменю, овса, круп гречаных, гороху и пшена — подрядчиками в город Мглин привозится. Оттуда же враздробь, кто имеет нужду, продаётся перекупщиками с барышом. Конопля здесь лучше других мест родит; она и пенька составляют единственный крестьянский доход. С сих мест продукт сей, т. е. пенька, идёт сухим путём до города Поречье, а оттуда водою до города Риги. Конопляное семя, искупив барышники, перебивают на масло и, большей частью, в город Гданьск поставляют.

Патриотизм в народе чрезвычайен. В исходе 1806 года, когда манифестом было извещено, и народ узнал, что Русский Царь опасается, чтобы французы не ворвались в Россию — всё закипело; каждый не только идёт с охотой против врага, но последнее оружие своё, которое имел, по требованию начальства, подносили, они полагали, что Царь нуждается в оружии. Деньги, хлеб, одежду, всякий, кто что имел, жертвовал с охотою для Царя Белого. С пятнадцати душ в три дня выставили милицию, вооружили и на три месяца провианту набрали, с немалым числом денег, без малейшего принуждения. Когда потребовались охотники в стрелки, которым немедленно следовать в действующую армию велено было, все без исключения были охотники.

Я был тысячным начальником по Мглинскому повету, потом сформировал в посаде Воронке девятый батальон; он по предписанию губернского земского войска начальника, графа Ильи Андреевича Безбородко, сдав старшему по себе, принял от майора Скаловского, в местечке Синявке, шестой отряд, из 528 человек состоящий, который вёл к действующей армии; но, получив от самого графа повеление сдать этот отряд Мариупольскому гусарского полка в запасный эскадрон, сдал майору того полка Павловцеву в местечке Новом-Константинове. Когда узнали застрельщики, что велено их сдать в гусарский полк, то все пришли ко мне роптать на графа Безбородко, что их обманул. Но я сказал им: «Друзья мои! Не графу, а отцу нашему Белому Царю, Александру Павловичу, так угодно!» Этим словом я их так убедил, что ни один после ни одного слова не сказал и даже не роптал. О патриотизме и духе народном говорю убедительно потому, что мне это лучше другого известно.

По окончании войны, хотя правительство, сверх чаяния их, разместило этих стрелков по полкам, выдав помещикам и обществам зачётные квитанции, но при нашествии, в 1812 году, французов на Россию ещё большим энтузиазмом объят был народ.

Узнав, что французский маршал Даву с армией вступил в город Могилёв, и наша армия отступает вовнутрь России, без созыва и без малейшего содействия начальства, все съехались и сбежались в уездный наш город Мглин. Пока получили распоряжение губернского правления, сами собой, по примеру первой милиции, выставили с 15 душ, и вооружили лучших людей; они были приняты чиновниками в их команду, всё было готово — только от начальства получили повеление составить защиту. Хотя генерал-губернатором был князь Яков Лобанов-Ростовский, но он не очень торопился защищать Россию; видно имел свои на то какие-либо виды. Утверительно можно сказать, что если б народ, хотя немного заметил то, великая бы беда ему была. В первой милиции конных защитников не было, но на этот раз казаки сами собой, от проезжавших услышавши, что у французов много конницы, выставили на собственных лошадях и содержании 15 человек, что в одном нашем повете составило хорошо вооружённой конницы 250, а пехоты 2153 человека.

Нельзя отрицать, что это сделано было для того только, чтобы защищать свои жилища. Я здешний уроженец и жилец, я верно знаю и истинно говорю, что всё сие сделано для того только, чтобы русский Царь и русское государство преимуществовало над прочими, и чтобы ни один враг не думал себе, что можно русского Царя победить и русское государство завоевать. Возмутительные прокламации Бонапартовы ни малейшего влияния на народ не имели, но первый кто их прочитал, бросал их в огонь, никому не говоря о ней, даже один другому не доверяя. Я две такие лично сжёг.

В иностранных государствах, при опасности нападения неприятеля, в прокламациях правительства обыкновенно пишут: «соберитесь для защиты домов ваших, имуществ, жён, детей, памятников и всего, что для вас любезно и дорого». В России вовсе такая не нужна будет; здесь, чтобы возбудить в высшей степени энтузиазм, должно сказать: братцы, православные! Пойдём, победим врага лютого, злодея кровожадного, или умрём за церковь Божию, за мать Пресвятую Богородицу, за Царя Белого русской земли, за отечество, за веру православную христианскую — не посраим земли русские, не посраим предков наших покойников, отцов, наших

родителей!» Я твёрдо уверен, что ни старый, ни малый не останутся в домах своих, всё двинется против неприятеля и, если нужно будет, умрут с охотою.

Церковь в селе Нивном, по всему вероятно, от несколько сот лет должна существовать. В городе Мглине имеется чудотворный образ Богоматери, в 1 $\frac{1}{4}$ аршина длинной и 1 аршин шириной, обделанный серебром с позолотой; на нём внизу славянским наречием написано: «Король Польский Казимир, в 1662 году, нашёл эту икону возле Нивного, на урочище Слише и Дрокова». Предание гласит, что он некогда был городом. Хотя теперь церкви в нём нет, но место, где она была, всякий любопытствующий может видеть. Ново-Дроков заселён не так давно жителями старого.

Место, где старая церковь была, находится посреди села Нивного. Вполне стоят внимания акты об основании храма Рождества Богородицы. Вот они:

«Року 1729 марта 25 дня, мы, селяне, все единогласно, казаки, стрельцы, бобровники и посполитые люди, умыслили в селе своём Нивном, по благословению архиерейскому, построить церковь Божию и в неё принять Матфея Васильевича Гутниченко за священника и учинили установку, от чего и почём брать. В осень по полчвертки жита за венец, со своей епархии по золотому, с чужой епархии по рублю, за крещение шаг. За похороны старого ползолотого, за остатний стол золотой, за похороны младенческие пять копеек, за остатний пять копеек, за освящение дома ползолотого, за сорокоуст три копейки, полчвертки пшеницы, вина кварту, воску фунт; за молитву копейку, за молебен пять копеек, за отправу свечи ползолотого. Поля дали две четвертки со всеми принадлежностями и плац селитбы. Такой устав имеет он Гутниченко, излишнего ничего не вымогать. На том этот устав ему, Матвею Васильевичу, дали за подписанием рук уряда Мглинского».

«Року 1731 ноября 14 дня мы ниже подписавшиеся объявляем этим нашим добровольным чистым писаньем, теперь в томные часы, и по согласию всех жителей нивнянских сего года июля средних чисел, на прошение наше подал яснее к Богу преосвященнейший великий господин кир Иродион Жураковский епископ черниговский. На основание церкви, во имя Рождества Богородицы, в селе Нивном, благословление имеем своим коштом церковь строить, также внутри иконостас, книги, сосуды, одеяние

и прочие потребности. Священника же, его Бог благословение через рукоположение архиерея Божого нам удостоит. Я, нижеподписавшийся, хорунжий Мартин Лишень, от себя особенно, даю четвертку поля пахотного с сенокосами, силиною, огородом и прочим угодем, прозываемым Ивановской сенокосной. А особенно на строение двора священнику близко к церкви с огородом имеем в Гутником месте дать, причту надлежит школу построить. Роквщина же как и в прочих сёлах и в селе Дрокове даётся, именно по четвертици, так и в нас без умаления общими всеми парохиянами, жителями нивнянскими, поступлена; також и всякие доходы по установки от Парохии отдавать будут. На то сию крепость вероятно под христианской совестью и обязательствам благословения Божьего и архиерейского, во дворец его преосвященства Стародубовского, пречестному отцу иеромонаху Иезекиилю наместнику подаём и своеручно подписуемся».

В переписи 1767 года сказано, что у священника конопляник на 3 четвертка, а двумя четвертками пахоты, которые даны прихожанам в 1729 году и четверткою данной в 1731 году хорунжим Мартином Лишнем, завладел бунчуковый товарищ Андрей Лишень. Ружной земли и ныне нет; прихожане дают скудное пособие хлебом.

В храме нет ничего замечательного. По ведомости 1777 года показаны здесь: Миняя — общая с праздниками, московской печати, 1618 года. Триоды — цветная и постная, московской печати, 1618 года. Евангелие — московской печати, 1730 года. Пластырь — киевской печати, 1732 г., но теперь нет их.

Число прихожан: в 1750 г. — 500 мужчин и 448 женщин; в 1770 г. — 421 мужчин и 416 женщин; в 1790 г. — 581 мужчин и 542 женщин; 1810 г. — 651 мужчин и 512 женщин; в 1830 г. — 716 мужиков и 750 женщин.

Дядя мой, Фёдор Андреевич Дудицкий-Лишень, своей волей позволил на том месте выстроиться бывшему священнику Иакову Цитовичу, а я из почтения к дяде того не оспаривал и так. С этим местом должно произойти то, что с прочей уружною, т.е. церковной землёй, последовало: трое Свянцицкие: дед, отец и сын, будучи постепенно один за другим священниками, завладели всей принадлежавшей церкви землёй. Дядя мой у одного наследника купил часть той земли и из милости дал владеть бывшему священнику, упомянутому Цитовичу. Какое право имел один продать, а другой купить, и по какому праву поповичи овладели церковной землёй,

оставляю на суд некорыстлюбивых, честных, усердных к храму Господню прихожан.

Новая деревянная церковь, дедом моим, Андреем Тимофеевичем, выстроенная в 1764 году, и внутри, с немалым иждивением, отделанная, была заложена 3 апреля 1761 года. Если судить по закладной доске, то на ней написано:

«Заложено этот алтарь Господа Бога и Спаса нашего, Иисуса Христа в церкви Рождества Пресвятой Богородицы, в селе Нивном. При державе Благочестивейшей Самодержавнейшей Великой Государыни Императрицы Елизаветы Петровны всея России, и при наследнике её благоверном Государе и великом князе Петре Фёдоровиче, и при супруге его благоверной Государыне великой княгине Екатерине Алексеевне, и благоверном Государе великом князе Павле Петровиче. Благословением святейшего правительствующего всероссийского синода и преосвященного Ираклея епископа Черниговского и Новгородка Северского, протопопом мглинским Иоанном Яновским, в лето от сотворения мира 7269, а от рождества Бога слова 1761 месяца апреля 3 дня».

Расположена она вверху села, на прекрасной возвышенности; она вмещает в себя более тысячи человек, двухпрестольная, с двумя приделами; престолы: в честь Рождества Богородицы 8 сентября и в приделе, на левой стороне, Николаю Чудотворцу 9 мая празднуется. Восьмого сентября бывает крестьянская ярмарка, продолжающаяся два дня. Мглинские мещане бывают ежегодно тут с тремя мелочными лавочками и несколькими возами: яблок, груш, огурцов, табаку и т.п.

Являясь центром селения, церковь имеет даже географические координаты: широта — 53. 10. 58,0; восточная долгота — 2. 15. 40,9.

Деревни: Крёмово, Стружанка, Придач, Свянцицкого Гута или Крутояр и хутор при нижней Мельнице были Невлянского прихода; но покойный дядя мой, коллежский асессор Михайло Андреевич Дудицкий-Лишень выстроил церковь в Крёмово; к ней отошли: Стружанка и Придач. Невлянская церковь имеет теперь прихожан обоёго пола до двух тысяч душ.

Доход церковный, сверх продаваемых свечей и на литургии кто из усердия кладёт деньги в подносимый ктитором мешочек, составляют с древних времён заведённые, так называемые свечи; их имеется всего пять: 1-я — 8 сентября, 2-я — 6 декабря, 3-я — 25 декабря, 4-я — Воскресенская и 5-я — 9 мая. На церковные

деньги покупается тем, у кого свеча находится, два иногда и более пудов мёда, его делают питным и продают с барышом, по крайней мере, вдвое что сырец стоит, а воск вклеивают в длинную толстую свечу. Когда сие сделается тяжестью несколько пудов, то, оставя фунтов 20 в свече, отнятый воск церковным ктиторм продаётся. Эти пять свечей составляют в год немаловажный доход. Переносят их по желанию из дома в дом. По распродаже ситного мёда и по вклеивании в свечу воска, священник служит в том доме, где свеча, молебен, берёт её и в сопровождении многочисленного народа переносит в дом желающего на следующий год сделать приумножение церковного дохода. Поставя на первом месте и зажегши её, служит молебен; этот желающий обязан подобно первому отбыть свою добровольную обязанность. Вырученные деньги вносятся церковному ктитору. Усердные к храму Господню прихожане уверены, что на дом тот, где находится свеча, во весь следующий и во весь будущий годы получает Божие благословение.

Народ весьма привержен к церкви; в праздничные и воскресные дни церковь редко вмещает в себя богомольцев. При священниках Свенцицких, из которых в малых моих летах я знал последнего, в храме Господнем благочиние было несравненно с теперешним.

Нивное равно, как и старый Дроков, имеют свой обруб — границы села — по самую белорусскую границу. От речки Слища до границы 16 вёрст. В обрубе Невлянском, после выкупа у казаков, к наследственным ратушным землям, жалованным гетманами, и лесов, дедом моим, бунчуковым товарищем, Андреем Тимофеевичем Дудицким-Лишнем и помещиком Есимонтовским заселены деревни малороссиянами, называвшимися посполитными (тогда посполитным был вольный переход с одного места на другое), и выходцами белорусскими: Крёмово, Струженка и Придач. Есимонтовским: Жатов, Осинка и Свенцицкого Гута или Крутойр. Отцом моим, надворным советником Иваном Андреевичем Дудицким-Лишнем, где 35 лет стеклянний, им заведённый, завод имеется. Струженскими людьми — Дедовск: дядей моим Фёдором Андреевичем хутор при нижней мельнице — разными праздношатающимися. Мельниц в селе имеется восемь: на речке Стружанке четыре; в Стружанке, в Крёмове, ниже Крёмова, называется Бельцовская или Пьяновская, а при впадении её в речку Невлянку — и называемой Нижней. В Дедовске отцом моим сделаны на речке Осинке и на устье

реки Варинусы мельницы. В Жасткове на речке Осинке имеются две мельницы.

Ширина обрубу Невлянского составляет: вверху 9 вёрст, внизу 6 от реки по обруб Дроковский. Лесов было прежде изобильно, но лучшие дубы — вакчажами и ободьем; сосны — мачтами, липа — лубьями и мочалами, переделанные отцом моим и дядей, в разные времена разным лицам по частям проданы. Ещё и теперь, откупщик, Мещовский купец Алексей Алексеевич Цуриков, взяв по контракту у отца моего весь остальной дуб, всю липу, берёзу, клён и ясень за тридцать тысяч рублей, в семь лет, проживая в деревне Стружанке, опустошает лес. Третий год он уже работает. Отцом моим двадцать пять тысяч рублей уже получены, но лесу самого лучшего, наверно, не останется, да и денег этих у отца моего уже нет. Ещё вдобавок недавно заложил он всё имение в Черниговский приказ общественного призрения и нашего уезда помещику Захару Косачу, за какую сумму мне неизвестно. Не по беспечности моей, а единственно из угождения к отцовою воле, ибо, если бы я постарался о том узнать, то, наверно, кто-нибудь донесёт, а судя по его характеру, действительно он имел бы на меня неудовольствие. Надо полагать, что от этих денег скоро ничего не останется, ибо расход в двадцать крат превышает доход. Не привыкнув никому быть должным, я удивляюсь шестидесятилетнему человеку, имеющему правилом — расточительность.

Рекрут по всей Малороссии начали брать с 1794 года при Императрице Екатерине II. Наборы при всех завоеваниях её были весьма легки; один человек поступал на службу из пятисот ревизских душ крестьян. При Императоре Павле I было взято из пятисот — пять человек. При нынешнем же Императоре Александре I для прекращения успехов в гигантских предприятиях бывшего французского императора Наполеона Бонапарта: на службу поступили, хотя пятнадцать человек, но никто не тяготился, ибо ни один из всех нас ни под каким видом не согласится, чтобы французы могли овладеть Россией, или победить россиян. Что самим делом доказали: не только в своём государстве, в полгода времени, избив Наполеонову пятисот тысячную под ружьём находившуюся армию, но и взятием в течение одного года самого злодейского гнезда — столицы французской — Парижа, и что ещё важнее — заточением самого предприимчивого смельчака сперва на остров Эльбу (на Средиземном море), потом на остров Св. Елены (на Атлантическом океане)

и возведением на прародительский престол — Людовика XVIII, бывшего в изгнании 20 лет.

Как прежде, так и теперь принимают в рекруты не свыше 35 и не ниже 18 лет, без всяких телесных недостатков, здоровых людей, мерою не ниже 2 арш. 4 верш. В недавних годах в станках, которые меряют людей, мера сделана одним вершком выше, хотя три вершка на ней означено.

Получив билет, помещик от маршала (казаки и казённые крестьяне по назначению Черниговской казённой палаты, по числу душ с каждой волости) схватив невзначай самого развратного из селения, закуют его в железо и при строжайшем присмотре везут в то место, где имеется приёмная комиссия. Приведя его туда, разбивают железо, раздевают донага, меряют, осматривают и, найдя годным, для удержания равновесия в Европе, велют выбрить лоб. Тут он, уже некованный, при лёгком присмотре дня два ещё с отдачниками остаётся, пока все следуемые ему вещи приёмщику, между тем временем получают сдатчики квитанцию, рекрута же приёмщик приводит, на верность службы и к присяге. Не годному — бреют затылок. Бритый лоб и присяга — так для российских людей важна, что он с этого времени считает себя солдатом; хотя великого труда стоило выловить его и караулить до сего времени.

Жёны рекрут никогда не следуют за мужьями, а находятся в прежнем своём местопребывании, хотя помещикам они уже не принадлежат. Лет 6–7, будучи без мужей, рожают незаконных детей, а иные выходят замуж. При строжайшем предписании не венчать, есть священники, которые, взяв немалую сумму денег, готовы рисковать своей честью. Солдат, приходя домой, в отпуск, найдя свою жену замужем, сердится, кричит, грозит, буйствует целым селом и после смягчается, уступает жену своему второму мужу, взяв от него редко больше 25 рублей денег. Священник перевенчавший служит за здоровье его несколько молебней без денег, и этим всё кончается.

*Некоторые черты из жизни и происхождения фамилий
известных домов здешнего уголка*

Лучшего, среднего и мелкого дворянства

Я, рано, как и в предыдущем, постараюсь описать со всеми подробностями, которые могут служить любопытному потомству верным зеркалом всего, что в здешнем соседстве теперь имеется.

Нравы и образ жизни первой степени здешних помещиков, на бесконечное почти расстояние отделены от простолюдинов; средняя степень и мелкое дворянство, с небольшим исключением, стараются подражать, по возможности, исключая образа Бога. Там у простолюдинов видны одни закоренелые предрассудки, тут лучшим образом обработаны ум и сердце, вежливость, великодушие, честность, желание нравиться и у себя в доме угощать кого-либо, даже врагов своих, попеременно одним перед другим домами оспариваются. Чтобы оправдать историческую истину сказанного мною, опишу каждого из соседей моих дом обстоятельно. Не буду щадить ни самых близких моих родных, ни самого себя, даже если нахожу что-либо противное.

Первой степени помещики. Дом графа Завадовского

В Ляличах великолепно выстроенные каменные: церковь, дом с флигелями, сараями, конюшнями, оранжереями — в том числе и ананасные сады: фруктовый с прудами, сажалками, регулярно расположенный и английского вкуса, к нему примыкает зверинец. Всё имение занимает не менее шестисот десятин земли. Между садом и зверинцем в каменной беседке имеется изваянный из меди монумент бывшему фельдмаршалу графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому — благодетелю бывшему хозяину этого дома. Румянцев, будучи начальником Малороссии, взял в молдавскую армию свою, в 1769 году из города Глухова, где всей Малороссии имелась коллегия (главное судилище) для производства письменных дел, между прочими и Петра Васильевича Завадовского. Молодого человека, необразованного, но прилежного к должности, расторопного и не глупого малого, старшего сына отца, имевшего пять сыновей, четыре дочери и до тридцати душ крестьян в селе Красновичи. Нужно было Румянцеву, по окончании со славой, известной из истории Турецкой войны, оставаться начальником Малороссии, иметь в С.-Петербурге при Императрице Екатерине II своих творений. Он поместил ко двору, протектировал и вывел в большие чины среди прочих и Петра Завадовского. Завадовский своего второго брата Ивана вывел в Стародубские полковники, что в то время имели большую власть и силу над казаками и мелкопоместными дворянами. При создании губерний третьего своего брата Иакова сделал Новгород-Северским вице-губернатором, а потом и губернатором. Эти братья его, отнимая имения, наживая самым

незаконным и насильственным образом у мелкопоместных соседей и даже родственников своих; такие были старшим братом при дворе протезированы. Впоследствии Пётр Васильевич Завадовский, как жалованный Екатериной II, разными неправдами братьями своими и им самим нажитого имел до двадцати тысяч душ крестьян, был министром просвещения, членом Государственного Совета, сенатором, разных орденов кавалер и наследственно граф Российской Империи. Брат его, Иван, холостой, застрелился, оставив незаконнорождённого от крестьянки своей сына. Брата, Иакова, скула в горле удавила, этот оставил сына и дочь. Четвёртый брат Феодор был от рождения слепой — умер холостым. Пятый Илья ещё в живых находится. На 70 году жизни женился на прежней своей любимице, вдове майора Хаминского. До женитьбы имел с ней дочь, выданную им за помещика ротмистра Николая Григорьевича Кулябку.

Действительный Тайный Советник, Министр Просвещения, член Государственного Совета, сенатор и кавалер, граф Пётр Васильевич Завадовский скончался в 1810 году, на 66-м году жизни, в С.-Петербурге, оставив после себя необъятные сокровища, в движимом и недвижимом имуществе, в имениях находящееся; жену Веру Ивановну, двух сыновей — Александра и Василия и дочь. Жене было 39 лет, старший сын — 22 года, младший — 21 год и дочь 12-и лет. С жизнью этого любимца фортуны всё счастье Завадовских скончалось. Жена, насколько мне по Петербургу известно, самая непостояннейшая дама; она сделала после смерти мужа, своим ветреным поведением, несчастными всех своих детей. Дочь влюбилась в бедного гвардейского корнета Князя Козловского и тайно вышла за него замуж. Сыновья, при всём том, полагаю, за негодностью никакого звания при нашем Императорском дворе не имеют. Хотя известно, что для поддержания блеска вся знатная и богатая российская молодёжь при них находится. Они и теперь ещё служат корнетами в гусарских полках, где, как всем известно, самая распутная жизнь происходит. Несколько раз они проигрывали в карты недостойным их людям по пятьсот тысяч рублей и более в долг, которые ещё и теперь из имения выплачиваются. Государь Император, за заслуги отца их, шалости прощает, однако имение всё приказал взять в опеку. Опекуном над имением почнейший наш помещик Надворный Советник Николай Осипович Рославец. Если бы не этот разумный, расчётливый и добродетельный муж, то с имением своим они уже бы расстались. Кажется, что, как нажито

легко, так легко и проживается! Священное Писание гласит, и я, несомненно, верю: «неправедное собрание прах и пепел».

Иногда бывают они в Ляличах, но в сопровождении охотников до карточной игры, которые рискуют их обыграть. Некоторые честные, живущие по соседству помещики, помня хлеб-соль их отца по Петербургу, также иногда бывают, но равнодушные возвращаются домой, и это, за каждым приездом, постепенно унижается. При отце их Ляличи были и в небытность его открытым домом для каждого желающего быть принятым, истинно по-графски; лучшие: стол, десерт, вина, музыка за столом и после, если угодно, прислуга, — всё делалось по мановению приезжих; лошади сыты, люди также — одним словом всякий не мог не надивиться щедрости и чрезвычайному порядку хозяина дома. Но с жизнью его всё окончено. С великим трудом изученная музыка, искуснейшие живописцы, резчики, слесари, землемеры, даже архитекторы, лучшие садовники, официанты и прочие большей частью в рекруты отданы. Все те, которых отец их за мастерство жаловал, графине и детям её не любви стали; оранжерейные деревья раздарены разным лицам; строение обваливается.

Графы Гудовичи

Предки отца Василия Гудовича были издавна малороссийскими помещиками. Состояние он имел до тысячи душ крестьян. Сыновей своих: Ивана, Андрея, Михаила, Александра, Петра, Николая и Василия воспитывал в Киевской семинарии, по тогдашнему времени весьма хорошо. Они изучали разные классические европейские языки. Андрей был генерал-адъютантом и любимцем Императора Петра III, а по смерти его жил в имении своём селе Душатине, не великолепно, но не худо; однако — отчасти расчётливо. Хотя редко, но отличные дела проделывал. Суражский казначей, человек недостаточный, но честный, просил его однажды защитить перед начальством, по случаю сделанного им просчёта 5300 рублей — он ему эту сумму тотчас подарил, и он в наследство даже оставил благодарность его имени. По вступлении на престол Павла I пожелал он, отцовский любимец, лично засвидетельствовать свою признательность; Андрей Васильевич был вызван в Петербург в 1797 году, я служил тогда в гвардии Измайловском полку сержантом; узнав, что сей сосед наш в Петербурге, иногда бывал у него по утрам. Когда в 1797 году был выпущен я в армию

офицером, то придя по обыкновению к нему весьма рано, застал у него племянника, молодого человека, сына сестры его Жураховской; он с серьёзным видом давал ему наставления, к хорошей жизни относящиеся, ставил меня в пример и потом сказал мне: «Я знаю, что отец твой тебе присылает некоторые деньги, чтобы ты смог экипироваться хорошо по-офицерски; он мне сосед и приятель! Вот тебе пятьсот рублей». Этим я тронут был до слёз. Взяв деньги и с чувством поблагодарив его, я простился с ним, выехал из Петербурга, и до дверей гроба моего такого одолжения не могу не чувствовать.

Младший брат его Василий, не бедный человек, но не такой расчётливый как Андрей Васильевич. С давних времён должен был Василий ему, по заёмному письму десять тысяч рублей; перед смертью Андрей Васильевич попросил брата навестить его. Андрей Васильевич при многочисленных соседях подзывает к себе брата, берёт его за руку, глядит ему в глаза и, наконец, говорит: «Брат... ты бедный?..» Он отвечает: «Что ж делать». Андрей Васильевич, всё держа брата за руку и смотря быстро в глаза, долго колебался; напоследок, отпустив руку, перевернулся на другой бок и сказал: «Надобно уметь жить, как я». Тот уехал от него с неудовольствием, но на завтрашний день Андрей Васильевич отослал ему его заёмное письмо и при нём наличных десять тысяч рублей.

Андрей Васильевич любил принимать у себя соседей, но не без разбора; с ними обходился по-приятельски, каждому был верный приятель и помощник; был в обхождении весел, любил слушать и говорить острые слова. Обсуждать с приятелями о разных тяжбах была любимая его тема. Будучи остр в суждениях, никогда ни с кем не спорил. Одолжал желающим занять под проценты, то есть шесть на сто; в ожидании отдачи был крайне снисходителен. К прискорбию соседей и домашних своих он скончался холостым на 69 году от рождения, оставив имение своё из трёх тысяч душ крестьян и до пятисот тысяч рублей старшему брату своему, от одной матери рождённому, Ивану Васильевичу. Да почтит его прах в мире, до зари будущего воскресенья!

Граф Иван Васильевич — старший, не только по армии нашей, но во всей Европе фельдмаршал. При Императоре Павле I, во время службы моей он был Днестровской Инспекции Инспектор. При Императоре Александре I в Грузии, а потом в Москве — главнокомандующий. При вступлении в Москву Бонапарта с армией место

его занял граф Фёдор Васильевич Растопчин. С тех пор живёт он в Каменец Подольской губернии, в подаренном ему Императрицей Екатериной II местечке Чечельник.

Девиз характеру его следующий: через меру скуп, горд до безумия, ужасно нелюдим, тешится несчастьем им кому-либо произведённым, никому в жизни его, даже ближайшим родственникам своим, добра не делал. Женился на дочери бывшего последнего гетмана Малороссии Графа Кириллы Григорьевича Разумовского; с женой давно не живёт; от неё имеет двух сыновей.

Граф Михайло Васильевич был при гетмане Разумовском адъютантом, человек с редкими достоинствами: учён, умён, ловок, искателен, благодетелен и при этом стяжателен. Он нажил имение до трёх тысяч душ крестьян. Место жительства его было село Ивайтенки. Дом каменный с приличным садом и проч.; всё соответствовало помещику, имеющему означенное число душ крестьян. Проживал после смерти гетмана больше в столицах.

Новгород-Северский губернатор Журман был старик без потомства; умер он, не сделав никакого распоряжения недвижимому имению своему, состоящему из двух тысяч душ крестьян. Михайло Васильевич Гудович, отыскав одного казака малороссийского, звавшегося подобно губернатору Журмою, взял его к себе, определил в полк и малым иждивением доставил ему офицерский чин; потом вступил с этим новым Журманом в отыскание, будто наследственного по губернатору имения. Хотя издержки были не малые, однако успел до того, что всё имение новому Журману отдано, а от него за бесценно перешло к Михайле Васильевичу. Незадолго перед смертью сделав в суде сделку с братом своим Александром, что: кто из них после умрёт, тот наследует часть имения прежде умершего. Он умер вскоре, будучи холост.

Граф Александр Васильевич жил до получения в наследство вышеописанного имения брата в заведённом им хуторе Александровке — скромно. Он мало приобретений для имения сделал. С братом Петром сделал подобную сделку, т. е. что: «в живых останется — наследует часть усопшего». Вскоре умер и он — холостым.

Граф Пётр Васильевич — сенатор и разных орденов кавалер. Характер его есть камень преткновения для современного писателя. Он учён и умён, искателен и вместе с тем нелюдим, щедр и скуп по временам, гостеприимен, всему и ничему не верит, прост в обхождении, иногда ужасно коварен. Соседи его любят и при этом

знают много примеров его чрезвычайных интриг; скрытен и откровенен, стяжатель и ничем не дорожит, важен и ветрен и прочее.

Дворянин Федорович, знавший приказную строку, т. е. законы и порядок производства дел, женился на одной наследнице, имеющей четыреста душ крестьян. Эта бездетная, умирая, записала (говорят, это была Федоровича подделка) ему всё имение. На это имение был малолетний наследник, но Федорович по судам опорочил его рождение; его сочли незаконнорождённым, а потому Федорович тридцать лет владел имением спокойно. Граф Пётр Васильевич, взяв незаконнорождённого к себе, определил его в полк, где он, долгое время служа, вышел в отставку майором. Гудович повёз его с собою в Петербург и не по гражданской, а по духовной части, взяв с места его рождения справки: «когда мать его обвенчана, когда он родился». Говорят, всё это фальшиво было сделано, но, скрепив их в суде, в Петербурге по Синоду доказал, что он законный сын. Всё это было так скрытно сделано, что Федорович только тогда узнал, когда Гудович от имени упомянутого наследника выдал позыв ему. Долго дело велось, напоследок всё имение, 400 душ, присуждено наследнику, а он за малую сумму продал Гудовичу. Федорович от печали умер, проживая в Петербурге, а дети от другой жены рождённые почти по миру должны были идти. Гудович и теперь владеет этим имением, расположенным в Есимонтовке и Лопазне.

В 1812 году, по случаю нашествия на Россию французов, генерал-лейтенант граф Николай Васильевич Гудович, младший брат Петра, назначен был в Черниговское земское войско начальником. Пётр, без всякого назначения, пристал к брату, сам себя назвав дежурным генералом. Когда французы из Москвы были выгнаны, главнокомандующий российской армией Граф Михайло Ларионович Голенищев-Кутузов, будучи извещён, что в команде Николая Гудовича до тридцати тысяч пешего и до четырёх тысяч конного земского войска имеется, предписал ему такими словами: «Для чести Малороссии занять с сверенным вам войском город Могилёв на Днепре». Граф Николай действительно бы то выполнил, ибо долго с честью служил по армии, если б не дежурный его генерал. Он рассудил, что безопаснее разграбить мирных жителей Белоруссии, нежели, поддаваться опасности, выгонять французов с Могилёва. Белорусские помещики дочиста были разграблены; ничто не избегло жадных глаз Петра; даже на местечки, евреями заселёнными, налагал непомерные контрибуции. Всё имущество помещиков

и деньги еврейские остались у графа Петра. Милостивым манифестом Государь простил всех имевших участие в делах Бонапартых; поэтому Белорусские помещики, отыскивая своё движимое имущество, показали претензии на три миллиона рублей. Оба графа Пётр и Николай под судом воинским находятся, и на имение первого наложен арест, но неизвестно чем окончится. Граф Пётр Васильевич лет 60, холост.

Граф Николай Васильевич генерал-лейтенант; жительство имеет за Новгород-Северском, в местечке Воронеж. Когда в 1813 году я сопровождал военнопленных французов в город Георгиевск через это местечко, имел там днёвку и видел худой, деревянный, с небольшим садом его домик. Приобретения к имению отца не делал. С нижних чинов служил в армии долгое время. Он прост, незатейлив, ума не далёкого, но служака хороший. С женою своею не живёт, а имеет тесную связь с какой-то вдовой генеральшей. Когда они с братом Петром судимы были особой комиссией, в которой презусом был генерал Фёдор Фёдорович Эртель, в Могилёве, то генеральша эта посоветовала ему сделать подряд для 1-й армии, у которой главная квартира находилась в Могилёве, 60 тысяч кулей ржаной муки с поставкой в Могилёв. Для этого подряда требовались в казну залогом. В задаток из казны взяли сто тысяч рублей, купили хлеб, но он так дорог оказался, а особенно поставка, что они не устояли по контракту. Имение, как его, так и её, бывшее в залоге, взято в казну; граф Николай остался без ничего. Просил брата Петра оказать помощь, но тот отказал, а так он, будучи недоволен братом, подал Императору бумагу следующего содержания. «По белорусскому делу о грабеже он виноват в том, что позволил брату Петру именоваться дежурным генералом, что же до разграбления Белоруссии, то он не только не грабил, но и не знал, что брат его делал; теперь же, осведомясь обо всём обстоятельно, может сам донести, где какие вещи спрятаны». Поэтому была наряжена особая комиссия, которая была в этом году в Мглине непродолжительное время, что из всего этого произойдёт — ещё неизвестно. Он имеет побочного сына, который, будучи в отставке субалтерн-офицером, проживает в доме младшего брата его графа Василия. От рождения графу Николаю около 60 лет.

Граф Василий Васильевич генерал-лейтенант; место жительство его село Разрытое. Приобретений к отцовскому имению сделал мало. Был женат и имеет сыновей и дочерей. Сыновья служат

в гвардии и в армейских полках. Две младшие дочери выданы замуж, а старшая не расположена лишаться девичьей вольности. Человек он смиренный — сосед добрый, снисходительный, ни в какие дела, братьями производимые, не вмешивается, довольствуется малым своим хозяйством. Всеми соседями любим и почитаем. В этом году умер в возрасте 56 лет. Дети его, служившие в гвардии, видя, что отец их братьями своими был нелюбим, и что по смерти его дядя Пётр, будучи не из последних богачей, не ласково с ними обходится и не сделал им никакого пособия в жизни — графской, пристали к дяде своему Николаю. С ним вместе они доносили Государю, что разграбленное имущество белорусов находится действительно у дяди Петра; с каким расчётом они так безрассудно поступили против родного дяди, от которого могли бы наследовать всё его имение, покрыто неизвестностью. Я, хотя с ними не знаком, по этому поступку заключаю, что они недалёкого ума, ибо невозможно на поприще провинциальной дипломатии до такой степени ошибиться.

Граф Разумовский

Граф Алексей Кириллович, действительный тайный советник, член государственного совета, сенатор и разных орденов кавалер. С недавнего времени стал жить в местечке своём Почепе; прежде проживал в столицах. В Мглинском повете имеет 8000 душ крестьян. Жена — графиня Шереметьева, внучка фельдмаршала Петра I; детей обоего пола имеет, но с женою давно не живёт. От своей крестьянки имеет незаконнорождённых детей, из которых дочерей выдаёт замуж, в приданное даёт за ними недвижимое и движимое имущество, и весьма богатое. О характере его ничего сказать не могу, мне он не знаком, но по слухам же: кто хвалит, кто противное говорит, но я первым верю больше. Кто не привык с большими и знатными людьми обходиться, не хочет быть искательным, тот конечно будет противное говорить, — графу искать в таких гордецах, непонимающих самих себя, кажется нечего.

Фамилия Разумовских новая. При Императрице Елизавете I выбраны были в придворные певчие из малороссиян, которые имели отменные голоса. Молодой малый, казак, проживавший около города Козельца, найден с удивительным тенором. Впоследствии он был любимцем Елизаветы. После смерти оставил младшему брату своему Кириллу Григорьевичу, отцу графа Алексея, до ста пятидесяти тысяч душ крестьян.

Отец графа Алексея, Кирилл Григорьевич, был благодетельнейшим в свете вельможей. Нет ни одного человека на свете, который остался бы им необлагодетельствованным. Щедр, ласков, занимателен, добродушен, всегда равномерен, — имел дом свой в местечке Батурина, открытый для всех, кто его милостью хотел воспользоваться.

Херсонского гренадёрского полка поручик Павел Яковлевич Щипка просился в домашний отпуск. Прибыв в местечко Чернухи (близ Лубен), где дом отца его находился, застал его в крайней бедности, не в своём, а в чужом доме, ибо его за долги был взят. Поручик Щипка человек неучёный, но не глупый, вздумал поехать к графу в Батурин, чтоб время отпуска прожить у него; (не будучи знакомым) по обыкновению, отведена ему была горница, в которой он прожил четыре месяца, каждый раз ходил за обеденный и вечерний графский стол. Когда срок отпуска приблизился, то вздумалось ему поблагодарить графа за хлеб-соль. Граф, узнав, что он, не застав собственного дома, жил всё время у него, поблагодарил его напоследок и сказал: «Из домового отпуска обыкновенно приезжают в полк обшитые, обмытые и напутственные хлебом-солью, вы предпочли дом мой вашим родственникам, а потому я должен занять их место». В три дня поручик Щипка лучшим образом был экипирован, дана ему бричка, нагруженная всем необходимым для офицера, четырьмя лошадьми запряжённая, прекрасная верховая лошадь с прибором, двое людей, пятьсот рублей и рекомендательное письмо к полковнику того полка, князю Николаю Леонтьевичу Шаховскому. Я сам в то время служил в том полку, и это было при мне. Много анекдотов есть о его добродушии, но он к предпринятому плану сего описания не касается, ибо граф был не здешний уроженец и помещик. Об этом я упомянул только для того, что оно на моих глазах было. Хотя, правда и то, что доброе благодетельное дело везде должно иметь своё место.

Помещики Искрицкие

Пётр Искрицкий — отец Андрея, Григория и Михайлы, близкий родственник по матери бывшему малороссийскому гетману Даниилу Апостолу. От него получил он в Обрубях, Дрокове, Овчинце и в селениях Велюханах и Ветлёвке почти половинную часть земель, принадлежащих Мглинской Рагуше, с населёнными на них

посполитными людьми, так как почти другая половина принадлежала казакам и бобровникам. Не знаю, по какой причине от гетмана была вручена деду моему Андрею Тимофеевичу Дудицкому-Лишню, бунчуковому товарищу (их при Императрице Екатерине II переименовали коллежскими ассессорами) большая сумма денег, на которую он скупал у разного звания мелкопоместных владельцев на имя Петра Искрицкого имения. На этих жалованных землях, равно и на выкупленных вместе с дедом моим, Искрицкий заселил село Далисичи, деревни Песковка или Краснополье, Нарост, Слице, Грабовка; во всём этом имении считается теперь до двух тысяч душ крестьян мужского пола. Сыновей своих, воспитав в Мциславском иезуитском училище, выдал в отставку от армии штабс-офицерами.

Во время первого присоединения к России Белоруссии, они, находясь на российской службе разным образом, довольно понажились. Пётр оставил сыновьям своим упомянутое имение, написав в духовном завещании: «если у кого из сыновей не останется наследников мужского пола, то часть имения его должна поступить сыновьям братьев». Он был уроженец польский, но человек честных правил и совести. Дочерей своих выдал замуж: 1-ую — за Степана Степановича Есимонтовского; 2-ю — за Борозну (под Городню, в село Хреновку), а 3-ю — в Любиласы за Стародубского мещанина, имеющего ремесло кузнеца, который работал у её отца в имении, ушла из дома родительского и вышла за него замуж. Дочь её, Стародубская мещанка, не молодых уже лет, часто ездит колядовать к своим родственникам. Пётр Искрицкий жил в Новом Дрокове.

Андрей Петрович Искрицкий — старший сын, наследовал третью часть имения и всеми честными его правилами в жизни, к несчастью, со своей женой, из фамилии Забелло, жил несогласно; от неё имел четырёх сыновей: Николая, Юрия, Ивана и Петра. В течение года он никогда более трёх публичных столов для угощения соседей своих не делал; но они были весьма богатые — разумеется, по состоянию. Он умер средних лет, оставив детям полученное от отца и самим им частью от разных мелкопоместных владельцев выкупленное имение, прекрасно выстроенный дом с двумя обширными, им заведёнными садами. В доме этом оставил много пожитков, служащих не только для дворянской, хорошей жизни, но и для великолепия. Сыновья его: Юрий и Пётр умерли холостыми в тридцатых почти годах. Жил в Новом Дрокове.

Николай Андреевич Искрицкий — майор. Хотя отцом своим, нерадиво старавшимся о воспитании его, не так изучен, но тем удивительнее, он по природной остроте до такой степени начитан, что никому из самых учёных не уступит в знании и образованности. Дом его никогда не бывает без гостей: ласков, гостеприимен, занимателен, добр и честен. Он мог бы быть самым красноречивым профессором, если приём гостей приводить в систему. Нет ни одного из знавших его, чтоб не только плохое о нём сказал, но и даже подумал. Женился на старшей сестре моей Пелагее. Дочь у них одна Пульхерия, выданная замуж за помещика, почётного члена училищ коллежского регистратора Иосифа Александровича Рославца, от роду Николаю Александровичу 60 лет, живёт летом в Новом Дрокове, а зимой в деревне Селище.

Иван Андреевич Искрицкий — поручик. Женился на Миклашевской Анне Ивановне; детей обоего пола немало имеет. Живёт в селе Овчинце скромно. Хороший сосед, добрый муж своей жене, горячо любящий детей своих. Когда просит к себе в гости соседей, они прекрасно бывают приняты и угощены им. От рождения ему около 55 лет.

Григорий Петрович Искрицкий, три года тому назад скончавшийся, 80 лет. Надворный советник. Два трёхлетия избирался дворянством Новгород-северской губернии губернским предводителем дворянства. Добр, справедлив, честен, гостеприимен. В течение всей своей жизни ни с кем не имел тяжбы в суде. Пока своих дочерей не выдал замуж, имел довольно хороший оркестр из 16 человек; жил открыто, но выдав последнюю, оркестр распустил и стал вести скромную жизнь. Ссужал много денег в долг за процент, т. е. 6%. Выданы дочери: 1-я — Ульяна — за Новозыбковского помещика Петра Ивановича Данченко, их сыновья: два убиты под Бородином в 1812 году, оставшийся умер от чахотки, дочери выданы: 1-я — за Шахова на Украину, 2-я — за Черниговского губернского стряпчего, две же ещё девицы остаются; 3-я — за соседа коллежского ассессора Николая Алексеевича Есимонтовского, именуемая — Елена; имеет одного сына Григория, титулярного советника и 4-й степени Анны кавалера; дочерей Татьяну, выданную за поручика Ивана Ивановича Губчица; Варвару — за коллежского регистратора Ивана Михайловича Тишевича — на Украину; Анну — за капитан-лейтенанта Ивана Яковлевича Швайковского — под Рославлем и Прасковью — за корнета Фёдора Антоновича Щерба.

3-я — Наталия за соседа же корнета Василия Петровича Дудицкого — Лишня; детей обоого пола немало имеет. 4-ю — Надежду за соседа капитана Петра Петровича Скляревича — умерла без детей и 5-ю — Софью, выданную за капитана Андрея Григорьевича Кулябку. Он умер месяц спустя после тестя; осталась у них малолетняя дочь. Кулябко четыре трёхлетних срока был Суражского повета маршалом. Имение Григория Петровича после его смерти перешло дочерям. Жил в селе Новом Дрокове, частично в Песковке, названной им Краснополем.

Михайло Петрович Искрицкий умер в 1803 году — коллежский советник. После него остались сыновья Иван, Александр, Пётр, Алексей и Фёдор; дочери: Варвара, выданная замуж за бывшего управителя имением Алёны Егоровны Ширяевой, жившей в селе Гордеевке, Мглинского дворянина Григория Анисимовича Ицкова. Он нажил деньги и купил у Камергера сына Алексея Михайловича Буйлянского двести душ крестьян в селе Лизогубовке. 2-я — Анастасия, за поручика и кавалера Якова Михайловича Дудицкого — Лишня, умерла в 1813 году. 3-я — Татьяна, за Стародубского помещика. 4-я — Александра и 5-я — Прасковья — девицы; последняя прекрасно на фортепьяно играет. Говорят, Михайло Петрович был непосредственно горяч. Двух первых сыновей своих воспитал в Императорском Московском университете, Петра и Алексея в Шкловском корпусе; с этим же корпусом были переведены Павлом I в Гродно. Последний — Фёдор, после смерти отца, оставшись малолетним, воспитан был братом его Иваном, сначала дома, а затем им же определён в Санкт-Петербургский второй кадетский корпус. Второй сын — Александр, статский советник и кавалер, был при третьем департаменте Правительствующего Сената обер-секретарём и напоследок юрисконсульт. Нажив денег, купил в Могилёвской губернии 500 душ крестьян, где с женою Антониной Степановной Меньжинскою и обоого полу детьми проживает расчётливо. Племянница Антонина была в 1803 году с дядей своим в С.-Петербурге, где тогда и я находился. Алексей Михайлович влюбился в неё и без позволения отца женился, поехав домой просить прощения, застал отца умершим. Говорят, будто за его защиту графа Петра Гудовича, по делу о грабеже Белоруссии, Государь Император велел отправить его в отставку. 4-й сын Алексей в 1807 году, во французскую компанию — при Прейсиш-Эйлау, раздавлен пушкой. Он служил во Владимирском мушкетёрском полку,

где и брат мой Степан также служил, и при нём это случилось. Говорит: «закричали «Пушку, пушку», чтобы навести на приближающегося неприятеля. Алексей, стоя впереди, зазевался, лошадьми был сшиблен с ног, и тут же через него переехала пушка».

Иван Михайлович Искрицкий, коллежский советник, образец совершенного человека. Умён, расчётлив, благороден, искателен, любезен. В Петербурге, кто знал его, мимоходом называл бонтоном, но в округе все называли старым паном. Мать его — Анастасия Ивановна, из фамилии Миклашевских, пока не было сыновей, приняла беглую крестьянскую семью из Рославльского уезда. Помещик их приехал в ночное время в село и по-воровски забрал людей своих. Крестьяне Искрицкой, догнав его вблизи от села, убили его. Много было хлопот по этому делу. Она вызвала со службы (3-го Департамента Сената) старшего своего сына, который дело это успешно окончил, имение привёл в совершенный порядок, нажил каждому брату тысяч по пять денег; трёх сестёр выдал замуж, дав им по 10 тысяч рублей приданного, из 400 душ крестьян в селе Дрокове и в хуторе, им заведённом, выстроил для братьев дома, с принадлежностями, которые меблировал, хоть и домашними мастерами, но со вкусом и пристойно. С братьями разделился, дав им части имения на выбор, себе же взял остальное. Две последние сестры — девицы, имеют также свои части. Граф Пётр Васильевич Завадовский ему и брату его Александру по службе протежировал; они часто у графа бывали. Ему теперь 48 лет, холост. Живёт в Далисичах, где перестроил старую церковь в довольно хорошем вкусе. Мавзолей, поставленный им на могиле матери его, прекрасен: из гранита с мрамором разноцветным и бронзой, выписан по чертежу из Петербурга, стоит с перевозкой до трёх тысяч рублей. Надпись на нём: «Пётр Михайлович Искрицкий, подполковник; Анна с брильянтами, Владимир 3-й степени и Прусский *roug le merite* кавалер». Был в плену французском. Честен, в обхождении солдат; природного ума довольного, гостеприимен, холост, 40 лет от рождения. Живёт в селе Новом Дрокове.

* * *

Добавим в «Журнал» ещё декабриста Д. А. Искрицкого.

Демьян Александрович Искрицкий родился 23 сентября 1803 года в селе Душатине Суражского уезда. Он был сыном обер-секретаря сената Алексея Михайловича Искрицкого.

В годы учёбы в кадетском корпусе в 17-летнем возрасте Искрицкий вступает в тайное общество, именуемое в исторической

литературе «Группа Ф. Глинки-Перетца», а позднее становится членом «Северного общества». Получив задание Перетца вовлечь лучших из своих товарищей в тайное общество, Искрицкий в 1820 году принял в него своего приятеля Лапиу. С ним Искрицкий тесно общается по делам общества до осени 1822 года. 14 декабря 1825 года молодой блестящий офицер гвардейского генерального штаба Демьян Искрицкий принимает участие в восстании на Сенатской площади. К. Ф. Рылеев поручает ему наблюдать за движением полков, расположившихся вдоль Фонтанки.

После подавления восстания Искрицкий был арестован и 29 января 1826 года заключён в Петропавловскую крепость. Из судебного дела видно, что Искрицкий был хорошо знаком с А. С. Грибоедовым и Александром Бестужевым-Марлинским.

Через год после восстания на Сенатской площади Д. А. Искрицкого ссылают в Оренбургскую крепость, а затем в отдельный кавказский корпус. Здесь он служит в 42-м егерском полку под командованием другого, сосланного чуть раньше декабриста А. М. Миклашевского.

Д. А. Искрицкий (в официальных бумагах Искритский) принял участие в русско-персидской войне. Следует отметить, что он числился в полку, но нес службу офицера Главного штаба Кавказского корпуса. В одном архивном документе сказано, что Искрицкий «в течение всей войны персидской... находился везде, где дела службы требовали». Искрицкий участвовал также в турецкой кампании 1828–1829 гг.

В 1828 году он сражается под Карсом, а в августе этого же года под Ахалцихом. Имеются сведения о том, что командир 42-го егерского полка полковник Реут (до принятия полка Миклашевским) в июле 1826 года рапортовал командующему корпусом генералу Паскевичу о том, что подпоручик Искрицкий «в сражении с неприятелем 19 и 22 числа минувшего июня и 23 при взятии города и крепости «Карса» показал себя отлично храбрым».

За храбрость в турецкой кампании он был произведён в поручики и награждён орденом. Но так же, как и его земляку, декабристу А. М. Миклашевскому, ему не было суждено увидеть свои родные места. Декабрист Демьян Александрович Искрицкий погиб вдали от дома в сентябре 1831 года в Царских Колодцах на Кавказе. Было ему в это время всего лишь 28 лет. Рано, очень рано оборвалась жизнь верного сына России, борца за свободу декабриста Д. И. Искрицкого.

Вот что писал декабрист Д. Искрицкий к родителям с Кавказа.

Город Ардебиль, 9 февраля 1828 года

Любезные родители.

7-го февраля я возвратился с большого путешествия. Граф посылал меня в г. Мианэ открыть сообщение с нашим авангардом, описать дорогу по Халхалу и вручить письмо принцу Абасс-мирзе, как от себя, так и от детей принца, находящихся в нашей крепости Ардебильской. Я проехал более 350 вёрст верхом в неделю, видел прекрасную долину реки Кизил-Озана, представлялся принцу Абасс-мирзе, смотрел на привезённые куруры, привёз описание, сделал карту, которые представил сегодня графу.

Кажется, любезные родители, что в скором времени войска наши перейдут обратно за Аракс, принц Абасс-мирза и генерал Паскевич должны уже съехаться в Туркманчае трактовать о мире.

Весь наш отряд, и я в особенности, сожалеем, что мы должны в скором времени лишиться нашего доброго начальника графа Сухтелена, он уже получил приказание возвратиться в Петербург немедленно по окончании военных действий.

Если бы с весною открылась кампания на берегах Дуная, то нельзя ли для сослужения с братом проситься участвовать в новых победах храброго Российского войска. По сему предмету буду ожидать ваших советов; одного бы я желал: не быть в каком-либо боковом отряде, которого действия ограничиваются часто перевозкой провианта или отвлечением сил неприятеля.

Будучи употреблён во всё время пребывания моего в отряде как офицер Генерального Штаба, я объехал почти всю восточную часть Адербиджана, познакомился с нравами персиан, кюрдов и шахширванцев, и могу даже насчёт дороги объясняться с ними на турецком языке. Сожалею, однако ж, что случай не привёл меня посмотреть Тавриз.

Российское правительство сделало важное приобретение библиотеки, находящейся в здании мечети; вчера навьючена и завтра отправляется за Аракс — вот все наши новости, важнейшая же состоит в том, что пять куруров уже в наших руках и на дороге. Куруры здесь нас интересуют столько, сколько публика петербургская интересовалась прежде.

От вас, любезные родители, я уже давно не получал писем, но это, кажется, происходит от слишком большого удаления заграницы.

Братьев целую и прошу их писать ко мне.
Прощайте, любезные родители, преданный вам сын

Демьян

Лагерь при Карсе, 1828, 6-го июля

Любезные родители.

Вы, вероятно, получили моё пространное письмо из Эривани и краткое извещение о взятии приступом крепости Карса.

Я, можно сказать, перелетел из Эривани, где я нашёл бумагу, приказывающую мне явиться в действующий отряд, и догнал его на втором переходе за границей. На другой день уже наши аванпосты имели стычку с неприятелем, 19-го июня произведена была рекогносцировка стен крепости, что дало случай неприятелю атаковать нас в больших массах; наша регулярная кавалерия и линейские козаки произвели несколько блестящих атак, и неприятель скрылся в город. 20-го числа пехота занимала высоты, необходимые для заложения батарей, турки на каждой держались упорно, и дело не иначе кончалось как штыками.

21-го и 22-го заложены были батареи для действия по крепости. Наконец, 23-го высота, необходимая для продолжения дальнейших работ, дала случай взять крепость.

Вы можете себе представить, как упорно должны были держаться турки ввиду стен своих. 42-й полк после долгой битвы, в которой несколько раз доходило до рукопашного боя, владел неприятельской батареей и преследовал неприятеля в самый форштат.

Граф Паскевич, увидев сие положение, двинул массы свои с противной стороны в другие форштаты, и через час уже полки наши стояли у стен цитадели, которая сдалась с остальной частью гарнизона.

Для людей, занимающихся военной наукой, Карс есть новое подтверждение, что в войне всё даёт случай, которым должно уметь воспользоваться, но так скоро, чтобы не дать неприятелю время опомниться.

Мы стоим теперь лагерем в 10 верстах от крепости по эрзерумской дороге, каждый полк отдельно, подножный корм в изобилии, вода хорошая и, следовательно, скоро будем готовы к дальнейшим предприятиям.

Зная, с каким нетерпением вы будете теперь ожидать от меня известий, борясь с предприимчивым неприятелем и с болезнью,

свойственной сему краю, я буду пользоваться всяким случаем для доставления вам моих писем.

Приехавши в лагерь, я застал здесь несколько писем, из которых последнее было от 22-го мая, зная, что есть какая-то от вас посылка, которая поехала искать меня в Эривань.

Лучше адресовать письма на моё имя в Тифлис с прибавлением 42-го полка, подпоручику, находящемуся при корпусном штабе в действующем отряде. Я прикомандирован к штабу с 18-го числа, а 22-го уже это назначение в корпусных приказах.

Прощайте, любезные родители, преданный вам сын

Д. Искрицкий

Братьев целую, от Машеньки из деревни ожидаю пространных писем.

* * *

Приведём ещё несколько наблюдений и примечательных событий из «Журнала» Луки Ивановича Дудицкого-Лишняя.

*Император Александр I в городе Мглине,
в 1825 году, 7-го сентября*

Сего числа, Государь Император Александр Павлович проезжал через Мглин, из С.-Петербурга в Таганрог; в Мглине переменил только лошадей, на квартире у Павла Григорьевича Косача, которая была убрана мебелью из Почепа, нашего военного губернатора Князя Николая Григорьевича Репнина. Князю велел через курьера дожидаться себя в Новгород-Северске. Хотя здесь Государь и ласков был, и говорил со многими, как-то: хозяйкой дома, женою Косача, и моей племянницей, дочери Василия Петровича Лишняя, Анной Васильевной, и руку её целовал, подполковником — двоюродным братом моим Григорием Фёдоровичем Дудицким-Лишнем, Петром Михайловичем Искрицким, маршалом Николаем Рославцом. Но увидевшись с князем в Новгород-Северске, выговаривал ему, что дороги не хороши, хотя с моего только владения 153 души стояло на дорогах 70 человек целый месяц, также и всех владений, по соразмерности. Государыня Императрица Елизавета Алексеевна 13 числа приехала в 5 часов пополудни в Мглин, с ней было 19 экипажей, в 8 лошадей, а с Государем 4. Она ночевала в Косачёвом доме, 14-го числа на Воздвижение, в соборе слушала обедню, где и я был, и прямо поехала, не заезжая на

Император Александр I

квартиру, обедать на Реховской станции; хозяйке дома подарила фермуар: три изумруда, осыпанных бриллиантами. Я также при Государе и Государыне находился. С Государем едет начальник Главного штаба Дибич, а с Государыней — генерал-лейтенант князь Пётр Михайлович Волконский.

Чтобы лучше представить общее положение Черниговской губернии в 1823 году, я хотел бы привести копию одного документа, в составлении которого мне пришлось принимать живейшее участие от имени и по поручению Мглинского повета у военного губернатора. Этот документ я привожу полностью:

*Отношение малороссийского военного губернатора,
князя Николая Григорьевича Репнина, Министру Финансов
Канкрину от 24 ноября 1823 года, под № 3546*

Дворянство Черниговской губернии просит ходатайства моего у высшего правительства, в облегчении взыскания недоимок, как ваше превосходительство, то усмотреть изволите из препровождённого при этом, в оригинале, представления губернского маршала.

Из приложений к отношению моему, от 10 августа, ваше превосходительство, уповаю, удостоверились в искреннем желании моём заслужить лестное для меня доверие ваше, и совершенной готовности исполнять все те распоряжения, которые за благо признаёте, для прекращения зловредного накопления недоимок. Но в том же отношении вынужден был я правдою сообщить вам, милостивый государь, сомнение моё, чтобы числящаяся по Черниговской губернии недоимка могла быть в этом году очищена.

Не переставая настаивать над подчинёнными мне в исполнении мер понуждения, мною предписанных, ещё более, однако, удостоверился я ныне, что никакие усилия не будут для этого достаточны. Почему и почитаю обязанностью своей, при представлении вашему превосходительству просьбы Черниговского дворянства, изложить и те понятия о положении сей губернии, которые мог приобрести я в семилетие моего пребывания в Малороссии.

Не подлежит мне входить в разбирательство общего в государстве благосостояния как производителей от земли, т.е. помещиков и крестьян, так и обращающиеся капиталы, т.е. купечества, заводчиков и фабрикантов. Прозорливости вашего превосходительства вникли уже наверно во все подробности последовавших изменений, некогда принятых вами, о защитниках отечества, даёт надежду каждому гражданину в улучшении благосостояния общего через покровление благосостояния частного, но обращаюсь я только к несчастьям и изменениям, постигшим с 1812 года Черниговскую губернию. Они заключаются, во-первых, в уменьшении народонаселения, во-вторых — в истощении денежных капиталов, в-третьих — промышленности, в-четвёртых — в неурожаях и, наконец, в совершенном голоде с его последствиями...

Малороссийский казак обязан был по первому призыву являться на войну, вооружённый и на собственном иждивении. Каждому был открыт путь к достижению чинов и воинских почестей. Гетманы жаловали чинами и имениями не только за личные заслуги, но и за заслуги предков. С присоединением Малороссии к Московскому Государству все чины, от Генерального обозного до полкового писаря, признаны дворянами, и теперь роды их, на основании свода законов (изд. 1842 г.), 9-го тома статьи 26-й, признаются Герольдией потомственными дворянами. Таким образом, произошёл класс дворян Мглинского и Суражского уезда. Несколько фамилий, переселившихся из Польши и из внутренней России, составляют исключение. Село Нивное сначала относилось к Суражскому повету (уезду), а затем перешло в Мглинский уезд, хотя по своему месторасположению находится от обоих городов в равной степени.

Первую основу дворянским имениям положили гетманские пожалования и казачья собственность. Выслужившийся в сотники казак был жалован Гетманом какою-нибудь полосой земли с поселёнными на ней подданными; он перекупал у соседних казаков одну полосу за другой и таким образом образовались обширные дачи. Кто был сметливей, оборотливей и счастливее, тот больше и успевал. Другие имения образовались следующим образом: в деревне, населённой казаками и стрельцами, которые доставляли с дачи звериные кожи к Гетманскому двору, при всех поземельных выгодах, не было ни одной винокурни и казаки должны были привозить горелку (хлебное вино) из других мест. Для устранения таких затруднений они предлагали какому-нибудь пану открыть у них продажу горелки и для этого бесплатно отводили ему хату. Разумеется, пан присылал бочку горелки и, открыв продажу соблазнительного напитка, начинал приобретать от казаков землю и нивы, в начале — залогом, потом покупкой, наконец, давностью. Пропившие всё своё достояние семейства вписывались к пану в крепость, и в короткое время он делался владельцем обширной дачи, населённой подвластными ему казаками и выходцами из соседней Польши. Ревизия 1784 года утвердила его власть над подданными, а несколько лоскутков бумаги, написанных церковным причётником, и несколько давностей владения составили его поземельное

право. К чести уездного дворянства надо отнести его любовь к родине и привязанности к родовым имениям. Весьма редко продают имения, и, кажется, кроме трёх значительных имений, проданных богатыми владельцами, имеющими обширные поместья в других губерниях, продажи имений в сторонние руки не было. Продажи имений с аукционного торга за частные или казённые долги до настоящего времени тоже не случались. Мы видели и удивляемся, как в соседней с нами Смоленской губернии имения часто переходят из рук в руки, как много их продаётся с аукционного торга. Само раздробление имений в уездах имело уже некоторое, хоть и слабое, ограничение. По литовскому статусу дочери получали четвертую часть отцовского недвижимого имения, но братья имели право оставить его за собой, заплатив по оценке. Также и жена после мужа и муж после жены не получали навечно недвижимой собственности. От этой привязанности дворянства к родовым имениям и от постоянного владения без всяких насильственных переходов дворянские имения приходили в цветущее состояние. При подробном рассмотрении помещичьего хозяйства это объяснится само собой.

Так как в уездах нет ни одного оброчного, то при каждом из них есть помещичьи хозяйственные усадьбы. Все они почти устроены при запруженных протоках и ручьях, в самих сёлах или деревнях, или внутри них. В некоторых имениях самые пахотные земли находятся в черезполосности только с собственными крестьянами, несмотря на то, что вся дача составляет единственное владение. Из такого состояния собственной черезполосности много лет тому назад вышло и наше имение. 1200 десятин земли отрубной дачи находились в черезполосности между помещиком, его крестьянами и церковнослужителями. Уничтожение черезполосностей с собственными крестьянами, конечно, зависит от воли каждого владельца. Уничтожение черезполосностей с другими помещиками сопряжено с большими трудностями, но черезполосности с казаками и государственными крестьянами могут запрещаться правительством. Добровольного соглашения тут никогда не будет, а пока это свершится, сколько произойдёт бесполезных споров и жалоб, бесконечных тяжб благонамеренному хозяину во всех предпринимаемых улучшениях. Конечно, каждый мой помощник подчинён или становому приставу, или окружному начальнику; у них надо искать помощи в охране от всякого вреда и притеснения соседа. Но имеет ли на это время сельский хозяин? В самое рабочее вре-

мя производят, большей частью, самые большие беспорядки; расчитав потерю времени на проезд, жалобу и следствие, отвлечение от собственных занятий и необходимые издержки, всегда выходит, что лучше понести убыток, чем приобретать новый. Сельские начальники казаков и государственных крестьян поддерживают между ними порядок; но посредничество их между помещиком и их подчинёнными успеха не имеют. От этого и улучшения в хозяйстве казаков и государственных крестьян возможны только там, где они поселены отдельными селениями; рассеянные по 5–6 дворов между владениями помещика ускользают от надзора. Несколько тысяч душ государственных крестьян, принадлежавших некогда Киево-Печерской лавре, имеют почти отрубные дачи; казаки же рассеяны по всей территории и между ними немного государственных крестьян, бывших стрельцов и бобровников. Расположение усадеб при запруженных протоках или ручьях, кроме домашней выгоды, имеет цель и техническое производство, при котором вода необходима. В Мглинском и Суражском уездах нет ни одного оброчного имения, это является доказательством отсутствия промышленности, поэтому почти во всех усадьбах находится помещичий жилой дом или для приезда его устроенный дом. При нём необходимые помещения для дворовых людей, экипажа, лошадей и разной домашней поклажи. Хозяйственные строения: скотный двор, гумно, хлебные амбары, винокурня, мельница и проч. До настоящего времени многие хозяева обращали внимание, каким образом построены хозяйственные здания. Когда строевого леса было много, хозяйственные постройки строились и теперь строятся на скорую руку, от чего быстро и разваливаются. Работа бесконечная. Не успеют поправить или перестроить одно строение, как уже другое падает. За исключением великолепного замка в Ляличах и всех его помещений, построенных богатым вельможей, едва четыре жилых господских дома построены прочно, из кирпича; два каменных овина и пять свеклосахарных заводов, из которых в двух помещаются винокурни. Пробовали в одном имении строить землебитные строения, но за смертью владельца попытки были оставлены; в некоторых имениях делались попытки строений из нежженого кирпича, но это только попытки. Всё строится из елового, весьма непрочного леса. Несколько старинных домов, построенных из хорошего соснового дерева, сохранились как памятники прежних превосходного качества леса в этом крае. Помещичьих домов, которые бы имели от-

печаток нового вкуса и сообразовывались с современными потребностями, нигде не видно. Каждый размещается как только может. О внутреннем щегольстве домов или роскоши, в которой так часто и так неправильно упрекают всех помещиков, и говорить нечего. Хорошо, если в доме будет порядок и опрятность; мебель везде или времён Екатерининских, или ещё древнее, реставрируемая домашним художником. Не отсутствие вкуса и образования, а скудность, увеличивающаяся с каждым годом, сделали помещиков невозможным тратиться на подобные предметы. Хозяйственные постройки, ещё менее изящны; строятся собственными рабочими и из своих материалов. Число и величина всех таких строений зависит от обширности хозяйства и всех его производств. Об общем размещении нельзя сказать, чтобы оно везде было сделано с потребностями и местным положением. Во многом виден отпечаток хозяйства со старыми вкоренившимися мнениями и предрассудками.

При каждой усадьбе расположен фруктовый сад, более или менее обширный, зависит от желания хозяина. Охота к садоводству существует повсюду; земля и климат настолько благоприятны, что с небольшим усердием растут груши лучших сортов, бергамоты, яблоки, разные сливы и вишни, разные кустовые и цветочные растения. Конечно, нежные плоды в суровые и бесснежные зимы погибают, но совсем не истребляются. Фруктовые сады приносят владельцам хороший доход, но он приходит как бы неожиданно. Никто не заводит фруктового сада с расчётом на будущий доход, а всякий имеет в виду одно недорогое удовольствие, но и приятное лакомство; избыток и составляет маленький доход. При садах везде есть овощной огород, иногда с парниками. Употребление огородных овощей и растений всеобщее, у помещиков оно просто в лучшем виде и в больших размерах. Оранжереи встречаются редко и те весьма маловажны. Парки и рожи при садах редки; но везде за садом распространены конопляники, за которыми идут пахотные поля и прочие уголья.

Величина усадеб и хозяйственных строений имеет соотношение с обширной запашкой, а запашка — с силами имения, т. е. с числом ревизских душ. Хотя в уездах есть имения от одной до четырёх тысяч душ с соразмерным количеством земли, но хозяйства в больших размерах нет ни одного. Самые большие имения разделены на малые хозяйства; сто десятин пахотной земли в руку имеют весьма немногие хозяйства, а более того ни одно. Причиной тому

может служить местоположение. Вся поверхность уездов, хотя не имеет значительных возвышений или гор, а большей частью плоская, но пересекается во многих местах ручьями, между которыми волнообразные и холмистые пространства, так что трудно найти 50 десятин ровной земли. Каждое поселение и помещичье хозяйство или устроено, или прилегает к местам, представляющим большую и ровную плоскость, а так как эти плоскости невелики, то и хозяйства большей частью малые.

При бедности крестьян, при недостатке и слабости рабочего скота, количество пахотного поля в помещичьих хозяйствах весьма невелико. На сто ревизских душ тридцать десятин казённой меры пахотной земли в каждом из трёх полей почитается уже обширной запашкой, которую трудно обработать. На 100 ревизских душ можно предположить 50 работников и столько же работниц, а взяв за половину, выйдет по 25 на каждый день. Лошадей на такое количество душ должно быть 40; следовательно, 20 могли бы быть на господской работе. Но из этого числа надо выделить необходимых в хозяйстве приказчика или старосту, его помощника, писаря, ключника, скотника и скотниц, гуменника, полицейского сотского, церковного старосту, не говоря уже о прислуге, которую считают роскошью. Затем приходится исключить больных, немощных, увечных и уклоняющихся под разными предлогами от исполнения послуги, а остальные едва могут обработать вышешоказанное количество земли и произвести необходимые по хозяйству работы. При слабости и малочисленности крестьянских лошадей, бедности крестьян затруднения в хозяйственных работах начали сильнее проявляться, что и заставило многих хозяев завести своих домашних рабочих, лошадей и быков с упряжью и земледельческими орудиями, и постоянных дворовых работников из обедневших или нерадивых крестьян. К этому побудила нужда; но оплачивается ли содержание работников и собственного скота земледельческой продукцией. Соседние хлеботородные уезды, такой как Глуховский, находящийся на чернозёмной почве, при лучшем состоянии крестьян, производя свой хлеб самым дешёвым образом, имеют несравненно большую выгоду. Ненужно никаких исследований: довольно взглянуть на наружность людей хлеботородного и скудного уездов одной и той же Черниговской губернии. Хотя работник представляет собой капитал владельца имения, но этот капитал, составленный, может быть, предками, при хозяйственных недочётах теряет только проценты.

До сих пор почти все помещичьи хозяйства держатся старой рутины; все улучшения и успехи, сделанные не только на западе Европы, но и введённые уже во многих местах нашего Отечества, их не коснулись. Немногие исключения не только не повлекли за собой подражания, а напротив, служат предметом упреков от многих хозяев. Всякое нововведение, особенно в такой стране, сопряжено с неудачей или с ошибкой; эти неудачи и ошибки остаются на виду, заслоняя пользу самого дела на стадии его основания. Не оскорбляя никого, надо сказать, в наших местах мало помещиков-хозяев, которые бы своим воспитанием были подготовлены к своему делу. В эпоху нашего воспитания лет тридцать пять или сорок назад, в начале XIX века, положительными науками занимались молодые люди бедного состояния, которые готовились стать преподавателями в училищах или имеющие специальное направление. Весь цвет дворянства стремился на военное или дипломатическое поприще. Знание иностранных языков и их литературы было делом первостепенным. Курс Лагарпа был настольной книгой у всех молодых людей. Стыдно было не знать наизусть несколько тирад из лучших французских трагедий и несколько торжественных од Ломоносова и Державина. Разложение почв, свойства туков, физиология растений и анатомия человека и животных привели бы каждого деликатного юношу в исступление. Таков был дух времени. Самые достопочтеннейшие из наших воспитателей, да простит им Бог, не старались нам внушить, но иногда и не напоминали нам, до какой степени необходимо естествознание. Особенно оно нужно для русского дворянина, который бы, заплатив свой долг отечеству трудом и кровью, обязан, наконец, заботиться о благе своих крестьян и об устройстве и улучшении своих имений, что составляет звено государственного благосостояния. Вступив в распоряжение имением с одними литературными познаниями, поневоле надо было подчиниться заведённому порядку — учиться у старост и войтов и в течение 20–30 лет сродниться с их методом, взглядом на хозяйство и даже с их предрассудками. В течение этого времени всё знание об улучшениях в хозяйстве ограничивалось из «Московских Ведомостей», выписываемых вскладчину. По этим причинам сельское хозяйство оставалось в застое.

В отношении обработки почвы до сих пор применяется соха, которая хорошо сделанная, с хорошей лошастью и работником, выполняет своё назначение превосходно. У многих наших хозяев,

особенно теоретиков, соха в большом гонении; но это орудие даже когда доводят слой почвы до идеальной глубины, не должно быть изгнано из нашего хозяйства. Есть много случаев и приёмов, где она особенно пригодна. Что значит украинское рало? Грубый первообраз сохи; их плуг без рала обойтись не может. В Прусской Литве когда-то много было споров об этом предмете между тамошними хозяевами, и, однако, защитники сохи одержали верх. Это можно увидеть в журнале Литовского земледельческого общества прежних лет.

Рогатый скот имеется в каждом помещичьем хозяйстве; порода его лучше обыкновенного крестьянского скота. Первые улучшения были сделаны в имениях графов Завадовского и Безбородко, выписанным из Англии и Голландии скотом. Но произошедшие в этих имениях изменения и свирепствовавшие в нашей стороне с 1825 года частые падежи уничтожили первоначальные чистые породы. Однако во многих имениях от этих пород улучшены местные породы. Богатые вельможи, выписывая дорогой, но отличный скот, весьма великодушно способствовали его разведению и у своих соседей. Некоторые помещики покупали после падежей украинский скот, но он в нашей местности не выгоден. Он много страдает от оводов и насекомых, а коровы дают мало молока.

В начале образования наших хозяйств сами хозяева непосредственно всем распоряжались. Надёжнейшие из крестьян были их помощниками и назывались войтами. У них были ключи от всех амбаров; они выдавали и принимали весь хлеб и давали наряды на работы, по ежедневному назначению самого владельца, которому они каждый вечер обо всём доносили и получали новые приказания. Каждый войт имел при себе одного десятского, который передавал крестьянам его приказания и находился неотлучно при работах. Все продажи и покупки, приём и расход денег производил сам владелец. Внутреннее, т. е. домашнее, хозяйство было на попечении его жены, у которой в особых амбарах или кладовых хранилась провизия и всё то, что не поступало в ведение войта. Отчётность при таком распорядке была только со стороны войта, и он представлял её всегда на своих бирках. Бирка эта палочка произвольной длины, на которой нарезками обозначается число четвертей, четвериков, пудов и прочее. На каждый предмет у него были особые бирки: на вымолот или другой приход, на посев, на выдачу хлеба, пеньку, лён и проч. Бирки эти войт представлял хозяину и тот общими итогами вносил их в свои записки. Образ хлебопашества и всего хозяйства

был постоянный, однообразный, заведённый исстари, без всяких изменений. Неистощимая земля производила хорошие урожаи, общественные и частные потребности были невелики и всё, таким образом, уравнивалось. Раздробление имений, истощение почвы, умножение народонаселения, повышение государственных потребностей и семейные нужды начали ослаблять патриархальное довольство. Тут уже необходимо было прибегнуть к усилению источников доходов. По присоединению к Российской державе соседних с нами губерний от сопредельной Польши появилось много искателей счастья, вступивших, под именем экономов, со своими блестящими обещаниями в распоряжение многими хозяйствами. Большое благо было бы для нашего хозяйства, если бы они были люди со знанием хозяйственного дела, с добрыми правилами, которые можно распространить и водворить в нашем крае полезные нововведения. Ознакомить с разными улучшениями, сделанными в то время на западе Европы. Но, к сожалению, это были люди, которым нечего было терять в своём краю: удалённые из польских поместий писаря или обедневшие мелкие дворяне, мелкая шляхта, прожившая и прогулявшая своё достояние, без всякого понятия в том деле, за которое взялись. Люди иногда едва грамотные; хвастливые обещания таких искателей приключений обольстили многих и ввели их в невозвратные потери. Такой польский эконом начинал всегда с того, что старался показать хозяину успехи в работе: пахал как можно больше, сеял и жал как можно раньше, и всё своё тщеславие состояло в том, чтобы в обыкновенных полевых работах опередить соседей. Делалось это насильственными мерами, против всех местных обычаев и в подрыв благосостоянию имения, о чём и не думали эти господа «туристы-экономы». Находящийся на службе владелец или неопытный молодой хозяин или хозяйка вначале радовались успехам работ, повиновению крестьян, которые если по правде не всегда были дисциплинированны, и нередко вооружались при возрастающем высокомерии пана — эконома. Затем совершенно разочаровавшись, увидав, что все эти блестящие подвиги в хозяйстве не увеличивали дохода, а напротив, нанесли ущерб хозяйству, удаляли его из имения. Высокомерие эконома начинало переходить границы приличия; каждое распоряжение, сделанное владельцем, находило в экономе заклятого противника; всё, что выходило не от него, подрывалось всеми мерами. Приехав, а чаще всего пришедшего на место с весьма скромным личным имуществом, и получая от 150

до 250 руб. жалования, после 3–4 лет службы экс-эконом выезжал из имения в бричке, на тройке жирных коней, с обозом в несколько подвод, нагруженных всяким добром: посудой, мебелью и живностью. Такое их обогащение не могло улучшить положение имений и дать основу новым преобразованиям.

В настоящее время все владельцы занимаются сами управлением своих имений, и если имеют приказчиков или управляющих из своих людей, или вольных, то все они служат только помощниками и состоят под более или менее точной отчётностью, введённой в каждом хозяйстве. Хотя такое распоряжение охраняет владельца от растрат и беспорядков, но не всегда улучшает его хозяйство и увеличивает доходы. Хозяйство должно идти на уровне с общественными и частными потребностями; при повышении их и доход хозяйства должен повышаться. Мы видим, как при истощении почвы и при усилении народонаселения хозяйство наше не соответствовало потребностям своего времени. К счастью, винокурение подоспело ему на помощь, и развитие этой промышленности не только поддержало все почти хозяйства, но даже доставило некоторым помещикам значительные выгоды. К сожалению, слишком занявшись винокурением, помещики оставили прочее хозяйство; между тем как это была самая благоприятная эпоха для хозяйственных улучшений. Прекращение выгод винокурения повлекло за собой истощение капиталов, а оставленное или забытое земледелие и скотоводство, невзирая на все полученные от винокурения выгоды, было началом больших потерь. Конечно, трудно в таких обстоятельствах без употребления особого капитала или без прекращения различных уплат, требуемых от каждого имения, ввести улучшения в наших хозяйствах и поставить их на такую прочную основу, чтобы их существование было обеспечено собственными силами. Земледелец не отчаивается, если видит, что вся жатва уничтожена градом или бурей. Упование на Бога и на собственный труд, и на силу свою не должны оставлять его. Для исправления наших хозяйств нужна: неутомимая деятельность, твёрдость духа и неослабное исполнение обдуманых и основанных улучшений. Правительство, в случае надобности, не откажется помочь хозяевам. Улучшение земледелия и скотоводства — вот главная цель, к которой мы должны направить всю нашу деятельность. Улучшение и умножение скотоводства мы иначе не можем достигнуть, как улучшение содержания и корма скота. Для этого необходимо ввести сеяние тра-

вы и обратить внимание на луга; для сеяния травы надо довести нашу почву до соответствия. Вот тесная и неразрывная связь этих двух ветвей нашего хозяйства; только те технические производства могут быть полезны, которые к этим ветвям относятся и которые могут их поддерживать во всех отношениях. Всякие же предприятия, не относящиеся к сельскому хозяйству, требующие особого капитала, особой деятельности и познаний, и наконец, многосложных оборотов и отвлечений, лучше предоставить другим классам народонаселения нашего государства.

Отдельно хотелось бы рассказать о крестьянстве в нашем крае.

Суражский и Мглинский уезды самые беднейшие в Черниговской губернии. Отсутствие всякой промышленности, физические и нравственные качества народа и истощённая почва, при совершенном упадке сельского хозяйства, составляют основу этой бедности. Территория имеет довольно ровную поверхность, лежит под 53° северной широты и прореживается от севера до юга реками Ипутью и Беседью, принимающими в себя множество мелких речек, в том числе Невлянку. Первый предмет и первый материал сельского хозяйства это земля, или растительная почва. Несмотря на малые пространства, здесь присутствуют четыре вида почвы. Всё пахотное пространство произошло от истреблённых лесов. В начале века поля всюду были усеяны остатками этих лесов — бортевыми деревьями, а на памяти моей, что на многих дворах крестьянских и помещичьих такие деревья долго красовались. Потом количество их уменьшилось, и остались только те, заветные, служившие как бы маятником в метель.

* * *

400 ЛЕТ РОДУ КНЯЗЕЙ ЛИШИНЫХ

Лишины относились к древней группе дворянства, владевшей в среднем 470 крепостными душами обою пола. Род Лишиных правительствующим Сенатом признан во дворянстве с внесением в 6-ю часть родословной книги.

Они имели возможность пользоваться культурными достижениями, получать и своим детям давать хорошее образование и тем быть независимыми гражданами Российской Империи. Обычно эти дворяне жили в городе и лишь на лето переселялись в свои поместья. Но эта группа дала наибольший вклад в российскую культуру,

ибо именно из неё вышло большинство государственных и общественных деятелей.

Многие из них оставили свои воспоминания на память потомкам. Сохранились и документальные свидетельства, дополняющие картину. Собирая воспоминания и документы об этих людях, хотелось дать осмысление каждому их поступку и движению, чтобы проследить не прерывающуюся нить событий этого замечательного рода.

Фотоархивы семьи Лишиных дошли до нас благодаря их потомкам: А. И. Дудину с Луганской области и Б. Н. Лишину из Москвы. Их предок, последний хозяин имения села Нивное, горный инженер Борис Николаевич Лишин, проходя учёбу в г. Фрейберге (Германия), научился хорошо фотографировать. На память осталось достаточно много фотографий с видами села, имения, церкви и местных жителей.

На одной из фотографий запечатлён большой портрет Андрея Фёдоровича Лишина и его жены Констанции Ивановны, висевший, судя по всему, в их комнате. Под их портретом оказался портрет предка Лишиных, знаменитого бунчукового товарища Генеральной Войсковой Канцелярии, деда А. Ф. Лишина — Андрея Тимофеевича Лишена!

По воспоминаниям Лишиных этот портрет пропал после революции где-то в Одессе. Он хранился у одного из сыновей А. Ф. Лишина — тайного советника Михаила Андреевича Лишина, который считался хранителем семейных реликвий. Портрет предка, писанный на дубовой доске, изображал казачьего начальника, облокотившегося на пушку.

Перечислить всех представителей этого рода можно только в книге.

ЛИШИН НИКОЛАЙ ФЁДОРОВИЧ

(1791–1863)

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР

Николай Фёдорович Лишин

ГЕРОЙ-ПАРТИЗАН ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812–1814,
Артиллерист

Николай Фёдорович Лишин родился в селе Мглинского повята (уезда) Черниговского наместничества в 1791 г. Являясь представителем седьмого поколения старинного рода, записанного в 6-ю часть дворянских родов Черниговской губернии.

Его отец — 1779 г. войсковой товарищ; 1785 г. титулярный советник; коллежский асессор, судья Мглинского поветового суда (1807) — Фёдор Андреевич Лишень (1757–1826), мать — дочь бунчукового товарища, Прасковья Владимировна Губциц (1763–1840).

Из послужного списка от 01 января 1815 г. конноартиллерийской роты Н. Ф. Лишин был в чине штабс-капитана за вторую половину 1814 г. Холостой, 24 лет от роду, «российской грамоте читать и писать» умел, артиллерийскую науку знал, в «отпусках и штрафах» не бывал. Про службу в списке говорилось:

«Кадетом — 1801 г. ноября 23 в Гродненский кадетский корпус;

Подпоручиком — 1807 г. марта 7 — в 4-ю артиллерийскую бригаду;

Поручиком — 1811 г. февраля 9 — в оной же бригаде. По переименованию оной бригады в первую резервную артиллерийскую бригаду в конную № 1 роту — 1811 г. марта 19;

Штабс-капитаном — 1813 г. апреля 10 — в оной бригаде и роте».

На момент составления списка Лишин состоял «сверх комплекта при батареейной роте № 34 и аттестовался для повышения чина.

В графе «Во время службы своей в походах и делах противу неприятеля, где и когда были» указывалось:

«1807 года в Прусском владенье мая 24-го под деревней Шарник, 25-го при реке Посаже, 28-го под местечком Гутштатом и 30-го под Гельзберхом, июня 2-го под Фридландом, 1812 года в России июля 18 под мызою Якубовым, 20-го за рекою Дризою, августа 5 и 6-го под городом Полоцком, октября 6, 7-го под г. Полоцком, октября 19-го под местечком Чашниками, ноября 12-го под деревнею Батуры, 16-го под деревнею Быдче, 1813 года в Прусском владенье августа 17 под деревнею Марцанами, сентября 16 и 18-го под г. Касселем, декабря 8, 9 и 10-го при обороне крепости Бреды».

Следующий формулярный список, составлен в 1836 году, предоставляет больше сведений о судьбе Н. Ф. Лишина.

«Формулярный список о службе и достоинстве 1-й бригады командира Санкт-Петербургского Артиллерийского Гарнизона Полковника Лишина 1-го октября 29 дня 1836 года»

— «Полковник Николай Фёдоров сын Лишин; лет от роду 46; грекороссийского вероисповедания;

— Кавалер ордена Св. Георгия 4-го класса, Св. Анны 2-й и 4-й степени, Св. Равноапостольного князя Владимира 4-й степени с бантом, Св. Станислава 3-й степени, Прусского Военного ордена за заслуги и золотой шпаги с надписью «За храбрость», имеет серебряные медали в Память 1812 года, за взятие Парижа 19-го марта 1814 года и знака беспорочной службы за 25 лет.

— Из дворян Черниговской губернии.

— У родителей и у самого него недвижимое имение — Черниговской губернии Мглинского повета 86 душ. Имения благоприобретённого и у жены не имеет.

— Российскую, немецкую грамоту и Артиллерийскую науку знает.

— В отпусках был: с 30 июля 1817 г. по 20 февраля 1819 г. — для излечения ран на Кавказских Минеральных водах; с 27 ноября 1824 г. по 20 декабря 1824 г. — по домашним обстоятельствам.

— В штрафах не бывал, Высочайшим замечаниям не подвергался и выговоров не имеет.

— Женат вторым браком в 1833 г. на Ольге Васильевой дочери подполковника Зверева. Дети от первого брака, сыновья Николай 19-ти лет в Якутском пехотном полку, Григорий 18-ти лет в Конноартиллерийской № 24 батарее прапорщиками и Александр 17-ти лет во 2-м Кадетском корпусе кадетом; дочери Надежда 15-ти и София 14-ти лет находятся в Патриотическом институте пансионерками Его Императорского Высочества Великого Князя. От второго брака дочери Ольга 3-х лет воспитанница Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Павловича и Прасковья 8-ми месяцев находится при нём, все грекороссийского исповедания».

Первая жена Лишина с 1818 г. — Елена Григорьевна, во втором же браке были ещё дети: Фёдор — родился в 1839, Андрей — 1842 г., Михаил — 1848 г., Константин — 1851 г.

— Состоит в комплекте в С.-Петербургском Артиллерийском гарнизоне командиром налицо.

— По службе дворянской избираем не был.

— Приказом Главнокомандующего Армию за отличие в сражении штабс-капитаном 12 ноября 1812 г. Высочайшим приказом утверждён 27 мая 1813 г.

— Приказом Главнокомандующего Армию за отличие в сражении капитаном 16 сентября 1813 г. и Высочайшим приказом утверждён 1815 января 3-го.

— Произведён по Высочайшему приказу на вакансию подполковником с 1 июля 1819 г.

— Произведён по Высочайшему приказу на вакансию полковником 1828 г. апреля 24.

Службу проходил:

— назначен в 4-ю артиллерийской бригады в конную роту 07.03.1807 г.

Приказом Инспектора всей Артиллерии 4-й Резервной артиллерийской бригады в роту № 34 29.07.1814 г.

По переименованию оной в 10-ю артиллерийскую бригаду 23.09.1814 г.

Переведён в 27-ю артиллерийскую бригаду в лёгкую № 54 роту 15.05.1817 г. (по болезни не прибыл, уволен в отпуск на Кавказские Минеральные воды).

— По переименованию 27-й артиллерийской бригады в 28-ю 25.09.1817 г. по Высочайшему приказу назначен командиром 2-й лёгкой роты той же бригады с 04.07.1819 г.

— По переименованию 28-й артиллерийской бригады в 25-ю 20.05.1820 г. назначен в Артиллерийский департамент кандидатом с 28.04.1825 г.

— По Высочайшему повелению назначен исправляющим должность начальника 1-го отделения Департамента Артиллерийского с 01.05.1826 г.

По Высочайшему повелению назначен членом в счётную Артиллерийскую Комиссию с 15.04.1827 г.

По Высочайшему повелению назначен командиром Лабораторной № 1 ротой с состоянием по полевой артиллерии 27.02.1829 г.

По приказу его Императорского Высочества Генерал-фельдцейхмейстера назначен командиром С.-Петербургского Артиллерийского гарнизона с 10 мая 1833 г.

В походах и боях был:

«1807 года в Пруссии противу Французских войск в действительных сражениях, мая 24-го под деревнею Шагрине (Шарник) при речке Пасарже (Пассарге), 28-го при местечке Гутштате (Гутштадте), 29-го и 30-го при городе Фридланде, июня 12-го при заключении мира в городе Тильзите, при обратном следовании в Россию находился;

1812 года в Российских пределах противу Французских войск при городе Вилькомире 16 июня в ретире до реки Двины, июня 18-го под мызою Якубовым, где получил сильную контузию от ядра в левое ухо, 20-го июля при прогнании неприятеля за реку Дризу (Дриссу), того же числа под деревнею Клястицами, за что Всемилостивейше награждён золотою шпагою с надписью «За храбрость», 28 и 29 июля при реке Свольне, 5 и 6 августа при городе Полоцке и при занятии оного в сражении находился, за что награждён орденом Св. Анны 4-й степени, преследуя неприятеля, был в сра-

жении 16–18 октября, а 19-го при местечке Чашники, за каковые сражения Всемилостивейше награждён чином Штабс-капитана, в преследовании неприятеля к г. Борисову 12 ноября при деревне Бычки (Быдче), 19 ноября переправясь через реку Березену, преследуя неприятеля к г. Вильно и к г. Юрборгу, 17 декабря переправясь чрез Неман, вступил в Прусские владения; 1813 года 20 февраля при занятии г. Берлина и при блокаде крепости Шпандау, мая 1-го в сражении близ Гамбурга на острове Вильзбурге, августа 17-го под деревнею Морцами (Марцанами, Мерциге), 25-го под местечком Доновицем (Денневиц) и 27 августа под крепостью Торгау, за что награждён орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом, сентября с 15 по 16-е число при г. Касселе, где и ранен пулею в левую руку, и по повелению генерал-адъютанта Чернышева формировал пленную артиллерию, 18-го при нападении вторично на город Кассель, при коем взято 32 орудия, за что и награждён чином капитана и орденом Св. Георгия 4-го класса, потом следовал в Голландию, где находился в сражении 13 ноября под крепостью Девентер, при занятии городов Амстердама и Роттердама в Брабанте, 8–10 декабря при обороне крепости Бреды, за что Всемилостивейше награждён чином капитана вторично;

В 1814 году преследовал неприятеля к г. Мо, 16 февраля в сражении при местечке Лисс, 19-го при местечке Лаферт Милоней (Ла-Ферт-Милоне), при переправе через реку Ургу (Урку), 21 февраля при обороне крепости Суассон, за что награждён орденом Св. Анны 2-й степени и Прусским Военным орденом за заслуги, 18 марта при взятии штурмом горы Монмартр и в сражении под Парижем, за что награждён в третий раз чином капитана, марта 21-го в обратном следовании чрез Францию, Саксонию, Силезию, Герцогство Варшавское и пределах России;

1815 года находился вторично в походах чрез Галицию, Моравию, Баварию и во Францию, того же года сентября с 10-го через помянутые владения в Россию».

Сверх оного:

По служении в 10-й Артиллерийской бригаде удостоился получить Высочайшее благоволение за отличия, оказанные против неприятеля взамен вдвойне данных капитанских чинов, объявленное в приказе Инспектора всей Артиллерии 1815 года февраля 6-го дня;

По служению в 25 Артиллерийской бригаде командиром 2-й лёгкой роты за спокойное квартирование командуемой им роты

в г. Новграде-Волынске, получил благодарность Его Императорского Высочества Цесаревича;

Удостоился Высочайших благоволений 8 августа 1821 г. и 16 августа 1822 г. «за порядок и устройство» в роте;

19 июля 1825 г. удостоился Благодарности Его Императорского Высочества Генерал-Фельдцейхтмейстера «сдачу 2-й лёгкой роты»;

В 1826 г. «по уважению крайне бедного и семейственного положения» выдано единовременное пособие в размере 2000 руб. из сумм Артиллерийского Департамента и 3000 руб. из кабинета Его Императорского Величества;

11 июня 1828 г. по Высочайшему повелению «за отличную службу и неусыпные по должности труды» получил единовременно не в зачёт годовое жалование 1200 руб.;

30 июля 1830 г. по Высочайшему повелению «за отличную службу и неусыпные по должности труды» получил единовременно не в зачёт годовое жалование 1200 руб.;

В 1831 г. Всемилостивейше был награждён за отличную службу 3000 руб.;

28 июля 1834 г. «за ревностную службу, отличное усердие и неустрашимость, оказанную при спасении казённого имущества во время пожара, бывшего в С.-Петербургской Лаборатории июля 3-го Всемилостивейше пожалован кавалером ордена Св. Станислава 3-й степени;

20 октября 1834 г. Всемилостивейше награждён знаком отличия за беспорочную 25-летнюю службу;

В 1835 г. пожаловано единовременно 2000 руб. ассигнациями;

В 1835 г. «по всеподданнейшему докладу Комитета, Высочайше утверждённого в 18-й день августа 1814 года Всемилостивейше повелено по уважению полученным в сражении ран и недостаточного состояния производить пенсион из инвалидного капитала по 800 руб. в год».

В указанном деле рассматривалось «представление Генерала от Артиллерии Левенштерна о пожаловании командиру С.-Петербургского артиллерийского гарнизона Полковнику Лишину аренды». 3 июля 1837 г. «Государь Император Всемилостивейше соизволили пожаловать Лишину в награду отлично-усердной и ревностной его службы две тысячи десятин земли» в вечное и потомственное владение.

ВОСПОМИНАНИЯ ЛИШИНА
О БИТВЕ ПРИ КАССЕЛЕ В 1813 Г.,
ГДЕ ОН КОМАНДОВАЛ АРТИЛЛЕРИЕЮ
В ПАРТИЗАНСКОМ ОТРЯДЕ ГЕНЕРАЛА ЧЕРНЫШЕВА

Из письма отцу в село Нивное

20 сентября 1818 г.

По окончании перемирия, бывшего в г. Рейхенбахе, на коем положено, с какими бы трудностями не было сопряжено, освободить Европу от ига, доселе носимого от императора Наполеона и его сподвижников. Отряд генерал-майора Фридриха Теттенборна, в котором я находился с 8-ю орудиями конной артиллерии, должен был присоединиться к корпусу графа Михаила Семёновича Воронцова, но артиллерия назначена в летучий отряд генерала Александра Ивановича Чернышева. Генерал Теттенборн, не желая отпустить от себя артиллерии, отправился в корпусную квартиру, где намеревался испросить позволения оставить её при его отряде, и потому медлил отдавать мне повеление выступить в поход по назначению. В отсутствии же его я получил предписание генерал-адъютанта Чернышева немедленно выступить и следовать в Мекленбург для соединения с его летучим отрядом, почему немедля донеся генералу Теттенборну о моём выступлении, пошёл на город Пархен. Лишь только прибыл в оный, как получаю повеление Теттенборна остановиться с артиллерией и ожидать дальнейшего распоряжения, куда следовать, о чём я немедленно донёс ген. Чернышеву, который в самоскорейшем времени дал мне другое повеление, невзирая на предписания ген. Теттенборна, следовать немедленно к его отряду, который вскоре должен выступить в Прусскую Померию.

Получа такое решительное приказание нового моего начальника в ночи, того же дня на рассвете я выступил по дороге к городу Плау (Мекленбургскому). Не доходя одного за несколько вёрст, встретил курьера, уведомившего меня, что того же дня ожидают в Плау прибытия из Ростка наследного принца шведского Карла Иоганна Бернадота, почему, ускоряя марш, успел придти прежде его туда приезда. Устроив парк артиллерии в порядке возле дороги, приказал команде оправиться и на всякий случай быть готовым к осмотру принца, взяв с собою генералов, офицеров, из коих один был назначен ординарцем к принцу, отправился к стоящим по форштадту мекленбургским войскам, ожидавшим его приезда.

Незадолго передовой дал знать о скором прибытии, и лишь только принц остановился у левого фланга и вышел из коляски, я подал ему рапорт и представил ординарцев, докладая, что только что пришёл с похода и готов представить артиллерию на смотр, если угодно будет приказать. Принц благодарил меня за такие предложения, сказал, что из исправных ординарцев и готовности моей к смотру он заключает о исправности всей команды. Приглашая с собою, пошёл осматривать немецкие войска, коими не весьма был доволен, ибо не только, что худо были выравнены, но некоторые из любопытства вышли из фрунта вперёд смотреть на его особу, почему принц, отойдя от фрунта, приказал начальнику объявить генералам, офицерам и солдатам, что они слишком упреждая его самого видеть, не давали прежде осмотреть их. После сего сел в коляску, отправился в назначенную для него квартиру, куда и я с генералами, офицерами и ординарцами сопровождал его. По некотором отдохновении, когда собирался выезжать, снова благодарил меня и предложил успокоиться с походу, но я доложил, что артиллерия стоит у самой дороги, по коей предлежал его путь, и просил позволения проводить его, на что он с удовольствием согласился. Когда он приблизился к парку, то, остановясь, вышел из коляски, принял отдаваемую караулом честь, сказал: «Мне очень приятно познакомиться покороче с русскими, и потому позвольте увидеть экзерцицию при орудии». Я приказал немедленно стоявшему при артиллерии караулу занять надлежащие места при орудии, делать экзерцицию, и ящики были открыты. С большим вниманием осмотря сие, он повторял свою благодарность и записал в свою карманную книжку мой чин, фамилию, число орудий, и весьма благосклонно расспросался.

По дороге к Берлину

На другой день, когда я выступил из города Плау, курьер на дороге встретился мне от генерала Чернышева с уведомлением, что отряд выступил из прежнего места, следует по дороге к Берлину, и чтоб я удвоил марш для поспешнейшего соединения, по крайней мере, в три перехода достигь оного. Не имея при себе подробную карту, я немедленно поспешил в ближайшие деревни взять проводника.

Узнав, что, хотя нет дороги ближайшей к месту, где отряд должен иметь ночлег, но, пробираясь полем, могу сократить путь и прямо прийти к тому месту, в четырёх милях лежащему от большой дороги, почему я вместо трёх переходов решил сократить

в один, проходя полями и не имея больших затруднений, кроме некоторых мелких кустарников и ручьёв, кои удобно с артиллерией можно было пройти, в тот же вечер достиг отряда, который только что прибыл на это место.

Остановя артиллерию, я поспешил явиться к генералу Чернышеву, который, увидя меня, спросил: «Где артиллерия?»

И когда я объявил, что я прибыл с нею, он удивился скорости, сомневаясь, сбережены ли лошади, и для удостоверения немедленно отправился сам смотреть, и к лестному моему удовольствию нашёл в такой исправности, что, взяв меня за руку, сказал: «Теперь я не боюсь иметь в партизанах такую артиллерию, которая удивила кавалериста своей поспешностью».

На другой день я следовал уже вместе с отрядом к Берлину, куда поспешили и другие отряды русских и прусских войск, дабы предупредить сильный корпус французов, форсировано следовавший под командой маршала Нея и Ренье для занятия Берлина, близ которого весьма мало было новоформирующихся прусских войск, кои не в силах были бы отразить неприятеля опытного и в превосходных силах стремившегося поразить столицу Пруссии и тем отмстить первыми союзникам России, подавшим пример другим державам принять справедливую сторону, угрожая истреблением столицы. Уже жители Берлина объаты были ужасом и погружены в отчаяние, зная, что союзные их войска в большом от них расстоянии. Уныние и страх овладели ими, как вдруг по распоряжению (принявшего в то время командование Северной армией) кронпринца шведского, коего проницательный гений открыл сие предприятие. В самое короткое время прибыли русские отряды, присоединясь к своим корпусам, а с ними с другой стороны успели соединиться прусские и шведские войска, не допустя неприятеля за две мили до Берлина, который, как твёрдой стеной, союзными и своими войсками был отделён от неприятеля, никак не ожидавшего столь поспешного соединения.

Неприятель, не вступая в главное сражение, испытывал наши силы небольшими стычками, но везде был отражаем, почему и решился, отступя, избрать выгодную позицию близ полей Ютербокских, у местечка Денневиц, по дороге в Витембергу в надежде, что с нашей стороны таковая позиция его будет атакована, но кронпринц, следуя правилам благоразумного полководца, старался со своей стороны соблюдать все пользы армии и не подвергать

неизбежным потерям частных стычек или трудной атаки крепкой неприятельской позиции, — почему, избрав таковую ж позицию по случившемся удобном местоположении против неприятеля, на пушечной выстрел оставя передовые посты в виду неприятеля между обеих позиций, линейные войска стояли в позиции, частью скрытой от наблюдения неприятельского, так что во время ночи могли по очереди отходить с позиции для удобнейшего продовольствия и отдыха в ближайшие селения, приняв решительное намерение не нападать на противника, который, имея в середине своей позиции дорогу к крепости Витембергу, позади его лежащему, по-видимому, с нетерпением ожидал от нас первых нападения, но прозорливость и терпение принца заставило его ошибиться в предположении.

Неприятель, видя, что наша армия остаётся спокойно в своей позиции, не предпринимая атаки, решается отступить по дороге к Витембергу, имея целью завлечь нас в лесистые места, где во многих местах сделал засады.

Принц, предусматривая цель неприятеля, послал отряд прусских войск преследовать (с приказанием — если будут атакованы, то ретироваться к полям Ютербока), оставя русских и шведов в своих позициях. Так и случилось: лишь только прусские войска взошли в лес, то и были стремительно атакованы превосходившими силами неприятеля, теснившего их со всех сторон так, что пруссаки должны были пробиваться штыками к назначенному месту, неся на плечах мстящего им неприятеля, который вскоре, выходя из лесистых мест, совершенно открыл себя. Справедливость заставляет отдать честь прусским корпусам, состоявшим под командой генералов Бюлова и Тауэнцина, удерживавшим одни в течение целого дня с лишком 70 тысяч неприятеля с 200-ми пушек: покрыли себя славой, достойной истинных патриотов, вынесших, так сказать, на раменах своих из засад неприятеля к полям Ютербокским, и тем открыли русским и шведским войскам, стоявшим во всей готовности близ позиции, левый фланг и часть тыла неприятеля, поражавшего их превосходством сил своих.

При сильном случившимся ветре поднялась пыль и от движения войск более увеличилась так, что трудно было распознать своих от неприятеля. Принц не упустил и сего случая, воспользовался оным и искусным манёвром целой Северной армии, при которой сам весьма часто показывался, распоряжаясь лично, и по многим манёврам

все наши союзники остановились. Между тем, осела пыль, и мы между своими войсками увидели с трёх сторон неприятеля, удивлённого своим невыгодным положением; немедленно со всех повелась атака и наиболее кавалерией и конной артиллерией русской, прусской и шведской, кои, ревнуя к мужеству один другого, пожинали лавры. Достойный полководец во многих местах опасных сам присутствовал, назначая места и движения. Я был назначен для сбития неприятельской батареи близ деревни, в которой прусские войска дрались, стараясь овладеть оной, на возвышении поставленной; но лишь только приблизился с конными орудиями на пушечный выстрел, как встречен был картечью с большого калибра орудий. Людей вдруг много было убито, и сия потеря затрудняла, ибо я из своих лёгких орудий не иначе мог по дальности стрелять, как ядрами и гранатами, не могши ближе подойти за неудобностью местоположения, почему, заметя по правую сторону лощину, скрыто ведущую к левому флангу неприятельской батареи, приглася с собой одного из казацких полковников с 200-ми казаков, с одним орудием счастливо обхожу, скрыто пробираясь в лощину. Поднявшись на возвышение, вдруг увидел себя в ближайшем расстоянии от фланга неприятельской батареи, которая от внезапных нескольких удачных выстрелов стала подыматься на передки. В сей прикрытие кавалерийское было в довольном расстоянии, а пехота в другой стороне у деревни, то наши казаки от меня и остальные мои орудия прямо с прусскими гусарами прикрытие неприятельское, успели отбить два орудия и тем облегчили участь храброй прусской пехоты, которая старалась удерживать за собой деревню, ибо неприятельская пехота, видя срывающуюся свою батарею и преследованную нами, оставила деревню и спешила прикрыть дорогу, за которой стояла другая неприятельская батарея, против коей опять я с 4-мя конными орудиями и шведским капитаном с 6-ю конными же орудиями были отряжены.

Обскакав деревню, бросились в самую близкую дистанцию и, невзирая на осыпавшую картечь, успели, хотя с большой потерей, разделить на три стороны и заставить от наших картечных выстрелов замолчать неприятельскую батарею, которая поспешно стала сниматься, но прикрывшие нас прусские гусары бросились в атаку и, невзирая на батальонный огонь прикрывавшей пехоты, отняли 4 орудия.

После столь благоприятных успехов увидели мы почти во всех пунктах отступающего не в большом порядке неприятеля, стреми-

тельно преследуемого нашими и союзными войсками, случайно уже перемешанными между собою так, что я к вечеру близ себя русских уже не видел, а оставался с одним батальоном прусской пехоты, которая следовала и прикрывала меня истинно по-братски, и, дабы менее чувствовать усталость и не отставать от конной артиллерии, сбросила свои ранцы и шинели, оставя при оных караул, бежала со мной вперёд. В сумерках же присоединился к нам ещё русский эскадрон драгун, которых я просил забирать из оставленных неприятелем палуб заряды по калибру моих орудий, назначив для показания одного из моих фейерверкеров, и подвозить ко мне, что было весьма усердно исполняемо, ибо своих зарядов у меня оставалось весьма мало. Продолжая идти вперёд и обходя многих без оружия неприятелей, оставивших на поле орудии и палубы, не знал, как далеко нам должно было следовать, ибо по темноте трудно было различать предметы, притом не было известно, остановились ли наши войска или ещё идут вперёд, как замечаю против правого фланга моих орудий колонну пехоты, и, не могши распознать, я решился сам подъехать поближе. Замечаю одного гусара, спросил наскоро: «Наш ли?» Он отвечал: «Я Елисаветградского гусарского полку, а ещё французы». «Зачем же вы здесь?» «А затем: когда отстанет, то беру в плен». Я не доверял, но он, подъехав ближе и отворотив одного солдата, подвёл ко мне, от которого я узнал, что колонна была итальянская. Но как слишком близко подошла моя артиллерия, то я указал гусару, сказал, что буду стрелять. «О! Так они все будут наши!» И подлинно — я сделал два выстрела картечью, на что мне отвечали батальонным огнём, но верные мои союзники-пруссаки бросились вперёд, закричали «Ура!» и приняли в штыки, от чего многие разбежались, которых драгуны преследовали и брали в плен, а остальные сдались нам, между орудий у меня лежал с перебитой ногой картечью и начальник итальянской колонны. После сего я остановился, дабы узнать, где мы находимся, драгуны поехали разведывать и узнали, что прусские войска по правую сторону уже разводят огонь, куда я сам поспешил и узнал, что армия наша позади, а они стоят в передовом отряде, почему я и присоединился к ним до рассвета: отдых был необходим, ибо я и вся моя команда с утра и до глубокой ночи ничем себя не подкрепляли. Пруссаки поделились с нами пищей и дали фуража лошадям. Многие ихние солдаты, разводя огонь, находили чемоданы и ранцы французские, и как только видели мундиры с литерой N, означающей имя Напо-

леона, то рвали и жгли на огне. Я сказал, что некоторые из них обносились, и почему не употребят в свою пользу? «Нет! — отвечали они. — Это всё с поту и крови германцев, пусть наш враг так горит, как его имя на сем огне». Ненависть к французам была ужасна, но кто не оправдает её, ибо Пруссия со времени владычества Наполеона более всех потерпела. В сём достопамятном сражении 21 и 24 числа августа неприятель лишился слишком 60-ти орудий, 8 тысяч пленных и до 400 зарядных палуб, а стремительное преследование рассеяло армию маршала Нея так, что в тот день трудно было угадать направление оной, ибо бежали по всем дорогам, полям и лесам. Кронпринц воображал самого Нея страждущим полководцем, ищущим для себя пути, пробираясь сквозь трупы своего войска, а конную артиллерию русскую, прусскую и свою уподоблял орлам, быстро парящим и разившим соперника.

На другой день кавалерийский отряд генерала Палена, куда я был назначен с орудиями, должен был отправиться для преследования и открытия неприятеля, имевшего направление к реке Эльбе и к близлежащим на оной крепостям. Не доходя вёрст за шесть до крепости Торгау, заметили параллельно выходящий отряд французской пехоты, пробиравшийся скрытно к крепости, немедленно его атаковали, но пехота, заняв деревню близ большой дороги, ведущей к Торгау, храбро обороняла оную, когда же артиллерия бросила несколько брандскугелей, от которых деревня начала гореть, они, оставя оную и, построившись в каре, стали отступать в весьма хорошем порядке, но лишь только вышли в поле, то наша кавалерия бросилась атаковать её. Быв же встречены батальонным огнём, кавалеристы отступали, тогда артиллерия, подскакивая на ближнюю картечную дистанцию, поражая и расстраивая каре, заставляла бежать, но только лишь оная кавалерия бросится, они снова построятся и, весьма с успехом отражая, ретируются в порядке, подводя нас ближе к крепости так, что из оной открыли пушечную пальбу во фланг наш. Между тем пехота, отступая в каре, подходила уже к большой дороге, и многие наши кавалерийские атаки остались безуспешны, почему я и полковник Арнольди бросились с артиллерией на решительную атаку, чтобы у перехода через канавы на большую дорогу расстроить, что и исполнено удачно. Между тем казаки заняли большую дорогу, отрезав от крепости, а мы поражали картечью, заставили уступать. Они, сделавши последний залп из ружей,

бросили оные и закричали: «Пардон!» Здесь кроме убитых и раненых взяты в плен командир 14-го регимента полковник и прочие восемь штаб и обер-офицеров и 700 с лишком рядовых, кои и были отведены к генералу. Но вскоре мы увидели, что, оставя солдат под присмотром кавалеристов, всех офицеров прислали к нам в артиллерию, и полковник, подходя, сказал нам: «Мы ваши пленные, для того я и просил генерала, чтобы нас отправить к вам, ибо хорошей пехоте стыдно быть в плену у кавалеристов, и если б не ваша артиллерия, мы бы давно были в Торгау, где, наверно, комендант нас ожидает, зная, что сей полк, на который Наполеон всегда более, как на других, надеялся, найдёт средство принять и проложить дорогу оружием для соединения со своими. Мы прикрывали другие ретирующиеся войска, но, к непредвидимому несчастью, сами стали жертвой, но это закон войны, и мы оному повинемся». Они оставались у нас и были угощаемы попоходному, но вскоре должны были расстаться, ибо всех пленных отправляли в Берлин, куда их скоро увели.

Таким образом, Пруссия освобождена, и Берлин сохранён от угрожавшей ему опасности, и правая сторона Эльбы, кроме некоторых крепостей, до самого Гамбурга были уже свободны от тягчайшего властолюбия Наполеона, коего все силы стремились к пункту, назначенному у города Лейпцига, где сей исполин ещё мнил удивить Европу и показать, сколь он равнодушен ко всем претерпенным им переворотам, но судьба готовила ему другой жребий, и счастье, всегда ему сопутствующее, его оставило.

Партизанская экспедиция в тыл неприятельской армии

Армия кронпринца по некотором отдохновении получила назначение к охранению внезапных вторжений на правую сторону Эльбы, как известный в предприимчивости и решительности генерал-адъютант Чернышев, показавший многие свои достоинства как пред нашествием Наполеона в Россию, равно и во время оногo пребывания в Москве и на ретиреде из России партизанскими подвигами, предложил и в сие время кронпринцу своё намерение отправиться за реку Эльбу в тыл неприятельских армий, дабы всеми возможными способами вредить и устрашать внезапным появлением русских, коими он намерен предводительствовать.

Получив одобрителное кронпринца согласие, генерал-адъютант Чернышев, избрав для себя до 3 тысяч отряд из части ка-

валерии гусар драгун казаков и 4-х конных, состоящих в команде моей, орудий, немедленно отправился к переправе, которая была выше Торгау под прикрытием орудий, скрытых на самом берегу в кустарниках.

Но лишь только отряд перешёл реку, как узнаём, что неприятель в гораздо превосходящих нас силах идёт по сей самой дороге к крепости. Для избежания данной потери в тот же день мы ускорили переправиться обратно на сию сторону, и в ночи неподалёку от м. Акена вторично перешли Эльбу на рыбацких лодках, в кои складывались кавалерийские сёдла, а лошади вплавь, для артиллерии ж таковые лодки были связаны по две, настланы досками, и по одному ящику, орудию, передку каждые особо были перевозимы. К счастью, неприятель, угрожавший при первой переправе и заставивший нас предпринять обратный путь, не полагал, что той же ночью прозорливостью нашего начальника открыто ему будет удаление его к Магдебургу, вероятно, в той надежде, что столь малый отряд не станет предпринимать вторичной переправы, каковая во всяком случае могла быть гибельна для всего отряда, но напротив, опытность в сем деле генерала Чернышева уверяла в успехе, оставя в таком расположении мыслей неприятеля, и потому, коль скоро перешли Эльбу, немедленно направили путь по дороге к Бернбургу так поспешно, что к рассвету успели оставить реку Эльбу в тылу в довольно дальнем расстоянии, — а следственно, и в некоторой безопасности, ибо, если бы тот же неприятель вознамерился нас преследовать, то и сам отдалился бы от предназначенной ему цели охранять крепость. Между тем продолжали поход, избирая просёлочные дороги, осведомляясь в каждом месте о неприятельских войсках, могущих внезапно встретиться, тем более, что в тылу армии производятся формирование и движение различных команд, почему никогда не останавливаясь на ночлегах, имея только малое отдохновение в местечках или деревнях, которые предварительно облагались цепью казаков с тем, чтобы во время нашего пребывания ни один житель не мог выехать. При выступлении бургомистры были приглашаемы проводить отряд, и на некотором отдалении освобождались, равно и проводники, у коих часто расспрашивали совсем о других местах, куда предпринимали настоящий поход, делая поворот в то время, когда, окромя верного шпиона, при отряде чужого никого не было.

Таковыми средствами достигли мы города Зондерсгаузен. Оставя у заставы отряд, генерал-адъютант Чернышев с некоторыми

офицерами отправился во дворец к курфюрсту, для коего визит сей чрезвычайно казался удивительным, по какому случаю русские внезапно могли посетить его столицу, которая со стороны нашей оставлена в спокойствии, и генерал Чернышев пригласил курфюрста видеть отряд, на что он, согласясь, скоро прибыл, приветствуя неожиданных гостей, предлагал ночлег в его городе, но наш генерал с благодарностью отказался, присовокупя, что в предстоящую ночь мы далеко быть должны от его столицы, почему курфюрст, приказав выдать нам довольно число фонарей и восковых свеч, расстался, пожелав благополучного пути и успеха. Сей подарок для нас весьма оказался полезным, ибо, пройдя город, мы своротили на просёлочную дорогу между гор и лесов, где чрез камни и ручьи имели затруднительные переправы в тёмную сентябрьскую ночь. Казакам было приказано зажечь фонари, прикрепить оные к пикам, дабы вдали можно было видеть направление отряда, который по темноте дороги довольно растянулся, и некоторые легко могли сделать ошибочный поворот по ущелинам гор. Таким образом, долженствовали пройти и высоты Земберга, на возвышении коего при появлении солнечных лучей мы усмотрели генерала Ченышева, ожидавшего соединения всего отряда. Артиллерия во многих местах пробираться могла только одним колесом по тропинке, другое ж по косогору, и в сем случае ящики поддерживаемы были людьми, дабы не могли опрокинуться. Кавалерия, в особенности казаки, взбирались по крутизнам между кустарников, — и все благополучно соединились к своему начальству, преодолевая все препоны со свойственной русским твёрдостью. Таковыми путями 15-го сентября мы достигли города Мюльгаузен, где после нескольких часов отдыха, какового во всю дорогу не могли иметь, — но и в сие время по возможности исправлялось и готовилось к дальнейшему ночному же походу, — оставя некоторую часть отряда для наблюдения и в случае скорого обратного пути иметь заготовленное продовольствие, вечеру около 7-ми часов мы снова отправились в путь, и тут было объявлено, что непременно в продолжение ночи должны сделать 9 немецких миль. О трудностях никто не помышлял, и все горели желанием усердно исполнять волю славного, предприимчивого и любимого нами начальника, коим всякий из подчинённых дорожил более собственной своей жизни, зная и то, что в случае неудачи ему одному свойственно было извлечь нас из сего лабиринта. Всё это было исполнено, так что в 4 часа утра в тумане, от коего

почти ничего приметить нельзя, мы уже стояли на большой дороге близ вестфальской столицы города Касселя, куда из проезжающих уже никто не мог попасть, едущие ж из города были останавливаемы, спрашиваемы, и все объявляли, что в городе никто не знает о приближении какого-либо неприятеля, но ожидаются в оный некоторые партии для формирования, и что в самом городе есть войско, и король имеет своё пребывание также в городе. Удовлетворён таковыми и другими подробными сведениями, генерал-адъютант Чернышев, видя плод тайны, с которой могли достичь цели, сделал распоряжение как к наступлению, равно и в случае внезапного нападения обороне, поручив часть отряда полковнику Бенкендорфу, чтоб иметь наблюдение по дороге, ведущей к городу Франкфурту, для чего и должно было перейти реку Фульду вплавь; полковнику Бердяге с двумя эскадронами гусар и казаков при начатии дела стараться завладеть деревней Беттенгаузен, где по расспросу узнали, что там находится пехота и артиллерия, причём следовало иметь большую предосторожность, дабы генерал Бастиnellер от местечка Виценгаузен не сделал пособия городу, для чего и были взяты меры. Таковое распоряжение делалось вскоре по прибытии на место и по обстоятельствам, какие усматривались от рассказов приезжих. Между тем предварительно до совершенного ещё рассвета, то есть 16 сентября в тумане посты наши, стараясь укрываться от жителей, коим не подавали никакого вида, обложили часть форштата, тогда как на большой дороге весьма в близком расстоянии тихо стоял отряд, аванпосты же делали по сторонам внимательное наблюдение. Когда генерал Чернышев осведомился, что неприятель не предвидит никакого внезапного нападения, и все войско в городе по квартирам, кроме обыкновенных караулов, то позвал полковника Бердягу и сказал: «Я полагаю, что если взять часть кавалерии и внезапно броситься чрез форштат в середину города, произвести тревогу, стараясь обезоружить караулы и овладеть дворцом, а сикурс будет поддерживать, приближаясь внутрь города, то в успехе нет сомненья».

Полковник Бердяга отвечал: «Согласен, что всё сие можно сделать по тому, что мы узнали от ехавших из города о беспечности, каковая, по словам их, существует в городе; но если, напротив, они извещены и, впусая в город нашу кавалерию, затворят ворота, и пехота произведёт действие, тогда ни брать город, ни ретироваться, да и с целым отрядом что может последовать?»

Генералу не понравился сей ответ, он произнёс: «Никогда не думал от храброго полковника слышать столько предосторожностей, где требуется отважная решительность! Капитан Лишин, извольте взять два орудия и следовать с ними, прокладывая дорогу сквозь ряды. Если неприятель встретит, кавалерия вас прикроет». Я в то же мгновение тихо приказал снять с передка, зарядить картечь, спешил конно-артиллеристов и сам направился с ними вперёд. Вдруг в стороне слышим ружейный выстрел часового, вероятно, заметившего наш аванпост.

Впереди по дороге слышен шум от оружия и солдат, я удваиваю шаги и встречаю вооружённый караул, занявший на большой дороге мост, ведущий в аллею форштата. Подбежав на ближнюю дистанцию, произвёл картечный выстрел, батальонный огонь с ружей встречает меня, но по другом и третьем картечном выстреле мост очищен, и разбежавшийся караул стал преследоваться кавалерией, а я вступил в форштат. Продолжая путь к городу, по левую сторону в поле слышим громогласно «Ура!» и узнаём, что парк, состоящий из 6-ти орудий артиллерии, внезапно атакован нашей кавалерией, которая отражается неприятельской пехотой. Я оставался на большой дороге по форштату с двумя орудиями и прикрытием гусар, как остальные два пошли влево от форштата, не теряя меня из виду. Впереди усматриваю заставу и пехоту около оной, а по левую сторону дороги — открытое место и также колонну пехоты, которая, по-видимому, спешила на помощь артиллерии своей, и против оной вижу летящую нашу кавалерию и полковник Иван Иванович Бедряга впереди. Уже батальонный огонь, производящийся из колонны, останавливает несколько стремление кавалерии, и из первых полковник Бедряга и многие падают жертвой своей неустрашимости. Родной брат его ротмистр Михаил Иванович Бедряга, Изюмского гусарского полка, видя умирающего брата своего, отчаянно со своим эскадроном бросается в ряды пехоты, обороняющейся штыками, но ничто не могло остановить мести гусар за своего любимого ими начальника: колонна, атакованная со всех сторон гусарами и казаками, частью изрубленная, обезоружена и взята в плен со всею артиллерией. Я не перестаю бегом с орудием и прикрытием приближаться к заставе, как наведённое против нас неприятельские орудие выстрелом вырывает несколько рядов и двух лошадей убивает под орудием. Я ещё спешу ближе, начинаю стрелять, уже пули градом осыпают нас. Подполковник Райский,

бывший подле меня, падает раненый, подполковник Рашанович от сильной контузии в грудь упал с лошади, я получаю в кисть левой руки удар пулею, но приказываю наводить на неприятельское орудие, и счастливым выстрелом оно подбивается. Тогда я, обратясь к майору Челобитчекову, принявшему командование прикрытием после Рашановича, указываю ему подбитое неприятельское орудие, приближая своё к заставе, произвожу картечные выстрелы по пехоте, которая расстраиваясь, хотела спасти орудие, но гусары и драгуны бросаются вперёд и захватывают оное. При сем опять подаюсь с орудием на двух только лошадях вперёд, ибо уносные были убиты, вмешиваюсь в ряд гусар, и преследую пехоту к усматриваемым нами воротам, забирая в плен пехоту, рассеявшуюся по форштату, и сами приближаемся к городу, как с боку выходит подкрепление из пехоты, строится перед воротами и встречает нас снова батальным огнём. Гусары собираются за моим орудием, из коего двумя картечными выстрелами повержена начальницкая лошадь, колонна в смятении отворяет ворота и, картечными выстрелами провожаемая, скрывается в город, запирая за собой оные. Здесь мы в недоумении, что предпринять. Остаёмся на сей стороне, но дабы не терять времени, я продолжаю стрелять гранатами сквозь ворота, за коими слышим необыкновенный шум и треск: против ворот стояла Церковь, где, я полагал, наверное, укроется пехота, чтобы в случае, когда мы ворвёмся в город, удобнее встретить нас. Но как в продолжение нескольких минут шум утих, и мы не имели ответу на выстрелы, то приостановились в ожидании приказанья, как некоторые из молодцов наших казаков, подъехав под самую стену, став на своих лошадях, возвысились так, что чрез стену все могли видеть, что происходит за оною. Они объявляют, что людей никого не видно, но что ворота завалены внутри повозками и лавочками, и они, бывши ободряемы своими начальниками, вооружась ружьями и пистолетами, решаются перелезть. Кто вообразить мог, что сии отчаянные молодцы растаскивают завалы ворот и оные нам отворяют. Один испуг неприятеля и решительность сих храбрых людей, шедших на явную гибель, могли произвести сие действие. Удивление и радость овладела нами. Я ввожу орудие со спешившимися людьми, катя оное пред собою, гусары и часть казаков с драгунами следуют за мною, и мы вступаем в город, но лишь только делаем поворот в большую улицу, как встречены сильным огнём пехоты, у меня убивают лошадь. Оставаясь пешком при орудии

посредине улицы, делая выстрелы, иду вперёд, кавалерия едет рядами по сторонам, дабы хотя несколько предостеречь людей от сильного огня пехоты, которая поражается непрерывно картечью, отступает, ведя нас в таком близком расстоянии за собою. Вдруг они соединяются и занимают большой мост через реку Фульду. Повозки, заблаговременно свезённые, становятся им защитой, и они снова упорствуют, теряя людей, и у меня становится зарядов мало. Прошу гусар скакать, как наискорее, за зарядным ящиком. Один вахмистр слезает с лошади, прибегает ко мне, говорит: «Я не знаю, где ваши заряды, пусть артиллерист возьмёт мою лошадь, едет за оными, а я останусь при орудии». Славный сей вахмистр с обнажённой саблей, висящей на темляке, поворачивал хобот орудия, куда приказывал я ему направлять оное. Но заметил, что картечь, оставаясь в повозках, не столько достигает неприятеля, посылаю гранату, которая пробив все повозки, удачно разрывается в колонне, пришедшей в большое от неё расстройство, я повторяю то же, и она бежит, оставляя мост. Я прошу майора Челобитчикова очищать мост, чтобы занять оной орудиями и действовать дальше, уже храбрые гусары спешиваются, расталкивают повозки по сторонам, и орудие приближается, как вдруг колона неприятельской пехоты бегом устремляется на мост, производит батальонный огонь по гусарам, коими предводительствовал майор Челобитчиков и Лохман, но первый из них майор получает вдруг три раны, падает с лошади, гусары помогают его увести, между прочим, другие садятся на лошадей. Я снова начинаю стрелять, претерпевая сильные ружейные выстрелы занявшей уже мост пехоты. В таком положении мы остаёмся на прежней позиции, то есть: орудие посреди плаца против моста, а гусары рядами вдоль плаца и улицы. Мне казалось, что здесь необходима, должна нам сделана быть помощь, ибо в таких незавидных обстоятельствах невозможно было не только преодолеть неприятеля, но даже удержать место, как получаю приказание от генерала Чернышева немедленно оставить город и спешить выйти из него. Судя по нашим успехам, я просил доложить, что прислать мне орудия и прибавить кавалерии (пехоты у нас не было), тогда ускорить можно занятие города. Получаю другое приказание: ни под каким предлогом долее не оставаться и поспешно оставить город; нечего было делать, обстоятельства могут быть такие, которые известны одному начальнику, и сколько мне не хотелось принять обратный путь из города, столь я помнил долг повиноваться.

Но дабы не показать неприятелю внезапного отступления, я сделал движение несколько в сторону, произвёл выстрел и таким образом достиг поворота, отстреливаясь. Наконец, окружённый прикрытием, выехал из ворот, я немало удивился, как пехота не решилась нас преследовать, и полагал, что неприятель, вероятно, остался в прежней позиции для того, чтобы мы под предлогом отступления не сделали какого-либо предприятия к занятию моста, который только и был препоною нашего во внутренность города движению. У ворот генерал Чернышев, увидя меня, приказал поручить орудие присоединить к прочим, а мне следовать за ним. Здесь я узнал, что дорога, по коей мы следовали, и последний наш ночлег или только отдых в городе Мюльгаузене, где оставалась часть нашей кавалерии, занят неприятелем. Выехав на открытое место со стороны форштата, генерал указал мне возвышение, на коем я заметил колонны. Генерал спросил: «Знаешь ли, чьи это колонны?» Я отвечал: «Нет». «Это неприятель, на той самой дороге, по коей нам должно ныне следовать, ибо прежняя дорога также в руках неприятеля».

Мы продолжали ехать, как генерал сказал: «Послушай, Лешин, возьми свои орудия, подъезжай и расстрой их выстрелами, авось, очистим себе дорогу». Я отвечал, что готов исполнить сие приказание, но что предпримет неприятель, оставшийся в городе, когда услышит, что мы производим выстрелы в тыл, и не вздумает ли он нас при сем случае потревожить. «И это правда, — сказал генерал. — Так пойдём и соберёмся вместе, а ты примкни к своей артиллерии взятых в плен 7 орудий неприятельских с зарядными фурами, осмотри, что может пригодиться, а излишнее истреби».

В конце форштата на повороте дороги к местечку Мельзунгену весь отряд наш соединился меж оною деревней, лежащей у леса по реке Фульде, форштатом и городом. Всё взятое в плен было свезено, а также и пленная пехота. Между тем, как все уже мы известны были о невыгодном и довольно затруднительном положении, то и ожидали, чем всё сие решится, внимая каждому слову достойного нашего генерала, который, по-видимому, заметил сие, с приличным ему хладнокровием приказал человеку греть чайник. Все мы забываем видимую опасность, окружаем и с удовольствием слышим, с каким весёлым духом он шутит над оплошностью неприятеля. При сем я доложил, что семь пленных орудий и некоторые палубы с зарядами оставил, прочее ж, как то излишние фуры, повозки велел изломать, а порох и заряды зарыть в мокрое место. Генерал

спросил, — но не будет ли и остальное затруднять в сохранении своей артиллерии, если должно пробиваться сквозь неприятеля. Тут один из казацких полковников сказал: «Не беспокойтесь, Ваше Превосходительство, в случае опасности мы свою артиллерию возьмём в средину, ударим в дротики и вынесем её куда угодно, но не отдадим в руки неприятелю, а взятое у них, пожалуй, хоть и останется, — небольшая беда».

Генерал, улыбаясь такой ревностной откровенности, указывая на стоящие колонны, по-видимому, кавалерийские, сказал: «Да вот этих молодцов надо проучить, они загородили нам дорогу». «И проучим, Ваше Превосходительство, — отвечал тот же полковник. — Извольте видеть, они нас ожидают и, кажется, слезли с лошадей, а говорят, когда подъедем к речке, за которой они стоят на высоте, то им не будет видно. Позвольте, Ваше Превосходительство, мы своих лошадей поведём под видом на водопой, а там постараемся обмануть и наскочить на них неожиданно, тогда узнаём, что за неприятель, и в каких силах, а в случае опасности мы успеем опять собраться к вам». Генерал приказал нарядить два эскадрона и 200 человек казаков отправить в сию экспедицию.

Уже наши приблизились к реке, тихо садятся на лошадей, готовят пистолеты, обнажа сабли, переезжают вброд, поднимаются на гору, — и лишь только стали видимы неприятелем, то в одно мгновение бросаются с криком «Ура!» пистолетной пальбой — и так поспешно, что неприятель не успел сесть на лошадей, которые, быв внезапно испуганы, шарахнулись, оставя почти всех спешившимися, кои вдруг были окружены и обезоружены, и некоторых лошадей переловили через полчаса. Уже в нашем лагере был транспорт и его прикрытие, состоящее из трёх эскадронов, следовавших в город Кассель для формирования. Пленные были присоединены, повозки осмотрены, где найти сёдла, мундштуки, сабли и прочие кавалерийские принадлежности, коими сделана перемена в испорченных наших вещах. От пленных узнано, что по сей дороге в разных командах идут партии, но как мы имели намерение отдалиться несколько от столицы, где в случае собрания неприятельских сил, могущих открыть малочисленность нашего отряда, состоящего едва до 3 тысяч кавалерии с казаками и 4-х конно-артиллерийских орудий, генерал немедленно приказал отправить маленький авангард, они же и квартирьеры, который должен занять Мельзунген, в двух милях лежащее от Касселя, но в случае встречи

с сильным отрядом ни под каким видом не вступать в дело, но уклоняться, стараясь соединиться. Между тем некоторые вестфальские офицеры из пленных кавалеристов, слыша, как союзы русских увеличиваются за правое дело против Наполеона, просили генерала не считать их за неприятеля, ибо они готовы оказать услугу отечеству, соединяя усердие своё с нами. Генерал дозволил возвратить им оружие, и они с особенным восхищением увеличили его свиту, сообщая различные подробности, кои в нашем положении могли послужить в пользу. Уже авангард был отправлен, и отряд доходил до половины дороги, как замечаем при опушке одного леса показывающуюся кавалерию, о коей и самые пленные не могли знать, тем боле мы, почему и послан был офицер с казаками, кои, постепенно приближаясь, увидели едущего к ним одного кавалериста, который, лишь только узнав, что русские, с радостью просил представить его начальнику. По прибытии его мы все осведомились, что сия кавалерия, отставшая от австрийских партизан, потерявши своего начальника и в довольно расстроенном положении, желает присоединиться к русским или другим союзным войскам. С согласия генерала вскоре они прибыли к нашему отряду, но в каком жалком положении. Они не только не могли с успехом сражаться, но едва делали скрытые свои движения, дабы совершенно не быть истреблённым, их всех состояло до 100 человек на изнурённых лошадях, с частью малого обоза. Мы с удовольствием видели их радость, что они смогли примкнуть к нам, и считали себя уже совершенно освобождёнными и от опасностей. Ожидая совершенного присоединения сего австрийского партизанского остатка, мы сделали небольшой привал, как вдруг получаем уведомление от передового нашего отряда или авангарда, что по приближению их к Мельзунгену открыт неприятель неизвестно в каком числе, ибо, коль скоро оный усмотрел, то сей посланный и отправлен офицером. Генерал приказал следовать форсировано, и вскоре достигли окрестностей Мельзунгена. Здесь узнали, что местечко нашим авангардом занято следующим образом: коль скоро замечен неприятель, то наши квартирьеры открыто остановились и сделали рекогносцировку, достигнув площади, увидели несколько кавалерийских лошадей с одним человеком у ратуши, из чего заключили, что команда сия, должно быть, какого-либо неприятельского отряда квартирьеры, в чём и не ошиблись, ибо, не теряя нимало времени, бросились на часового, обезоружили, захватя лошадей, окружили ратушу и требовали

сдачи. Неприятельские квартирьеры недолго упорствовали, были вынуждены сдаться, и отряд наш овладел городом. Распорядясь, дабы были приготовлены съестные припасы и фураж, с несколькими квартирами для генерала Ченышева, раненых и привезённого тела полковника Бедряги, весь же отряд расположился биваком подле города, где поблизости поместили в сараях всех пленных с приличным караулом, артиллерия ж и зарядные фуры оставались при мне поставленными с нашими орудиями, дабы тем увеличить артиллерийский парк. На другой день, то есть 17 числа, поутру было сделано приличное погребение храброго Бедряги, с коим генерал и все мы, прощаясь, лобызали смертельную его рану, полученную в висок и прекратившую жизнь сего отличного и доблестного нашего товарища.

По окончании сей печальной церемонии генерал Чернышев призвал меня, объявил наедине, что намерение его состоит в том, чтобы непременно покорить город Кассель, но, как известно, что одной кавалерией сего сделать нельзя, пехоты мы не имеем, то артиллерия в сем случае должна будет заменить все препятствия, «и я надеюсь, что ты, соединяя со своими всю пленную артиллерию, сделаешь всё, что только возможно, и город должен быть наш». Я отвечал, что если б вполовину было способов, сколько моего к тому желанию усердия, то успех несомненен, людей я только имею на 4 свои орудия, и то с недостатком. Генерал прервал: «Требуй людей от кавалерии, сколь тебе нужно, распорядься так, как сам знаешь, а моё дело — дать тебе прикрытия кавалерией, а может, и пехоту. Не теряя времени, ибо завтра должно будет покорить, или удалиться. Помни, что от тебя главное зависит, поспеши, Бог тебе на помощь».

Лестная доверенность достойного моего начальника преодолела мысли, кои останавливались на многих препятствиях к исполнению предполагаемого. Получу людей сколько угодно к артиллерии, но что люди сии будут делать, не имея ни малейшего понятия ни в действиях из орудий, ни о зарядах, коих самое название им неизвестно? Пленная артиллерия везена была мужиками на их лошадях: всё это должно было заменить и чем? Но чтобы не подать и самой мысли к невозможности требуемого генералом, я немедленно спешу к артиллерии, собираю господ офицеров, объявляю волю начальника, посылаю одного из них принять кавалерии людей, частью с лошадьми, частью пешех. Приказываю строиться всем ар-

тиллеристам, употребляя их в самые необходимые номера при орудиях. Заменяю возку орудий и ящиков драгунами, ставя их в такие места, где он может исполнять, что ему будет указано, не мешая другим своим незнанием. Офицеры при всём усердии к исполнению представляли затруднение, но я решительно объявил, что не стану слушать тех резонов, кои клонятся к невозможности начинаемого дела, и требую исполнений, кои могли бы споспешествовать воле генерала. Всё делалось и готовилось по возможности, но с поспешностью. Вскоре усматриваем генерала Чернышева, едущего к местам, где содержались пленные. Уже он вступает в сарай, спрашивает некоторых, какой нации, замечает, что француз имел лучшую одежду, чем вестфалец, во-первых, обращается к стоящему здесь казацкому офицеру, говорит по-немецки: «Кто смел содержать вместе друзей наших вестфальцев с общими неприятелями нашими французами, когда было приказано иначе? Друзья вестфальцы, вижу, как из вас многие скудно одеты, вы можете лучшее платье получить с французов, у коих вы здесь найдёте, выходите из сарая, я вас хочу освободить».

Сии ласковые и ободрительные слова прозорливого начальника произвели неожиданную радость и порядочную суматоху, ибо вестфальцы стали снимать с французов шинели, сапоги и прочее, отдавая им своё старое, и, выходя на свободу, добровольно начали строиться на свои места с унтер-офицерами и по приближении генерала Чернышева единогласно кричали: «Виват, русский генерал! Ты нас освобождаешь, но мы не хотим воспользоваться свободой, пока не окажем благодарной нашей услуги!» Генерал отвечал, что он освобождает их, как друзей, порабождённых неприимимым врагом всей Европы, и что услуги не требует никакой, кроме оказать пользу собственно для себя и своих соотечественников, и что он желает ввести их в город Кассель, который занят французами, поработившими их своей властью. «От вас зависит их освободить». В одно мгновение раздался шум в рядах пленных: «Дай нам оружие, и мы на всё готовы, желая идти с русскими освободить нашу столицу». Генерал благодарил за их усердие, приказал выдать порцию и денежное награждение, раздав притом ружья и боевые патроны, присоединил к нашему биваку, в середине коего и расположился новый для нас сикурс из пехоты. Между тем до 90 человек с фейерверкером выходят из фронта, спрашивая артиллеристов, указывают на меня, и они объявляют желание сражаться

при артиллерии. Я с охотой представил их генералу, который, пожаловав им по червонцу, приказал мне взять их к себе. Коль скоро я привёл их к орудиям, они узнали свои, и с восхищением вскричали, повторяя несколько раз, окружили свои орудия, их фейерверкер, поставя их по местам, произвёл артиллерийскую экзерцицию при гаубицах. Наконец, он спросил меня о зарядах, я ему показал в фурах, тотчас пересмотря некоторые, объявляет, что много находит приготовленных для практического ученья, то есть гранаты с несколько золотниками пороха для вышибки трубок, но не для разрыву. Я был любопытен, почему он сие узнал, он показал заметку, по коей у них различается боевая бомба или граната от практической, и, вынув из кармана медные клещи, вроде требушина (сей полезный способ необходим вообще артиллерии), вынул трубку, показав порох; удостоверясь в том, я немедленно отрядил в помощь ему своих людей, и к вечеру 80 гранат были совершенно готовы. После чего, распределяя всё следуемое, приказал иметь скрытую предосторожность за нашими новыми союзниками, кои вскоре познакомились с русскими солдатами и, хотя имели нужду в отдохновении, но до полуночи не переставали разговаривать и всячески доказывать, как они готовы служить под знамёнами Императора Александра за правое дело.

Между таковых деятельнейших распоряжений и отважных предприятий, генерал Чернышев, предварительно осведомясь от пленных квартирьеров, что они принадлежат к отряду, долженствующему вступить завтрашнего дня в Мельзунген, и расположенному в двух милях на биваках, и что оный состоял из трёх эскадронов и двух орудий, посему со стороны генерала в то же время сделано распоряжение послать казаков, кои должны были, взяв одного из пленных унтер-офицера, обещавшего за награду довести скрытно до самого отряда, отправлены в сумерках просёлочной дорогой в сию экспедицию, оконченную с желаемым успехом, ибо казаки только что были вблизи отряда, не ожидавшего никакой опасности, в одно мгновение из леса с пистолетной пальбой и криком бросились, овладели орудиями, некоторыми людьми, лошадьми, а прочее разбежалось, и к рассвету всё взятое доставлено в Мельзунген, причём ко мне поступили и сии два орудия, так, что состояло всего уже 13 орудий, из коих одно побитое не могло действовать, но 12 совершенно могли быть употреблены, о чём с появлением дня 18-го сентября и доложено мною генералу Чернышеву, который,

удостоив одобрить сделанное устройство, приказал всему отряду выступить по большой дороге к г. Касселю. Здесь сделано его превосходительством назначение, кому где находиться, и ко мне поступило прикрытие из 400 вестфальской пехоты, двух эскадронов спешившихся драгун вместо нашей русской пехоты, и весь отряд в таковом порядке двинулся вперёд. Не доходя города, сделан был привал, генерал Чернышев призвал меня, стал отдавать приказание, но видя, что местоположение города и удобные места как к начатию дела, равно и расположению артиллерии, мне были известны, почему, удостоив согласия, как расположить артиллерию, приказал мне и полковнику Богдановичу с одним казаком отправиться сделать предварительную рекогносцировку, из коей усмотрено было, что река Фульда, протекающая чрез город, в некотором расстоянии делает поворот позади леса, лежащего от города на пушечный выстрел, так что сквозь лес просёлочной дорогой можно было провести пешую артиллерию, расположив оную впереди леса, примкнув одним флангом к реке для безопасности в случае обхода, и более потому, что сия батарея должна остаться на одном и том же месте, откуда весьма удобно производить можно вред городу бомбардировкой. Конные орудия предполагались построить в центре линии для того, что в случае надобности могли поспешно устремиться к сражению, а одно из оных по большой дороге против ворот. После сего, возвратясь к генералу, приближавшемуся уже с отрядом, было доложено. Собрав таковые сведения, генерал приказал мне распорядиться и ставить всё на предназначенные места, с обороной в случае нападения, когда же всё будет на своём месте, доложить немедленно. Я отправился и уже начал устанавливать артиллерию, как из города последовало несколько выстрелов, на кои я не отвечал, продолжая ставить всё как в оборонительное, так и наступательное положение, где по приказанию генерала и прикрытие уже было на своих местах. Устроив всё при артиллерии, которая готова была к начатию бомбардирования и к наступлению, немедленно отправился к генералу Чернышеву, бывшему в сие время в центре. Узнавши от меня о готовности артиллерии, генерал приказал сначала начать бомбардировку города, стараясь более причинить вреда, дабы заставить сдать, если же они замедлят, в то время мы пошлём парламентёра, а там посмотрим по обстоятельствам. При сем сделал мне вопрос: «Где ты будешь находиться?» «На большой дороге против ворот, которые мне уже очень знакомы». «Я на сие

не согласен, — отвечал генерал. — И скорее соглашусь потерять артиллерию, чем лишиться тебя, ты избрал самый опасный пункт и можешь погибнуть со своим орудием». На сие я доложил, что сколь я уверен в деятельности и храбрости своих офицеров, но как на сем пункте из них никого не было, и они сражались в другом месте, притом каждый из них получил уже своё назначение и ожидают только приказания, то и осмеливаюсь просить дозволить остаться мне против ворот. «Коль скоро ты непременно сего желаешь и до сих пор удавалось к лучшему, то согласен, итак, пусть Бог тебя благословит, и я благословляю, начинай с Богом».

Простясь с достойнейшим моим начальником, я проскакал ещё линию артиллерии, приказав ожидать от меня с большой дороги сигнала пушечным выстрелом, после чего начать производить цельные выстрелы по городу гранатами и брандскугелями, не умолкать батареям до приказания генерала, в случае ж какой перемены и от меня будет выслан трубач.

Орудия все стояли заряжёнными и наведены на строения внутри города. Я, приближаясь к стоящему против ворот орудию, произвёл выстрел, и вдруг открылась канонада со всех наших орудий, я сам удивился, с каким проворством и расторопностью все действовали. Бросание гранат из единорогов и вестфальских гаубиц, по-видимому, удачно попадавших, разрывами и огнём производило большой вред, уже в некоторых местах города показалось пламя, при виде коего осаждающие вскричали «Ура!», и артиллерия, ободряясь успехом, продолжала поражение. Необыкновенный шум слышен стал в городе, вскоре на стенах показались белые платки в знак покорности. Я прекращаю пальбу, как вдруг открываются ворота, и народ с воплем и криком выбегает (ведя детей, и матери имели многих на руках), и все просят пощады. Между народа я усматриваю ещё одно орудие, которое они тащат, восклицая: «Мы отняли и отдаём вам, только пощадите нас». Сначала я полагал, что неприятель маскирует, высылая навстречу народ, дабы удобнее устремиться на отражение нас от города, и потому, не занимаясь с народом, изготовил орудие картечью против самых ворот, но видя, что за народом никто не следует, ввожу орудие и ставлю между церковью и воротами, которые прикрыли на правом фланге спешенные наши драгуны, а левый фланг заняла наша вестфальская пехота. Вскоре вижу выходящей несколько вооружённой пехоты, кои, усмотрев своих, останавливаются и не

стреляют, от моего прикрытия вестфальской пехоты подаётся знак с приглашением присоединиться к нам, и те, осматриваясь назад, вдруг перебегают и строятся подле моих.

Не прошло и пяти минут, как слышим барабанный бой: пехота в большой колонне показалась с ружьями наперевес, вдруг открывает по всех нас батальонный огонь. Драгуны по неосторожности сделали залп, потерявши много убитыми и ранеными, едва могли удержаться и оборонять ворота, как вестфальцы встретили неприятеля батальонным огнём. Сделав несколько картежных выстрелов, и неприятель в первых рядах своих был расстроен, но был превосходнее силой, устремляется под прикрытием бокового ружейного огня в штыки. Мы ещё отражаем, вестфальцы, стараясь охранить моё орудие, выступают со штыками навстречу и, отстреливаясь, подаются назад так, что и я вынужден был спасать свою артиллерию, которая, если б не столь братское прикрытия, каковое я находил в вестфальцах, могла быть взята решительным и сильнее нас неприятелем. При сем, отстреливаясь, мы вышли за ворота, к которым стремительно бросился неприятель, и, ещё от нас поражаемый картечью и пулями, затворил оные. Здесь мы узнали, что когда бомбардированием причиняли вред городу, то все жители взволновались и требовали сдачи города, генерал Алекс (Алликс) противился сему и, по упорству жителей, велел их всех выпустить из города. В таковом положении я с моим прикрытием остался у затворённых ворот, ожидая приказания.

Генерал Чернышев, выдавши все сии обстоятельства, при коих неприятель упорствует в сдаче города, приказал майору Бальмоту (Бальмену) отправиться парламентёром, объявить, что если тотчас не последует сдача города, то действие с прибывшим к нам сикурсом возобновится без всякой пощады. По сигналу трубача ворота были открыты, и парламентёр поехал.

Генерал Алликс, выслушав предложение, отвечал: «Я вижу, сикурс к вам прибыл артиллерии, но пехоту узнаю свою, и всё это не помешает мне отразить вас от города», — причём стал занимать Бальмена другими разговорами, как вбегает его адъютант с докладом, что с того времени, как парламентёр русский находится у вас, неприятель показался с другой стороны города и уже близко ворот. Генерал, обратясь к Бальмену, произнёс: «Если этот неприятель вашего отряда, то вы отвечаете за сие смертью», — приказал подать лошадь, и, взяв с собою Бальмена, отправился. И подлинно

увидели казаков, подъезжающих к городу, Бальмен заметил, что они из числа наших фуражиров, но, не подавая виду, выехал вперёд, приказал казакам остановиться и дожидать приказания. Казаки отвечали, что они полагали о покорении города и везли фураж. Бальмен, возвратясь к генералу Алликсу, объявил, что передовой отряд принадлежит совсем другому генералу, ведущему прусский отряд с 24 батарейнными орудиями, причём просил дать ему решительный ответ, дабы он поспешно мог уведомить о новом сикурсе генерала Чернышева. На сие генерал французский сказал: «Прежде я намерен показать вам, чем надеюсь защитить город». Проехав на другую сторону онога, указал на кавалерию, состоявшую из трёх полков, часть пехоты и несколько орудий: «Это мой резерв». Возвратясь на квартиру, генерал занимал снова майора Бальмена, не отпуская от себя, но как день склонялся уже к вечеру, и мы, не зная ничего решительного, оставались вне города, то генерал Чернышев послал ротмистра Шиллинга требовать поспешного ответа и возвратиться обоим к отряду, но генерал французский занял и сего парламентёра под различными предложениями.

Между тем в открытые ворота, не спросив позволения, я ввожу два орудия, и как улицы не были никем заняты, то, подвигая постепенно, дошёл до прежней моей позиции к мосту на Фульде, который занят пехотой, но без повозок, и, по-видимому, вестфальской, ибо они, видя приближение моих орудий с вестфальским прикрытием, не противились, народ весь следовал подле нас, и с ним часть нашей кавалерии. Вся сия масса остановилась на плацу в ожидании решения. Генерал Чернышев, не получая никакого ответа и предвидя умысел, что в случае нападения в сумерках на отряд могут быть неприятные последствия, решается отправить полковника Бенкендорфа с тем, чтобы, возвратя наших парламентёров, начать неприязненные действия. Коль скоро полковник Бенкендорф прибыл с сим решительным предпринятием, то генерал Алликс спросил: «Кто из вас, господа, старший?» Бенкендорф объявил себя. «Хорошо, господин полковник, вы извольте оставаться здесь залогом, а я сам еду увидеться с генералом Чернышевым». Вскоре мы заметили, что пехота, стоявшая по улицам и на мосту, брала ружья на плечо, раздавалась по сторонам, и генерал Алликс с адъютантом и двумя первыми нашими парламентёрами появился, но лишь только приблизился к моим орудиям, как вестфальское моё прикрытие закричало «Ура!», повторяемое в рядах наших и толпе народа. Воскли-

цание сие весьма не понравилось генералу Алликсу, заметно было, как он, будучи сопровождаем криком народа, переменялся в лице и с пренебрежением смотрел на вестфальское моё прикрытие. Он нашёл генерала Чернышева у ворот, и начались переговоры. Генерал наш требовал сдачи города и всего войска военнопленными, на последнее противник никак не соглашался, продолжая: «Если вам угодно принять моё предложение, можем согласиться, в противном случае, возобновлю оборону города, оно состоит в том, я оставлю вам город со всем арсеналом, наполненным разным оружием, и дворец, который незадолго король оставил, но всё войско, кроме предавшегося вам, я выведу из города за 2 мили, где поставим с обеих сторон аванпосты». Генерал Чернышев в знак согласия подал руку, и вскоре расстались. Неприятель тотчас по приезду своего генерала начал выступать из города, казацкий полк сопровождал оный, и в двух милях остановились. Часть нашего отряда вступила в город, но прочие все, как и сам генерал Чернышев, оставались в форштате, и сия ночь была совершенно покойна для нас, доселе не имевших постоянного отдохновения.

На другой день, то есть 19 сентября, поутру я позван был к генералу Чернышеву, встретившему меня с особенными лестными выражениями его признательности, и как в 10 часов назначено было молебствие при собрании целого отряда, то мне приказано приготовить артиллерию к пальбе. Возвратясь на биваки, вскоре присоединил всю артиллерию к собравшемуся отряду, и по прибытии генерала началось молебствие с усердным благодарением за сохранение нас от стольких бед и понесённых трудов и возвышение славы оружия русского. Заключение было многолетие Императору Александру с августейшим двором, сопровождаемое пушечной пальбой. После столь впечатленного в наших сердцах славного события генерал приказал всем начальствующим частями в отряде окружить его, при сем каждого из нас обнял, благодарил с выражением чувств, наконец, обратясь ко мне, произнёс: «Господин капитан Лишин, я и все присутствующие знают, сколь много вы содействовали в настоящем успехе, я особенно благодарю вас и сверх сего испрашиваю у всемилостивейшего Государя для вас награду чин и георгиевский орден, при первом же удобном случае в знак моей памяти и славного сего подвига не оставлю лично монарху вас рекомендовать». С чувством благодарности я принял достопамятные слова от уважаемого начальника, доставившего

и нам случай доказать, что русские воины нигде не смогут иметь препоны, и для свершения славных дел они под предводительством достойного начальника готовы с быстротой молнии устремиться на всё, где укажут им путь к славе. Доселе ни один из партизанов не ознаменовал себя подобным успехом, до коего могли достичь единственно строго соблюдаемой дисциплиной — душою военного порядка, при коей всегда, даже и при самых неудачах, не можно себя считать побеждённым, и с введением сего в партизанство обязаны генерал-адъютанту Чернышеву, коего имя для бывших его подчинённых и самых побеждённых останется священо.

ЛИШИН АНДРЕЙ ФЁДОРОВИЧ (1801–1898)

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ

Андрей Фёдорович Лишин

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ЛИШИНА АНДРЕЯ ФЁДОРОВИЧА

*На старости я сызнова живу,
минувшее проходит предо мною.*

А. С. Пушкин

«Я родился 26 мая 1801 года, в родовом имении, в селе Вельжичи Мглинского повета (уезда), Черниговской губернии. Батюшка мой, Фёдор Андреевич Лишень, (р. 1757 г. — ум. 15.01.1826 г.) был коллежским ассессором, судьёй Мглинского уездного суда, а матушка Прасковья Владимировна, урождённая Губчиц, дочь бунчукового товарища (р. 1763 г. — ум. 23.05.1840 г.).

Дед мой, Андрей Тимофеевич Дудицкий-Лишень, родился в 1713 году и умер в 1775 году. Из его собственных показаний, находящихся в Харьковском Историческом Архиве, № 3705, сказано: «В службу вступил с 1736 года войсковым канцеляристом в Генеральной Войсковой Канцелярии; в 1740 г., когда по Высочайшему указу повелено было Генеральной Войсковой Канцелярией архиву, в беспорядке тогда находившегося, разобрать и в настоящий порядок привести. Определён был к содержанию и разбору того архива и содержал он, Лишень, этот архив сам один, а разобрав, и привёл в подлежащий порядок с определёнными от Канцелярии под его смотрение войсковыми, до 25 человек, канцеляристами, и был в содержании и разборе того архива бессменно три года. С 14 марта 1748 г. — бунчуковый товарищ.

В 1751 г. был в числе депутации, при поздравительной встрече гетмана, графа Разумовского. 13 июля 1751 г. — ему, с бунчуковыми товарищами — Петром Лашинским, Григорием Богдановичем, Иваном Велецким, Романом Затыркевичем и Петром Андреяшевичем — велено присутствовать при церемонии чтения грамоты на гетманство и выносе клейнодов гетмана в церковь. «В добром убранстве, на конях верхами», причём они должны были ехать рядом «с парадной лошадейю его ясновельможности с серебряными литаврами». В 1761 г. был при доме гетмана в надлежащем чине и состоял в комиссии генерального есаула Жоравки по собранию от старшин, бунчуковых, войсковых и значковых товарищей сказок о службах. 17 ноября уволен со службы. По записи отца 1757 г. получил двор в городе Мглине, село Нивное с мельницей и подданические дворы в сёлах Нетяговке и Велюханах.

В 1757 году женился на дочери Стародубовского полкового судьи Анастасии Андреевне Рубец.

Прадед мой, Тимофей Васильевич Дудицкий-Лишень, родился в селе Высоком Мглинской сотни в 1680 году. С 21 февраля 1727 г. — Мглинский городской атаман, в 1728 году — Мглинский наказной сотник. С 1728 по 1735 гг. — атаман куреня Высоцкого; с 1736 по 1745 — значковый товарищ; с 15 июня 1745 года — войсковой товарищ, с 1757 года в отставке. За службы деда и отца получил с братьями 31 июня 1730 года универсал гетмана Апостола на купленные грунты с поселениями в сёлах Великой Дуброве, Нивном, Костяничах, Шевердах, Осколке и Высоком; 14 июля 1744 году получил универсал Генеральной Войсковой Канцелярии на сёла Великую Дуброву и Нивное. Жил в селе Высоком. 26 августа 1757 года распределил своё имение между детьми и внуками: Степаном Трощановским и Петром, и Гаврилой Тарасевичами. Умер в сентябре 1757 года. Неграмотный.

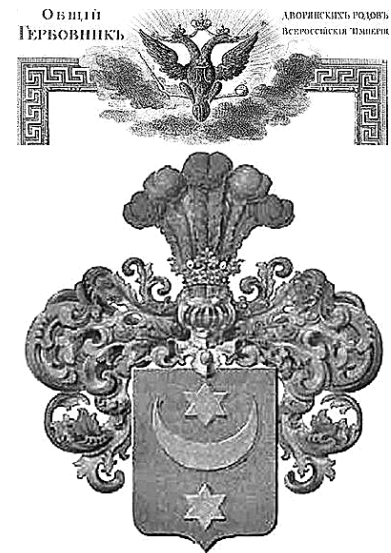
Прапрадед мой, Василий Иосифович Дудицкий-Лишень, родился в 1654 году в селе Высоком. В 1681 году значковый товарищ Стародубского полка, войсковой товарищ с 1683 года, знатный войсковой товарищ в 1720 году. Был в походах в 1695–1724 годах, воевал под Азовом и в Польше. Умер около 1730 года.

В 1863 году минуло 550 лет, как род Дудицких-Лишиных стал известен на Украине. Род Лишиных в то бурное время то поднимался и приближался к польскому королю, то попадал в опалу. В последнее время его возвышения, в конце XVI века, это был княжеский род Дудицких.

За героизм, проявленный в битве при местечке Држевица, в войне Польши с Литвою, такое знамя было пожаловано князю Дудицкому. Вот описание этого герба:

«Држевица» (Drzewiza) — в голубом поле золотой полумесяц рогами вверх; над ним и под ним по золотой шестиконечной звезде. В навершие шлема пять страусовых перьев.

Изображение в эмблеме герба — полумесяца очень характерно для польско-литовской геральдики и говорит о его «мусульманском» происхождении. Многочисленны случаи использования образцов и традиций польской геральдики и выезжими семьями, и дворянскими родами русского происхождения.

Герб дворянского рода Лишиных

Фамильная драгоценность

Фамильная драгоценность, которая вручена в Польше заслуженному Рыцарю, который у деревни Лакречной боролся с врагом по ту сторону границы, был послан от войска княжеского Серацкого вперёд разведать о людях, охране, чтобы обеспечить безопасность. Языческое войско литовское наносило вред народу, сметая мечом, огнём всё на своём пути.

Упомянутый рыцарь именем Архадуш Аркадиуш собрал людей, которых имел в окружении своём, и нанёс удар по языческому войску, чем заслужил добрую славу на отягчённой поборами Литве.

Дал сообщение в Польшу и просил помощь. За многократные и успешные битвы награждён этим драгоценным Гербом на вечные времена. Все рыцарства употребляли этот Герб как самый знаменитый и доблестный от Петркова рода старожитного знаменитого. В Краковском воеводстве род Поплавских, из которого был Н. Поплавский учёным наук совершенства при дворе королевском (императорском), потом длительное время при эрцгерцоге достойным, компетентным во многих вещах, касающихся войска, королевства. Янина Грушчинская была тоже этого Герба и рода.

Так как королевство большое, о других нашего роду не могу знать.

О тех временах хорошо описал стихами в 1883 году сын мой Григорий Андреевич Лишин.

КОРОЛЕВСКАЯ МЕСТЬ

«О нашей поведать я рад старине, —
Так начал ксёндз старый рассказывать мне, —
В Лишневке (село на Волыни)
Наш славился замок далеко кругом.
Да минуло время, спокойно живём.
Всё глухо, заброшено ныне.
Князь старый Дудицкий богатством гремел.
Память о нём, что от сердца умел
На ласку ни с кем не скупится.
Гордился лишь Зосей, княжною своей.
В народе доселе поётся о ней,
Так было, знать, чем и гордиться.
Что значит, так весело трубы звучат?
Весь замок в смятенье, хлопчут, шумят...
Иль радость случилась какая?
Ещё бы! Да не было дня веселей!
Почётней ещё не встречали гостей
Хозяин и дочь молодая.
Король, объезжая свою всю страну,
Задумал: «К Дудицкому дай заверну.
Посмотрим красотку-плутовку.
Чего ж не потешить! И крюк не велик,
И славится всюду радушьем старик.
Поколе, на праздник! В Лишнёвку!»
И жаркою встречей властитель почтён,
И больно пан ксёнже доволен,
Веселье, убранство и радостный звон
Несутся со всех колоколен.
Вот вечер настал. Бал открыт королём,
Он в польской одежде, с княжною.
Сияет на нём
Кунтуш дорогими камнями;

Но очи его ещё ярче горят,
Чуть встретится нежный и пламенный взгляд
С её неземными очами.
И видя, что ласк и привета полна
С ним в речи, он молвил: «Скажите, княжна,
Не дали ль кому-нибудь слова?
А если свободны, вниманьем своим
Высоким пред всеми мы вас отличим.
Мы родом не хуже другого». —
«Но мой повелитель, росла я в глуши,
Чужда я и блеска, и шума.
Не знаю стремлений влюблённой души,
Но есть в ней заветная дума:
Лишь тот обладать будет мною вполне,
Кто станет мне дорог, полюбится мне.
Граф Генрих Замойский меня заклинал,
Его чтобы стала женою...
Красив он и статен,
Умён он и знатен...
Сказала: «Пленитесь другою,
Мой час ещё, знать, не настал».
На что уж Сапега — герой по всему:
Трепещут при имени турки.
Гроза он среди Сечи!
А нежностью речи
Кто сводит с ума всех в мазурке? —
И всё ж отказала ему.
Простите меня, что ответ вам такой
Даю, мой властитель великий!
Но той, кто проста и правдива душой,
Притворства все странны и дики.
Лишь тот обладать будет мною вполне,
Я вам повторю, кто полюбится мне».
И в залу обратно вступает король,
Досаду едва лишь скрывая.
Хозяин подходит: «Властитель, дозвожь...
Уж ждёт нас забава иная:
Пришли два певца: с юным сыном старик,
К их песням чудесным весь край наш привык,

Без них как-то праздник не полон». И с гостем садится за стол он. И старец запел о минувших годах, О славе бывалой и силе, О грозных сраженьях и шумных пирах, Как турок когда-то громили... Дошёл до возврата в отчизну певец, В отчизну, где ждёт всех героев венец Любви... Есть ли выше награда?! «Мой Сын (он промолвил), теперь твой черёд. Я знаю, правдивей, живей он споёт О том, что для сердца отрада». И юноша лютню с восторгом схватил... Казалось, взором княжну он молил Внимать... Смолкло всё в то мгновенье, И грянули струны во славу красе, И поняли сразу, и поняли все, Источник кто был вдохновенья, Чьи взоры вселяли огонь в его речь, Чей вздох мог мгновенно страданье пресечь, К кому все летели мечтанья! Вот юноша смолк... И поникнув челом, И молча все гости сидели кругом. — Что выше такого молчанья! Слезу князь отёр и певцов подозвал: «Не стыдно, что плачу над песней». — «Те слёзы святые, — старик отвечал, — Награды не ведал я лестней... Другим наши песни забава одна, Тебе же раскрыта её глубина!» Княжна вся трепещет! Знать сердцу пора Другому откликнуться дружно. Снимает с головки два белых пера, Сплетённые нитью жемчужной. «Возьмите... ничтожен подарок вам мой... Но помните Зосю, певец молодой!» И грозно с сиденья поднялся король: «От этой забавы ты, князь, нас уволь (И взор засверкал его гневом!),

Теперь лишь понятен княжны мне отказ, Но только не песнью обидел ты нас, Окончим своим мы приветом: Смотрите! Вот герб их: как гордо висит! «Држевица» зовётся. Честь князя хранит. Дан предкам за верность, отвагу. Семь перьев блещут над короной златой: Княжне показался счёт слишком большой, Двумя наделила бродягу!! Что ж! На это, зная, воля князя-отца... Пригодными будут они для певца: Пыль с лютни сметать! Но едва ли...» И выхватил саблю: «Так на ж их, возьми!» Два раза взмахнул, и на место семи Пять перьев лишь герб осеняли. «Коней!» И выходит. Безмолвно за ним В испуге спешит его свита, А князь всё на месте сидит недвижим, Властителя гневом убитый. И вдруг голос старца все своды потряс: «Кручину оставь свою, князь! Ведь гнев королевский лишь страшен теперь, В награду ты высшую верь. Тебе вот моё предсказанье, В нём славы залог, процветанье: Дар песни твой род не покинет, Отваги в нём пыл не остынет, А тем лишь поётся Отраднo, светлo, В ком век не найдётся Ответа на зло». Так спите же предки под княжим гербом, В безмолвии гордом своём. Не надо мне пышности прежних годов, Ни слов и ни шумных пиров! Но, старец, будь близок тому, кто томим Пророческим словом твоим: Те перья найти помоги мне, судьба! Не красить вершину герба,

Нет! — Слово живое пусть выльет одно,
Чем пылкое сердце полно,
И звуком другое утешит друзей,
Как отблеском радостных дней.
Чтоб, внемля и слову, и звуку, она,
Как некогда Зося-княжна,
Дарила потомка забытых князей
Улыбкою чистой своей.

* * *

Село Лишнёвка на Волыни существует и в настоящее время. Королём, посетившим князя Дудицкого, был Сигизмунд III (умер в 1632 году). Генрих Замойский — сын польского канцлера Яна Замойского. Лев Сапега — канцлер Великого княжества Литовского. Осенью 1600 года король Сигизмунд выслал в Москву большое посольство во главе Львом Сапегой, для встречи с Русским царём Борисом, где было заключено двадцатилетнее перемирие. Подданные России и Польши получили права селиться и владеть землёй, поступать на государственную службу в любой из них. Так, состоящий в составе делегации молодой князь Фёдор Дудицкий оказался в Москве, а затем поступил на службу в Стародуб. От него и пошла ветвь Лишиных Черниговской губернии. Она записана в «Большую бархатную книгу» Российской геральдики, как наиболее древняя. Но есть ещё две ветви Полтавская и Елизаветградская, но это ветки мелкопоместных дворян.

Лишины всегда были глубоко принципиальные, суровые и непреклонные люди. После присоединения Украины к России они служили преимущественно в армии и занимали довольно высокие посты.

История Волыни последнего тысячелетия ярко отображает взаимоотношения Польши, Литвы и России с коренным населением края. В начале 14 века Волынское княжество потеряло независимость и попало под власть Литвы. Хозяйствование северного соседа длилось до конца 16 века. Люблинская, а впоследствии Брестская уния, открыли на Волынь путь полякам и католическому духовенству».

В длинной своей партии воспоминаний генерал Лишин рассказывает о своём детстве, обучении и службе.

Детство

Первые мои детские впечатления, а, следовательно, и взгляды, возникли у меня в глухой деревенской среде. Дом, в котором мы жили, был деревянный в два этажа, крытый тёмсом. Перед домом чистый двор старая берёза, обиталище грачей, огромные липы, кругом службы, сзади сад, пруд, лес — вот наружная обстановка места, где протекло около 10 лет моей жизни. Лица меня окружавшие, кроме родителей и двух братьев Петра и Владимира, были старая няня Варвара, совсем глухая, сенные девушки — Евлампия и Анна, мальчик Александр, староста Иван, он же и кучер. Шести лет я выучился читать и писать, и знал четыре действия арифметики, чем обязан своим родителям. С этого времени я получил страсть к чтению и пожирал без разбора всё печатное, что попадалось под руку, как дома, так и в библиотеке соседа Луки Ивановича Лишина. Часто силой отнимали у меня книгу, чтобы заставить немного погулять. Привожу их названия: «Марфа Посадница» — Карамзина; «Письмовник» — Курганова 1764 г. и опера «Русалка», «Плеяда» Гомера, «Приятное и полезное препровождение времени», «Богомолки», «Душенька», «Одушевлённая статуя», «Славянские древности», «Приключения маркизы Г.», «Нравственная философия», «Приключения Помпе», «Россияда», «Наполеон Бонапарте», «Должности человека и гражданина», «Живописец», «Телемак», «Лолота и Фанфан», романы г-жи Радклиф и другие сочинения. Мог ли я в восьмилетнем возрасте извлечь из них какую-либо умственную пользу, я не знаю. Не трудно себе представить, какое сильное впечатление производили на моё детское воображение таинственные ужасы романов Радклиф, которые я читал с увлечением и повторял все их перипетии человечками, вырезанными из бумаги, бывшими моими любимыми игрушками. Весь этот хаотический сумбур сведений и впечатлений, набившийся мне в голову от столь разнообразного чтения, не произвёл, однако, очень вредного влияния на дальнейшее моё умственное развитие.

Я был самым любимым сыном моей матери и со своей стороны до такой степени был к ней привязан, что, когда она уходила, я не переставал плакать, и потому она брала меня с собой.

В 1807 году отец мой был выбран уездным судьёй, и семья переехала в Мглин.

В Мглине я начал ходить в уездное училище. Каждое утро надо было вставать в 6 часов, обуваться, умываться холодной водой и поспешно одеваться, потом молиться Богу, налагая крест правильно, читать вслух, но не громко, молитвы, а потом с низкими поклонами, пожелав доброго утра домочадцам, пить чай с белым хлебом, что вполне заменяло завтрак. В 7 часов начиналось учение и продолжалось пока не выучишь урок. Во время учения никакими посторонними делами занимать себя даже и помыслов не имели, а всё внимание было обращено на урок, так что чем скорее выучишь, то и поймёшь лучше.

В 12 часов наступало обеденное время, на столе присутствовали: щи с ржаным решётным хлебом, или что случится, кашу и жаркое; пили квас, а лучше, по сельской привычке, хорошую воду. Во время обеда за столом надо было сидеть прямо, много не говорить, разве что необходимое. После обеда до двух часов можно было заниматься упражнением на скрипке, фортепьяно или петь, а в два часа опять начиналась учёба и продолжалась до шести часов. После учёбы можно было с гувернёром по городу погулять, потом заняться игрой и рисованием. В 8 часов вечера начинали ужинать, так чтобы не обременять на ночь желудок, а в 9 часов ложились спать.

К учителям меня всюду сопровождал гувернёр, который во время моего учения присутствовал и домой со мною возвращался. Во время уроков он следил со вниманием и всегда советовал: «Чего не понимаешь — проси повторить, даже по несколько раз. Учителям оказывай должное уважение и слушайся их наставлений, которые относятся к наукам». На гувернёра своего я никогда не сердился, но старался приказывать ему по должности повелительно, вежливо, с тихой скромностью, но отнюдь не фамильярно, чем приобрёл от него чистосердечную любовь и повиновение.

Если случалось мне говорить с посторонними, то разговор я вёл с учтивостью, не возвышая голоса, да и не принижая его, о тех только вещах, в коих я совершенно был сведущ, а о неизвестном совсем не говорил, оправдываясь неведением, дабы не попасть в болтливые дураки. Слушая беседы и разговоры умных людей, с вниманием замечал я в них порядок здравого рассуждения, так как со временем и сам хотел быть им подобным.

Как говорила маменька, бельё надо было менять два раза в неделю, потому что бельё, одежда и обувь должны быть всегда опрятны, вычищены и не кое-как надеты, ибо всё это придаёт человеку бодрость и не делает его отвратительным и ничтожным. В воскресные дни ходим к обедни, которую слушаем со вниманием, а особенно Евангелие и Апостол.

Хаотический запас моих познаний от посещения училища не регулировался и не увеличился. Припоминаю только двух учителей, Савву Ивановича, маленького и толстого, и Фёдора Ивановича, высокого и худого, и то, что моя мать посылала им в подарок куповинские жилеты (материя эта ныне уже забыта). Дома я занимался с гувернёром, французом, Огюстом Ронже, которого пригласил мой отец.

В 1812 году мирные жители Мглина были встревожены вторжением Наполеона в Россию; всё задышало войной, начали собирать ополчение. Собралась также ватага школьников и назначила меня своим атаманом. Это было первое проявление ко мне товарищеской любви, которой я, к счастью своему, не переставал пользоваться всю свою жизнь. Моя юная команда, вооружённая деревянными дротиками и картонными саблями, в ожидании французов, начала делать набег на монастырские поля, засеянные горохом и репой, и вступать в борьбу с охранявшими их сторожами. За это отец запирает меня в тёмную комнату, что было самым большим наказанием. Предпочитаемым в то время педагогическим наказанием розгами я, как дома, так и в московском университетском пансионе, никогда не подвергался.

В конце 1813 года родители мои отправили меня в Москву для определения в какой-нибудь кадетский корпус, но так как у меня была более тяга к гуманитарным наукам, я был после сдачи экзамена зачислен в московский университетский благородный пансион, где уже учился один из моих братьев Пётр. Для дворянина это был единственный способ образования и вступления как в военную, так и в гражданскую службу. Тяжело было расставаться с нежно любимой моей матерью, но делать было нечего, надо было устраивать новую жизнь.

Разлука с матерью произвела нравственный переворот в моём мирозерцании. Потеряв всегдашнюю свою заступницу и баловницу, я ясно увидел, что впредь должен рассчитывать на собственные силы и стараться быть всегда рассудительным и осторожным.

Учёба в московском университетском благородном пансионе проходила под руководством известного директора этого прекрасного учебного заведения, Антона Антоновича Прокоповича-Антонского, человека весьма образованного, с твёрдым характером. Сам пансион в то время считался закрытым средним заведением для мальчиков из знатных дворянских семей. Организован был в 1776 году Екатериной II, как интернат при университетской (академической) гимназии с целью привлечь дворянство к обучению. Принимались туда мальчики 9–14 лет после предварительных испытаний, в ходе которых выяснялся уровень подготовки, и определялась индивидуальная программа занятий. Русскую историю и словесность преподавал профессор А. Ф. Мерзляков, плотный, красивый и чрезвычайно представительный мужчина. Он часто читал нам произведения Карамзина и Жуковского с большим искусством. Такого чтеца, как он, я встретил в моей жизни лишь в одном Осинском, профессоре словесности в прежнем Варшавском университете. Мерзляков не позволял ничего учить наизусть, но требовал объяснения своими словами, что научило нас хорошо говорить и писать. Иностранные языки преподавались в пансионе хорошо, особо старательно изучались латинский и французский языки. Высшую математику преподавал Николай Фусс, бывший потом секретарём академии наук. С удовольствием вспоминаю об учителе фехтования, Сивербрике, так как страстно любил фехтование на шпагах и был одним из лучших его учеников. Из других учителей упомяну: о Вольгемуте, учителе физики; Гапателе, преподававшем всеобщую историю на французском языке, которую он заставлял долбить наизусть, и в которой три четверти учеников ничего не понимали и читали свой урок как попугаи; Шмыгине, учителе географии; наконец, о Штемлере, учителе немецкого языка, которому, по странному предрассудку, вкоренившемуся в русскую молодёжь, никто не хотел учиться, хотя немецкий язык для практических целей просто необходим.

Страсть к наукам и отличная память давали мне возможность быть по всем предметам одним из первых учеников. Свойство моей памяти было такое, что, прочитав раз урок, я мог его повторить дословно, но зато прочитанное скоро забывал. Говоря о своих нравственных качествах, определивших дальнейшее течение моей жизни, не могу умолчать о наследственных качествах: от своего

отца — весёлый характер и от матери — доброе сердце. Две эти черты не оставляли меня до глубокой старости; весёлость доставляла мне успехи в обществе, как приятного собеседника, доброта же, хотя иногда мешала успехам по службе, но привязывала ко мне подчинённых.

К выпуску, со званием студента, в 1817 году, кроме меня, предназначалось в артиллерию, сапёры, армию и к статским делам 45 человек. Я по приглашению одного из своих старших братьев, Николая, участника войны 1812 года, определился на военную службу. Хотел поступить в гвардию или в кавалерию, но этого не случилось, потому что в то время из пансиона и из кадетских корпусов прямо в гвардию редко пускали, и я попал в 49-й егерский полк, стоявший в Волынской губернии, в Остроге.

Есть какое-то общее заблуждение в том, что юность самая счастливая пора. В юности столько дури, что потом, когда наступает пора трезвых воспоминаний, хватаешься за голову от стыда и досады. Как правило, годы юности — упущенные годы, даже если они не убиты тяжестью труда. Какой человек я был в 20 лет? Трудно сейчас, 75-летнему Лишину, с жизненным опытом, сказать верно, о чертах моего тогдашнего характера. Самолюбив, но стараюсь сделаться лучшим, ветрен и беспечен, хороший друг, желает лучше быть несчастным, но оставаться всегда честным, ленив и нетерпелив, нехладнокровен к благорасположению высших чинов, но не способен достигать этого недостойными средствами. Исполненный сыновней любви, страстен к удовольствиям света, имеет цель — заслужить общую любовь, обязан занятиям науками многими счастливыми минутами своей жизни, предпочитает три общества: образованных и опытных людей, милых женщин и дружеское военное, где душа нараспашку. Стараться всегда вести себя в духе той среды, в которой находишься, если это не сопряжено с нарушением чести или нравственности. Полагаю, что это правило руководило мною в отношении товарищей, которыми я всегда был весьма уважаем во всё время пребывания на службе. Весёлость моя одушевляла общество, а рассудительность делала полезным советником для молодёжи. Не менее двадцати ссор были окончены с моей помощью миролюбиво, так что впоследствии я получил прозвище «мирного секунданта».

Командовал 49-м Егерским полком до 1821 года, был весьма дельный и строгий служака полковник Василий Гаврилович

Пяткин. В июле 1820 года я был произведён в офицеры, в Житомирский пехотный полк.

В бытность полка во Владимире-Волыньском, в 1821 г., проезжал через город император Александр Павлович, на обратном пути с Веронского конгресса. Я, тогда уже подпоручик, был назначен ординарцем к государю, и за знание фронтовой службы обратил на себя высочайшее внимание. Государь расспросил меня о том, из какой я губернии, где получил воспитание и образование, давно ли офицер, и вообще сказал несколько приветливых слов с той лаской и очаровательной улыбкой, которые были так пленительны в этом государе. Вслед за государем на меня обратило внимание и ближайшее начальство. Как воспитанник университетского пансиона я отлично говорил по-французски, что особенно понравилось начальнику 25 пехотной дивизии, генерал-лейтенанту Фёдору Григорьевичу Гогелю (1775–1827). Сын генерала служил впоследствии управляющим в Царском Селе до 1877 года. В семействе генерала преобладал французский язык, и он взял меня в адъютанты 18 июня 1821 года. Шесть лет спустя генерал умер на руках своего адъютанта (27 апреля 1827 г.). За всё время службы при Гогеле, я был неоднократно посылаем со многими секретными поручениями: для наблюдения за волнениями, в виду событий 1825–1826-х годов; для собирания сведений о миссионерах и о масонах; для ареста игроков и некоторых именитых поляков, для производства некоторых следствий. Среди тех, кого мне пришлось сопровождать в Петербург, был граф Пётр Игнатьевич Мошинский (1800–1879). Он был арестован в начале 1826 года как член патриотического общества Тамплиеров. Впоследствии он занимал должность маршала в Волынской губернии. С 11-го января 1826 года мне были даны секретные поручения от начальника дивизии о сборе сведений о происшествии в Черниговском полку, о том влиянии, какое это происшествие имело на жителей и войска 1-й и 2-й армий, о состоянии умов во 2-й армии, о произведённых арестах. Я представил обо всём личный и подробный доклад в Варшаве цесаревичу Константину Павловичу.

Продолжительная служба у генерала Гогеля дала мне много, и именно на него мне хотелось быть во всём похожим по службе. Ф. Г. Гогель в 1812 г. шеф 5-го егерского полка и командир 3-й бригады 26-й пехотной дивизии 7-го пехотного корпуса 2-й Западной армии, сражался под Миром и Романовом, Салтановкой, Смолен-

ском, Шевардином, Бородином, участвовал в арьергардных делах, затем в боях под Вязьмой и Красным (награждён орденом Св. Анны 1-й ст.). Был при осаде Модлина и Гамбурга в 1813 г., за что награждён орденом Святого Георгия 3-го класса. В 1815 году участвовал во втором походе во Францию. С 12 декабря 1824 г. он произведён в генерал-лейтенанты. Гогель пользовался особым доверием цесаревича Константина Павловича, который вёл с ним деятельную секретную переписку по поводу печальных событий, происшедших в армии в конце 1825 года. Января, 28 дня, 1826 г. он удостоился Высочайшего рескрипта с изъявлением признательности Императора Николая Павловича за решительные меры, принятые им при беспокойствах, произведённых в декабре 1825 года под Белой Церковью. 17 апреля 1827 года он внезапно скончался от паралича сердца. Над его могилой в полуверсте от Дубна, близ Брест-Литовской дороги, офицерами 25-й дивизии сооружён памятник.

Служба в Лейб-гвардии Литовского полка в Варшаве

Впоследствии некоторое время я состоял адъютантом начальника той же 25-й дивизии генерал-майора Рейбница, а в октябре 1827 года адъютантом к командиру Литовского Отдельного Корпуса генералу от кавалерии графу Ожаровскому, до выхода того в отставку, в виду нерасположения цесаревича Константина Павловича. После того, 18 декабря 1827 года, я был переведён в Варшаву и, милостиво принятый цесаревичем Константином Павловичем, был назначен адъютантом к начальнику Главного Штаба Его Императорского Высочества Цесаревича Генералу от Инфантерии Графу Д. Д. Куруте. По воле цесаревича граф Курута вверил под мою команду сформированный в Варшаве батальон кантонистов. Батальон состоял из подростков, назначенных Императором Николаем Павловичем в распоряжение его августейшего старшего брата Константина, количеством до 500 человек, от 13 до 20 лет. Это были дети солдат из разных батальонов, преимущественно из городов Западной России. Я командовал этим батальоном 5–6 лет и успел приобрести любовь, уважение и беззаветную преданность своих питомцев. Я не прибежал к тогдашней системе; как молодой офицер — я не знал палки, и моё доброе, высоконравственное руководство принесло прекрасные плоды.

Вспыхнула кровавая польская смута и в самом очаге восстания кантонисты, взятые в плен, не изменили, не один из нескольких

сотен, долгу присяги. Факт в высочайшей степени замечательный и впоследствии официально подтверждённый.

Служа в войсках, находившихся в Варшаве, под начальством цесаревича и великого князя Константина Павловича, Лейб-гвардии в Литовском полку, я пользовался его милостивым вниманием и доверием. Я, состоя адъютантом при графе Куруте, имел особое поручение быть начальником отделения военных кантонистов, избранных из киевского, псковского, витебского, смоленского и херсонского отделений и поступивших в распоряжение его высочества. Воспитание их было предметом особых забот блаженной памяти государя и цесаревича. Из взрослых был составлен батальон, который в приёмах и фронтовом учении не уступал лучшему из гвардейских полков. Находясь при них, я устаивался особенного расположения моего начальства, так как наука и поведение этих молодых людей всегда обращали лестное на них внимание. В помощь мне было прикомандировано 4 офицера из гвардейских полков — Лейб-гвардии Литовского подпоручики: Красинский и Забелло, и Лейб-гвардии Волынского подпоручики: Грушецкий и Каменский. Лагерь мы занимали на территории 2-го егерского полка, который держал караул в крепости Замостье. Располагались мы в бараках, и трёхмесячное пребывание наше в лагерях не тяготило нас, а доставляло удовольствие. Всё делалось по воле его высочества и, кроме похвалы и одобрений, никогда косой взгляд начальства нас не тревожил. Поведение кантонистов было беспримерно, нравственность самая чистая, и, командуя ими, я считаю счастливейшим временем в моей жизни.

Обучали их по приказанию цесаревича математике, истории, географии, артиллерии и полевой фортификации особо избранные чиновники. Устройство учебного порядка было поручено чиновнику 6-го класса, академику словесности, Ивану Михайловичу Фовицкому 1-му, состоявшему при его высочестве.

Император Николай Павлович, в бытность свою в Варшаве, в 1829 году неоднократно устаивал молодых людей своим посещением, равно также изволил делать смотр во всех частях фронтовой службы и, находя их отлично знавшими своё дело, изъявлял лично своё удовольствие его высочеству, как отцу и основателю этого заведения; я при этом удостоился получить чин за отличие, годовой оклад жалованья и его величество, удостоив меня поцелуя, сказал: «Я тебя прошедший год благодарил и теперь благодарю;

старайся, чтоб брат тобою всегда был доволен». 12 мая 1829 года за отличие по службе мне был присвоен чин поручика, а 6 июня 1830 года выдано годовое жалование за отлично-усердную службу и по бедному состоянию.

Служба в Варшаве тем более прельщала меня, что представляла уже нечто заграничное, которое я давно мечтал увидеть, но увидел уже в позднюю пору моей жизни.

Общество офицеров Лб.- Гв. Литовского полка отличалось тесным товариществом, либеральными мнениями Александровских времён и полным сознанием своего достоинства, как корпорации. Из офицеров полка было много хорошо образованных и прилежно читавших политические и военные сочинения. А так как эти офицеры имели большое влияние на всё общество, то и другие старались следовать их примеру. Вообще в продолжение всей моей службы я мало встречал гвардейских полков, в которых бы был такой превосходный дух, как в Литовском полку.

Жители из поляков не имели большого желания сближаться с русскими офицерами, а они, в свою очередь, не искали этого сближения и потому довольствовались только общественными удовольствиями, театрами, концертами в публичных садиках, прогулками и своим обществом. Все почти офицеры полка были холостые, великий князь не любил женатых офицеров, что, по его мнению, было вредно для службы. Когда я прибыл в Варшаву, в полку была только одна дама, жена подпоручика Тинькова, прелестная Прасковья Сергеевна, всех нас очаровавшая своей добротой и любезностью. Я был весьма радушно принят обществом полка, и в непродолжительное время и интеллигенция полка приняла меня в свою среду за мою любознательность. Разумеется, я отдался с увлечением чтению, имея возможность получать всякого рода книги.

В то время я жил на Сенаторской улице, в доме, называемом Блака-палац. Сожитель мой был Литовского полка подпоручик Николай Афанасьевич Обручев. Это был пламенный последователь Руссо и можно представить, какие споры и пререкания возникали между нами, так как я был сторонник мирозозерцания Монтескье, Франклина и Вейса. Обручев был очень странного и необщительного характера, но чрезвычайно образованным и достойным человеком.

Великий князь был всегда со мною любезен и часто говорил начальнику штаба Куруте: «Не правда ли, Дмитрий Дмитриевич, что Лишин очень похож на своего бывшего начальника генерала

Гогеля». Как представлялось это сходство Константину Павловичу — не понимаю.

Были у меня два приятеля швейцарца: учёные педагоги в отделе кантонистов Фавр и де-Фош, и общество которых имело на меня самое благодетельное влияние. Они жили в разных странах Европы и были весёлые и любезные собеседники, а так как язык нашего общения был французский, то мне быстро удалось совершенно свободно говорить по-французски.

Много офицеров Литовского полка не позволяло себе глхнуть в одних только механических фронтных занятиях, а старалось теоретически знакомиться с настоящим военным делом и развивать свой ум разнообразным чтением, особенно политическим. Все были пылкие сторонники парламентаризма, поэтому Литовский полк был на дурном счету у великого князя, который не любил, когда офицеры занимались науками, тем более политическими. Цукерня (кондитерская) швейцарца Лурса доставляла нам возможность читать европейские журналы и газеты.

Интимное общество моё составляли: Форсман, Фавр, Фош, Пущин, Тиньков, остроумный Франковский, полковник Уланского полка. В годы моего пребывания в Варшаве я с удовольствием посещал большой театр в Варшаве, где давали трагедии, драмы, комедии, оперы и балеты. Лучшие драматические актёры были Веровский и Богуславский, г-жа Лядуховская и Жучковская, комические: Жданович и Новаковский. Самые красивые танцовщицы: Мержинская и Домбровская. В Варшаве же я слышал удивительного скрипача Паганини и певицу Зонтаг. Была небольшая французская труппа, потому что цесаревич очень любил французский театр. Из комиков можно вспомнить Сарте и Герве.

Прибытие 5 мая 1829 года в Варшаву Николая Павловича для коронации царём польским хочу описать особо.

Царь въезжал в Варшаву верхом, имея по левую руку цесаревича Константина Павловича. Наследник престола Александр Николаевич и великий князь Михаил Павлович следовали сзади рядом. Приятно было видеть двух братьев, сделавших обоюдное пожертвование, неслыханное в летописях честолюбия. Государь произвёл на всех огромное впечатление своим величественным видом. По улицам, где проходило шествие, во всех окнах, увешанных коврами и материями, теснились дамы, бросавшие цветы. Вечером город был блистательно иллюминирован и наполнен гуляющими

людьми и катавшимися в экипажах. Давно Варшава не видала такого торжества! Многие богачи сделали значительные взносы бедным. С прибытия государя до дня коронации были представления императору. Николай очаровал всех любезностью и говорил каждому представлявшемуся что-либо приятное.

12 мая наступил день коронации. С раннего утра замковая площадь и прилежащие к ней улицы кипели народом. От королевского замка до собора св. Яна была выстроена галерея, пол и перила которой были обиты малиновым сукном. Обе стороны галереи были прикрыты двумя рядами пеших и конных войск. За ними, где позволяло место, были устроены амфитеатры, в которых могло помещаться более трёх тысяч дам. Вид этих амфитеатров, наполненных дамами с разноцветными зонтиками и шляпками, был весьма эффектен. После освящения королевских регалий в соборе они были перенесены в сопровождении духовенства в тронный зал замка; только трон короля польского был оберегаем русскими гренадерами дворцовой роты. Коронация происходила по церемониалу, государь при чтении молитвы был чрезвычайно тронут. По окончании церемонии в тронном зале царь направился в собор, за императрицей шла княгиня Лович с наследником. В соборе 300 музыкантов, певцов и певиц исполнили *Te Deum* Карпинского, капельмейстера варшавской оперы, одно из лучших музыкальных произведений в этом роде, по мнению знатоков. После коронации начались празднества. Балов было пять: при дворе два, один в ратуше от города, один в биржевом зале от послов и депутатов и один у князя Замойского. В первый раз в жизни мне привелось участвовать на таких великолепных балах.

По отъезде Императора всё вошло в обыденный порядок.

В мае 1830 года император Николай прибыл в Варшаву для открытия сейма королевства польского, на котором выступил с речью 16/28 мая. Из всех балов, бывших в Варшаве, во время пребывания в ней императорской фамилии, без сомнения самые блистательные были два танцевальных вечера у императрицы во дворце королевских лазенок (бань). Прелестное положение этого дворца, между двумя большими прудами, много тому способствовало. Мост со статуей Яна Собеского, победителя турок, находящийся против дворца, и противоположная сторона пруда были иллюминированы. Публика, не приглашённая на бал, могла прекрасно видеть с террасы, идущей кругом дворца, все залы через огромные, доходящие

до земли, окна. Императрица восхищала всех зрителей блеском и вкусом своего туалета и превосходной манерой в танцах, которые она очень любила. Николай Павлович ничего кроме польских танцев не танцевал, зато очаровывал всех своей любезностью.

*Варшавское отделение школы кантонистов
(1827–1830)*

Хотел бы сказать несколько слов об ожидавшем меня в Варшаве роде службы. Великий князь Константин Павлович имел репутацию превосходного инструктора, в смысле того времени. Выправка, маршировка, ружейные приёмы и разные построения фронта были доведены до совершенства. Он ввёл в школе кантонистов французскую школу ружейных приёмов, со счётом про себя, каждый день было не менее двух учений и в 10 часов утра развод. Начальство, считая меня способным офицером, возложило на меня должность начальника отделения кантонистов. Несмотря на пристрастие к одиночной выправке и щегольской маршировке, великий князь ввёл в обязательный предмет обучения развитие силы и ловкости солдата. Им был выписан из австрийской армии инструктор плавания, который проводил занятия на озере Мари-монта. Половина кантонистов сделались отличными пловцами и часто практиковались на Висле. Введено было обучение фехтованию на штыках и пиках. В школе проводились занятия по ракетному делу, со слов генерала польской артиллерии Бонтана, впервые в России. Ракеты, бросаемые с ручных станков, заключали в себе маленькую гранату и имели целью, если не наносить большого вреда, то пугать лошадей в случае кавалерийских атак. Бригадный генерал армии Царства Польского Пьер Шарль Франсуа Бонтан (1777–1840), возглавил ракетные батареи при артиллерии с 29 сентября 1822 г. В начале польского восстания его арестовали вместе с генералом Редлем. Как политически нейтральный он был отправлен после восстания в Москву, где продолжил службу на пороховых заводах. Погиб 28 августа 1840 г. в Санкт-Петербурге при взрыве во время испытаний.

Опишу Бельведерский двор и его обычаи. Начальником штаба великого князя был мой непосредственный начальник генерал от инфантерии Дмитрий Дмитриевич Курута, по происхождению грек. Он воспитывался вместе с великим князем в то время, когда императрица Екатерина составляла свои обширные планы, мечта-

ла о завоевании Константинополя, об изгнании из Европы турок и утверждении короны Константина Великого на челе её любимого внука соимённого византийскому императору. Курута был небольшого роста, несколько тучный, смуглолицый с выразительными глазами. Ему в то время было уже за 50 лет. Его нетвёрдая походка изобличала человека, привыкшего ходить по палубе судна, он служил в молодости во флоте. Он получил довольно хорошее воспитание, был весьма сведущ в науках, необходимых для капитана судна, и, кроме того, был прекрасно знаком с фронтовой службой всех родов оружия, и в особенности с обязанностями унтер-офицера. Воспитанный вместе с великим князем и непрменный его товарищ в походах, он изучил как нельзя лучше все его слабые стороны; никто не умел лучше и терпеливее его переносить вспышки гнева великого князя. Пробыв много лет его доверенным лицом, он один умел успокоить тех лиц, кто был обижен великим князем и обращались к нему со своими жалобами. Он был всегда спокоен, скрытен и выслушивал все жалобы, не показывая, что делалось у него в душе. Если он мог замолвить за кого-нибудь слово, не подвергая себя неприятностям, то делал он это охотно. Ему не раз приходилось выслушивать резкие выговоры от великого князя, но он никогда не жаловался, а смешил всех говоря: «Дорогой мой! Когда великий князь сердит, то он говорит мне иной раз: Курута, ты вол, — но я не обижаюсь, ибо всем известно, что я не вол, а генерал Курута — начальник штаба его императорского высочества великого князя цесаревича». Его преданность великому князю доходила до того, что по приказанию великого князя он мог сделать всякую жестокость.

Курута делал много добра и был известен всем нищим, которым помогал. Он страстно любил играть в карты и проигрывал большую часть своих весьма значительных доходов русским генералам и в особенности генералу Альбрехту. Великий князь знал эту слабость и неоднократно бранил его за это.

Курута занимал в левом флигеле Бельведерского дворца две комнаты, отделанные наподобие судовой каюты. Узкая лестница вела на второй этаж, где помещался его друг и приятель, также грек родом, бывший капитан судна, который занимался морским разбоем, но сумел спасти свою голову от турецкого кинжала. Курута любил делиться с этим греком по-братски, делал много добра и другим выходцам из Греции и всегда относился сочувственно

к их народному делу. С великим князем он говорил обыкновенно по-гречески.

Генерал Курута принимал зимой и летом в 3 часа утра рапорты от полиции и ординарцев разных полков варшавского гарнизона; в 5 часов он являлся с докладом уже к великому князю. Вечно деятельный, хладнокровный, добрый, он был действительно правой рукой великого князя и громоотводом во время гневных вспышек, которыми его начальник раздражался с раннего утра. Вторым лицом после него был генерал Жандр, человек испорченный до мозга костей, к которому великий князь, несмотря на все недостатки, питал издавна особенную приязнь. Он не занимал определённого места, но числился только в свите и состоял в его распоряжении.

Генерал граф Нессельроде и генерал Дьяков, адъютанты, состоящие при его свите, употреблялись им для личных услуг. Они славились безупречной честностью, прекрасно образованы, они были чужды всякой подлости и весьма приятные собеседники в обществе. Первый из них, родственник министра иностранных дел, по своему положению был менее зависим, нежели второй, считался человеком весьма просвещённым, весьма образованным и остроумным, но чрезвычайно странным; он был страстный игрок. Генерал Дьяков человек весьма любезный, светский, бывал в польском обществе со своею женой, прелестной женщиной, русской. Оба были хорошие музыканты. Нессельроде отлично играл на фортепьяно, а Дьяков очень мило пел французские романсы и русские песни.

Директором собственной канцелярии великого князя был тайный советник Моренгейм. Это был человек прекрасно образованный, изысканно вежливый, но до смешного напыщенный. Он был принят в самых первых варшавских домах и был женат на дочери министра Мостовского. Во время восстания 1830 года я видел его вместе с женой на улице Варшавы, с белой кокардой на шляпе. Это было первое проявление помешательства. Он скончался в Вене в 1831 году в припадке сумасшествия.

Адъютантами великого князя были: Киль, Безобразов, Грессер старший и Олив-де Кюбьерен.

Полковник Киль, лифляндец, был весёлый, приятный сотоварищ, которого в мужских кружках все любили за его весёлый нрав и замечательную способность к карикатурам, в которых он был действительно большой мастер. В нашей семье хранится характерный и последний прижизненный портрет пером, исполненный

тушью, с натуры, цесаревича Константина Павловича верхом, от 21 ноября 1830 года, в дни отступления из Варшавы. Этот портрет хранился у князя Голицына И. А., а по его смерти был передан мне. Впоследствии Киль стал президентом Академии Художеств.

Капитан гвардии Безобразов, прозванный за свою красоту Аполлоном Бельведерским, известный танцор, имел большой успех среди варшавских дам. Капитан гвардии Грессер ничем особенным не отличался.

Олив-де Кюбьерен, происхождением из знатной французской фамилии, служил сначала в отряде телохранителей короля Людовика и обратил на себя внимание великого князя. В то время, когда последний гостил в доме его матери, которая, уступив настоятельным его просьбам, доверила ему сына, и он относился к нему с чисто отеческой заботливостью и обращался с ним как с другом. Олив, будучи весьма предан и признателен князю, держал себя благородно и независимо, никогда не принимал участия в Бельведерских сплетнях.

Адъютантов поляков было четверо: гвардии полковник Тренбицкий, его младший брат, гвардии полковник Турно и гвардии капитан Михаил Мицельский.

Полковник Станислав Тренбицкий, сын известного агронома Тренбицкого, принадлежал к числу наиболее образованных офицеров польской армии. Он был характера твёрдого, энергичного, что и доказал в ночь на 29-е ноября, когда он не колеблясь предпочёл смерть измене. Великий князь особенно ценил его строгую исполнительность по службе и поэтому приблизил его к своей особе. Но кроме строгой исполнительности, которой он многих восстановил против себя, это был человек вполне самостоятельный в своих поступках и достойный во всех отношениях. Он даже не скрывал своего негодования в тех случаях, когда великий князь позволял себе слишком грозные вспышки гнева.

Его брат, Казимир, не имел тех качеств, коими отличался Станислав Тренбицкий, и принадлежал к числу самых заурядных личностей, окружавших великого князя. Он один сопровождал Константина Павловича в Белосток и Витебск, присутствовал при его кончине и сопровождал княгиню Лович в Петербург, куда онаехала проводить тело своего супруга.

Полковник Карл Турно, окончивший курс в инженерной академии в Вене, из которой вышло так много достойных офицеров.

Он участвовал в войне 1812 года, где снискал расположение великого князя своими познаниями, остроумием и весёлым характером. Чем Тренбицкий был для пехоты, тем был Турно для кавалерии, это был такой же требовательный, исполнительный служака, хотя не столь строгий формалист. При этом он любил играть в карты, хорошо поесть и провести время в весёлой товарищеской компании. Турно был не столь твёрдого характера и любил задеть и обрезать собеседника, но никто не сомневался в его безупречном поведении. Только немногие завистники приписывали расположение и доверие великого князя к Турно его угодливости и лести, но из людей, знавших его ближе, никто не мог поставить ему в вину.

Особым расположением великого князя пользовался также граф Михаил Мицельский, но Константин Павлович любил его не за исполнительность по службе, которую тот ненавидел, а как приятного собеседника. Мицельский был человек светский, остроумный до гениальности. Кто не помнит его тощей, длинной, бледной фигуры с очками на носу, с насмешливой улыбкой на устах и тех язвительных замечаний, шуток французских каламбуров, которые как град сыпались из уст его на несчастных жертв, попадавших к нему под руку. Впрочем, Мицельского отнюдь нельзя было назвать человеком пустым, он был смел и отважен на поле битвы, а в гостиной это был весёлый и забавный собеседник, не дававший спуска никому, даже великому князю, который хотя и шутил с ним, но побаивался его. Для своих друзей он был самый надёжный друг, на которого всегда можно было вполне положиться, и который всегда был готов оказать услугу. Варшавские дамы боялись его как огня и старательно избегали его в гостиной. Не решаясь сказать в его присутствии лишнего слова или противоречить ему из боязни, чтобы он им не отомстил каким-нибудь язвительным замечанием. Он заклеил бы их этим навсегда. Очень жаль, что этот выдающийся человек был так страстно предан игре и смотрел на неё не как на забаву, а как на средство жить широко.

Упомяну также о достойном Колзакове, это тип добродушного моряка, и о генерале Кривцове, они много лет служили при великом князе. Для полноты картины надобно сказать также несколько слов о старике Пастерникове, камердинере княгини Лович, рослом молодце, которого великий князь поставил во главе слуг своей жены, и о Кохановском, камердинере великого князя, хладнокровию которого он был обязан своим спасением во время нападения на Бель-

ведер. Назову ещё подконюшего Гаврилу, имевшего не малое значение по следующей причине. Перед каждым учением и смотром начальники отдельных частей подходили с тревогою к Кохановскому и Гавриле и спрашивали у первого, как провёл великий князь ночь, в каком настроении он встал, а второго — какую лошадь он приказал подать, спокойная ли она и, главное, не боится ли мух. За благоприятный ответ они получали по рублю, и тогда все приступали к великому делу — смотру или учению с весёлыми лицами. Но когда ответ был неблагоприятный, то лица генералов вытягивались, и все предсказывали печальный конец смотра.

Препровождение дня в Бельведере во всякое время года неизменно было следующее.

Великий князь вставал в пятом часу утра и ещё не одетый полиции; затем ему убирал голову парикмахер Макротов, который в это время нащёптывал ему всё, что ему успели донести накануне его тайные агенты. Потом он пил чай и одевался. Тогда входили адъютанты, дежурные генералы и первые ординарцы; он подписывал подносимые ему Моренгеймом важнейшие бумаги и заходил на минутку к княгине Лович. Потом он отправлялся в Брюлевский дворец, где решал перед смотром важнейшие дела и принимал должностных лиц и офицеров; тут же являлись ему адъютанты. В это время представлялись наместнику офицеры разного рода оружия, приезжавшие и уезжавшие из Варшавы. Наконец, в одиннадцатом часу происходил смотр в указанном порядке со всеми актами и антрактами, обычными для этого зрелища. После смотра великий князь либо возвращался в Брюлевский дворец для окончания служебных дел, либо объезжал казармы, гауптвахты, военно-учебные заведения. В казармах он обходил спальни, солдатские кухни и, приказав подать себе солдатских шей, пробовал их, хвалил или порицал. В госпиталях расспрашивал больных, чем они страдают, решал, какая у них болезнь, и предписывал докторам рецепты. Во втором часу великий князь обедал с княгиней Лович, к столу приглашались дежурный адъютант и очень часто артиллерийский генерал Бонтан, которого Константин Павлович очень любил. Чаще всего они беседовали о развитии пиротехнической лаборатории, новинок ракет, в которых хорошо разбирался Бонтан. Великий князь считал развитие ракетного дела в России своей личной заслугой и средств на это не жалел. Обед был всегда изысканный, но состоял из немногих перемен; великий князь не пил никакого вина кроме

шампанского и то не более двух рюмок. После обеда он приглашал присутствующих к жене выпить по чашке кофе и побеседовать ещё с полчаса. Затем, простясь со всеми, он уходил к себе наверх, где, поиграв со своими любимыми бульдогами и обезьянами, ложился спать, приказав камердинеру разбудить его в известный час, обыкновенно часу в шестом. Если погода была хороша, то он снова одевался и ехал в лагерь на вечернюю зарю или объезжал гауптвахты. Если погода была плохая, то он сходил к княгине Лович пить чай. Стены его верхних комнат были увешены разного рода оружием и изображениями офицеров и солдат польского и литовского войска. Были тут и портреты, в числе их находился и портрет Ивана Александровича Голицына, моего тестя.

Преддверие Польской смуты. Октябрь 1830 года

В настоящее тревожное время, когда политические события первостепенной важности быстро следуют одно за другим, у меня, без сомнения, не будет недостатка в интересном материале для моих записок. Если записках сохранится хоть одна благотворная мысль, то я сочту труд мой вознаграждённым.

Воскресенье, 5/17 октября. Варшава

Многие утверждали, что возмущение в Варшаве вещь невозможная. Но в последнее время убеждение это, по-видимому, поколебалось; обстоятельства показали, что даже самые прочно установившиеся государства не обеспечены от треволнений. Правительство в последнее время принимает меры предосторожности против всякой попытки к возмущению, всё это делается самым секретным образом. Я мог заметить эти приготовления по удвоенному надзору нашего ближайшего начальника графа Куруты и по новым паролям, розданным часовым. Наши ежедневные приказы отличаются странной таинственностью; нам дают почувствовать, что приказы эти имеют особенное значение, но не разъясняют их вполне.

На днях в казарме 4-го линейного полка найдена прокламация, писанная женским почерком, в которой этот полк подстрекается к возмущению. Подобные прокламации находят каждый день на всех углах, но пока этим всё и ограничивается. Во всём этом обвиняют студентов, которые хотят поднять народ, начав с сожжения мостов, чтобы запереть нас в казармах. В настоящее время все находящиеся в Варшавском арсенале разобраны по частям. Волын-

ский полк, стоящий в отдельных казармах, получил приказ быть готовым на случай тревоги, а в казармах полка поставлены 4 пушки с запасными зарядными ящиками. Относительно караулов увеличена строгость; генералы свиты его высочества получили приказ осматривать караулы по ночам. Полиция отличается необыкновенной деятельностью, но до сих пор не найдено виновных, нарушающих общественное спокойствие. Часовым роздано по десять боевых патронов каждому.

Встав в 5 часов, я отправился в отделение, так как должен был участвовать в церковном параде, но его отменили. Отстояли с женой обедню, а из церкви заехали к Бутурлину. Обедали в Бельведерском дворце, где дежурил сегодня Грессер, а вечером был с Констанцией в театре; давали «Le Para», комедию в одном акте и водевиль, переведённый как: «Дядя из Америки».

Вторник, 7/19 октября. Варшава

Наши генералы такие ужасные трусы; они бредят революцией; Маков говорит, что никакие меры предосторожности не лишни. Жандр и Курнаговский то и дело объезжают казармы с конвоем из двух казаков вместо одного, вчера они явились в 1 час ночи. Один только Кноринг также спокоен и хладнокровен, и прекрасно делает. Обедал дома. Вечером были у Безобразова — не видал давно; прогулялся с женой в Саксонском саду, она сегодня причёсана «A La Niobe» и очень хороша. Играли в мушку с Озеровыми.

Суббота, 11/23 октября. Варшава

Говорят, будто сегодня положено перебить нас, и что это должно было совершиться ещё в прошлый понедельник, но отложено до сегодняшнего дня, так как не всё ещё подготовлено. Вероятно, завтра мы услышим, что это случится 1 ноября, и так далее... пока не найдутся легковёрные люди, доверяющие всяким слухам на слово. Что касается меня, то вот моё мнение обо всех этих слухах. Генерал Рожнецкий получает ежегодно на содержание полиции около 400000 рублей. Эта столь дорогостоящая полиция задерживала до сих пор вместо заговорщиков наших офицеров, одетых не по форме. Эти важные открытия ничуть не помешали созреть заговору 1826 г. под носом его превосходительства г. Рожнецкого. Разумеется, это поколебало его кредит, а для того, чтобы не упустить 400000 рублей, которые могли ускользнуть, он, как умный человек,

воспользовался смутным временем, ропотом недовольных и незначительными студенческими волнениями, чтобы напугать Его Высочество. Из мухи сделали слона! Я не верю и на четверть всем распускаемым в городе слухам, и допускаю одно, что есть недовольные, которые были бы рады пошуметь, число этих недовольных, быть может, значительнее, нежели думают, но русские штыки держат их в повиновении...

Понедельник, 3/15 ноября. Варшава

Вот что я узнал о заговоре: до сих пор арестовано 50 человек; между прочим, много студентов, несколько унтер-офицеров и юнкеров польской армии. Говорят, что душою заговора были гвардейские роты 3-го линейного полка. Предполагали начать с убийства великого князя. Говорят, что обо всём донёс какой-то юнкер. Всё было готово, заговорщики имели патроны, заряды и оружие. Первыми были арестованы шесть человек в прошлую пятницу, с оружием в руках; они были совершенно готовы привести в исполнение свой подлый заговор. Дело в том, что всё это разузнала вовсе не хваленая полиция Рожнецкого, а следственная комиссия, назначенная великим князем из генералов: Гука, Красинского и Ратенштрауха. Секретарём определён Жадерновский из канцелярии Его Высочества. Особенно достойна внимания храбрость, с какой великий князь выходил в субботу, хотя он и знал, что жизнь его в опасности. Это прекрасная нравственная твёрдость характера. Вчера возобновились французские представления, начало было блестящее.

Актёры свели с ума всех наших генералов. Существует некая М-Не Гладковская, воспитанница драматической консерватории в Варшаве, дебютировавшая недавно с большим успехом здесь, в опере. Она и М-Не Волкова — любимая ученица Соливы, капельмейстера этого заведения; он представлял их в салоны, где они пели. В Гладковскую влюбился генерал Исаков, который после своей поездки за границу считает себя обязанным покровительствовать искусствам. На днях он дал обед обоим девицам и Соливе, где за десертом передал ей записку, на которую она ответила, и так завязалась переписка. Генерал Рихтер на днях послал Волковой, которую он едва знает, вуаль. Сумасшедшие!!!

Варшавская драматическая консерватория находится неизвестно почему под высоким надзором генерала Рожнецкого. Поручена ли ему эта должность в качестве командующего польской кавале-

рии или как начальнику тайной полиции? Суть в том, что он сделал из неё сераль для своих забав. Бедным пансионеркам нет покоя, если они не уступают желаниям его превосходительства.

Сегодня был обед у коменданта; прежде у него давались роскошные обеды, теперь их можно назвать сносными, вкусна только кулебяка. Вина отвратительные, всё носит отпечаток бедности.

Суббота, 8/20 ноября. Варшава

Сегодня день полкового праздника л. — гв. Литовского полка, полку был назначен церковный парад, но, против обыкновения, в полной походной форме, что мы приписали к приготовлению к походу за границу. По случаю плохой погоды парад был отменён, а обычный в этот день завтрак у великого князя был по-прежнему в залах королевского дворца. Представьте себе — огромный стол, на котором всякие холодные блюда и вина, окружённый министрами, генералами, дипломатами, офицерами и солдатами, стоявшими в беспорядке, которые наскоро пьют и едят. Солдат приглашалось не менее ста. Представьте себе прусского консула Шмидта, тонкого гастронома, и подле него литовского гренадёра, который после мороженого убирает сосиски с капустой и шампанское водкой запивает. Присовокупите к этому громкий говор по-русски, по-французски, по-польски, по-немецки, и вы получите понятие об этом чисто военном завтраке. Это был последний наш праздник в Варшаве, где полк простоял пятнадцать лет.

Понедельник, 10/22 ноября. Варшава

Находясь сегодня в Бельведере, слышал, как великий князь в минуту гнева назвал одного польского генерала коровой. Его превосходительство в отчаянии явился с жалобой к графу Куруте; он считал себя оскорблённым, даже обесчещенным. Граф дал ему высказаться, высморкался четыре или пять раз и, складывая платок, сказал: «Словом, генерал, что же он вам сказал?» — «Он назвал меня коровой». — «Э, Боже мой, любезный генерал, со мной это случалось не раз, и, однако, я всё же остался человеком».

Генерал Трембицкий, бывший адъютант великого князя, назначен директором школы подпрапорщиков польской пехоты; это следствие знаменитого заговора. Прежде директором этой школы был граф Курута. С гордостью отмечаю, что доверие великого князя ко мне и нашим кантонистам беспредельно. Однако надо

опасаться восстания, нет сомнения в том, что в Польше существует обширное тайное общество. Уверяют, что оно имеет влияние на правительственный совет и посылает повсюду эмиссаров, которые разыскивают врагов России.

*В очаге восстания
17/29 ноября 1830 года*

Порядок и спокойствие в Варшаве были нарушены несчастным пришествием, последовавшим 17/29 ноября 1830 года, по безрассудности горсти молодых людей, и погрузило нас всех в величайшую горесть и уныние. Получив указание через гонца, отправленного из Бельведера, кругом Варшавы (по причине невозможности проехать через город), не трогаться с места, в надежде скорого восстановления порядка, и не имея никакой возможности, имея малолетних на ответственности, следовать за войсками, расположенными в другом отделении Александрийских казарм. Мы были арестованы отобранием оружия, находившегося при кантонистах старшего возраста, равно и от офицеров, которые при них состояли и были оставлены в отделении, с сохранением занимаемых ими должностей.

При беспорядках, происходивших в городе, многие из русских семейств, полагая казармы безопаснейшим для укрытия местом, оставив свои квартиры, приходили к нам искать спасения от буйной толпы. Все мы помещались в одной комнате, мужчины, дамы, дети, и с трепетом ожидали участи нашей, ежеминутно слыша об убийствах, происходивших в городе. Генералы: Гауке, Трембицкий, Брюмер, Симантовский, Новицкий были убиты, — Брюмер был прострелен шестнадцатью пулями; оружие в арсенале было всё разобрано, схваченные на улице офицеры посажены на гауптвахту, близ арсенала, где было самое настоящее буйство. В числе арестованных был генерал Пётр Иванович Энгельман, командир Лейб-гвардии Литовского полка; пьяный солдат, возле него сев и куря трубку, пускал дым прямо на него, говоря, что теперь все равны, и предлагая ему курить.

Когда академики вбежали на гауптвахту с известием, что будто бы Литовский полк перешёл на их сторону, то Энгельману предложили им командовать. «Согласитесь, и мы вас с восторгом понесём на руках», — кричали они. На что генерал им ответил: «Дерзкие, можете ли вы русскому делать такие предложения! Вы меня не уве-

рите, чтобы русский солдат оподлил себя изменою; разве он не умеет десять раз умереть и не посрамит своего имени, — но допуская и это, меня ничем не заставите сделать этого низкого поступка».

Бунтовщики, узнав, что на гауптвахте содержатся русские офицеры, пробовали выломать двери с намерением вырезать офицеров. Майор Кидлер, который совершенно против воли должен был там находиться, защищал с твёрдым духом наших пленных, подвергая даже сам себя народной ярости и, видя неминуемую для них опасность, дал знать Хлопицкому, который и приказал под сильным конвоем перевести всех в замок.

В самом жалком положении оставались мы в казармах более двух недель, не имея сообщения с городом, и по невозможности достать что-либо из пищи. Обыкновенно мы ели из одной чашки с кантонистами. Наконец, посетил нас бывший в то время генерал-губернатор Шембек, который застал многих из наших дам с куском чёрного хлеба в руках, и, видя наше положение, приказал каждому из нас отпустить порцию кантониста, уменьшенную вдвое. На вопрос наш, что с нами будет, он старался уверить нас в безопасности, но на уверение его трудно было положиться. Смотря на беспрестанные своевольства и грабежи, происходившие в городе, о которых слухи до нас доходили через людей, привозивших продовольствие, равно как и через польских офицеров, которые рассказывали о своих вольностях с большой гордостью. Под видом участия, больше только огорчали нас своим хвастовством и пренебрежением, уверяя, что дух народный превозможет силу, и что они надеются через две недели быть в Киеве.

Его Высочество с войском отступил из Мокотова с намерением следовать к границе России; тогда, кроме офицеров, начали приезжать партикулярные люди и академики с намерением развратить молодых людей, заставить их забыть свой долг и вступить в польскую армию. Но все их предложения были пренебрежительно отвергнуты. Один из академиков с пистолетом в руках требовал, чтобы я сделал предложение кантонистам вступить в польское войско. На ответ мой, что мы все находимся под протекцией диктатора, и что я от него не имею никаких распоряжений на счёт подобного предприятия, он остановил меня, говоря, они все будут в наших руках и, что-то проворчал сквозь зубы.

С нами находился священник, и мы неоднократно, собравшись в зале, с коленопреклонением и слезами умоляли Бога об отклонении

от нас руки мятежников. В таком положении заставляли нас многие из поляков; благомыслящие принимали участие в нашем положении, а другие, напротив, угрожали, говоря, что ни один из русских не выйдет живой из Варшавы. В это время мы были в величайшей опасности, город весь был наполнен толпами вооружённых мятежников, которые стреляли в воздух, хвастая поминутно, что они всех русских сотрут в порошок. Они, узнав, что мы находимся в казармах, неоднократно собирались с неблагоприятными для нас намерением; разграбили совершенно казармы, где стояли русские полки, и всё там найденное продавали. Дальнейших нападений они не делали на наши казармы, полагая, что вся молодёжь с удовольствием перейдёт в их войска, и прежде времени называли их своими.

Преследования продолжались; командир «народовой» гвардии, граф Юзеф Красинский, приехал ко мне с тем, чтобы я вместе с ним пошёл делать предложение кантонистам вступить в их войска; я ему ответил, что не могу препятствовать в его намерении их уговаривать, но сам не пойду, присовокупив, что эти молодые люди имеют в рядах русского войска своих отцов и что они с младенчества вскормленные попечением благодетельного нашего правительства и не сделают такого низкого поступка.

«Верьте, что эта молодёжь, о нравственности которой столько заботилось начальство, не такого духа, как вы полагаете; предложения ваши их не обольстят, долг свой к государю и отечеству они ставят выше всего, и я не ручаюсь даже, чтобы они вам не сделали какой-нибудь грубости за предложение, которое вы намереваетесь им сделать». Так отклонил я на этот раз предложение Красинского. Желание же сбить моих питомцев с пути побудило поляков объявить им, что они все свободны и могут выходить в город, когда угодно, но никто этим предложением не воспользовался.

Чтобы дать лучшее понятие о нравственности и духе этих молодых людей, хочу привести выписку из «С.Петербургских ведомостей» № 284, от 3 декабря 1831 года, где было опубликовано следующее:

«Похвальное поведение российских военных кантонистов, оставшихся в Варшаве при выступлении из сего города войск наших в начале мятежа, отчасти известно уже из публичных листов того времени. Ныне получены официальные об этом донесения, основанные на показаниях местного начальства и на свидетельстве очевидцев, заслуживающих полного доверия.

Детей этих оставалось в Варшаве до 500 разного возраста в особом заведении, учреждённом для воспитания и образования их под непосредственным попечением и наблюдением блаженной памяти государя цесаревича и щедром пособии его высочества.

Мятежное правительство первоначально не прерывало установленного в том заведении порядка занятий и кантонистов оставило под надзором собственного их начальства. Вскоре, однако, предусматривая возможность употребить их с пользой в рядах нового своего войска, оно вознамерилось склонить к добровольному вступлению в оное всех достигших 15-летнего возраста и свыше, большей частью хорошо для службы приготовленных. На сей конец присылались к ним польские офицеры и академики, которые соблазняли их к вступлению на службу мятежников разного рода обольщениями, но кантонисты с негодованием постоянно отвергали льстивые их предложения. Столь же мало подействовали на них угрозы и наказания самые изнурительные, как-то: сокращение и лишение пищи в продолжение нескольких дней, и эти молодые люди в непоколебимой верности своей единогласно отзывались мучителям своим, что готовы умереть, но не изменять своему государю.

Приписывая столь необыкновенную в детях твёрдость влиянию над ними их начальников, мятежники сочли нужным отлучить от них всех офицеров и унтер-офицеров, а самих кантонистов старшего возраста, в виде военнопленных, отправить из Варшавы в южную часть Польши, надеясь, что предоставленные самим себе они покорятся их воле; но кантонисты, видя опасность такого положения, по собственному побуждению избрали из своей среды старших, кому в продолжение пути и плена строго и со всей точностью подчинялись.

Из старших кантонистов особенным доверием пользовался товарищ их Пётр Васильев, благоразумными советами которого они в это время руководствовались и до конца остались верными своему долгу при всех истязаниях, которым непрерывно подвергались. Здесь сообщаются некоторое из их поступков, заслуживавших особое внимание и доказывающие истинный дух русского народа.

На пути следования кантонистов из Варшавы, под стражей кракусов, составлявших их конвой, они прибыли в город Новое — место, где в то время деятельно проходило формирование новых полков. Находившиеся там польские офицеры, льстивыми вопросами узнали от самих кантонистов, что между ними есть 48 человек

хорошо обученных барабанщиков. Нуждаясь в барабанщиках для своих полков, офицеры эти вознамерились воспользоваться ими, для чего вывели кантонистов на городскую площадь, построили их во фронт, который окружили косинерами. Они потребовали, чтобы барабанщики вышли из строя и построились отдельно, но кантонисты, поняв их злые намерения, мгновенно смешались в одну толпу, и ни убеждения, и ни угрозы не могли их принудить построиться во фронт или назвать отыскиваемых барабанщиков. Наконец, один кракус, заметив кантониста Ивана Фоевого, в прежнем разговоре называвшим себя барабанщиком, вырвал его из толпы и, уличая его в показании, о себе сделанном, обнажил палаш и пригрозил отсечь ему голову, если он не сознаётся и не покажет требуемых товарищей. Фоевой немедленно снял галстук, откинул воротник и, наклонив голову, сказал ему: «Руби». Фоевого отлучили от товарищей, посадили под арест и, продержав два часа, выпустили, не тревожа более и других. Кантонист этот, имеющий от роду 19 лет, родом из Черниговской губернии.

Из Нового-места кантонисты прибыли в местечко Држевица, принадлежащее помещику барону Райскому. Дружелюбный приё́м, сделанный им этим помещиком, нелестно оценившим их доблестное поведение, показался им новым покушением совратить их с пути долга и чести. Они ни под каким видом не соглашались пить предложенной им по причине стужи и ненастья водки и отправились в дальнейший путь, подкрепив себя немного пищей, приготовленной им в изобилии этим помещиком.

Из города Эндржеева, куда окончательно поместили некоторое число кантонистов, они решили избавиться от плена бегством и удалиться в Пруссию, от границы Эндржеев в 12 милях, но для этого надо было сразиться с косинерами, которые их охраняли. Кантонисты мужественно на это решились и, напав на них с кольями, которыми они в случае вооружились, счастливо удалились из Эндржеева, оставив на месте убитыми и ранеными 7 человек своих товарищей; остальные, в числе 44, пробираясь лесом и просёлочными дорогами и подвергаясь всяким лишениям, прибыли на прусскую границу, где в виду прусских форпостов вновь должны были вступить в бой с польскими крестьянами, которые препятствовали их свободному переходу.

Все эти кантонисты удостоены всемилостивейшего денежного вознаграждения, в особенности кантонисты Пётр Васильев и Иван

Фоевой; сверх того, первый из них произведён его императорским величеством в фельдфебели, а последний в унтер-офицеры.

Его императорское величество изволил обратить высочайшее внимание на заслуги ближайшего начальства Кантонистов варшавского отделения, видя в подвигах, ими оказанных, плоды трудов и неусыпных попечений, о добром их образовании приложенных. Утверждённое в юных сердцах их чувство истинной любви и преданности к государю и отечеству верно и неосшибочно руководило их к прямому исполнению священных обязанностей верноподданного посреди многообразных испытаний, которым они подвергались.

Справедливость требует упомянуть здесь с особенной похвалой о поручике Лейб-гвардии Литовского полка Андрее Фёдоровиче Лишине. Будучи заведующим всеми отделениями варшавских кантонистов под особенным наблюдением бывшего начальника штаба его императорского высочества цесаревича, генерала от инфантерии Куруты, при ком поручик Лишин состоял адъютантом, и о чиновнике 6-го класса Фовицком 1-м, бывшим инспектором классов в школе кантонистов».

Поляки, полагая, что я служу препятствием переходу молодых людей в их войска, назначили командиром к ним капитана Шаевского, служившего прежде в 7-м линейном полку, я же получил повеление в 24 часа оставить казармы. Жена моя решилась идти к Хлопицкому (с которым её отец, князь Иван Голицын, был хорошо знаком) и просить, чтобы он нас отпустил в Россию; он отвечал, что он теперь не имеет права, потому, что это последний день его диктатуры. Переодевшись в партикулярное платье, я пошёл к губернатору Войчинскому представить ему невозможность в 24 часа перейти с семейством в другое место; он мне отвечал, что «этого требуют, и вы должны исполнить, вы знаете, чем в военное время наказывается слушание».

Проходя обратно через канцелярию генерал-губернатора, я увидел, что возле каждого стола сидел академик для наблюдения хода дела в их духе.

Возвратясь в казармы, я просил позволения нового начальства попрощаться со своими питомцами, пришёл к ним и на слова мои: «Братья, меня с вами разлучают», — все зарыдали горькими слезами и хотели идти все со мной. Я при этом не мог остаться равнодушным,

видя их душевную ко мне преданность, припомнил им их обязанность и с трудом от них мог освободиться, будучи окружён со всех сторон плачем и рыданиями.

10/22 февраля 1831 года я был взят под арест и препровождён в Крулевский замок, где содержались наши офицеры, захваченные изменнически в первый день происшествия. Приготовив квартиру для жены вместе с женой Фовицкого 2-го, в доме Качковского на Новом свете, я отправился под арест. Через несколько дней приходит к нам сын обывателя Варды, хозяин дома, где я прежде квартировал, и говорит мне, что «Ваша жена переехала к нам», и отдал мне от неё записку. Я спрашиваю причину, он не решается сказать, наконец, со слезами в глазах открыл мне, что отец его и мать, желая оказать мне услугу, послали меня просить жену вашу переехать к нам для безопасности; потому что эта ночь назначена для истребления всех русских, находящихся в плену, и что скрыться нигде невозможно, даже в погребах будут искать. На вопрос мой, на чём он основывается, отвечал, что «на улицах поминутно собираются толпы и решительно говорят, что сегодняшнюю ночь будут непременно вырезаны все русские». В то время русские войска были близ Праги, и поляки опасались, что в случае взятия Варшавы мы объявим имена всех главнейших лиц; кроме того, по ненависти своей к русским, хотели всех находящихся в их руках уничтожить по примеру 1793 года.

«Старайтесь, как можно, — прибавил сын Варды, — уйти к нам: мы вас спасём». Не имея возможности выйти из замка и спастись каким-либо образом, мы предоставили себя воле Божией и ожидали с трепетом своей участи, — всю ночь провели в ужасном беспокойстве, прислушиваясь к шуму, который в продолжение целой ночи был на улице. Провидению было угодно отвратить от них злодейское намерение и, хотя несколько раз принимались ломать ворота в замок, но будучи отвлечены на более важные предметы, перестали заниматься нами. С каким же восхищением мы увидели утро, проведя ночь в таком ужасе.

На другой день жена моя пошла к военному генерал-губернатору Войчинскому просить позволения быть со мною вместе в замке, ей не отказали, и мы поместились с ней в комнате едва ли больше сажени, прислуживая сами себе и терпя во всём большую нужду.

Поляки, занимаясь устройством своих войск, формированием новых, не забывали при всём этом делать нам неудовольствия.

В один день мы получили предложение, написанное в самом дурном тоне и неправильным русским языком, присутствовать в русской церкви при служении панихиды о погибнувших за вольность русских в 1826 году. Мы просили избавить нас от этой церемонии, но они сказали, что будет генерал Рихтер, и он приказал нам быть, а генералу сказали, что мы все будем; желание их не исполнилось, — никто из нас и, конечно, и Рихтер, не пошли.

Лагерь наших войск и польских был у нас перед глазами, — вдруг мы услышали канонаду со стороны Вислы; окна у нас были свободны, и мы могли видеть вблизи все действия корпусов князя Шаховского и Круковецкого. Сражение продолжалось возле Бялоленки, до поздних сумерек, и батальонного огня каждая искра была видна.

На другой день утром там же началась опять перестрелка, Круковецкий препятствовал соединиться корпусу князя Шаховского с главной армией; сражение продолжалось до 10 часов. Главкомандующий, опасаясь за князя Шаховского, начал сражение с главной польской армией, которая была у нас перед глазами. Канонада была жестокая, не проходило секунды без выстрелов от 10 часов до 2-х часов пополудни; положение обоих армий нам казалось одинаково; наконец, в городе раздался ужасный шум, начали запираť лавки, все суетились, бегали с одной улицы на другую. Все извозчики были заняты перевозкой раненых с поля сражения в госпитали, многие из них были без рук и без ног; это ещё более увеличивало ярость и бешенство находившихся в городе. В это время польская армия была в самом настоящем беспорядке, косинеры, составляющие у них резервы, все были на Висле и, побросавши косы, бежали через реку; лёд был не крепок, многие утонули, прочее войско ретировалось по мосту в беспорядке.

Пальба окончилась в четыре часа. Надобно было быть в нашем положении, чтобы вообразить нашу радость, имея надежду на освобождение, и горесть, увидев надежду нашу неисполнимой!

Всё польское войско, за исключением небольшого количества, оставленного при укреплениях Праги, было в Варшаве; передняя часть Праги была занята нашими егерями 49 и 50 полков.

Новый страх для нас: войско в городе без всякой дисциплины, ожесточённое против русских, тем более при неудаче сражения. Вечером артиллерия, оставшаяся в Праге при укреплениях, желая очистить место полёту ядер и гранат, и видя наших егерей вблизи

себя, открыла огонь, чтобы сжечь дома, и нам с высоты открылась картина ни с чем несравненная. Все дома в Праге были в пламени; при тёмной ночи это был вид чрезвычайный и вместе с тем ужасный. Для поддержания духа поляки говорили, что русские жгут Прагу.

Поляки, полагая, что войско русское, находящееся у нас в виду, может иметь с нами объяснения посредством знаков, на другой день сражения, 14/26-го февраля 1831 года, вечером перевели нас всех в Брюлевский дом. Не зная, где нас поместят, и могу ли я взять с собой жену, я просил её занять опять ту квартиру, которая была ею занимаема, но она ежедневно приходила ко мне на свидания. Когда караульные её не хотели пускать, то она обыкновенно ходила к военному генерал-губернатору Круковецкому и приносила письменное позволение видаться со мной.

Супруге моей, Констанции, не было ещё и шестнадцати лет, но она, единственная женщина среди нас офицеров, была исполнена твёрдости духа, мужества и самоотвержения необыкновенного. Тщетно скрещивали перед ней штыки часовые у входа к генерал-губернатору. Одушевлённая сознанием своего долга, она бесстрашно отстраняла от себя штыки и, входя к Круковецкому, убеждала его удовлетворять её просьбы.

Войска наши отступали от Праги, поляки же, находясь в городе, ежедневно приводили полки на Саксонскую площадь комплектовать их рекрутами. Всё это делалось с большой торопливостью, появились полки с новым обмундированием, вновь сформированные, которых мы прежде не видели, и проводили учения у нас на виду. Наконец, к нашему счастью, они решили вывести нас из Варшавы в местечко Вольборж, в 18 милях, 6 марта 1831 года. Констанция осталась на квартире вместе с женой Фовицкого 2-го. При проезде через города и местечки мы терпели жестокие оскорбления и ругательства; в городе Раве стреляли из окон в знак восхищения, что так много взяли русских пленных, не зная того, что нас лишили свободы самым низким способом. Приехали мы в Вольборж 10 марта; поместили нас в доме примаса, который был обращён в казармы 2-го конно-егерского полка. В этом доме был сыпан овёс, принадлежащий полку, где наши офицеры во время нашего там пребывания лежали на соломе, которой было недостаточно.

В начале апреля 1831 года привели к нам сорок человек пленных офицеров, в числе которых был и Пётр Несторович Ярошев-

ский, взятый в плен в сражении под Вельким Дембом и при отступлении. Удачное для поляков сражение и отступление Литовского корпуса к Брест-Литовску возвысило дух поляков и сделало их самонадеянными. При проезде их из Варшавы в Вольборж они повсюду встречались жителями с восторгом, в том же местечке Раве они были размещены умышленно квартирами на площади. Некоторые из офицеров зашли в кондитерскую из любопытства, где находилось несколько приглашённых поляками дам, которые пели патриотические песни. Офицеры вели себя прилично и благородно; одна девушка, которая должна была петь, сказала, что она в первый раз видит русских, и что они совсем не такие, какими их описывали и представляли, поэтому она дала слово никогда не петь ничего худого на их счёт.

Горесть наша ещё больше усилилась при привозе такого числа пленных, и, увидав, что так долго продолжается компания, трудно было предвидеть конец по неблагоприятным известиям, которые поляки нам сообщали, чтобы больше нас огорчить. К нашему несчастью присоединилась холера, от которой многие из наших товарищей пострадали, находясь с нами в соседних комнатах. Казармы, где мы были расположены, находились в 100 сажнях от местечка. Не имея достаточно провизии, многие из нас просили коменданта, подполковника Шерцеля, позволения иметь стол в местечке, куда мы и отпущались по билетам; было положено являться обратно в казармы в 6 часов, иначе косинеры ловили офицеров самым неучтивым образом и приводили на гауптвахту. Некоторые из молодых офицеров заставляли бегать за собой косинеров, они ловили их со всех сторон, и это было презабавно смотреть, совсем как на охоте. От польских офицеров мы часто переносили большие неудовольствия и пустые угрозы.

Наш комендант, как упомянуто, был подполковник ветеранов Шерцель. Обращение его с нами соответствовало слухам, которые до него доходили о положении польских войск, иногда хорошо, а иногда плохо, но, впрочем, по власти, которую он имел над нами, в его воле было нам делать гораздо больше оскорблений. Но он предвидел, какой конец будет войны, и поэтому его отношение к нам было двуличное. Между нами были некоторые товарищи, которые не имели столько характера, чтобы решительно перейти в польские войска. Мы не входили в их положение, а, следовательно, они нами тоже пренебрегали и вели себя в отношении нас учтиво. В сущности, они не имели к нам доброго расположения.

17/29 апреля 1831 года в Страстную пятницу я был обрадован приездом ко мне жены; в Варшаве было отдано приказание жителям не держать у себя никого из русских дам, иначе их будут считать изменниками, а дам выбросят за пределы города. Жена моя, которой характер и твёрдость духа ни в каком несчастье не оставлял, решила просить у военного генерал-губернатора паспорт, с тем, чтобы ехать в Вольборж, и в 24 часа проехала на почтовых лошадях расстояние 18 миль и явилась ко мне, с этих пор мы были неразлучны.

В один из вечеров, когда мы уже легли спать, приходит ко мне человек, будит меня, говоря: «Что-то худое слышно, говорят, будто сегодня ночью косинеры хотят нас вырезать». Я оделся и вышел во двор, и вижу, что наши офицеры толпами стоят на дворе с палками в руках и приготовились к защите. Слух пронёсся от женщины, у которой столовались некоторые офицеры, и она прислала своего сына сказать о намерении косинеров; через несколько минут мы увидели, что караул косинеров уже прибыл. Когда они шли через ворота, то косы их, цепляясь за свод, при общем страхе, производили самое неприятное ощущение. Мы решились идти к коменданту и сказать ему, что если нас хотят зарезать, то скорее бы кончали, потому что подобное положение хуже смерти. Он нам отвечал, что по общему распоряжению в Царстве Польском эта ночь назначена, чтобы делать поиск дезертиров как польских, так и русских, и просил нас успокоиться и разойтись по местам; но мы хоть и разошлись, но каждый был готов к защите, имея огромные суковатые палки. До жителей же Вольборжа дошёл слух, будто русские пленные посягают на их жизнь, а когда наши офицеры пришли к ним, по обыкновению, обедать на другой день, то они выговаривали нам, что мы против них имеем такие намерения, и потому общий страх произошёл от обоюдного недоразумения. Один из наших офицеров имел характер самый беспокойный, искал случая к каждому придраться и девять человек вызвал на дуэль, и обещал разделаться по окончании войны (с нами оружия не было); во время того происшествия он показал много характера и храбрости, спрятавшись в бочку, в которую стекала дождевая вода, и просидел там 24 часа, наконец, понемногу начал высовывать голову, — можно представить себе наш хохот. Этот случай был ему уроком, он стал гораздо спокойнее. Другой офицер, Опалинс, воображая, что уже режут, выскочил из окна и упал прямо на голову часовому, оба были ужас-

но напуганы. Прошло некоторое время после этого происшествия, и мы все оставались в надежде на освобождение. Наконец, читаем в газетах, которые получал комендант, что народный сейм, узнав о поступках наших казаков в Литве, в местечке Ошмянах, предложил вопрос для решения большинства голосов, должны ли они за своих земляков, которые страдают в Литве, мстить русским пленным и каким образом? При общем решении нашей смерти, между двумя депутатами вышел спор: утопить нас или повесить. С ужасом дождались мы другой почты, где будет решение, какого рода смерть нас постигнет, но, к нашей радости, большинство голосов было в нашу пользу и первый, кто подал голос против этого зверства, был депутат сейма Воловский, имя которого мы благословляем.

В это время слух дошёл до коменданта, что русские войска переправились через Вислу; опасаясь, чтобы нас не освободили, он испросил разрешение начальства, чтобы нас перевели дальше; вышло решение, и мы отправились 8 июля 1831 года в Лубницу. Бедная моя жена, на другую неделю после родов, пролежав всё это время на солдатской койке, застланной соломой, также должна была ехать; в дороге мы были 6 дней, проезжая города и местечки, мы по-прежнему переносили ругательства и поношения. Раздавались крики: «Отчего их не повесят? Право, они не стоят верёвки, их всех надо утопить, привязать камень на шею».

При проезде через город Кельцы, где находилось множество польских войск, и свирепствовала холера, встретили мы русских пленных солдат, обречённых поляками на жертву прибирать и хоронить тела холерных. Солдаты наши переносили это равнодушно, надеясь на Божий промысел, и, перевоза холерных, ни один не заразился. Тех из нас, которые не имели средств нанять себе квартиру на ночлег, запирали в одну комнату, для того, чтобы нас подвергнуть посмеянию жителей. С нами был полковник Фокицын, который был женат на Косецкой, бывшей жене польского генерала. В Столбнице мы остановились, многие из поляков подошли к ней и, узнав её, начали поносить самыми постыдными словами, упрекая, что она вышла замуж за русского, это её огорчило до такой степени, что она заболела, и когда мы приехали в Лубницу, она на другой день умерла. Комендант, полагая, что она была больна холерой, велел её завернуть в простыню, и прежде чем она успела охладеть, положили её на воз, покрыли соломой и зарыли в землю.

Повезли нас в замок, принадлежавший графу Потоцкому, но в котором 35 лет никто не жил, совершенно пустой; вблизи не было ни одной хижины. В продолжение трёх дней мы не имели ни куска хлеба, но евреи из соседнего города Сташева узнали, что мы близко, привезли нам провизию, и мы в продолжение всего нашего заточения считали их нашими благодетелями. От них мы узнали о положении нашего войска, из газет же мы правды не могли узнать, потому что поляки для поддержания духа нации всё писали в свою пользу. Слух дошёл до нас, что отряд генерала Красовского переправился через Вислу в Завихвостье; мы были в восхищении, полагая, что нас скоро освободят, но всё противилось нашему желанию. Нас 27 июля приказали перевести в местечко Опатовец над Вислой, в 40 верстах от Кракова. Партия наша была разделена на две части; в первой партии, которая была отправлена прежде, было несколько офицеров женатых, с нами же, во второй партии, был комендант. Первая партия прибыла в Новое место и, не зная своего назначения, оставалась нас дожидаться; здесь они имели много неприятностей, им говорили: «Кровь у нас кипит, когда видим москалей; неужели вы думаете, что вы увидите ваших земляков, разве на том свете; вас ведут нарочно ближе к Висле, чтобы потопить как собак». По прибытии нашей партии, все поехали дальше; тёмная ночь, дождь, плохая дорога, по которой мы ехали и несколько раз опрокидывались, словом, — всё способствовало делать наше положение более и более несносным; наконец, доехали мы кое-как до Опатовца, — местечко, где было назначено наше пребывание. Было уже за полночь, огней нигде не было видно, кроме корчмы; подъезжаем мы к ней, я вхожу и вижу в сенях хлев, в первой комнате висит до половины ободранный вол, с которого текла кровь, во второй комнате, также без пола, продавали водку; я упросил хозяина позволить нам переночевать; ввожу жену и ребёнка в первую комнату, можно вообразить, какое у неё было впечатление, чистота и опрятность нашей квартиры. Внесли нам мокрых гороховин, на которых мы провели остаток ночи; несколько раз приходили мужики и стучали, чтобы их пустили пить водку, арендатор для своей выгоды никому не отказывал. Проснувшись, мы увидели полную комнату мужиков, которые шумели, не обращая на нас никакого внимания; многие из них курили трубки. Я попросил их, чтобы они перестали, потому что жена моя страдала головной болью; она, опасаясь, чтобы они мне не сделали никакой грубости, сама попросила их не курить.

Они отвечали: «Что за пустяки, кто нам запретит? Где водку пьют, там и трубки курят». Находя невозможным остаться с семейством в этом хлеву, я просил коменданта дать мне другую квартиру; показали мне такую же, в которой мы оставались несколько дней, но товарищи, видя все невзгоды, которые я с семьёй переносу, предложили мне взять их квартиру, сами же поместились в сарае. Эта последняя, хоть и без пола, но, однако, была лучше, и в ней мы оставались до конца заточения.

Польских войск около нас расположено не было, но молодые люди, проезжая в армию из Галиции и Кракова, не пропускали случая делать нам неприятности. Местечко наше находилось на самом берегу Вислы, на другой стороне была Галиция, и австрийские часовые занимали посты. Несколько раз мы разговаривали с австрийскими офицерами, которые иногда собирались на противоположном берегу, просили их, чтобы они нам доставили средства освободиться из плена, но они отвечали, что сохраняют строгий нейтралитет и не могут нам помочь. Комендант, узнав о наших разговорах, запретил нам ходить на берег реки; с горя собирались мы под навесом дома и пели заунывные песни, но и тут жена экзекутора на нас сердилась и присылала своего мужа объявить нам, что если мы ещё будем петь, то нас запрут в погреб.

Известия до нас доходили через варшавские и краковские газеты, самые не приятные, потому что поляки никогда не писали правды. Резервы их, находившиеся в Краковском воеводстве, имели для нас гибельные намерения; узнав ложно, что у нас скрыто по близости оружие, они послали отряд к местному мельнику и провели обыск, но ничего не нашли.

В это время в Варшаве происходили ужасные буйства: не проходило дня, чтобы несколько человек не повесили одного казака, взятого в плен, поставили возле столба, привязали ему верёвку за ноги и тянули вверх, а сабельные удары окончили жизнь несчастного. В тот самый замок, где мы содержались до нашего выезда, были посажены многие из начальников польских войск, которые, по мнению мятежников, были изменниками отечества. Например, один из них не разбил корпус Ридигера, которого, по их мнению, можно было уничтожить, другой не подоспел к нему с помощью, не зная обстоятельств, которые могли этому способствовать. В городе жила жена полковника Бажанова, которой поляки прежде позволили остаться, а после заподозрили в сношениях с русскими,

её взяли под арест; чиновник 4-го класса Феньш, за то, что он русский, посажен туда же. Всего в замке их содержалось более 200 человек. В один из вечеров толпа вламывается в замок, в покои, где содержались арестанты, и умертвили всех самым мученическим образом. В числе их была и та несчастная Бажанова, у которой в комнате находилась пятнадцатилетняя дочь. Услыхав шум, мать заставила её спрятаться под кровать; вбегают в комнату косинеры, начинают её ругать и поносить словами, а один ударил её саблей. Бажанова, будучи довольно сильной женщиной, отвечала ему ударом руки; в это время все на неё напали, начали рубить саблями, затем, схватив за волосы, поволокли с третьего этажа; дочь её тащилась за ней, уцепившись за ноги. На дворе мать умертвили самым наглым образом, дочь получила две сабельные раны, но один из поляков её спас. Все тела собрали в один зал, и весь народ, в продолжение нескольких дней, ходил любоваться на эти жертвы. По окончании убийств в замке вся толпа с неистовым криком кинулась к Вельской заставе, там, в тюрьме, многие содержались за долги или по подозрению. Толпа поставила всех в одну шеренгу и с первого до последнего всех изрубила.

Наконец, прошёл один день почты, а курьер не приезжал, на другой день тоже... Мы поняли, что связь с Краковом прервалась, и что наши войска окружили Варшаву. Пан бурмистр и пан экзекутор стали с нами немного ласковей. Недели две прошло, а мы не имели никаких известий ни о наших войсках, ни о неприятеле. В один из дней утром мы услышали выстрелы на дороге в Кельцы, это было сражение с корпусом Ружицкого; мы долго вслушивались, опасаясь, что поляки, отступая, нас заберут с собой или с досады уничтожат. Но, к счастью, поляков погнало безостановочно к Кракову, а наш угол остался свободным, потому что в Новом месте казаки уничтожили паром по дороге к Опатовцу. Следующий день мы провели в надежде на скорое освобождение, но, привыкнув в продолжение 10-месячного заключения ежеминутно дрожать, опасались перемены обстоятельств, и что конца нашему заточению никогда не будет. В 10 часов вечера мы услышали шум на улице, смотрим, — наши офицеры бегают и сообщают друг другу радостную весть, что казаки в двух верстах, в деревне Рогове. Надо было быть в нашем положении, чтобы понять радость, которую мы испытали. В продолжение всей ночи мы ходили поздравлять друг друга с освобождением, жена моя высунулась из окна и от радости

начала смеяться, наконец, я удостоверился, что это был истерический смех, и я поспешил ей на помощь. Другие дамы из предосторожности пили померанцевый цвет. На другой день приехал взвод казаков Ильина полка под командой свитского офицера поручика Мильновского, отобрал оружие у солдат, которые нас охраняли, и объявил нам о свободе.

Через несколько дней мы отправились в Варшаву, где были представлены великому князю Михаилу Павловичу; на вопрос его: «Где твоя молодёжь?» — я отвечал, что она в Краковском воеводстве. — Сходи к генерал-губернатору и скажи моим именем, чтобы их всех сюда собрали как можно скорее, и возьми опять их на своё попечение. Через месяц кантонисты все были собраны. Его императорское высочество приказал мне назначить их в пять полков, которые были при покойном цесаревиче, и обмундировать их по форме, и велел представить к себе на смотр. По окончании обмундирования и смотра я обратился к начальнику штаба его высочества генерал-майору Петру Фёдоровичу Веймару с просьбой поехать в отпуск, к родителям, которых давно не видел, но получил повеление 24 октября 1831 года, что его императорскому высочеству угодно, чтобы все кантонисты под моим личным надзором были препровождены в Петербург.

Неоднократно его высочество посещал отделение и всегда оставался доволен. Помня, что уже нет нашего благодетеля цесаревича Константина Павловича, я, будучи ободрён вниманием ко мне его высочества Михаила Павловича, осмелился его спросить, — какая будет моя участь?

«Ты мне будешь нужен в Петербурге, ты у меня будешь командовать этим же батальоном».

После ухода гвардии из Варшавы я отправил жену 25 декабря 1831 года в Петербург к родным, а сам ещё оставался в Варшаве два месяца. Наконец, по распоряжению варшавского генерал-губернатора графа Витта и по соизволению Государя Императора, сообщённого через военного министра, дабы именно я был при команде (это лестное для меня повеление находится у меня в копии от 30 ноября 1831 года), я выступил 1 февраля 1832 года в Петербург с командой. Я был в дороге два с половиной месяца и прибыл 14 апреля, представил Государю и его высочеству вверенное мне отделение кантонистов, и оно было найдено в отличном состоянии. Я удостоился личной благодарности его величества, поцелуя,

получил чин штабс-капитана за отличие и крест Святого Владимира 4 степени (15 марта 1832 года «В воздаяние отлично усердной службы и неусыпного попечения, оказанного в нравственном образовании находившихся в Варшаве военных кантонистов в заведении состоявших...»). Его величество поблагодарил всех кантонистов и пожаловал им вторично денежное вознаграждение.

Пока некоторые кантонисты находились в госпиталях, то по мере их выздоровления я представлял их его высочеству и отправлял в полки. По окончании сдачи его высочество приказал мне быть в гвардейском штабе старшим адъютантом, в должности, которой я оставался в течение 8 месяцев. Впоследствии я был уволен в отпуск на 4 месяца с 22 сентября 1832 году. Отпуск мы женой провели на моей родине, в Мглинском уезде, в селе Нивном. Отец мой успел до своей смерти построить новый дом, где и проживала моя мать. Так моя жена познакомилась в первый раз с моей роднёй.

Возвратясь из отпуска в Петербург под Рождество, я просил начальника штаба об увольнении меня от должности по причине болезни глаз, и его высочеству было угодно сделать мне другое назначение.

* * *

Здесь приостановим воспоминания Андрея Фёдоровича Лишина, чтобы открыть тайну Константинова.

ЦЕСАРЕВИЧ КОНСТАНТИН И КОНСТАНТИНОВЫ

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ГОЛИЦЫН

Адъютантом великого князя Константина Павловича ещё со времён походов 1812, 1813 и 1814 годов был князь Иван Александрович Голицын. У него была самая привлекательная наружность, красивое открытое лицо, а между тем он исполнял самые щекотливые обязанности. Его коньком были театральные сплетни, которые он передавал великому князю, и тем забавлял его.

Голицын был известен своими чудачествами. Своё прозвище он получил по названию современной французской оперы Буальдье, в переводе как «Иван Парижский». Князь отличался большой

Цесаревич Константин Павлович

расточительностью в Париже. Во время пребывания наших войск он выиграл в одном игорном доме миллион франков, а спустя несколько дней проигрался так, что ему не на что было выехать из Парижа. По возвращении в Петербург он женился на самой экстравагантной женщине Анне Сергеевне Всеволожской, которая была старше него на два года, но весьма богата. По совершении брачного обряда, выходя из церкви, жена его подала ему портфель и сказала: «Вот половина моего состояния, а я — княгиня Голицына, и теперь всё кончено между нами».

Голицын вернулся обратно в Польшу к цесаревичу Константину Павловичу. Князь был от природы очень забавен по рассказам его друзей, даже при всей своей сановитости в обстановке

и кудреватости в речах. Он был страстный игрок. Жизнь в то время в Варшаве носила характер бивуачный, и азартная игра велась сильная и проигрыш его в самое короткое время достиг чудовищных размеров. Спас Голицына великий князь, оплатив его долги за некую услугу, оказанную в 1819 г. И Голицын не остался в долгу.

Какую услугу? Речь пойдёт о роде Константиновых. Но всё — по порядку.

Убеждая жену вернуться в Россию, цесаревич Константин Павлович приводил и тот довод, что у них есть надежда, что их потомство может быть на русском престоле. Александр I выказал брату неудовольствие его нашумевшими похождениями, компрометирующими царскую фамилию, и решил удалить его из столицы, назначив главнокомандующим армией вновь образованного Царства Польского в составе Российской империи. 7 сентября 1814 года Константин Павлович покинул Стрельну и перебрался в Варшаву. Часть Варшавского великого герцогства была присоединена к России на вечные времена под названием Царства Польского и получила конституционное устройство. Гражданское управление Царством Польским Александр I поручил престарелому генералу Юзефу Зайончеку, а великого князя Константина Павловича назначил главнокомандующим польских и русских полков, расквартированных в Польше. Команду над войском принял Константин Павлович; позже (после 1826 года) в его руках оказалась и остальная власть. Великий князь стал чем-то вроде вице-короля: на свою беду этот странный, непредсказуемый человек искренне полюбил и Польшу, и поляков. Он хотел примирить поляков и русских, — а его не могли терпеть ни те, ни другие.

Наконец, после долгих формальных процедур Синод дал Константину Павловичу разрешение на развод с супругой Анной Фёдоровной. 20 марта 1820 года императорским Манифестом объявлялось о расторжении брака.

Великий князь мог теперь жениться на Иоанне Антоновне Грузинской. Сочетание браком произошло 12/24 мая 1820 года без всякой торжественности, без огласки, почти тайно. Чтобы исключить возможные притязания, ещё 20 марта 1820 года император Александр издал манифест, в котором было сказано:

«...Мы признаём за благо для непоколебимого сохранения достоинства и спокойствия императорской фамилии и самой империи нашей... Если какое-либо лицо из императорской фамилии вступит

в брачный союз с лицом, не имеющим принадлежность ни к какому царствующему или владетельному дому, рождаемые от такого брака дети не имеют права на наследование престола».

Тогда же Константин Павлович подписал отречение от престола и передачу его Николаю.

После того, как в 1822 году специально построили в Бельведерском саду дворец во французском стиле, так почитаемом великим князем, Константин Павлович перебрался в Бельведер. Великий князь был очень привязан к сыну Павлу и к его матери, скучал без них. С переселением цесаревича в Польшу его любовница Жозефина тоже перебралась в Варшаву, надеясь, что он сдержит своё обещание скрепить их отношения законным браком. Жозефина Фридрихс, урождённая Мерсье (1778–5.04.1824) — фаворитка великого князя Константина Павловича, с которым в 1806–1820 гг. состояла в гражданском браке, с 1816 года после пожалования российского дворянства именовалась Ульяной Михайловной.

В это время одним из адъютантов цесаревича в Военной канцелярии его высочества в звании камергера двора как раз и состоял князь Иван Александрович Голицын (1783–1852). Волонтёром он участвовал во французской кампании 1812–1814 годов и получил за это, помимо русских орденов Св. Владимира и Св. Анны, иностранные награды. Представитель древнего рода Иван Александрович являл собой тип разорившегося русского барина, который любил широко пожить, промотал несколько состояний. В сущности, в Бельведерском дворце он играл роль шута, известного своими чудачествами.

Будучи ещё в Париже, когда шла опера, одноимённая прозвищу Голицына «Иван Парижский», Голицын познакомил цесаревича Константина с выступающей в ней актрисой Кларой-Анной Лоран.

Природа одарила её щедрым сердцем, прелестным личиком и пленительным голосом, а гений искусства — вдохновенным творческим жаром, капризница-судьба все свои богатства раскинула перед ней. Голицын доложил цесаревичу, что её отцом был директор императорских театров при Наполеоне граф Ремюза Огюст Лоран (1762–1823). Она стала любимицей публики, кумиром Парижа. Именно игра Лоран, полная высоких страстей и высокого эмоционального накала, приглянулась любившему посещать парижские театры Константину Павловичу. Голос Клары-Анны так заморозил его, что он на глазах у всех пожал ей руку. Из театра Клара-Анна попала в парижское окружение великого князя, став ещё одной его фавориткой.

КЛАРА-АННА ДЕ ЛОРАН. КОНСТАНЦИЯ И КОНСТАНТИН

Восстановив свою подмоченную репутацию и прихватив приглянувшуюся цесаревичу парижскую актрису Лоран, Иван Александрович в ноябре 1814 года перебрался из столицы Франции в Варшаву. Великий князь отвёл Кларе-Анне покои в Брюлевском дворце, в которых она проживала тихо и безмятежно. Через девять месяцев — 13 августа 1815 года она родила великому князю дочь, которую в честь отца назвали Констанцией Константиновной Константиновой, а по матери записали в католическую веру. В благодарность Константин Павлович возвёл мать новорождённой в графское достоинство и учредил её герб.

Графиня де Лоран, по свидетельству современников, ангел доброты и кротости, не слыла амбициозной, и её не очень оскорбляло положение наложницы. Через некоторое время после рождения дочери она стала выступать во французском театре в Варшаве под театральным псевдонимом Констанс.

А 20 декабря 1818 года (1 января 1819 года по новому стилю) там же, в Варшаве, у Константина Павловича и Клары-Анны родился сын. По российским законам этот ребёнок считался тоже внебрачным, то есть рождённым незамужней. В те времена при совершении метрической записи внебрачному ребёнку присваивали отчество и фамилию сообразно имени своего восприемника. Поскольку восприемником был великий князь, то новорождённый стал Константином Константиновичем Константиновым.

Восприемники — это свидетели Крещения ими воспринятого. Восприемники поручались за тех, кого восприняли от святой купели, они были поручители перед Церковью за крещаемых, и особенно при Крещении младенцев. Восприемники при Крещении дают обеты за крещаемого Богу, исповедуют Символ Веры. Они обязаны наставить воспринятых ими в вере и благочестии, наставить Закону Божию, помогать им в утверждении в христианской жизни. Восприемники должны были соответствовать своему высокому назначению и быть в силах выполнить столь важные налагаемые Церковью обязанности, восприемнику самому необходимо знание, чистота и твёрдость веры, разумение сущности Таинства Крещения и произносимых им обетов. Отсюда следует, что восприемники — это не простые участники обрядовой стороны Таинства Крещения и нельзя давать это высокое звание всякому желающему.

Надо сказать, что такие же проблемы возникли у Константина Павловича с рождением сына Константина, как и у Николая Павловича с рождением сына Александра. Однако императорская фамилия хотела сохранить реноме исключительной порядочности и высокого благородства и исключить возможных посягателей на императорский трон. Поэтому в оборот была запущена легенда о происхождении Константина, согласно которой он являлся сыном купца второй гильдии Черниговской губернии. Легенда о его происхождении, придуманная в начале XIX века в царской России, долгое время жила в изданиях, посвящённых истории отечественной ракетной техники вплоть до конца XX века.

После многолетних исследований в фондах архивов и библиотек, благодаря кропотливой работе потомков этого рода, краеведов и местных следопытов, удалось не только составить подробное жизнеописание, но и обнаружить ранее неизвестные факты личной жизни, как выяснилось, в высшей степени одарённого учёного мирового значения. На долгое время его имя как бы ушло с переднего края российской науки, так что даже выдающиеся учёные не знали о главном ракетчике Российской Империи Константине Константинове.

Дети фаворитки не были признаны императорской фамилией. Клара-Анна, перед которой разыгрался поучительный спектакль с Ульяной Михайловной, скромно проживала в одной из резиденций, выбранных самим великим князем, — в Лазенках. Оторванная от привычных парижских связей, в Варшаве она так и не приобрела добрых знакомых; да здесь это было бы и невозможно, ведь все знали её происхождение и не рисковали вызывать неудовольствие княгини Лович.

Да и сам Константин Павлович, по братскому совету императора, устранился от связей с Лоран. Детей же, рождённых ею, — Константина и Констанцию записали воспитанниками князя И. А. Голицына, вечного должника цесаревича, призванного исполнять самые щекотливые обязанности, и не только великого князя, но тайно — и Александра Христофоровича Бенкендорфа. Горькую пилюлю, которую великий князь подсунил своему придворному, он решил подсластить. По просьбе Константина Павловича король Пруссии наградил Прусским орденом Голицына, бывшего в прошедшую французскую кампанию ординарцем при штабе его императорского высочества. Теперь князь состоял при

его императорском высочестве отставным гвардии подпоручиком и двора его императорского высочества камер-юнкером.

Потому, что семейные обстоятельства Константина Павловича Романова сложились таким образом, его детей Констанцию и Константина считали воспитанниками (приёмными детьми) князя Ивана Александровича Голицына, адъютанта великого князя. Именно по этой причине у них впоследствии изменилось отчество — Ивановичи.

Голицыну великий князь поручил нести ответственность за воспитание и образование своих детей, рождённых Лоран. Конечно, на это требовались средства, — следуя закону, великий князь взял на себя расходы на их содержание. Теперь князь Голицын отвечал за жизнь и обучение Константина.

И всё же дети Константина воспитывались при дворе.

Клара-Анна, получившая хороший урок на чужих ошибках, оставалась в тени и скромно занималась воспитанием своих детей. Прежде всего, она позаботилась о музыкальном образовании Констанции, у которой обнаружился прекрасный голос и выявились музыкальные способности.

Так, уроки музыки Константину и его сестре Констанции давал юный Шопен, которого для этой цели приглашали в Бельведер — летнюю варшавскую резиденцию великого князя.

Это княгиня Лович часто приглашала во дворец своего юного соотечественника — Фредерика Шопена (1810–1849), будущего великого композитора. В то время Фредерик жил с родителями — Николаем и Юстиной Шопен — в правом крыле Казимирова дворца, где они открыли частный пансион для юных музыкантов. Современники вспоминали, что своей игрой на фортепиано Шопен усмирял вспышки неуравновешенного характера цесаревича и после сеансов «лечения музыкой» цесаревич становился «до слабости добр». В возрасте 10 лет Шопен сочинил марш и посвятил его цесаревичу. Фредерик получил возможность часто бывать во дворце великого князя, а позже он стал музицировать с юной кареглазой Констанцией. Крошка Констанция подрастала и с невольной дерзостью незаконнорождённых детей чертами лица выдавала тайну своего рождения.

Как свидетельствовали современники, она была хороша собой, и её чистый девичий облик наполнял душу молодого пианиста восторженным поклонением. Биографы Шопена отмечали, что она

была очень красива, и у неё был прекрасный голос. Теперь для нас этот факт не является таинственным, — ведь её мать была хорошей певицей. Сама Констанция поступила в 1829 году в консерваторию по классу пения. У молодых вспыхнула любовь, но их быстро разлучили. На прощание огорчённая предстоящей разлукой и не подозревавшая об интригах Констанция подарила Фредерику свой перстень, который он не должен был снимать никогда, а Шопен посвятил Констанции свой знаменитый Второй фортепьянный концерт.

Воспитателем подростка Константина был Гельвиг, прекрасный молодой человек, но слишком мягкий и неопытный, чтобы быть гувернёром 11-летнего мальчика Константина Константинова. Его порекомендовала князю мадам Левицкая, для занятий по немецкому языку. До этого он окончил курс в Лейпцигском университете, на богословском факультете. Гельвиг — истинный немец, девственный в свои 24 года и в то же время в деле религии проникнутый самыми либеральными идеями.

Образованием Константина занимался и отец, — с малых лет Константин Павлович прививал маленькому Косте любовь к военной службе, выезжая вместе с ним и Павлом на смотры Измайловского и Литовского полков, расквартированных в окрестностях Варшавы. К своим сыновьям Великий князь относился очень строго и требовательно.

Констанция Константинова к тому времени стала очаровательной девушкой, на неё засматривались многие молодые люди, особенно удалые офицеры из окружения цесаревича. Одним из таких офицеров был молодой поручик А. Ф. Лишин, служивший адъютантом начальника штаба Лейб-гвардии Литовского полка графа Д. Д. Куруты. Статный, красивый, рослый молодой офицер в 1821 году был назначен ординарцем к Александру I.

Партия хорошая. Андрей Фёдорович Лишин был представителем древнего дворянского рода Черниговской губернии, владевшим землёй в Мглинском уезде. Отец его, Фёдор Иванович Лишин (1779–1814), был титулярным советником, коллежским асессором, судьёй Мглинского поветового суда. Состояние его позволило дать своим детям достойное воспитание.

Благодаря князю Ивану Александровичу Голицыну он познакомился на светском балу у графини Клары-Анны де Лоран с его приёмной дочерью Констанцией. По заведённым издавна обычаям Андрей Фёдорович должен был обратиться к родителям своей

избранницы с просьбой её руки и сердца. Но ситуация оказалась непростой, — поручику Лишину в июне 1830 года пришлось в письменном виде изложить своему командиру графу Куруте просьбу с разрешением вступить в законный брак «с девицею Констанциею Лоренс». Курута, в свою очередь, испросил согласия Константина Павловича. Великий князь дал письменное согласие за № 3857 от 11 июня на вступление А. Ф. Лишина «в законный брак с воспитанницей состоящего при мне Двора его императорского величества в звании камергера князя Ивана Голицына девицею Констанциею Лоренс». О решении цесаревича Курута письменно уведомил своего адъютанта поручика Лишина. Из благоволения или какого-либо хорошего отношения к заслугам, как узнал впоследствии поручик, «великий князь сам соизволил подписать разрешение на нашу свадьбу и почтил нас своим поздравлением». Венчание состоялось в августе в варшавской русской церкви на Подвале. Так 15-летняя Констанция стала Лишиной.

Младший сын цесаревича Константин рос крупным, крепко сложенным ребёнком, довольно подвижным и любознательным. Его воспитывали, как и отца, в греко-русской вере, очевидно, учитывая определённые интересы великого князя. Костя, как и его сестра Констанция, хотя и не получили официального признания, как их сводный брат Павел, всё же находились при дворе великого князя. По воспоминаниям очевидцев, игрушками Константину служили деревянные солдатики, доставшиеся ему «по наследству» от сводного брата Павла.

Великий князь, увлечённый военным делом, весьма живо интересовался новинками военной техники. Особенно привлекали его внимание боевые ракеты. Константин Павлович придавал особое значение развитию этого эффективного оружия. Вот откуда сын — ракетчик. Из воспоминаний Андрея Фёдоровича Лишина видно, что увлечённость Константинова идёт от его тайного отца. Служа в войсках, находившихся в Варшаве, под начальством цесаревича и великого князя Константина Павловича, Лейб-гвардии в Литовском полку, Лишин пользовался его милостивым вниманием и доверием. Великий князь обедал с княгиней Лович, к столу приглашались дежурный адъютант и очень часто артиллерийский генерал Бонтан, которого Константин Павлович очень любил. Чаще всего они беседовали о развитии пиротехнической лаборатории, новинок ракет, в которых хорошо разобрался Бонтан. Великий князь считал

развитие ракетного дела в России своей личной заслугой и средств на это не жалел.

Ракеты в России были известны уже в начале XVII века. В 1607 году в Москве была издана книга дьяка посольского приказа Онисима Михайловича Радишевского «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки». В этой книге он систематизировал сведения по ракетной технике. Интерес к ракетам был настолько велик, что в 1621 году книгу переиздали.

Ещё в 1680 году в Москве было образовано «Ракетное заведение», где изготавливали фейерверочные и сигнальные ракеты. В бомбардирской роте Преображенского полка ракетным делом успешно занимались офицеры-артиллеристы В. Д. Корчмин и Г. Г. Скорняков-Писарев. Сам царь Пётр I занимался «зелевым делом», и по его заданию и разработкам в Ракетном заведении в 1707 году изготовили сигнальную ракету, способную подниматься на высоту до одного километра. Ракета была отработана настолько удачно, что применялась без изменения почти 150 лет.

Неизменный интерес Петра I к ракетному делу подтверждается заказом на перевод книги Иосифа Ландгрини «Художества огненные и разные воинские орудия», в которой приводились сведения об искусстве изготовления ракет. В личной библиотеке русского императора имелась книга Иосифа Беклера «Потешные огни» (1660 г.) с описанием ракет для фейерверков и чертежами ракет, состоявших из двух частей.

Первый в русской литературе капитальный оригинальный труд по устройству фейерверочных ракет, изготовлению и рецептам порохов — «Начальное знание теории и практики в артиллерии» — опубликовал в 1762 году майор артиллерии М. В. Данилов (1722–1790). В конце XVIII века русский исследователь, автор ряда научных сочинений о ракетах А. П. Демидов произвёл ряд усовершенствований в производстве и применении ракет, сконструировал станок для залпового пуска ракет. Его учеником считается генерал-майор артиллерии Ф. С. Челеев.

О М. В. Данилове, первом отечественном подлинном исследователе ракетной техники, стоит рассказать подробнее. Михаил Васильевич родился в семье бедного дворянина из села Харино (ныне Веневского района Тульской области), был одним из ближайших сподвижников выдающегося русского артиллериста генерал-фельдмаршала графа П. И. Шувалова.

Особенно Константинова интересовал ракетчик Засядко.

Параллельно с А. И. Картмазовым усовершенствованием ракет активно занимался полковник-артиллерист А. Д. Засядко (1779–1837). Он поставил перед собой задачу раскрыть секреты конгревовых ракет, и в 1815 году по своей инициативе со свойственной ему увлечённостью взялся за организацию опытов над подобными ракетами.

После смерти отца по разделу с братом ему досталось небольшое имение близ Одессы. Александр Дмитриевич продал его и на вырученную сумму приобрёл оборудование и материалы для проведения своих исследований. Тщательно изучив конструкцию фейерверочных ракет, описанную в доступных ему книгах М. В. Данилова и А. П. Демидова, Засядко принялся за совершенствование конструкции ракет, их производства, пусковых станков и выработку рекомендаций по применению нового оружия. Александр Дмитриевич высказал весьма оригинальную идею, которая впоследствии была воплощена в России.

Он предполагал, что «понеже порох делается и хранится во многих приграничных местах, то в войсках можно возить одни только железные листы для изготовления ракетных гильз, а ракеты изготовлять по мере надобности, таким образом предотвращая готовые ракеты от порчи при дальней перевозке» (об этом не мечтал даже сам Конгрев!). Александр I так был доволен инициативой изобретателя и его бескорыстием, что выразился по этому поводу довольно красноречиво: «Слава Богу, есть офицеры, которые служат из одной только чести!» Константин Павлович с большим интересом наблюдал за опытными стрельбами ракет А. И. Картмазова и А. Д. Засядко, которые в 1817 году специально для него устроил его брат генерал-фельдцейхмейстер великий князь Михаил Павлович. Ракеты и результаты демонстрационных отстрелов были одобрены великим князем. По договорённости с Михаилом, Константин Павлович, вдохновлённый успехами соотечественников, вознамерился ввести этот вид оружия в арсенал русской армии. Картмазов удостоился благоволения великого князя, всячески поощрявшего работы по развитию ракетного оружия. В свою очередь Алексей Иванович преподнёс Константину Павловичу в письменном виде изобретённый им «секрет состава для сих ракет со всеми моделями тем принадлежностям, кои необходимы для сделания оных».

В этот год Константинов только ещё родился. И о Засядко с Картмазовым узнал из книг в библиотеке отца намного позже.

Князь Голицын по-отцовски берёт приёмного сына. Так, например, спас Константинова во время Польского восстания. В Брюлевском дворце, во время нашествия инсургентов, ищущих великого князя Константина Павловича для расправы, князь И. А. Голицын спрятал графиню де Лоран и малолетнего Константина от разъярённой толпы в укромном месте под широкой лестницей. Так, Константин, у которого на глазах творилось беззаконие, очередной раз столкнулся с правдой жизни. Верные присяге офицеры сумели пробраться во дворец Бельведер и увидели там ужасную картину. При свете уличного фонаря была видна лужа крови: то была кровь генерал-майора А. А. Жандра. В вестибюле окна были разбиты, на полу валялась люстра, зеркала расколоты вдребезги, начальник полиции Любовицкий ранен, один лакей убит, другой ранен. Во дворце царила суматоха. Под охраной кавалеристов из Брюлевского дворца бежали князь И. А. Голицын с графиней де Лоран и Константином.

Приобретя некоторую уверенность, Константин Павлович, которого не покидала мысль о судьбе княгини Лович, отдал приказание П. А. Колзакову: «Ступай к княгине. Я тебе поручаю, — вези её куда хочешь, но чтобы она была в безопасности». Павел Андреевич нашёл княгиню Лович в комнате для горничных, окружённую несколькими приближёнными дамами. Она была мертвенно бледна, губы её дрожали, на лице выражались ужас и отчаяние.

Когда Колзаков передал ей повеление цесаревича, она решительно отказалась покидать мужа. Тогда для пушей надёжности Константин Павлович отдал приказ чиновнику по гражданской части своей канцелярии князю А. Ф. Голицыну (1796–1864), супругу княгини Н. И. Голицыной, находиться при княгине Лович. Вероятно, Константин Павлович не знал, что Александр Фёдорович с 1826 года был тесно связан с III отделением и лично с графом А. Х. Бенкендорфом, был негласным агентом этого ведомства в Варшаве, наблюдая за деятельностью местной полиции (а при случае — и за своим августейшим патроном) и регулярно осведомлял о происходящем Петербург.

Всё же последовала его просьба — «он просил де Лоран тайно проникнуть в Бельведерский дворец и изъять документы, хранившиеся в одной из шкапулок в его кабинете. Преданная де Лоран, известная на театральной сцене как искусная французская актриса

Констанс, благодаря помощи и деятельному вмешательству в это дело генерала Лубеньского, оставшегося верным великому князю, пренебрегая опасностью, пробралась в опустевший дворец, который представлял собой печальное зрелище. В сенях разбиты окна, на лестнице кровь, в камердинерской ею был залит весь пол и стены; в комнатах царствовал полнейший беспорядок. Всюду укладывали и выносили вещи, как на пожаре, и точно так же, как во время пожара, укладывались пустяки, а нужное забывалось, — о тёплых вещах никто не подумал. Констанс выполнила просьбу близкого ей человека: взглянув на содержимое указанной ей шкатулки, она поняла, почему именно ей была поручена эта опасная миссия — среди документов (завещания Петра Великого и многих других очень важных секретных бумаг) хранился, в том числе, проект конституции, которую Александр I подготовил для Российской империи, но не решился обнародовать. Текст конституции, названный императором Грамотой, был изложен на французском языке, родном для графини де Лоран. Эти документы после смерти Александра I были переданы Константину Павловичу на хранение как наследнику престола, но они не должны были попасть в руки восставших. Поручение с успехом было выполнено, — ценные бумаги были спасены и вручены великому князю.

В 1831 г. во время восстания поляков Константин Павлович Романов направился из Польши в Россию, но по пути заболел холерой и умер в Витебске.

А князь Голицын вместе с 13-летним Константином и де Лоран обосновались в Петербурге. В 1834 году, исполняя волю покойного Константина Павловича Романова, князь Голицын определил 15-летнего Константина юнкером в Михайловское артиллерийское училище.

И чтобы не раскрывать тайну происхождения Константина и устроить обучение за казённый счёт, князь Голицын записал его как сына купца 2-й гильдии.

Учился Константин Константинов хорошо, был «четвёртым по списку». В 1836 г. окончил учёбу, однако был оставлен в училище «для дальнейшего совершенствования в высших науках». Лишь в 1838 г. состоялся его окончательный выпуск из Михайловского училища в чине прапорщика.

Несколько скрашивали жизнь посещения театров, инициатором которых была, конечно, Клара-Анна. Сезон 1833–1834 годов

был вообще богат хорошими водевилями, и оригинальными, и переводными, например, водевиль Григорьева «Жена, каких много». В Михайловском театре — «Амур в деревне». В Оперном театре славились «Сорока-воровка» со знаменитым Воробьёвым в роли Пиппо и балет «Марс и Венера» с Телешевой.

Потом семья Лишиных решила, что для ребёнка лучше было бы перебраться на время из сырого и ветреного Петербурга в более сухой и здоровый климат Черниговщины. Для восстановления сил и здоровья после перенесённых тягот в Польше Андрей Фёдорович взял отпуск на четыре месяца и в сентябре вместе с женой и сыном, которого счастливые родители назвали в честь деда Константином, перебрался в своё имение в селе Нивное.

Воспоминания о прежних путешествиях на перекладных в Нивное оставили неизгладимый след в памяти Константина. Эти поездки ничуть не напоминали скорбное бегство из Варшавы, а потому всегда ожидалось Костей с нетерпением. В день отъезда чуть свет он то и дело подбегал к окну посмотреть, не прибыл ли ямщик с лошадьми. Путешествие начиналось с укладки многочисленных вещей и усадки людей в дормез, запряжённый шестериком с фореитором на выносе. В нём пахло смесью махорки с русским духом, — когда возок стоял в сарае, туда обыкновенно, подальше от зоркого ока старшего кучера, в неурочное время уходили спать конюхи. По выезду из города отвязывались колокольчики (в черте города звон колокольчиков запрещён), ямщик ухарски вскакивал на козлы и с возгласом: «Пошёл!» — щёлкал кнутом. Лошади пускались вскачь. Навстречу тянулись в столицу обозы с сеном, телятами, клетками с курами и гусями, мешками с зерном, мебелью, предметами домашнего обихода. Изредка проезжал помещик в бричке или коляске, проскакивал во всю прыть фельдъегерь. Мимо глаз Константина мелькали верстовые столбы, дачи, деревни, перед избами в одних рубашонках стояли белобрысые ребяташки, тянулись свежевспаханые поля. Так доезжали до имения Лишиных в Нивном.

А в имении их уже давно ждали. Вокруг суетились слуги, принимая и разнося багаж. В доме Лишиных подобрано всё не как в Петербурге для показа, а для домашнего уюта, для себя. Без препятствий можно было пройти по всем комнатам. В центре дома, в большом зале, где стоял рояль, устраивались не только одни банкеты, как в городе, — по стенам гости не стояли, для них был устроен уютный уголок. Стены обтянуты гладким зелёным штофом.

За трельяжем, по которому вился плющ, стояли диван и кресла. Мебель обита тканью с тёмно-зелёными разводами, красиво гармонирующей со штофом. На удобной мебели тянуло посидеть, покачаться на её мягких пружинах. На стенах висели портреты владельцев имения Лишиных — коллежского асессора, судьи Мглинского поветового суда Фёдора Андреевича, умершего 15 января 1826 года на 69-м году жизни, и его жены Параскевы Владимировны, доброй и гостеприимной хозяйки.

Детская, которая отводилась Константину, отличалась от столичной: светлая, весёлая, просторная, в окна заглядывали ветки сирени, на деревьях чирикали воробьи, в окна пробивались солнечные «зайчики».

Здесь житьё привольное, нет столичных строгостей, привлекал своей загадочностью заросший парк при имении.

Константин ходил смотреть, как доят коров, он сдружился с местными ребятишками, носил им сахар и сладости, сгребал в поле сено, сбирал из него копны, с которых скатывался вниз, ходил с матерью и горничными в лес собирать грибы и ягоды. По праздникам, которые приходились на лето, Константина водили на службы в старую деревянную церковь, построенную неподалёку от имения.

Но осенью нагулявшегося вволю Константина, испробовавшего яблок, ягод и грибов, возвращали из села в столицу. Здесь ему предстояло набираться знаний, ведь впереди у него предстояла суровая самостоятельная жизнь, и на чью-либо помощь рассчитывать не придётся. Кое-какие знания у Константина были, — недаром с ним занимались учителя его старшего сводного брата Павла Александрова. Но их было явно недостаточно, нужно системное обучение. Говорить, читать и писать по-русски и по-французски Костя умел достаточно хорошо, сносно читал и писал по-немецки и по-английски. Нужны были основательные знания по физике, химии, математике. Историю и географию должен знать каждый культурный человек. Для регулярно обучения ему поставили в детской письменный стол. Сюда, в детскую, приходили учителя, здесь ученик готовил домашние задания. Кроме того, Константину выделили время для занятий верховой ездой, — он стал ходить в манеж. Нравственным воспитанием занималась Клара-Анна, она же уделяла внимание его музыкальному образованию.

Константин Иванович отдыхал душой рядом со своей старшей и мудрой сестрой. Но ни необычность их происхождения, ни жизненные неурядицы не надломили их благородные характеры. Во многом поддержку им оказывал Андрей Фёдорович Лишин, посвящённый в их семейную тайну.

Выросший в многодетной семье, Андрей Фёдорович, несмотря на скромное жалование офицера, старался дать достойное воспитание своим многочисленным детям: все сыновья стали уважаемыми людьми. Но особое внимание уделялось в семье младшему — Григорию. Когда мальчик подрос, отец возил его за границу, и часть лета проводил в родовом имении в селе Нивное. Особенно дороги ему были проявления истинного дарования младшего сына, про которого он говорил: «Седьмой сын мой Григорий изучил законы, но душою он постиг иной закон — влиять на сердца силой вдохновенного слова и звука, и, внимая его простым мелодиям, склонялось задумчиво не одно чело...»

* * *

Продолжим воспоминания генерала Андрея Фёдоровича Лишина.

*Школа гвардейских подпрапорщиков
и кавалерийских юнкеров
(1833–1849)*

В последующей службе своей я довольно долго был командиром роты в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (впоследствии Николаевское кавалерийское училище). Сначала я считался прикомандирован там для испытательного срока с 24 февраля 1833 г. Затем, проявив лучшие качества и старание, был утверждён 31 декабря 1833 г. ротным офицером школы, где дослужился до звания полковника. В школе я прослужил до ноября 1849 года. Здесь в бытность мою в школе, хотя и в кавалерийском отделении, воспитывался М. Ю. Лермонтов, князь Барятинский, впоследствии фельдмаршал, Слепцов, герой Кавказа, Семёнов-Тянь-Шанский и другие. Я тогда был ротным командиром отделения пехоты, а Лермонтов был в числе воспитанников кавалерийского отделения школы, поэтому я мало замечал поэта, а стихи его, в бытность его в школе, до меня не доходили. Хотя впоследствии мне передали один из его стишков, посвящённых мне:

*«Вот выходит из дежурной, весь в заплатах на штанах,
Словно мраморную урну, держит кивер он в руках».*

Я помню его наружность: не привлекательный, роста небольшого, держался сутуловато, ноги были с кривизной, с большой головой; любопытно, что его тётушка до того любила Михаила Юрьевича, что обыкновенно утром присылала своего человека в школу будить племянника, дабы звук барабана или трубы не встревожил и не испугал его при подъёме. Прозвище у него было Майошка. Все мы смотрели на него, как на самого обыкновенного и самого заурядного воспитанника. Он был чрезвычайно неудовлетворительного поведения и даже курил табак! Никогда не поверил бы, что юноша с такими дурными и порочными наклонностями мог стать автором поэмы «Демон» и других сочинений, никто не подозревал, что это будущий великий поэт!

В школе можно было получить весьма сносное образование. Основана школа была его Императорским Величеством Николаем Павловичем, когда он ещё был Великим Князем, затем шефом стал Его Высочество Великий Князь Михаил Павлович. Возглавлял школу в то время полковник барон Константин Антонович Шлиппенбах, гвардеец до мозга костей. Большое внимание отдавалось строевой службе, разводам, парадам, дежурствам. В начале вся учёба проходила в течение двух лет, а с 1838 года состоялся переход на четырёхлетний период.

Поступающие в школу сдавали экзамены по русскому языку, математике и истории. Русский язык и словесность преподавал Николай Яковлевич Прокопович, любивший в свободное время читать воспитанникам сочинения своего друга и товарища по Нежинскому лицей Николая Васильевича Гоголя. А так как в школе художественная литература была запрещена, то всем уроки нравились, в старших классах Прокоповича менял поэт Александр Александрович Комаров, который самого Пушкина знал. Курс минералогии читал горный инженер Иванов, который приходил в класс с ящиками минералов, садился за кафедру, вынимал какую-либо книгу и целиком в неё погружался, следя лишь за тем, чтобы ученики не шумели. Курс всеобщей истории преподавал Шакеев. Два раза в год воспитанники сдавали полугодовые экзамены: по математике и истории, словесности и топографии, фортификации и артиллерии, военный устав, тактики и судопроизводству, географии.

В апреле 1843 года барон Шлиппенбах был произведён в генералы от инфантерии и назначен директором 1-го кадетского корпуса и одновременно управляющим всеми военно-учебными заведениями. В Школе же на его место был назначен полковник Александр Николаевич Сутгоф, который только вернулся из Парижа.

Каждый год летом вся Школа выступала в Петергофские лагеря на учения, так как воспитанники постоянно находились под пристальным вниманием Императора, а сам Государь шуток не любил и карал по всей строгости. Однажды произошёл один казусный случай в 1841 году, когда Школа испытала, правда, редкий, царский гнев. То лето было холодным, дождливым, слякотным. С балкона своего дворца в Александрии Император любил наблюдать в подзорную трубу, как идут учения на плацу Петергофского лагеря. Плац, обнесённый громадными рвами, в дождливую погоду был весь в огромных лужах. Юнкера и подпрапорщики, одетые в белые панталоны и парадные мундиры с красными лацканами, на ученьях старательно обходили лужи, ломая, естественно, при этом фронт. Царь однажды разглядел в свою подзорную трубу столь аккуратный переход через грязь. Не прошло и десяти минут, как его Императорское Величество был уже на плацу и разносил в пух и прах барона Шлиппенбаха и, не остыв от гнева, накинулся на юнкеров и подпрапорщиков: «Вы, я вижу, очень возомнили о себе! Так я вам покажу, что такое воинская служба!» Он говорил: «Здесь порядок, строгая безусловная законность, никакого всезнайства и противоречия, всё вытекает одно из другого; всё подчиняется одной определённой цели; никто не приказывает, прежде сам не научится повиноваться; никто без законного основания не становится впереди другого, всё имеет своё назначение. Потому-то мне хорошо среди вас, и потому я всегда буду держать в почёте звание солдата. Я смотрю на всю человеческую жизнь только как на службу, так как каждый служит».

В строю в задних рядах началось шиканье, слава Богу, не достигшее августейшего слуха, но заставившее понервничать тех, кто стоял в первых рядах. Император сам взял на себя командование. Он выстроил батальон Школы так, что лужи на пути были неминуемы, и сам повёл строй вперёд, на рвы. Тут было не до панталон и не до красных лацканов.

Император Николай Павлович часто посещал детские военные школы и, наведя порядок и сделав замечания нерадивым администраторам, сердечно беседовал с юнкерами. Бывало, сядет на окошко

в коридоре, а ребята, как мухи на сладкое, облепят Императора, чувствуя себя в этом обществе непринуждённо. Юнкера обожали Императора и считали его своим отцом, любовным и заботливым. Когда в Петергофе, где располагался лагерь, прошёл сильный ливень, и палатки оказались в воде, приехавший Император немедленно перевёл юнкеров в Александринку, как мы по простоте называли летнюю дачу государя в Петергофе. Туда обычно, то есть не только в саму дачу, а и в парк, окружавший дачную резиденцию царской семьи, могли входить без отдельного разрешения лишь флигель-адъютанты. Не уважал Император лишь воспитанников пажеского корпуса, называя их белочками и даже мадемуазелями. Не было такого случая, чтобы Император не уважил просьбы воспитанников о помиловании кого-либо из родственников.

Приведу характерное для Императора обращение к выпускникам Школы, при производстве в офицеры: «Отпуская вас на службу, я расстаюсь с вами, как с собственными детьми, при уверенности, что вдали от меня вы не измените тех чувств ко мне, которыми моё сердце переполнено к вам. Служите честно и примерно, я не забуду вас».

В 1833 году я попросил Николая Павловича быть крёстным отцом моему первенцу, на что Император согласился. То же самое произошло со вторым, с третьим, четвёртым и так далее. Когда я попросил Императора быть крёстным моему девятому сыну Григорию, в 1854 году, то он сказал, улыбаясь, что: «Готов крестить до двенадцати, а после предоставляю право наследнику престола».

Действительно, Николай Павлович был строг в своих воззрениях, но нельзя не отдать ему справедливости, что он глубоко изучил и любил свой народ; по опыту он знал, что внезапное насильственное развитие не может вдруг проникнуть и утвердиться, а останется одним призраком того, что бы должно быть. Он знал, что народ его слишком молод и неопытен, чтоб быть предоставленным самому себе и ходить без помочей. Он знал, что развитие и образование ещё далеко не проникли не только в низший слой братии. Что в интеллигентном кругу они только поверхностны, и что развитие и образование только тогда могут распространиться, когда они утвердятся правильно в высшем сословии, из которого они, безусловно, должны истекать, служа примером простолыдину. Он знал, что по нраву русского человека строгость для него полезнее распушенности, которая к добру не ведёт. «Русские — добрый народ, но надо суметь быть достойным, чтобы управлять таким народом», — говорил Николай

Павлович. При всём при этом, чтобы быть вполне справедливым, он был весьма вспыльчив, и если чем оставался недоволен или замечал какую-нибудь грязную неправду или другой проступок, — его строгости не было границ, но всё-таки если прогневавший его мог оправдаться или просто сказать: «Винovat Ваше Величество», то он был сам счастлив и сейчас же смягчался.

30 июля 1844 года я, будучи полковником, находился с подпорщиками на берегу морского залива, увидел вдруг утопающего, мгновенно и смело бросился в волны, как был в сюртуке и шинели, и ловко плавая, подхватил утопающего под руку и спас его от неминуемой гибели. Когда меня спросили: «Отчего вы не сняли сюртук, чтобы было легче плыть?» — я ответил: «А потому, что я опасался одуматься; если бы я стал раздеваться, пожалуй, не бросился бы в воду, а вспомнил, что у меня пятеро детей!» За проявленный человеколюбивый поступок, мне 8 сентября 1844 года, Указ № 7815, Капитула Орденов была пожалована серебряная медаль «За спасение погибавших». Медаль эта была учреждена Императором Николаем Павловичем в январе 1846 года, она предназначалась для награждения жителей за совершение подвига человеколюбия с риском собственной жизни при спасении одного человека, вручалась на ленте ордена Святого Владимира для ношения на груди, в петлице. Вот как описывает этот поступок командующий отрядом Военно-учебных заведений генерал-лейтенант Константин Антонович Шлиппенбах в рапорте Его Императорскому Величеству. «30-го числа сего июля, в первом часу дня, отставной унтер-офицер из Лейб-гвардии Литовского полка Никита Малышкин, находящийся в услужении по найму при воспитанниках Пажеского корпуса, пошёл купаться в гавань. Не заметя прибывшей значительно воды, вошёл в неё, на том самом месте, где уже он неоднократно купался. Не умея плавать и видя неминуемую гибель, начал кричать о спасении и погрузился в воду. Случившийся в это время на пристани командующий 1-м Сводным батальоном отряда Военно-учебных заведений Лейб-гвардии Литовского полка полковник Лишин, движимый чувством человеколюбия, бросился во всей одежде в воду и спас утопавшего. Вынутый таким образом из воды унтер-офицер Малышкин чрез несколько минут пришёл в себя и не чувствует ни малейших болезненных признаков. О происшествии сём всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству. Генерал-лейтенант Шлиппенбах. № 208 30 июля 1844 года. Лагерь при Петергофе». Помощник

Казначей Орденов Министерства Императорского двора препроводил мне медаль 16 сентября 1844 года. Она записана в книге № 10, статья 468, приказ за № 3800.

За службу в школе был неоднократно награждён:

10 февраля 1835 г. — за отлично-усердную службу годовое жалование.

21 апреля 1835 г. — присвоено звание капитана.

1 января 1836 г. — за отлично-усердную службу Высочайше повелено производить в пособие, негласно, по тысяче рублей ассигнациями в год, пока будет находиться в Школе Гвардейских Подпрапорщиков и Кавалерийских Юнкеров.

22 августа 1836 г. — пожалован знаком отличия беспорочной службы за 15 лет.

17 января 1838 г. — награждён орденом Святой Анны 3-й степени.

14 августа 1840 г. — награждён орденом Святого Станислава 2-й степени.

16 апреля 1841 г. — Полковник с назначением Командиром роты Гвардейских подпрапорщиков.

11 декабря 1841 г. — Всемилостивейше пожаловано в пособие 515 рублей.

22 апреля 1842 г. — при увольнении в отпуск для излечения болезни за границу, сверх сохранения ему во время сего отпуска содержания, пожаловано в единовременное пособие на лечение годовое жалование.

22 августа 1842 г. — пожалован знаком отличия беспорочной службы за 20 лет.

27 января 1847 г. — награждён орденом Святой Анны 2-й степени.

22 августа 1847 г. — знаком отличия беспорочной службы за 25 лет.

22 января 1849 г. — награждён орденом Святой Анны 2-й степени с Императорскою Короною.

*Строительное училище
(1849–1874)*

19 ноября 1849 года я был назначен Высочайшим приказом директором Строительного Училища при Главном Управлении Путей Сообщения.

История этого училища началась в 1842 году, когда произошло слияние Училища Гражданских Инженеров и Архитекторского Училища. Раздельная подготовка инженеров-строителей и архитекторов противоречила русской практике, так как губернские, городские и уездные архитекторы, и их помощники должны были уметь решать весь набор задач и вопросов, связанных со строительством. Архитекторы тогда не были свободными ваятелями, а согласно Табели о рангах состояли чиновниками того или иного класса при государственных учреждениях, поэтому обязывались выполнять поручения. Поручения эти редко отличались эстетичностью, а более строительной практичностью. Эти обстоятельства заставили Главное Управление Путей Сообщения и Публичных Зданий вскоре после открытия Архитекторского училища признать необходимость общей архитектурно-строительной подготовки. 17 декабря 1842 года был Высочайше подписанный Указ, в котором говорилось: «Сооружение публичных зданий и устройство городов встречает непрерывный недостаток в архитекторах. Существующее ныне Архитекторское училище, как по ограниченному в нём числу воспитанников, так и по одностороннему образованию их, надобности этой не удовлетворяет. В той же степени неудовлетворительно и другое учебное заведение — Училище Гражданских Инженеров, имеющее назначение готовить дорожных мастеров. Обращая внимание на сей предмет, Мы поручили Главному Управлению Путями Сообщения и Публичными Зданиями составить проект соединения двух означенных училищ и образования из них одного учебного заведения с тем, чтобы в заведении сем готовить строителей всех родов гражданских зданий и сооружений. Не требуя от правительства издержек, доставать новые способы как по части строительной, так и дорожной, составляющим в совокупности предмет обязанностей Главного Управления Путей Сообщения и Публичных Зданий». Тем же указом было утверждено Положение, согласно которому:

«Состоящие при Главном Управлении Путей Сообщения и Публичных Зданий два отдельных училища: Архитекторское и Гражданских Инженеров соединяются в одно училище и получают переобразование по сему положению.

Училище это именуется: Строительным Училищем Главного Управления Путей Сообщения и Публичных Зданий.

Цель Строительного училища есть образование строителей:

а) всякого рода архитектурных гражданских зданий;

б) дорог, мостов и плотин, также водопроводов, артезианских колодцев и вообще гидравлических в городах работ;

в) фабрик, заводов, мельниц и других промышленных и хозяйственных заведений».

Новое учебное заведение было организовано по принципу военных училищ. Общее число воспитанников составляло 150 человек, в том числе были и своекоштные учащиеся. Поступающие должны были знать катехизис и священную историю Ветхого Завета, уметь читать и писать по-русски, немецки и французски, знать четыре правила арифметики, древнюю историю, географию Европы, иметь навыки в рисовании и черчении. Учебный курс состоял из шести классов. В первых пяти (от 1-го до 6-го) преподавались теоретические науки, а в высшем (первом) повторяли теорию и занимались практическим изучением строительного искусства, включая составление смет и проектов. Годовые и выпускные экзамены проводились в июне. Выпускникам присваивалось звание архитекторского помощника 14 или 12 класса в зависимости от того 2/3 или 9/10 от максимально возможного количества баллов было получено ими на экзаменах. Располагалось училище на Царскосельском проспекте в здании, прежде занимаемом Училищем Гражданских Инженеров. Во многом сохранился и преподавательский состав. Высшим руководителем училища был главноуправляющий Путей Сообщения, а непосредственное руководство осуществлял директор, его помощник и инспектор классов. Были учреждены Конференция (для учебной части) и Комитет (для хозяйственной части). В течение первых семи лет, вплоть до своей кончины, училищем руководил бывший директор училища Гражданских Инженеров Ф. К. Притвиц. Его помощником был полковник Лейб-гвардии Литовского полка, барон Седеркрейц. Инспектором классов, вплоть до 1850 года, инженер-капитан К. И. Марченко. С 1848 года, по примеру военно-учебных заведений, главное наблюдение за ходом умственного образования в Строительном Училище, а равно и прочих учебных заведениях ведомства Путей Сообщения, по Высочайшему повелению, сосредоточено было в особом Учебном комитете.

В 1849 году, после кончины Ф. К. Притвица, я был назначен директором Строительного Училища, которому отдал четверть века. Уже через два года, 27 декабря 1851 года, Строительное Училище было переведено в первый разряд учебных заведений Импе-

рии. Император считал возможным образование для всех и однажды, когда ему подали список выпускников, он заметил, что в их числе много знатных фамилий. Николай Павлович положил резолюцию на этом списке: «В сем случае должна быть соблюдена самая строгая разборчивость и рекомендуемы только достойнейшие, каких бы, впрочем, фамилий они не были; здесь более чем где-либо знатность рода не должна быть принимаема в соображение». Вступило в силу новое Положение об училище, согласно которому оно оставалось закрытым учебным заведением, сохранялись условия приёма, требования по возрасту и предварительному образованию. Но общее число воспитанников увеличилось до 160 человек, шестилетний срок обучения разделился на два трёхлетних: общий и специальные курсы, изменился и состав учёных предметов. Должность помощника директора была упразднена, а его обязанности возложили на инспектора классов. В дополнение к Конференции и Хозяйственному комитету учреждался Воспитательный комитет. Вместо прежней 20-балльной системы оценок вводилось 12-баллов (по чистописанию — 9-баллов, а по гимнастике — 6-баллов). Для перевода в следующий класс учащийся должен был сдать экзамены со средним баллом не ниже 7, а из наук математических, естественных, рисования, черчения и специальных не менее 8; из остальных — не менее 6. Выпускникам, в зависимости от успехов, присваивалось звание архитекторских помощников 10, 12 и 14 классов. Штаб и обер-офицеры, состоящие в званиях воспитателей и преподавателей, получали добавочное жалование. А за пятилетний срок службы — в полтора раза, а за десятилетний — вдвойне. Годовое содержание училища обходилось в сумму 67 тысяч рублей.

В 1852 году на территории училища появилось деревянное здание мастерской для занятий лепкой и модельной работой. В апреле 1855 года вдова игольного мастера Е. В. Шульц продала училищу пустопорожний участок земли площадью 670 квадратных саженей, смежный со зданием училища и выходящий на 2-ю Роту Измайловского полка. Другой пустующий участок площадью 450 кв. саженей, смежный с тем же зданием и выходящий на 3-ю Роту, училищу продала в марте 1857 года купчиха П. С. Зябликова. По докладу, 9 мая 1857 года, главноуправляющего генерал-адъютанта К. В. Чевкина, последовало Высочайшее повеление принимать в училище лиц не моложе 16 лет, имеющих полное гимназическое образование.

Это позволило уменьшить срок обучения с шести до пяти лет, с разделением на два курса — подготовительный (1-й и 2-й классы) и специальный (3 класса, из них последний практический). Из программы обучения были исключены география, история, чистописание, сокращено преподавание русского языка (оставлена лишь русская словесность), грамматика иностранных языков отнесена на внеклассные занятия. В то же время были значительно усилены занятия рисованием и архитектурным черчением, введено изучение строительной механики, увеличено число лекций по строительному искусству и занятия по составлению архитектурных проектов. Повышение уровня подготовки выпускников способствовало высочайше утверждённое 27 июня 1859 года положение «О возведении в звание инженер-архитекторов тех воспитанников, выпущенных на службу, которые окажут отличные познания в строительном искусстве, применённом к путям сообщения, городским и общественным сооружениям». Претендовать на это звание могли воспитанники, выпущенные на службу с чином 12 класса. Выпускники обязаны были представлять проект или данные о постройках. Воспользовались предоставленным правом поначалу немногие, за восемь последующих лет звание инженер-архитектора удостоились лишь 18 человек.

В 1865 году вся гражданская строительная часть страны была передана Министерству внутренних дел, а Главное Управление Путей Сообщения и Публичных зданий стало Министерством путей сообщения. Это решение было прямым следствием начавшегося в России перераспределения прав, обязанностей и ответственности по строительной, технической и хозяйственной части между государственными органами и Городской управой. Законодательно это было закреплено в новом Городовом положении 1870 г. Для заведования строительной и дорожной частью на местах при губернских и уездных правлениях были введены строительные отделы во главе с губернским инженером. При нём состояли губернский архитектор, младшие инженер и архитектор, также техники. В 1864 году при министерстве была учреждена особая комиссия под председательством графа Д.Н. Толстого для решения судьбы Строительного училища. Делопроизводство этой комиссии вёл Евгений Николаевич Кудрявцев, выпускник 1857 года. По результатам его доклада Высочайшим повелением от 23 июля 1865 г. Строительное училище было передано в Министерство внутренних дел. Всё

делопроизводство, касающееся училища, перешло в Департамент общественных дел при Министерстве. Положенные по штату сотрудники военного звания постепенно заменились гражданскими чинами, преимущественно бывшими нашими воспитанниками. Ввели новую форму одежды, как в гражданских заведениях, ротные командиры и офицеры заменялись воспитателями. Отменили вступительные экзамены по рисунку и черчению, это расширило возможности поступления, но снизило уровень выпускников, установили стипендии. Одновременно повысилась значимость выпускников училища: 10 октября 1866 года высочайше повелено на места губернских инженеров назначать преимущественно инженеров Путей Сообщения и имеющих звание инженер-архитектора тем воспитанникам училища, которые окончили курс с чином 12 класса. 30 июня был утверждён серебряный знак для инженер-архитекторов, он представлял собой увенчанный короной лавровый венок, внутри которого располагалось кольцо с расположенными в нём буквами «ИА». Реформы 60-х годов весьма отразились на образовательной системе, после них появился новый Устав, утверждённый в 1863 году, как университетский.

Преобразования, которые я провёл в Строительном училище, продолжил с 1873 года Р.Б. Бернгард, он разработал новое Положение о Строительном училище, 15 марта 1877 г. оно было Высочайше утверждено, а с 1 августа того же года введено в действие. По новому Положению училище приравнивалось к высшим учебным заведениям.

За время моей службы в Строительном Училище я неоднократно награждался орденами:

8 апреля 1851 г. — В воздаяние отлично-усердной и ревностной службы и полезных трудов по управлению Строительным Училищем награждён орденом Святого Владимира 3-й степени;

14 декабря 1851 г. — Присвоено звание Генерал-майора, в сравнении со сверстниками;

22 августа 1852 г. — Пожалован Знаком отличия беспорочной службы за 30 лет;

11 апреля 1854 г. — В награду отлично-усердной службы и постоянных трудов по устройству Строительного Училища награждён орденом Святого Станислава 1-й степени;

15 января 1855 г. — Всемиловнейше пожаловано в пособие 1000 рублей;

26 августа 1856 г. — Во внимание к постоянно-усердной и полезной службе, Главноуправляющим Путиами Сообщения и Публичными зданиями засвидетельствованной, награждён орденом Святой Анны 1-й степени;

26 августа 1856 г. — Награждён бронзовой медалью в память войны 1853–1856 гг. на Андреевской ленте;

20 июня 1859 г. — Во внимание отлично-усердной и полезной службы пожалован орденом Святой Анны 1-й степени с Императорской короною;

22 августа 1859 г. — Пожалован знаком отличия беспорочной службы за 35 лет;

17 апреля 1862 г. — За долголетнюю и примерно-усердную службу Всемилостивейше пожаловано денежное, вместо аренды, производство по 1500 рублей в год на двенадцать лет;

22 августа 1863 г. — Пожалован знаком отличия беспорочной службы за 40 лет;

25 января 1866 г. — За отличие по службе произведён в генерал-лейтенанты с оставлением в настоящей должности директора училища;

18 декабря 1867 г. — По случаю совершившегося 17 декабря 1867 года 25-летнего юбилея со времени основания Строительного Училища Всемилостивейше повелено к пожалованному арендному производству прибавить по 500 рублей и затем производить по 2000 рублей ежегодно с 17 декабря до окончания срока прежней аренды, т.е. до 17 апреля 1874 года;

20 мая 1870 г. — Во внимание к 50-летней отлично-усердной и полезной службе Всемилостивейше пожалован орденом Святого Владимира 2-й степени. По случаю юбилея службы в офицерских чинах Всемилостивейше пожаловано единовременно 2000 рублей серебром.

Юбилей моей полувековой службы, 20 мая 1870 года, был отмечен весьма задушевно в кругу друзей, сослуживцев и знакомых. Одним из присутствующих, именно законоучителем училища, отцом Михаилом, была высказана справедливая оценка моей многолетней деятельности на посту воспитателя юношества, причём в самых сердечных выражениях. Тогда же была собрана, по подписке, сумма денег, которой в память юбилея дано было назначение на поддержку бедным учащимся через известного зодчего и техника тайного советника Карла Яковлевича Маевского, бывшего про-

фессором в Строительном училище. За время моего пребывания во главе этого высшего учебного заведения, при содействии инспектора А. К. Красовского и профессоров: К. К. Коковцева, Э. И. Жибера, Н. А. Беспалова, Гримма, Гедике, К. А. Маевского, строительное училище дало русскому обществу несколько замечательных, по дарованиям и обширным сведениям, зодчих и инженеров, таких как: Д. Д. Соколов, А. Р. Гешвенд, И. С. Китнер, Куроедов, Лукашевич, Султанов, Петцольд, Э. И. Эвальд и другие.

Во внутренних известиях газеты «Русский инвалид» за № 112 в 1870 году вышла заметка об этом юбилее, очевидцем которого был её автор, и какую я бы хотел повторить дословно.

«С-ПЕТЕРБУРГ. 20-го мая, в семейно-дружеском кругу, скромно, но знаменательно праздновался юбилей пятидесятилетней службы в офицерских чинах директора Строительного училища, генерал-лейтенанта Андрея Фёдоровича Лишина.

Родные, друзья, сослуживцы и многие из бывших воспитанников собрались утром в квартиру юбиляра для принесения ему поздравления. После благодарственного молебствия был поднесён юбиляру серебряный самовар, как эмблема русского домашнего очага, от супруги его, детей, родственников и друзей. Отлично выполненный господином Сазиковым самовар поставлен на пьедестал. С четырёх сторон украшенным барельефами, изображающими четыре эпизода из жизни Андрея Фёдоровича: прощание с кантонистами варшавской школы в 1830 году; спасение утопавшего в Петергофе у парходной пристани; командование ротой подпрапорщиков и четвёртый, представляющий юбиляра при занятиях во вверенном ему училище.

Товарищ министра внутренних дел поздравил юбиляра с Высочайшей наградой орденом святого Владимира 2-й степени.

Депутация от строительного училища, в сопровождении воспитанников, поднесла юбиляру хлеб-соль и изящный альбом с фотографическими снимками более двухсот лиц, воспитывавшихся в училище. Прочитано было письмо от бывших воспитанников варшавской школы, ныне находящихся в разных концах России, но соединившихся в общем чувстве признательности к бывшему своему начальнику — по истечении сорока двух лет. Затем представлен адрес от крестьян-собственников села Нивного, Черниговской губернии, родового имени юбиляра, и прочитаны поздравительные телеграммы отсутствующих родных, друзей и бывших воспитанников строительного училища.

Тут же между присутствующими возникла мысль об основании стипендии имени юбиляра в строительном училище; предложение это было единодушно принято, и в короткое время собрана по подписке значительная сумма.

За обедом, в кругу семейства, друзей, сослуживцев и бывших воспитанников училища, юбиляр провозгласил тост за здоровье Государя Императора; потом им были предложены тосты за здоровье высокого покровителя училища, министра внутренних дел, за ближайших помощников своих, профессоров, посвятивших себя на пользу училища, всех бывших под его руководством в продолжение всей его служебной деятельности и тех, которые, вспомнив о нём присылкою телеграмм, вместе с тем вспомнили о родном им училище, где они получили самое дорогое для них достояние — образование.

При конце обеда законоучитель училища, протоиерей отец Михаил, предложил тост за здоровье юбиляра и при этом произнёс несколько слов, полных мысли и значения: «Сегодня минуло полвека от начала государственной службы дорогого нашего юбиляра, многоуважаемого Андрея Фёдоровича. На его долю выпал жребий служить любезному нашему отечеству на одном из труднейших поприщ — на поприще воспитания и образования юношества.

Так как успех воспитания и образования выражается в жизни не только отдельных личностей, но и целого общества, то и 25 лет послужить с пользою делу общественного воспитания — есть уже заслуга перед обществом; но служить полвека, служить с одинаково неустанною ревностью, служить с живейшим стремлением, принести, возможно, большую долю правды и добра — это высокий общественный подвиг, совершить который даётся в удел весьма и весьма немногим. Я имею удовольствие почти четверть века быть сослуживцем Андрея Фёдоровича и могу сказать, что как учившиеся под его руководством, так и учащееся юношество всегда видело и видит в нём пример порядка, трудолюбия, честности, гражданского мужества, благочестия.

И так, в сей знаменательный день достойнейшего юбиляра, высоко поднимем бокалы и от полноты сердец скажем ему словами поэта: «благодарим тебя за жизнь твою меж нами!»

Дай Бог нашим честным общественным деятелям доживать до таких отрадных минут».

По случаю знаменательного юбилея издатели альманаха «Русская старина» обратились к Андрею Фёдоровичу с просьбой написать воспоминания о наиболее памятных ему событиях из его богатой интересными фактами жизни.

Обязательный А. Ф. Лишин представил в альманах свои записки, с уточнением, что предоставлял свои воспоминания о восстании в Варшаве в 1839 году, но они пролежали с 1870 года 20 лет. Собравшись опубликовать их, редакция посчитала престарелого Андрея Фёдоровича уже покойным. Генерал-лейтенант А. Ф. Лишин с достоинством ответил: «Находясь в живых, я прошу глубокоуважаемого редактора «Русской старины» доставить мне удовольствие самому прочесть мою статью».

Редактор с заготовленными извинениями тут же отправился к Лишину. Он вспоминал:

«Посетив Андрея Фёдоровича, мы, не видавшие его с 1870-го года, встретили в нём бравого, почти 90-летнего старика, внимательного читателя и почитателя «Русской старины» с самого основания этого издания, человека со светлую памятью и с бодрыми для его лет силами. В обстановке генерала многое напоминает век Александра I: на стенах прекрасные гравюры прощания Наполеона с гвардией, возвращение Наполеона с острова Эльбы, превосходный живописный портрет цесаревича Константина Павловича, — портрет, поступивший от лица весьма близкого к цесаревичу, князя Ивана Александровича Голицына (Jean de Paris), на дочери которого был женат А. Ф. Лишин; очень характерный портрет пером, исполненный тушью, цесаревича Константина Павловича верхом, в день оставления Варшавы 18/30 ноября 1830 г., и проч.»

*Духовное завещание Андрея Фёдоровича Лишина
от 25 августа 1898 года*

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа. 1898 года 25 августа, я, нижеподписавшийся генерал-лейтенант Андрей Фёдорович Лишин, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, сим моим домашним завещанием объявляю свою волю, которая состоит в следующем:

Состоящее во владении моём недвижимое имение Черниговской губернии, Мглинского уезда, в селе Нивном, с господским домом и хозяйственными, и экономическими постройками, разного рода удобной и неудобной землёю в количестве примерно 360 десятин с лесом, при несообразности раздроблять незначительное

имение на мелкие части между сыновьями, я передал сыну моему, инженеру, Действительному Статскому Советнику Николаю, как имеющему детей, на условиях, о которых сведения, совершённые нотариальным порядком, находятся у старшего сына моего Константина, для передачи брату Николаю.

Он же, сын мой Николай, должен содержать имение в том же устройстве, в каком оно, в память незабвенных моих родителей, было поддерживаемо мною, навещать его, делать улучшения, необходимые поправки в строения и свято помнить, что там покоится прах и его родителей. Надеюсь, что и прочие сыновья будут, при удобном случае, посещать место упокоения отца и матери, припоминая их любовь к ним, заботы и попечение и молясь об упокоении их душ.

Имеющийся остаток после смерти моей капитала, хранящийся в Обществе Взаимного Кредита и Государственном банке, я распределяю следующим образом:

А) Сыновьям моим Константину, Александру и Михаилу Андреевичам Лишиным по 2000 рублей каждому.

Б) Дочери моей Анне Андреевне Лайкевич 2000 рублей.

В) Внукам моим, дочерям Анны Андреевны Лайкевич, Анне, Лидии, Констанции и Евгении Николаевнам Лайкевич по 400 рублей каждой.

Г) Племянницам моим Прасковье Николаевне Лишиной и Софье Петровне Савич по 500 рублей каждой.

Д) Внукам моим, дочерям Софьи Петровны Савич, Любви Фёдоровне Россель и Марии Фёдоровне Велинской по 300 рублей каждой.

Е) Внукам моим, сыновьям Николая Андреевича Лишина, Николаю и Борису Николаевичам Лишиным по 300 рублей каждому.

Ж) Внучке моей, дочери Николая Андреевича Лишина, Ольге Николаевне Лишиной 300 рублей.

З) Священнику села Нивнаго, Черниговской губернии, Мглинского уезда отцу Михаилу Гораину 500 рублей; людям моим: лакею Якову Визлину 200 рублей; экономке Александре Семёновой 150 рублей; повару Андрею Синенку 150 рублей.

И) На церковь, находящуюся в селе Нивном, Черниговской губернии, Мглинского уезда 300 рублей.

К) На поминание души моей 500 рублей.

Л) Для раздачи бедным 200 рублей.

4) Движимое имущество, за исключением находящегося в имении моём в селе Нивном, поступающего в собственность сына моего Николая, находящееся в квартире моей, должно подлежать разделу между сыновьями моими и дочерью моею по равной части.

5) Распорядителем-душеприказчиком воли моей по сему завещанию назначаю сына моего Константина, распоряжениям которого по сему завещанию младшие должны подчиняться. Ему же поручаю распорядиться, по его усмотрению, теми деньгами, которые могут остаться от распределения между наследниками. Уверен, что он, сын мой Константин, беспрекословно исполнит волю и желание отца и почившей незабвенной его матери.

6) Призывая затем Благословение Всевышнего Творца на моё семейство, завещая сыновьям моим и дочери нравственно и миролюбиво жить между собою, руководствуясь здравым смыслом, а не увлечениями; исполнять добросовестно свой долг и взаимным советом помогать друг другу словом и делом. Сестра Ваша, дорогая дочь моя Аненька, всех Вас душевно любит – цените её дружбу и помните завет мой, любить друг друга. Молитесь, друзья мои дети, об упокоении души отца Вашего и матери, они Вас любили более собственной своей жизни, не щадя своих трудов, сил для Вашего блага и жертвовали для Вас своим спокойствием. Да благословит Вас Всемогущий Творец и ниспошлёт Вам божественную благодать и дар Святого Духа.

Город С.-Петербург

Генерал-лейтенант Андрей Фёдорович Лишин.

Сие Духовное завещание писано со слов завещателя, генерал-лейтенанта Андрея Фёдоровича Лишина, находящегося в здравом уме и твёрдой памяти,

*потомственный дворянин Иван Трифионович Антонович;
протоиерей Троицкой л.-гв. Измайловского полка Николай Наумов;
вольнопрактикующий врач, коллежский асессор
Иван Антонович Крашевский»*

Скончался Андрей Фёдорович 6 сентября 1898 года в возрасте 97 лет, 4 месяца от рождения. Панихида состоялась в его квартире на набережной реки Фонтанки, дом № 137, а отпевание в Троицкой Лейб-гвардии Измайловского полка церкви 9 сентября.

Из воспоминаний дальней родственницы Лишиных О. А. Вильерс: «Моя мать любила говорить об одном своём дядюшке, достоинство которого заключалось в том, что он жил бесконечное

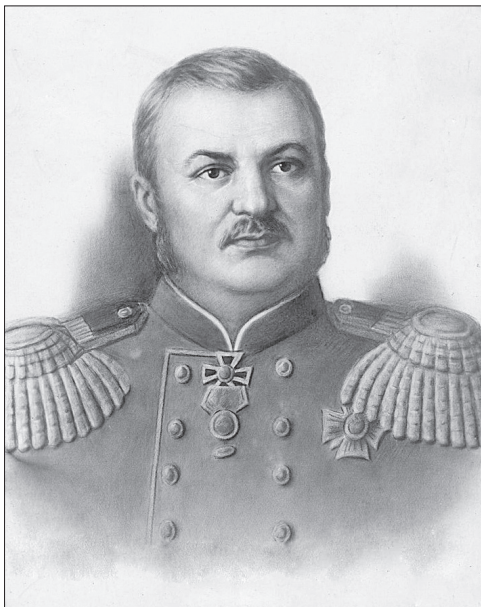
количество лет. Вся семья ждала его столетнего юбилея как великого почёта. Жена его, урождённая Голицына, скончалась много лет назад. Он уже не мог ходить, и к нему приставили человека (Якова Визлина), который не отходил от него ни на шаг. Однажды, когда слуга отлучился на мгновение, старик умудрился подняться из своего кресла, прошёл два шага и тяжело рухнул на пол. Вскоре после этого он скончался».

КОНСТАНТИНОВ КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ (1819–1871)

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ

Константин Иванович Константинов

РАКЕТЧИК РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Константинов тщательно изучал опыт зарубежных ракетчиков. Ему было известно, что малоуспешные опыты по созданию бое-

вых (зажигательных) ракет производились в 1791–1798 годах во Франции инженерами-пиротехниками Клодом Руджиери, Филиппом Бельером и капитаном артиллерии Морисом Шевалье. Многие военные зарубежные специалисты и учёные повторяли опыты Шевалье, не поднимая шумихи, но только одному из них удалось добиться большего успеха. Это был английский конструктор полковник Уильям Конгрев (1772–1828). Он родился в графстве Мидельсекс в семье генерала, окончил Королевскую академию и стал работать в Королевской лаборатории в Вулвиче, где и заинтересовался ракетами.

Свои исследования Конгрев начал с изучения боевых зажигательных ракет калибром 3,5 дюйма (87 мм).

Ракеты Конгрева выпускались в следующих весовых калибрах: 18, 24, 32, 42, 100 и 300 фунтов (8, 11, 15, 19, 45 и 136 кг, соответственно).

Проводя эксперименты с ракетами, Конгрев вскоре сформировал некоторые основы теории проектирования и производства пороховых ракет, включающей технологию поддержания устойчивого процесса горения топлива и методику использования хвостовых стабилизаторов для управления её полётом.

Пытаясь рекламировать свои ракеты, Конгрев издал несколько книг. В знак признания его заслуг в разработке европейских боевых ракет последние стали называться «конгревовы», а сам он стал генералом.

Но Константинов не боялся соперников. Он старался улучшать их достижения, основываясь и на успехах русских артиллеристов.

В 1838 г. Константин Константинов был назначен командующим Школой мастеров порохового и селитряного дел (Пиротехническая школа). Затем в 1840 г. командирован на 4 года за границу «для собрания полезных сведений, до артиллерии относящихся». Константинов побывал во многих странах Европы: в Австро-Венгрии, Англии, Бельгии, Голландии, Пруссии, Франции.

В командировке в Австрии Константинов решил встретиться с видным специалистом по ракетной технике, шведом, генерал-майором, бароном Винценсом фон Аугустином, начальником австрийского корпуса ракетчиков и лаборатористов, командиром 3-го артиллерийского полка. В. Аугустин обратился к своему правительству с предложением и проектами собственных ракет. Но, получив отказ от шведского правительства, он вступил

в австрийскую артиллерию капитаном. На ракетном поле Константинов впервые увидел барона Аугустина. Он оказался небольшого роста, полноватый, с длинным носом. Одет был несколько франтовато, с красным фуляром в руках. Константинов подошёл к Аугустину и представился. Барон был очень любезен и дал ему печатную программу смотра. До начала смотра Аугустин успел поделиться с Константиновым своими соображениями. Так, он сообщил, что был в Лондоне и видел конгревовы ракеты, а по возвращению в Австрию ему было поручено заняться созданием ракетной техники для австрийской армии. Разработанный Константиновым ракетный баллистический маятник явился для своего времени весьма совершенным инструментом научного исследования. Аугустин, узнав о маятнике Константинова, сказал изобретателю, что он (Константинов) «начал с того, чем ему, Аугустину, следовало бы кончить», признав тем самым высокую одарённость молодого изобретателя.

Ракеты Константинова

Во время командировки Константинов делает первое изобретение — электробаллистический прибор. В его создании молодому офицеру помогали Ч. Уитстон, один из владельцев лондонской фабрики музыкальных инструментов и изобретатель физических приборов (мостик Уитстона) и внук знаменитого французского механика и часовщика А. Л. Бреге — Луи Бреге, владелец фабрики точных механизмов в Париже.

Константинов в 1844 г. предложил также прицел для навесной стрельбы из гладких орудий.

После возвращения в Россию Константинов в том же 1844 г. испытывает установку для измерения скорости артиллерийского снаряда. Разработана она была ещё во время командировки. Правда, позже это привело к научному конфликту между ним и недавними ассистентами — Уитстоном и Бреге, пытавшимися приписать славу изобретателей себе. Константинов весьма дипломатично, но уверенно парирует их притязания и сохраняет в истории науки и техники приоритет России в применении «гальванизма» в баллистических исследованиях. Будучи командиром Школы мастеров и подмастерьев при Охтенском пороховом заводе, Константинов вносит ряд усовершенствований в технику фейерверков — прорубные транспаранты, пиротехнический фотометр, способ сравнения

форсовых составов, новая форма парашютов для осветительных ракет и ряд других.

В 1847 г. Константинов построил ракетный баллистический маятник, на котором установил закон изменения движущей силы ракеты во времени. При помощи этого прибора Константинов исследовал влияние формы и конструкции ракеты на её баллистические свойства, заложив научные основы расчёта и проектирования ракет.

В 1846–1847 гг. Константинов начинает заниматься систематическими исследованиями ракетной техники, и первый его вклад в эту область был поистине пионерским — ракетный баллистический маятник для измерения тяги порохового двигателя. Для сравнения — известный в то время французский исследователь-артиллерист Морен измерял этот параметр примитивным динамометром, а «отец» австрийской боевой ракеты барон Аугустин — с помощью обычных рычажных весов с гирями!

Маятник Константинова был построен на ракетном полигоне Волкова поля в Петербурге и испытан в присутствии членов Военно-учёного комитета. Он был высоко оценён за точность измерений и простоту вычислений.

Фактически, методика исследования внутрибаллистических характеристик ракетных двигателей с помощью маятника Константинова — прообраз современных огневых испытаний! В течение многих лет маятник Константинова оставался наиболее совершенным инструментом исследования тяговых параметров ракетного двигателя. Его принцип и конструктивная схема использовались через 100 лет в Институте физической химии АН СССР при исследовании удельного импульса тяги создаваемых в конце 40-х годов XX века российских ракетных двигателей на твёрдом топливе.

Через 80 лет, уже в XX веке, Фридрих Цандер, вероятно, не зная об изобретении Константинова, измерял тягу своего ракетного двигателя тоже с помощью рычажных весов!.. Электробаллистическая установка и ракетный маятник позволили Константинову дать начало ракетной баллистики и стать предтечей выдающегося создателя трудов по теории ракет и космической техники К. Э. Циолковского.

В 1849 г. Константинов назначен был начальником Охтинского капсюльного заведения. В дальнейшем деятельность Константинова

была почти исключительно посвящена улучшению боевых ракет и разным усовершенствованиям в потешной пиротехнике.

С 1850 г. он проводил опыты с боевыми ракетами с целью увеличения дальности полёта и кучности падения. Исследовал вопросы оптимальных параметров ракет, способы их стабилизации в полёте, способы крепления и отделения на траектории головных частей ракет, составы ракетных порохов.

5 марта 1850 г. высочайшим приказом полковник Константинов назначается командиром старейшего (1826) Петербургского ракетного заведения, первого в России промышленного предприятия по производству боевых ракет. Одним из направлений деятельности Константинова стало совершенствование производства, прежде всего улучшение технологии изготовления боевых ракет, сборки ракет, механизации и безопасности их изготовления.

Так, до Константинова, смешивание пороха производилось в «мешальных» бочках с горизонтальной осью вращения с ручным приводом (предложено ещё в 1820-х годах А. Д. Засядко). В них для лучшего измельчения компонентов насыпались медные пули, которые при некоторых условиях вызывали появление искр, взрывов и пожаров. В 1855 г. Константинов предлагает бочки с наклонной осью вращения. В них перемешивание происходило лучше, а сила ударов медных пуль одна о другую была существенно меньше.

В 1853–1855 гг. ракетное заведение изготовило несколько тысяч боевых ракет для нужд Крымской войны по технологии Константинова, за что ему было объявлено впоследствии «монаршее благоволение». Сам Константинов в сентябре 1855 г. был командирован в Ревель с командой ракетчиков для защиты побережья от возможной высадки неприятельского десанта.

В то время со службой в ракетном заведении под начальством Константинова связан, хотя и короткий, но весьма значительный эпизод жизни и творчества великого русского писателя Л. Н. Толстого. После героической Севастопольской страды его откомандировали в Петербург. Прибывший на новое место службы 21 ноября 1855 года, Толстой приказом инспектора всей артиллерии от 27 декабря № 435 был зачислен в ракетную батарею при ракетном заведении. Поручик Толстой, с большим уважением относившийся к Константинову, с большой охотой общался с ним. Часто бывая у своего командира дома, на Разъезжей улице в доме № 38, он всегда тепло отзывался о нём.

Из дневниковых записей Толстого (16 мая, 28 июля, 7, 10 и 30 ноября, 9 декабря 1856 года) видно, что, посещая Константинова, он завтракал или обедал с ним, встречался в его квартире с известными артиллеристами и ракетчиками. Но, не видя перспектив своей службы в артиллерии, Толстой неоднократно заводил разговор об отставке, хотя Константинов отговаривал его. Несмотря на уговоры, Толстой всё-таки уехал в Ясную Поляну, откуда посылал своему командиру письма. А 29 декабря 1856 года написал на имя начальника Санкт-Петербургского ракетного заведения К. И. Константинова рапорт об отставке. Автограф этого рапорта был найден в 1913 году в Николаеве при ликвидации ракетного завода и передан в городской музей.

«Николаевская газета» писала об этой находке:

«При разборке дел упразднённого в Николаеве ракетного завода полковником С. В. Карабчевским найден документ, свидетельствующий о том, что великий писатель земли русской служил в чине поручика в Петербургском ракетном заводе, переведённом в конце 60-х годов в Николаев. Реликвия Толстого относится к 1856 г., времени его выхода в отставку. Вот текст её:

«Его превосходительству господину Санкт-Петербургского ракетного завода, генерал-майору и кавалеру Константинову от Уволенного от службы поручика графа Толстого

Рапорт

Имею честь донести, что свидетельство, присланное при предписании Вашего превосходительства от 28.12 за № 2569 для свободного жительства моего в России и за границей впредь до получения указа об отставке, мною 29 декабря 1856 года получено.

Поручик гр. Толстой. № 59. 29.12.1856 г.»

О том, что граф Толстой служил в ракетном «заводе», свидетельствуют его «Казак», где вскользь упоминается об этом учреждении. Документ передан на хранение в городской музей».

Приказом № 350 от 15 октября 1856 года командиру Петербургского ракетного заведения генерал-майору Константинову, капитану Нечаеву, поручику Маркелову, командиру Пиротехнической артиллерийской школы Свечникову было объявлено монаршее благоволение «за участие в приготовлении и сожжении фейерверка по случаю коронации Их Императорского Величества».

Несмотря на такую значимость и признание заслуг Константинова, мало кто знает об этом замечательном герое нашего Отечества, в частности о его вкладе в зарождение ракетных морских соединений России, получивших своё боевое крещение при обороне Севастополя.

В 1856 г. Константинов публикует обстоятельную работу «Воздухоплавание», в которой впервые в русской печати излагает историю этого направления науки. Ранее, ещё в 1853 г. Константинов поместил в «Артиллерийском журнале» статью «Устройство, приготовление и употребление воздушных шаров». В этой статье впервые в мире рассмотрена идея применения ракетных двигателей для движения и управления аэростатом. Старт Константинова как исследователя-воздухоплатателя!

В 1857 г. в «Морском сборнике» Константинов публикует работу с анализом всех предложений, связанных с подводным плаванием, в том числе предложений известного русского инженера генерал-адъютанта К. А. Шильдера, применившего боевые ракеты на первой в мире цельнометаллической подводной лодке.

Константинов предложил применять ракеты для переброски троса в китобойном промысле.

В конце 1850-х годов Константинов занимался разработкой проекта нового совершенного ракетного завода, изобретением высокомеханизированного и автоматизированного оборудования для него, поиском новых оптимальных конструкций боевых ракет и совершенствованием технологии их изготовления.

Им созданы боевые ракеты совершенной для XIX века конструкции (с дальностью полёта 4–5 км), машины для производства ракет, разработан технологический процесс изготовления ракет с применением автоматического контроля и управления отдельными операциями.

Работа увенчалась успехом — проект был утверждён, сам Константинов назначен «заведующим изготовлением и употреблением» боевых ракет в русской армии.

Наконец, в марте 1857 года Константинов был командирован за границу «для ознакомления с новейшими усовершенствованиями в ракетном деле, а также для заказа всех технических приспособлений для вновь проектируемого ракетного завода». Но основной задачей Константинова оставалось: «...познакомиться ближайшим образом с существующими ныне во Франции ракетными заведе-

ниями, из которых одно в Тулоне, а второе в Меце». Несмотря на секретность сведений, ему удалось их приобрести».

Во время заграничной командировки в 1857 году до Константинова дошли печальные известия: 30 июня в своей маленькой квартирке на Разъезжей улице тихо отошла в мир иной его мать Клара Петровна Голицына (Клара-Анна де Лоран), скромная женщина, давшая жизнь человеку, прославившему Россию. Её похоронили на католическом кладбище на Выборгской стороне. На надгробии была надпись по-французски «Анна Голицына † 30 июня 1857, 58 лет».

В 1857–1858 годах Константинов находился за границей, где изучал состояние ракетной техники.

В конце 1850 — начале 1860 гг. Константинов неоднократно бывал во Франции для заказов заводского оборудования. Для строительства нового завода Константинов выбрал город Николаев (специально — на юге России). Разработал проект Николаевского ракетного завода, и был в 1859 г. назначен начальником этого завода.

Научный потенциал Константинова постоянно «искал выхода» в его творческой деятельности. Получив все эти сведения, Константинов составил обзор состояния зарубежных боевых ракет и на основании этих сведений сделал в Париже прикидку проекта будущего ракетного заведения, в частности, его механического оборудования. При проектировании этих машин Константин Иванович «старался осуществить в них все последние усовершенствования в фабрикации боевых ракет и применить к этим машинам по возможности все улучшения, которые водворялись в последнее время в разных родах промышленности, имеющих связь с фабрикацией ракет».

Несмотря на то, что проект ещё не был утверждён, Константинов на свой страх и риск заказал на заводе, которым владел Эммануэль Дэни Фарко в Париже, оборудование для нового ракетного заведения по своим чертежам. Окончательно вопрос о строительстве нового ракетного завода сразу решён не был.

Однако, признавая важность обладания Россией ракетным оружием и видя перспективы его развития, император Александр II в августе 1859 года одобрил заказ Константинова и заключение с Фарко контракта на сумму 490 685 франков 11 сантимов на условиях, предложенных Константиновым. Также он согласился с предложением Константинова выделить ракетные команды в самостоятельный род войск, нуждающийся в собственном командовании.

Оценивая с современных позиций события 1859 года, можно считать созданное Управление со своим штабом, ракетным дивизионом, собственными ракетными заводами и ракетными полигонами — прообразом современных отечественных ракетных войск. Плодотворная деятельность заведующего Управлением изготовлением и употреблением боевых ракет Константинова по усовершенствованию боевых ракет и ракетного производства произвела особое впечатление даже на монархов дружественных России стран, — в 1859 году на него «полил» дождь орденов. Он получил орден Святого Станислава 1-й степени, Командорский крест ордена Нидерландского льва. За проект и оборудование ракетного завода в Севилье Константинов был награждён испанским орденом Изабеллы Католической.

Став заведующим управлением, Константинов с ещё большим увлечением продолжил работу по составлению новых Положения и Штатов ракетного заведения, а также по более детальной проработке вестующего в Париже проекта механического оборудования для него.

В середине 1860 года, находясь в очередной командировке в Париже, Константин Иванович послал на имя председателя Морского учёного комитета, вице-адмирала Ф. Ф. Матюшкина рапорт: «Имею честь представить Вашему превосходительству описание нового движителя, составляющего весьма замечательное явление — это применение осветительного газа к производству движущей силы. Весьма вероятно, что последующие усовершенствования сделают из газовых машин соперниц паровым машинам, и может быть, что газовые машины вытеснят из употребления паровые в тех случаях, когда нужно будет дорожить местом для машины и для её припасов, почему легко может быть, что газовым машинам предстоит весьма большая будущность во флоте...»

За активной работой Константинов придавал малое значение своей родословной, считая, что высокое происхождение никого не делало великим. Но всё же он решил восстановить справедливость своего происхождения и ещё 12 октября 1855 года счёл возможным обратиться в 1-й департамент Санкт-Петербургской управы благочиния правительствующего сената с прошением о признании его как получившего чин полковника и кавалера в потомственном дворянском достоинстве.

1860-й год внёс в личную жизнь Константинова долгожданные события, изменившие статус генерал-майора и человека. Дворянское депутатское собрание Санкт-Петербурга удовлетворило просьбу о признании его в потомственном дворянском достоинстве, а Сенат определил внести имя Константинова во вторую часть дворянской родословной книги Санкт-Петербургской губернии с изготовлением диплома и герба. 26 февраля 1860 года был высочайше утверждён герб генерал-майора Константина Константинова. Для него, который много лет провёл как бы за «стеклянной перегородкой», построенной для него царской семьёй, этот герб был не выдумкой тщеславия, а справедливым признанием его личных заслуг.

Лишь недавно был установлен факт, тщательно скрываемый многие годы — в начале 1860-х годов в личной жизни Константина Ивановича произошли изменения. От гражданского брака с Софьей Павловной (Софьей-Катариной) Рутковской (1835–1861) 17 июля 1860 года в деревне Мурзинка Шлиссельбургского уезда родился сын — Владимир Константинович Константинов. Вероятно, до рождения сына Софья Павловна проживала в квартире, занимаемой ранее Кларой Петровной, на Разъезжей улице, а когда пришло время рожать, Константин Иванович арендовал для неё дачу в Мурзинке — подальше от людских глаз и злословий. Здесь и было зарегистрировано рождение сына Владимира. Но через год его мать умерла; 26 сентября 1861 года её похоронили на Большеохтинском кладбище. Не имея возможности участвовать в воспитании сына, Константин Иванович, который в то время был в командировке за границей, попросил родственников подыскать кормилицу-няньку, которая могла бы постоянно присматривать за ребёнком. Так, фактически без отца и без матери, рос единственный сын Константина Ивановича, потомственный дворянин.

Однако успеху Константинова мешали важные политические изменения в России. Император Александр II и новое военное руководство государства предпринимали большие усилия по ликвидации причин крымской катастрофы — поражения России в Крымской войне — в частности, отставания страны в военной технике. На смену устаревшим гладкоствольным тяжёлым орудиям, перед которыми боевые ракеты имели несомненное преимущество, пришла нарезная артиллерия, гораздо более точная и скорострельная. В сравнении с нею ракетная техника, относительно новый вид вооружений, не успевший ещё занять прочного места в военном

и общественном сознании, объективно не имела ощутимых преимуществ на то время. Кроме того, появились данные, что в Европе (в частности, в Австро-Венгрии) боевые ракеты снимаются с вооружения.

Всё это породило в российских верхах сомнения в перспективности и эффективности ракетного оружия в принципе. Константинов призывает: «Не нарушайте нить событий». Он выдерживает серьёзнейший экзамен на Особой императорской комиссии, собранной для уточнения необходимости строительства нового ракетного завода.

Лекции Константинова о ракетах

Константинов обязан был преодолеть возражения против ракетного оружия. Потому что к тому времени был не только создателем, но и летописцем ракет, составил первый полный курс ракетной артиллерии, курс международного значения.

В 1859–1861 гг. Константинов прочёл цикл лекций для артиллерийских офицеров о ракетах. В 1861 г. эти лекции Константинова опубликованы в Париже на французском языке. А впоследствии, в 1864 г., напечатаны во Франции уже в русском переводе. На то время это была единственная в мире фундаментальная монография по данной теме. Книга была высоко оценена в научных кругах, в том числе Парижской академией наук. Автор удостоен премии Михайловской артиллерийской академии (бывшее Михайловское училище) в России.

С 1861 года Константинов становится генерал-лейтенантом.

Вспоминая о лекциях К. И. Константинова, очевидцы отмечали: «Его речь блистала не красноречием изложения, а замечательной основательностью, математической точностью и ясностью. Он имел особое дарование схватывать предмет с надлежащей стороны и разбирать его в немногих словах так отчётливо, что слушателю не оставалось никакого сомнения в истине заключений; он умел необыкновенно искусно обобщать предмет, группировать факты и заканчивать изложение положительными и точными выводами». «Появление этого сочинения должно считать в военной литературе важным событием, ибо в нём с научной основательностью и общедоступным образом рассматривается предмет, о котором (если исключить прежние труды того же автора) были напечатаны до сих пор только недостаточные и поверхностные сведения. Автор сумел

осветить ракетный вопрос также основательно, как и изящно во всех отношениях (историческом, техническом, физическом и тактическом)».

Таким образом, уже в середине XIX века К. И. Константинов в своих лекциях первым из специалистов ракетного дела во всём мире почти вплотную подошёл к одному из главнейших законов движения ракет: «В каждый момент горения ракетного состава количество движения, сообщаемое ракете, равно количеству движения истекающих газов». Математическую форму этому закону придал другой отечественный учёный; всему миру она известна как «формула Циолковского».

В 1862 году Константинов представил новую ракетную систему — 2-х-дюймовую боевую ракету, пусковой станок для неё и ударный пальник для запуска. После высочайшего одобрения ракетная система была принята на вооружение русской армии. Состоялось признание ракетного оружия как необходимого и эффективного дополнения к нарезной артиллерии!

Его ракетный станок залпового удара стал прообразом легендарных русских «катюш» во Время Великой Отечественной войны.

Ракетный завод в Николаеве

Император Александр II, которому К. И. Константинов представил проект нового ракетного завода, постановил учредить особую комиссию, составленную: из генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Павловича (председателя), генералов С. П. Сумарокова, Б. И. Мархлевича, А. В. Дядина, Э. В. Бриммера, А. А. Баранцова, Э. И. Тотлебена, Н. А. Крыжановского, А. Г. Вилламова, К. И. Константинова (членов комиссии).

Комиссия единодушно признала пользу боевых ракет как вспомогательного средства, в основном при обороне крепостей, и пришла к убеждению о необходимости учреждения нового ракетного заведения. Таким образом, упорство, убеждённость, трудолюбие, целеустремлённость и горячая настойчивость, подкреплённые высокой эрудицией, глубокими научными знаниями и изобретательской смекалкой Константинова, вывели решение вопроса о строительстве ракетного заведения в Николаеве из трясины застоя и неверия на путь активных действий.

Константинов был ревнителем ракетного вооружения кораблей. И сделал много для их применения во флоте директором

Артиллерийского департамента Морского министерства генерал-майором Н. А. Терентьевым, подчёркивается: «Случаи прошедшей войны указали на важность употребления, при некоторых обстоятельствах, боевых ракет. Опыты, проведённые над ними в морском ведомстве, доказали, что боевые ракеты в некоторых случаях (или, например, при десантах) могут отчасти заменить артиллерию, а в другом дополнить её действие, и окончательно утвердили мысль о введении в употребление боевых ракет на судах нашего флота. Для этой цели образована особая морская ракетная команда, которая, производя опыты применения действия ракетами с судов, в то же время prepares людей, могущих обращаться с этого рода снаряжением». Кроме того, устроены особые станки для метания боевых ракет со шлюпок и составлены на этот предмет правила для руководства. За труды и отличие по службе в апреле 1864 года (опять подарок ко дню рождения) Константинов был произведён в генерал-лейтенанты по полевой артиллерии.

С 1864 года Константинов руководил строительством Николаевского ракетного завода, а с 1867 года переехал на жительство в Николаев для непосредственного руководства этим строительством. Главным отличием завода была «телединамическая передача движения», то есть механизация и автоматизация производственных циклов. Разработанное Константиновым специальное оборудование было настолько совершенным, что испанское правительство заказало в Париже точно такое же для своего нового ракетного завода в Севилье!

Разработанные Константиновым машины, станки, приборы и технология поточного изготовления ракет воплотились в крупнейшее в России и Европе автоматизированное производство в г. Николаеве.

Константин Иванович стремился любым способом ускорить строительство нового ракетного завода. Для этого он попытался даже использовать родственные связи, пригласив на строительство в Николаев крестьян из имения своего зятя А. Ф. Лишина. Вот как об этом вспоминает житель села Нивное С. И. Новиков: «Однажды в село приехал брат жены А. Лишина — Константинов и приказал собрать две подводы с мужиками. Среди них оказался мой отец. Эти подводы были отправлены в Николаев на строительство первого в России ракетного завода, которым руководил Константинов. Как рассказывал мой отец, когда они приехали туда, все спрашива-

ли: «А кто такие эти «нивнянцы»? Это что, нация такая? Или это хорошие строители?».

После месяца работы на строительстве завода мужикам села Нивное выдали зарплату. Но почему-то им показалось мало; они решили забастовать и не вышли на работу. К ним в казарму пришёл Константинов, отругал мужиков и велел возвращаться домой. Мужики пошли в контору выяснять ситуацию. На переговоры вышла женщина (очевидно домовладелица) и сказала им: «Что же вы такие неблагодарные, ведь хозяин платил вам больше, чем остальным». Услышав это, мужикам стало очень стыдно за то, что они наделали. Тогда они собрались и ночью, чтобы никто не видел, уехали домой.

За время жизни в Николаеве Константинов организовал там отделение Русского химического общества и был избран его первым председателем. Он сразу же сошёлся с интеллигенцией города и буквально покорила всех своими энциклопедическими знаниями, личным обаянием и умением объединять вокруг себя людей. Он перевёз в Николаев свою огромную личную библиотеку и множество приборов. Константинов публикует в «Николаевском вестнике» ряд интересных статей: «Об организации военных обществ»; «Об улучшении народного продовольствия России в экономическом и гигиеническом отношении»; «Об улучшении снабжения Николаевского рынка» и других.

Константинов обладал талантом первооткрывателя широкого диапазона. Он создал первый в мире хроноскоп, первые системы дистанционного управления и обратной связи, намного опередив своё время.

Как истинный гражданин Отечества, Константинов думал о совершенствовании российской жизни. Он предложил оригинальную Продовольственную программу России, для реализации которой разработал Основы Общества Домашней экономии, фактически предложил общественный общепит.

В конце 1870 г. основные здания завода были почти достроены, и вёлся монтаж оборудования. Но дожить до открытия Николаевского ракетного завода Константинову не довелось. Завод был открыт уже без него. Он выпускал боевые, сигнальные, осветительные и спасательные ракеты. И успешно работал до 1906 г., пока не был переведён в Шостку.

В ночь на 12 января 1871 г. Константин Иванович Константинов скоропостижно скончался. 14 января похоронен в селе Нивное,

Мглинского уезда, Черниговской губернии (вот когда снова сработала созданная Голицыным легенда о происхождении Константинова!). Сейчас это село входит в состав Суражского района Брянской области. В церкви этого села был обустроен семейный склеп Константиновых.

Долгое время место его захоронения было неизвестно историкам. Лишь благодаря помощи сотрудников Историко-революционного музея Брянска (В. П. Алексеева) и местных краеведов (Е. А. Комлевой) прямому потомку рода Константинова — инженеру Владимиру Фредовичу Веберу, наконец, удалось установить место, где покоится прах Константинова. Выяснилось, что его останки доставила Констанция Ивановна в специальной карете (омнибусе) с балагулой (возницей-евреем) до Николаевского вокзала, затем по железной дороге до Унечи, где гроб с телом генерал-лейтенанта был размещён на возке и привезён в село Нивное. Здесь с соблюдением всех канонических православной веры останки К. И. Константинова были захоронены в подземном склепе рядом с деревянным храмом, построенным в 1731 году на краю села Нивное на возвышенном месте. Село в то время находилось в Мглинском уезде Черниговской губернии и принадлежало генерал-лейтенанту А. Ф. Лишину, мужу сестры Константинова. В эту старую деревянную церковь обычно и приходили молиться К. И. Константинов, К. И. Лишина, А. Ф. Лишин во время их пребывания в селе Нивное.

Примечательно, что в церкви г. Николаева К. И. Константинова отпевали по православным канонам настоятель священник Михаил Гораин и псаломщики Александр Крыжановский и (внимание!) Николай Кибальчич — будущий народоволец, участвовавший потом в покушении на императора Александра III.

Николай Иванович Кибальчич оказался в Нивном по воле отца. Священник, дворянин Иван Иванович Кибальчич родился в 1836 году в городе Мглин. Глубоко религиозный Иван Иванович в 1859 году закончил Черниговскую духовную семинарию. Его сын Николай, родившийся в 1853 году, в 1864 году поступил в Новгород-северскую гимназию, но (по настоянию отца) был отправлен в духовное училище, затем в Черниговскую духовную семинарию, откуда в 1869 году вновь вернулся в гимназию и окончил её с серебряной медалью. Уже тогда отличался выдающимися способностями к математике и языкам и в то же время бунтарским характером. В 16 лет категорически порвал отношения с отцом, участвовал в со-

здании тайной библиотеки запрещённых книг при гимназии. Чтобы уберечь его от пагубного влияния революционных идей, отец определил сына псаломщиком в церковь Рождества Богородицы в селе Нивное. Очевидно, здесь его и заметил Андрей Фёдорович Лишин во время отпевания Константинова. Учитывая склонности к точным наукам, он похлопотал о приёме Николая Кибальчича в 1871 году в Петербургский институт инженеров путей сообщения, полагая, что «для России железные дороги — самый жизненный вопрос; покроется Россия непрерывной сетью железных дорог, и мы процветём...».

Теперь известно, чем закончились революционные устремления Николая Кибальчича. Всё же, даже находясь в тюремной камере, он оставил нам проект космического корабля.

По рассказам, склеп, где был похоронен Константинов, был открыт теми, кто искал драгоценности, но их там не было, так как ещё при жизни помещик А. Ф. Лишин запрещал класть драгоценности умершим во избежание осквернения могил.

О сестре Константина Ивановича сохранились воспоминания родственников и современников.

Констанция Ивановна была доброй женщиной, очень любила детей. Родные дети боготворили её, несмотря на строгий её тон, требовавший всегда и во всём выдержки. Не допускалось банальностей и фамильярностей. В семье всегда оставалось в памяти её замечание: «*Ne faites pas de l'esprit à bon marché*» (в вольном русском переводе звучит как «Не принимай решений на ходу»).

Констанция Ивановна ненадолго пережила брата, — она умерла 8 мая 1872 года. Похоронили её в склепе рядом с Константином Ивановичем. В день кончины своей матери Григорий Андреевич написал стихотворение:

*Спокойно спишь ты, мать, — любимые цветы
Стоят кругом. Следов уж нет зимы суровой,
Проснулось всё. Весна зовёт всех к жизни новой,
Но не проснёшься ты!
Покой её душе мы просим у Творца,
И в страшный миг последнего прощанья
Нам сладко слышать весть о жизни без конца,
Где нет печали воздыханья!*

Этот склеп стал пристанищем праха и самого А. Ф. Лишина, скончавшегося 6 сентября 1898 года. Склеп был сооружён не по католическому или протестантскому образцу, стоящему на поверхности земли, а по православному — ниже уровня земли. По проекту сына Лишина — Николая Андреевича вокруг деревянного храма в 1890 году началось строительство новой кирпичной однокупольной церкви Рождества Богородицы. Сооружение её закончилось в 1898 году. Таким образом, склеп оказался внутри церкви.

На погосте рядом с церковью нашли последнее упокоевание и другие Лишины: родители Андрея Фёдоровича — коллежский ассесор, судья Мглинского поветового суда Фёдор Андреевич, умерший 15 января 1826 года на 69-м году жизни, и его жена Параскева Владимировна, умершая 23 мая 1840 года на 77-м году жизни. Здесь же покоится прах брата Андрея Фёдоровича, Владимира (1795–1850), майора, командира 4-го батальона Нейшлотского егерского полка. Похоронены в церкви: внук Андрея Фёдоровича — отрок Михаил Николаевич (1878–1886), его сын — действительный статский советник Николай Андреевич (1843–1905) — умерший от раны, полученной при возмущении в Одессе.

Родословная Константинова

Итак, с позволения приславшего этот материал человека размещаем здесь родословную Константиновых.

Генерал-лейтенант Константин Иванович Константинов (1 колена), внебрачный сын великого князя Константина Павловича, имел от брака с полькой, Софьей Павловной Рутковской — сына Владимира Константиновича Константинова (2 колена), 1860–1929 гг.

Жену его звали Екатерина Алексеевна Юрашева (1868–1943). У них было 11 детей.

В 1919 году семья Константиновых, за исключением двух сыновей, Евгения и Василия, бежала из Гатчины в Эстонию и поселилась в Таллинне. С тех пор многие потомки этой семьи живут в России, Эстонии, Канаде.

ЦЕРКОВЬ РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ В СЕЛЕ НИВНОЕ

Церковь Рождества Пресвятой Богородицы в селе Нивное

Усадебную церковь села Нивное во имя Рождества Пресвятой Богородицы спроектировал известный главный одесский архитектор Александр Осипович Бернардацци, друг семьи Лишиных. Построил её его сын, на тот момент хозяин имения, Лишин Николай Андреевич на денежные средства генерал-лейтенанта Лишина Андрея Фёдоровича.

Николаю Андреевичу помогали братья Константин Андреевич и Михаил Андреевич и известный инженер М. М. Дитерихс. Строительство храма началось в 1895 и окончилось в 1898 г. Престолов в церкви было два: главный — во имя Рождества Богородицы и во имя Святителя Николая Чудотворца. Церковь находится в центре села Нивное, была построена на месте деревянной церкви пострадавшей от пожара и отремонтированной в 1870 г.

По воспоминаниям преподавателя Черниговской Духовной семинарии Ивана Королькова, церковь была очень красивая, в ней были колонны с позолотой. Двери в церкви были чёрного дуба, полы были из жигулёвской плиты. С обратной стороны церкви (с восточной) на территории церкви были три могилы. Там весной цвела сирень. У церкви была красивая кирпичная ограда, хорошие ворота и сторожка. В сторожке были стеллажи, на которых лежали церковные книги. Мальчишки забегали и смотрели на них, а потом рассказывали.

На второй неделе Великого поста в субботу, в 1869 г., местный священник Михаил Иванович Гораин, после вечерни, утруждённый исповедью своих прихожан, отправился домой отдохнуть после трудов и приготовиться к богослужению на следующий день. В церкви оставался ещё на несколько времени низший причт, занявшийся разборкой свечных огарков. Часа через два вдруг огненное зарево освятило село, но церковь обгорела частью. Растерявшийся священник, живущий не вдали от церкви, с опасностью для своей жизни, принялся тушить огонь. Вовремя подоспели сельчане и пожар потушили. Бог знает, вследствие чего произошло это несчастье, вследствие ли забытой по нерадению свечки, от воспламенившихся ли не потушенных огарков... Можно сказать только, что подобные случаи нередки. Около этого же времени в двух других соседних сёлах чуть-чуть не случилось то же самое, и только благодаря случайности церкви были спасены от стихийного уничтожения, а люди спасены от этого несчастья. Как бы там ни было, но храм пострадал, и народ в селе Нивном остался без церкви, без этого места общей молитвы.

На другой день рядом с храмом толпились плачущие люди во главе с неутешным батюшкой, отцом Михаилом. Село без храма почти как-то даже невыносимо, — оно является осиротелым. Можно после этого представить себе положение бедных людей! Желательно выстроить новую церковь, но... нет средств. К величайшему счастью владельцами этого села состояли истинно русские люди — генерал Андрей Фёдорович Лишин и жена его Констанция Ивановна (урождённая княжна Голицына) и ближайший их родственник генерал Константин Константинов. Сочувствуя несчастному народу, лишившемуся дома Божия, они, будучи людьми весьма религиозными и в подлинном смысле слова гуманными, решили строить на свой счёт новую церковь, и церковь в полтора года была

построена. Известно, с какими трудностями обыкновенно совершаются подобные богоугодные дела, — в особенности в Мглинском и Суражском уездах, благодаря бедности жителей. А тут в полтора года новая церковь! Именно: «счастливы те люди, как справедливо выразился Епископ Новгород-Северский, викарий Черниговский Серапион (Маевский) в своей речи по поводу торжества, среди которых являются подобные благодетели». Эти люди отдали себя исключительно на пользу народа.

Так как устройство ими церкви составляет одно из многих добрых дел, направленных к благу народа, то прежде речи о самом храме и об освящении его позволим сказать несколько слов вообще об их деятельности на пользу народа. В их деятельности люди увидели для себя нечто новое, живительное, увидели истинную любовь, как к народу, так и к своему родовому имени. В самом деле, генералы А. Ф. Лишин и Константин Константинов занимали большие должности в Петербурге и в Николаеве. Но, несмотря на такое высокое положение и почести, они, не оставляя своей гражданской и военной службы, посвящают себя исключительно на служение народу. Но принести пользу народу нужно тоже умеючи, вследствие исторически установившегося недоверия между «барином» и «мужиком». Прежде всего, конечно, необходимо возбудить к себе доверие народа; а для этого нужно войти с ним в непосредственные сношения; нужно упразднить ту посредственность, которая царит и ещё большей частью царит в сношениях с народом. Благодаря этому «барин» в глазах народа представляется окружённым каким-то недоступным ореолом величия, с которым простому мужику и не добиться говорить. Правда, этому способствовали исторические обстоятельства — крепостничество, когда барин действительно был каким-то Зевсом-громовержцем. Вследствие чего народ имел дело только с доверенными помещика. Сколько, к сожалению, есть таких помещиков, которые всё доверяют своим управителям, а сами никогда и не заглянут в свои имения, а вследствие этого развивается кулачество — это бич нашего народа. Поэтому для того, чтобы принести какую-нибудь пользу народу, нужно сначала подготовить почву, которая годна была бы для восприятия добрых семян и произрастания. Это и достигается непосредственным сношением с народом, очевидным принесением ему пользы. Правда, сначала он недоверчиво отнесётся к вам, но потом, видя чистоту намерения и сердечное расположение к нему, прилепится к людям

всем сердцем, всей душой своей. Самую очевидную пользу народу можно принести оказанием ему медицинской помощи, в которой он так нуждается. Генерал А. Ф. Лишин держит в селе аптеку, где оказывают очевидную помощь страждущим. Это самый первый и самый удобный случай знакомства с народом и приобретения себе его доверия. Вместе с медицинской помощью важно и знакомство с положением мужика, его состоянием. А если приобретено доверие, если «барин» делается авторитетом, тогда почва подготовлена, тогда именно с народом можно сделать что угодно или направить на истинный путь. В этом селе, достоверно известно, благодаря таким непосредственным отношениям барина с мужиками, народ настолько привязан к нему, что слово его свято. Благодаря его влиянию, пьянство — этот бич постепенно искореняется; в скором времени здесь, по инициативе четы Лишиных, будет заведена новая школа, где будет обращено большое внимание на церковное пение, как средство привлечения людей в церковь.

Сказавши несколько слов о полезной деятельности помещиков села Нивного, поведём теперь речь о самом храме, построенном ими, — в чём в особенности выразилась их религиозно-просветительная деятельность и истинная любовь к народу.

Церковь, как сказано, построена в 1811 г. вместо ветхой церкви, устроенной в конце прошлого XVIII века отцом А. Ф. Лишина, Феодором Андреевичем Лишиным. Она высится на окраине села и имеет прекраснейший, изящнейший и благолепный вид. Церковь деревянная на каменном фундаменте и построена в чисто русском стиле, имеет форму креста. Внешнему прекрасному виду храма вполне соответствует и внутренний вид его. Храм с внутренней стороны поражает своей строгостью, простотою, изяществом и отсутствием чего бы то ни было лишнего. Здесь особенно замечательны иконостас и живопись на иконах. Иконостас Рождества Пресвятой Богородицы в один ярус и чисто резной дубовый. Ничего подобного не приходилось видеть не только в сельских, но и градских церквях. Между тем это составляет такую прелесть, своею простотою и строгостью так гармонирует с настроением молящегося, что лучше и придумать нельзя. Что касается икон, то, кроме старых, все они заказаны в Петербурге у лучших художников. Наверху иконостаса изображена прекрасная икона «Тайной Вечери». Лик Спасителя на этой иконе невольно приковывает к себе внимание, а страшный образ Иуды невольно отталкивает, так психологиче-

ски верно изображено его душевное предательское состояние. По бокам Царских врат изображены прекрасные лики Иисуса Христа и Божией Матери. Но в особенности замечательны иконы: храмовая икона Рождества Пресвятой Богородицы, икона Святого Князя Александра Невского, окружённого изображениями пророка Осии, Марии Магдалины и Святителя Чудотворца Николая Мирликийского, изображение Св. Андрея Критского (именная икона генерала А. Ф. Лишина) и икона Божией Матери Тихвинской (именная икона генерала Константина Константинова).

Все эти иконы под стеклом; подобного нововведения, насколько известно, не встречается в приходских церквях; но оно необходимо при таких дорогих иконах. К сожалению, наряду с этими прекрасными иконами, есть несколько икон, которые положительно оскорбляют религиозное чувство. Это старые иконы доморощенных художников, покупаемые сельчанами на рынках. Но их нельзя трогать, так как они составляют пожертвования бедных крестьян; следовательно, снять их, — значит, оскорбить пожертвовавших от чистоты сердца.

Вся церковная утварь тоже приобретена на средства строителей храма и его попечителей и вполне соответствует благолепию храма: большой серебряный позолоченный крест в дубовом футляре, дорогое Евангелие, серебряная позолоченная чаша, дискос, дарохранильница, лампы... Таким образом, усердием боголюбивых строителей к торжеству освящения храм предстал во всём великолепии и величии.

ОСВЯЩЕНИЕ ЦЕРКВИ РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ В СЕЛЕ НИВНОМ МГЛИНСКОГО УЕЗДА ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Торжественное освящение новоустроенной церкви в селе Нивном происходило в воскресенье, 8 сентября 1870 г., в праздник Рождества Пресвятой Богородицы, в честь которой был посвящён старый храм.

Подобное торжество, конечно, должно возбуждать в душе каждого доброго христианина самые радостные и утешительные чувства. Такие чувства в особенности возбудило в нас это освящение, как своей торжественной обстановкой, так и теми обстоятельствами, по которым построена эта церковь.

Святой Андрей Критский в своём слове на день Рождества Пресвятой Богородицы говорил: «Настоящий праздник есть для нас начало праздников. Он служит дверью к благодати и истине. Ныне Создателю всего устроился одушевлённый храм и тварь (в лице Девы Марии) уготовляется в новое жилище к творцу. День Рождества Пресвятой Богородицы есть праздник всемирной радости, потому что Богородицею весь род человеческий обновляется, и печаль праматери Евы переменялась в радость».

Накануне в 6 часов вечера началось всенощное бдение, продолжавшееся около трёх часов. В это время множество народа, собравшееся в церковь, несмотря на ненастную погоду, предстояло с полным благоговением, помазуясь освящённым елеем после чтения Евангелия. На другой день утром народ и из соседних сёл толпился вокруг церкви, жаль только, что пасмурная погода не слишком гармонировала со светлым настроением собравшихся людей. В 8 часов начался церковный благовест, сзывающий всех в новоустроенный храм. В это время в присутствии всех молящихся совершенно было одним из старейших священников, Гавриилом Чернявским, обычное освящение воды. Затем началось по чиноположению освящение престола и храма. В торжестве освящения принимали участие по желанию помещика и по приглашению Епископа Новгород-Северского Серапиона присутствовали следующие священники Мглинского уезда: благочинный Михаил Лявдинский, священник Андрей Смельницкий, священник Ефрем Гораин, священник Евфим Гораин, священник Иоанн Кибальч, священник Гордий Гораин, священник Гавриил Чернявский и местный священник отец Михаил Гораин.

Величественно, умирительно и торжественно его преосвященство Епископ Серапион совершал этот обряд! Помещики озаботились, чтобы всё было великолепно, чтобы никакой шум, происходящий обыкновенно при большом стечении народа, не оскорблял этого торжества. Господин помещик с супругой почти всё время ходили между народом, выдвигая вперёд маленьких детей обоюго пола и расставляя людей на две половины. В нашем краю не искоренился ещё, к сожалению, татарский обычай, по которому женщины, вследствие превратного на них взгляда, должны стоять позади мужчин и в храме, будучи недостойными, предстоять близко к престолу Божию. Благодаря такой распорядительности, торжество освящения храма ничем не омрачалось. На лицах

людей отражалась радость и благодарение Богу, сподобившему их опять молиться в храме и возноситься в общей молитве к Нему. Надобно именно побывать в глуши, в сельском уединении, чтобы понять всю радость и торжество, которые ощущаются добрыми непосредственными крестьянами при виде благоустроенного дома Божия. Сам по себе прекрасный обряд освящения был в настоящее время ещё прекраснее, благодаря отличному хору певчих. Певчие в числе восьми человек были выписаны из Мглина, и надо отдать справедливость, прекрасно пели. Сильное впечатление производили на слушателей петые по чиноположению псалмы: вознесу тя Боже мой, коль возлюбленна селения Твоя Господи Силе (при возлиянии тёплой воды на престол), из 50-го псалма окропиши мя иссопом и очишуся (при окроплении трапезы смесью розовой воды с вином в воспоминание Голгофы, омытой кровью и водою, истекшею из рёбер Спасителя) и другие петые чиноположению. В особенности была торжественная минута, когда, по обхождении кругом храма, все остановились у западных дверей, а внутри заключённого храма остановились певчие. Это самый торжественный момент в обряде освящения. Первостоятель от лица Христа Бога взывает к заключённым вратам: «Возьмите врата князя ваши, и возьмитесь врата вечная и внидет царь Славы». Изнутри хор в прекрасной мелодии три раза вопрошает: «Кто есть Царь Славы?» Первостоятель отвечает: «Господь Сил, то есть сей Царь Славы», — и потом все входят в церковь, как место особенного присутствия Божия с этих пор. Освящение кончилось молитвою к Богу с коленапреклонением, чтобы Он воззрел милостиво на рабов своих, обновил их Духом Святым, даровал Царю победу, строителям храма спасение и оставление грехов. Затем благочинный отец Михаил Лявдинский произнёс краткую энергическую речь, приветствуя здесь стоящих строителей и людей с новоустроенным храмом Божиим.

После этого было произнесено многолетие Государю и всему Царствующему дому, Святейшему Правительствующему Синоду, строителям храма и всем православным христианам. Во всё это время происходило как на пасху целование помещика с людьми и людей друг с другом... Затем была совершена первая литургия в новоустроенном храме. Во время причастия Епископом Серапионом, викарием Черниговским было произнесено следующее слово, произведшее сильное впечатление на всех присутствующих.

«Сегодня совершилось освящение новоустроенного храма, как места особенного присутствия Божия. Приветствую и поздравляю вас, братие и сестры, с таким великим торжеством! С этого дня вы имеете возможность входить в тесное единение с Богом, причащаясь в храме Его Пречистаго тела и крови Христовой и возносясь в общей молитве к Богу и всем святым. Чуден и величествен храм сей! Радуйтесь и веселитесь! Высокую добродетель составляет устройство храмов, алтарей и жертвенников, и вообще забота о благоуукрашении храмов.

Как всем нам известно, храм этот, главным образом, построен известными боголюбивыми людьми и благотворителями — местными помещиками. Благодаря искреннему благочестию и благотворительности их, этот храм создан вдруг. А известно, с каким трудом, как медленно подвигается дело постройки храмов Божих, с одной стороны вследствие недостатка материального, с другой же — вследствие нравственной испорченности многих людей костных на доброе дело.

Счастливы те люди, среди которых являются подобные благотворители! Счастливы вы, имея во главе таких благотворителей и жертвователей, как предстоящие здесь вам местные помещики! Сколько нужно силы и энергии, сколько нужно твёрдости и терпения, какая нужна любовь, чтобы побудить эту массу простолюдинов на какое-нибудь доброе дело, действуя то примером, то словом увещания и угроз, то делами любви и милосердия. Несомненно — за это будет высокая награда. За храмосоздателей и благоуукрашающих храмы молится св. Церковь. «Освятити, взывает она к Отцу светов, любящих благолепие дома Твоего. Ты тех воспрославь Божественною Твоею силою». А молитвы церкви проникают в небеса, доходят до престола Божия и никогда не остаются тщетными у Бога. Молятся за создателей храмов и алтарей те святые, в честь которых строятся и благоуукрашаются храмы. «За то, что ты украсил церковь Мою, и я тебя украшу в царствии Сына Моего», — говорила Богоматерь одному монаху, употребившему своё богатство и имение на устройство и благоуукрашение храмов. Видите, братие, какую великую добродетель соделывают создатели святых храмов и алтарей, и какую вместе с тем пользу доставляют своей душе на пути к вечному спасению.

И всем нам, братия и сестры, для вашего спасения надобно строить храмы, создавать жертвенники, ставить алтари, потому что

одни храмосоздатели наследуют царствие небесное. Но настоящие мои слова могут привести многих в смущение, так как не все же люди богаты и не все могут строить подобные храмы. Но помимо вещественных храмов есть храмы невещественные, духовные; это — наше сердце и душа. «Вы храм Божий есте и дух Божий живёт в вас», — говорит апостол Павел. Бог обитает не в храме только вещественном, а может обитать и паче всего любит обитать в нашей душе, нужно только устроить в ней алтарь, поставить престол и соорудить жертвенник, — и Господь вселится в нашу душу. Создание этих храмов доступно и возможно всем — богатым и бедным. Такие храмы каждый из нас обязан строить, и может строить, если пожелает. Каким же образом мы можем устроить храм в нашей душе для Бога? Какой требуется для сего материал? Само собой разумеется, что для построения храмов духовных требуется и соответственный материал — именно добрые дела. Из многообразных добрых дел для нашей цели укажу некоторые: смирение, воздержание, чистота сердца и милосердие. Для построения духовного храма требуется, чтобы мы вместо суетной гордости возлюбили смирение и вместо неумеренности в пище и питии воздержание, — чтобы из сердца своего изгоняли все нечистые и скверные мысли, и тем более не приводили оных в исполнение, — словом, чтобы постоянно заботились о чистоте сердца своего. Если мы будем так поступать, то созиждем в нашей душе нерукотворный храм живому Богу. Отец небесный с Единородным Сыном Своим и святым Духом вселятся в нашу душу и будут обитать в ней.

Кто любит Меня, — говорит Иисус Христос, — тот соблюдает слово Мое и Отец Мой возлюбит его, и Мы придём к нему и обитель у него сотворим (святитель Иоанн). Вы храм Божий есте и дух Божий живёт в вас, — учит святой апостол Павел. Истину эту засвидетельствовали бесчисленные сонмы святых, которые не все, конечно, строили рукотворные храмы, а между тем были Богоносными мужами и живыми храмами Божиими. Один святой муж изгнал из человека беса. «Куда же мне идти?» — спросил бес. — «Иди в меня», — отвечает святой. «Как могу я войти в дом Божий?» — сказал бес. Видите, и бес засвидетельствовал, что истинный христианин есть живой храм Божий.

Слава Богу, воздвигшему среди вас таких благочестивых и Боголюбивых людей, как ваши благодетели помещики. Они вместе с устройением вещественного храма устроили себе храм и в душе.

Пресвятая Богородица, Рождеству которой посвящён новоустроенный храм, будет присною хадатайницею и заступницею вашей перед Богом. Храните только, братия и сестры, сердце своё чистым, ибо оно есть жилище Богоподобной души нашей и престол Божий. Оденьте этот престол милосердием, потому что милосердие есть приятнейшая Богу добродетель, и потому оно будет самым лучшим и самым достойным одеянием престола Божия в храме нашей души. Украшайте этот храм, этот дом молитвы, заботьтесь о благоустройении его, помня, что потеря его большое несчастье для вас — за нерадение к дому Господню. Аминь».

По окончании литургии были отслужены молебны и панихида, после чего последовало благословение трапезы прихожан, собравшихся с яствами за Церковной оградой.

По приглашению помещика генерала А. Ф. Лишина и его супруги, после окончания служения в Церкви все участвующие в богослужении священники, певчие и несколько частных лиц прибыли к ним в дом. Гостям был предложен хозяином скромный завтрак, во время которого местный священник Михаил Гораин сказал речь, в которой он в коротких словах обрисовал деятельность генерала Лишина по отношению к Церкви и народу, выражающуюся в заботах о благолепии храма, и возвышении религиозного нравственного состояния простого народа. Певчими было пропето «многое лета» Его Преосвященству Епископу Новгород-Северскому Серапиону, генералу Лишину и всем собравшимся гостям. В 3 часа пополудни скромное торжество освящения Нивнянской Церкви окончилось...

* * *

Добавим, что с 1864 по 1898 гг. в церкви служил священник Гораин Михаил Фёдорович, а с 1899 г. священником церкви стал Россинский Николай Стефанович.

Вернёмся к роду князей Лишиных.

Сыном известного уже ранее героя-партизана Отечественной войны 1812 года, артиллериста Николая Фёдоровича был Лейб-гвардии Семёновского полка поручик Михаил Николаевич Лишин.

ЛИШИН МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ

(1848–1899)

КАПИТАН

Михаил Николаевич Лишин родился в 1848 г. в селе Крутояр Мглинского уезда Черниговской губернии, в семье Георгиевского кавалера, командира Санкт-Петербургского артиллерийского гарнизона генерал-майора Николая Фёдоровича Лишина и Ольги Васильевны, урождённой Зверевой. В семье было 10 детей. По окончании в 1866 г. 1-го Московского кадетского корпуса был зачислен в Лейб-гвардии Семёновский полк.

В 1870 г. получил чин поручика. В 1873 г. был переведён в наказание, за участие в дуэли, в распоряжение начальника порта Владивостока, при оставлении чина. В 1878 г. вышел в отставку в чине капитана и поселился в Елисаветграде. В 1879 г. женился первым браком на дочери ссыльного польского помещика из села Токари Гродненской губернии, Генриетте Коронатовне Поплавской.

От этого брака имел: сына Владимира (19.06.1883–19.02.1908), скончался от ран на русско-японской войне. Сына Михаила, 1885 г. рождения — офицер, погиб в первую мировую войну. Дочь Антонину, 1880 г. рождения.

Михаил Николаевич служил судебным следователем. Похоронен в ограде Покровской церкви Елисаветграда в 1899 году.

О князе Михаиле Николаевиче Лишине осталось следующее интересное воспоминание о «ланцетупах».

ЛАНЦЕПУПЫ — ПЛЕМЯ «РУССКИХ ЛЮДОЕДОВ»

Команда стрелков, подчинённых поручику Михаилу Николаевичу Лишину в 1875 г. сплошь состояла из хороших и простодушных парней, не причинявших их начальнику никаких огорчений. Вполне понятно, что и для солдат отшельническое пребывание на посту у Японской бухты не представлялось особенно сладким, но за то ни один из воинов и не мог пожаловаться на тяжесть самой службы или на докучную учёбу военному строю, о которой в береговой команде не было и в помине.

Часовыми же люди Лишина были прекрасными, — и когда приходила очередь, стояли на своих постах безукоризненно, твёрдо

зная и устав караульной службы, и хорошо разбираясь в окружающей обстановке. В остальное же время все эти служаки решительно ничего не делали и были предоставлены, как говорится, «собственной инициативе», заставлявшей их поневоле искать какого-нибудь дела или развлечения, столь необходимого в обстановке их отшельнической жизни.

И это дело вскоре нашлось, захватив его участников, как говорится, с головою.

Все солдаты Лишина, пользуясь непосредственной близостью дремучих лесов и наличием у них оружия — вскоре сделались заправскими охотниками, пропадавшими всё свободное время в тайге и с успехом бившими всякого зверя и широко снабжавшими свой же пост множеством полезного провианта и другою охотничьей добычей, за которую в городах заплатили бы большие деньги.

Такого рода времяпрепровождение ничуть не волновало постоянного начальника поручика Лишина.

«Охотьтесь, сколько угодно, только в остальном чтобы у меня порядок был! — говорил Лишин своим верным воинам. — И в тайгу всё же далеко не заходите, ибо толку от этого всё равно не будет... Знаете, что тайга тянется на сотни вёрст... Ни баб там не найдёте, ни со службы не удерёте, а только с голоду подохните... Впрочем, дело ваше!»

И слушая подобные наставления своего нетребовательного шефа, солдаты вполне соглашались с его разумными доводами и не досаждали ему своим поведением. В результате — жизнь и служба на глухом прибрежном посту протекали вполне благополучно, без всяких шероховатостей и неприятных инцидентов, способных повредить новой аттестации присланного из Петербурга на исправление опального поручика гвардии Лишина. Любовно они его звали наш «князь Крутоярский». Поручик Лишин частенько вспоминал, что окружающие пост леса напоминают ему место, где он родился — Черниговской губернии Мглинского уезда.

Только одна особенность могла бы смутить каждого постороннего наблюдателя в случае его внезапного столкновения лицом к лицу с любым из молодцов княжеской команды. Этой особенностью являлся довольно своеобразный внешний вид всех нижних чинов Лишина, постепенно пришедших в самое беспорядочное состояние благодаря постоянному нахождению в лесных дебрях и окончательному игнорированию услуг бритвы и ножниц.

Таскаясь изо дня в день с винтовками по тайге, стрелки-охотники оборвались и обтрепались до крайности, обросли длиннейшими бородами и космами, и, в довершение всего, нашли способ временно облачать свои энергичные фигуры в покровы собственного производства, наскоро сшитые из звериных шкур, содранных с трофеев их же охоты.

Живописно драпируясь в такого рода одежды взамен изодранных интендантских мундиров и шинелей, все стрелки Лишина производили самое эффектное впечатление человеческой первобытности, что, впрочем, ничуть не мешало спокойному и благополучному течению жизни всего отряда на берегах Японского моря.

Что касается начальника этого отряда Лишина, то он был вполне спокоен за своих людей и доволен их поведением, ни разу не повлекшим за собой признаков нарушения воинской дисциплины или других неприятностей. «Охота облагораживает и способствует развитию духа! — говорил Лишин своему приятелю-чиновнику Исаеву. — Пусть мои балбесы охотятся и ходят в шуках, только бы не пьянствовали! Довольно того, что этим делом занимаемся мы с вами!»

Так прошло несколько долгих и однообразных месяцев, пока судьбе не было угодно внезапно изменить их течение.

Случилось так, что в один из прекрасных и солнечных дней дальневосточного лета тишина и покой военного посёлка на берегах бухты Японского моря были нарушены необыкновенным событием.

Поручик Лишин и его приятель почтмейстер Исаев по обыкновению сидели в землянке, когда на пороге внезапно вырос бородатый унтер-офицер Парамонов, с тревогою в голосе отрапортовавший: «Ваше благородие, так что позвольте доложить — неизвестный корабль в бухте! Огромнейший корабль, ваше благородие!»

Подобная весть, конечно, не могла не взволновать и самого поручика.

Выскочил Лишин из своей норы взглянуть в сторону моря... и убедился, что бородатый унтер-офицер не ошибался. На бирюзовой поверхности бухты видный как на ладони, величественно дымил своими трубами большой корабль, по всем признакам военный...

Стремительно возвратился поручик в землянку, схватил бинокль, посмотрел в направлении неведомого пришельца — и тотчас же узнал знакомые цвета флага, развевавшегося на почётном месте.

«Французы! — решил бывший гвардеец. Откуда их сюда занесла нелёгкая, чтобы им пусто было? Чего доброго ещё и на берег выйдут!»

Опасение встревоженного Лишина оправдалось немедленно. От корабля уже отчалил изящный катер и на всех парах пошёл к берегу, везя к нашему отшельнику каких-то несомненно очень высоких иностранных гостей.

«Скандал в благородном семействе! — мелькнуло в мозгу Лишина, тотчас же себе представившего во всей своей неприглядности вид своих стрелков и убожество их жилищ. — Разве я могу показать французам нашу резиденцию? Нужно будет приложить все усилия, чтобы этого избежать!»

И тотчас же ухватившись за какую-то удачную мысль, уже вполне овладевший собой поручик строго приказал подскочившему унтер-офицеру: «Немедленно выгнать всех людей из землянок в лес, и пусть на время убираются ко всем чертям со своими рожками и лохмотьями! Пусть сидят в тайге и не высовывают оттуда носа, пока не вызову! Понял?»

«Так точно, понял!» — отчётливо ответил Парамонов, не менее бородатый, чем и все остальные его сослуживцы, и тотчас же помчался приводить в исполнение план своего начальника.

Не остался на месте и последний, не менее резко бежавший в другом направлении, на ходу пристёгивая шашку и ордена, дабы с должным уважением встретить неожиданных чужеземных визитёров.

Французы, тем временем, уже высаживались из своего катера. Во главе их выступал высокий и представительный командир корабля, за ним следовал адъютант, младшие офицеры и ещё какие-то штатские, по-видимому, представители науки и литературы.

Не прошло и минуты, как Лишин, встретивший командира судна соответствующим рапортом на чистейшем французском языке, вёл свою компанию просвещённых мореплавателей в гору, очаровывая их своей любезностью.

Словоохотливые французы незамедлили, конечно, сообщить Лишину о причине своего появления в его владениях. Совершая кругосветное плавание и следуя вдоль азиатских берегов к Владивостоку, они попросту заинтересовались красивой местностью и, завидя в бинокль сторожевую вышку русского отряда на берегу бухты, решили бросить здесь на час-другой свой якорь, а затем совершить маленькую прогулку.

«Надеюсь, что мы вам не причиним больших хлопот, месье, — с милейшей улыбкой обратился к Лишину командир судна. — А нам как военным так интересно познакомиться с жизнью ваших храбрых солдат в этой дикой, но прекрасной местности!»

Внезапная тревога охватила при этих словах бедного поручика.

«Этого ещё не доставало! — подумал он. — Хорошо она выглядит, жизнь моих храбрых солдат! Нет, уж это дудки, всякие ознакомления!»

Природная сметка и блестящее знакомство с французской речью выручили князя Крутойярского.

«К величайшему сожалению, — галантно доложил он французам, — последнее ваше желание очень трудновыполнимо, господа. Все мои люди находятся в нескольких километрах отсюда, они там заняты постройкою новых казарм. Здешние же наши жилища почти ликвидированы, и я положительно затрудняюсь вас в них принять! Но взамен ознакомления с бытом моих героев я могу вам предложить небольшую экскурсию на ближайшую сопку, откуда открывается бесподобный вид на окрестности... Придётся только пройти около полуверсты через наш лес по тропинке, и это не повлечёт за собой затруднений! Но вид с сопки, повторяю, один из самых замечательных на всём побережье, и вы не пожалеете, господа, если последуете за мною!»

Вполне понятно, что предложение Лишина было принято с большой благодарностью.

Спустя минуту, вся блестящая группа французов-моряков, возглавляемая шагавшим впереди Лишиным, весело продвигалась вверх, по извилистой и узкой тропке, едва находившей себе место среди возвышавшихся по её сторонам вековых сосен сибирской тайги.

Крепко пахло смолою, беспечно щебетали в зелёных зарослях жизнерадостные птицы и, как неожиданный аккомпанемент их голосам, свободно и громко звучал среди всего этого азиатского простора никогда неслыханный французский разговор, пересыпаемый настоящими парижскими словечками и остротами.

Как вдруг на самой середине этого дружного движения чужеземцев на верху сопки совершилось нечто тревожное. В то время как свита командира проходила мимо каких-то кустарников, один из морских офицеров внезапно отпрянул в сторону с громким криком, в котором явственно слышался нешуточный испуг.

«Что же это такое?! — стремительно обернувшийся на крик поручик Лишин сразу понял его испуг и замер от негодования. — Ах, мерзавцы, ах, свиные рыла!» Негодование поручика было понятно каждому, кто оказался бы в этом месте.

В стороне от тропинки и в нескольких шагах от группы высоких иностранных туристов вприпрыжку удирали четверо излишне любопытных солдат его отряда, облачённых в феерверческие костюмы из звериных шкур и в полной красоте бородатых физиономий, прямо избличавших в них индивидов какого-нибудь каменного века.

«Это что же такое, что за люди? — наперебой повторялись выкрики французов. — Дикари? Ле соваж? Кеске-сэ?»

«Подвели, мерзавцы!» — на чистейшем русском языке вслух выругался Лишин, многозначительно погрозив кулаком вслед удиравшим стрелкам.

Толкнула же их нелёгкая показаться! А затем, уже спокойно подумал он: «Да чёрт с ними! Нужно опять что-либо выдумать!»

И он выдумал.

«Не беспокойтесь, господа! — сказал он французам, стараясь придать своей речи как можно больше серьёзности. — К сожалению, не успел предупредить вас перед началом нашей прогулки, но вы прибыли на мой пост так неожиданно! Должен теперь вам сообщить, что движение по нашим лесам не всегда безопасно, благодаря возможным встречам с русскими людоедами, продолжающими обитать в этой тайге... Случаю было угодно, чтобы наша группа именно натолкнулась на нескольких представителей этого ужасного племени».

«Не дурно попали! — заметил один из молодых офицеров. — И вам приходится жить в непосредственной близости с этими дикарями?»

«Конечно... Что ж делать — служба! Сервис!! Но эти чудовища не опасны, когда мы сами ходим группами... Иное дело, если им попадётся отдельный человек... Убьют и съедят обязательно, такие случаи бывали! Но сейчас, господа, вы находитесь в полной безопасности. Дикари удрали и уже пребывают далеко!»

«Как это интересно! — с восторженной улыбкой сказал пожилой француз, в штатском платье деловито вынимая из кармана записную книжку. — Русские людоеды Востока, какая это новость для нашей науки! Представьте себе, что о ваших людоедах у нас до

сих пор ничего неизвестно! И как у вас называется это дикое племя, господин офицер?»

И вот — вслед за последним вопросом маститого французского учёного и произошло то нечто особенное, что, в сущности, и является фабулой всего предлагаемого рассказа.

Услышав заданный ему вопрос, поручик Лишин сначала подумал две-три секунды, как бы что-то припоминая, а затем почти выпалил твёрдым и уверенным голосом, сам впервые произнося только что выдуманное им слово:

«Это ланцепупы, господа! Это самое большое и жестокое племя из местных русских людоедов, хотя уже и вымирающее! Существуют и другие племена, но они значительно малолюдные, мягкосердечные, и обитают в более северных областях».

«Невероятно! — с радостью сказал парижский учёный, старательно занося полученные от Лишина сведения в свою книжку. — Вы не можете и представить себе, дорогой поручик, какой прелестный подарок вы преподнесли сегодня нашей французской академии! Надеюсь, что по дороге отсюда на наш корабль вы не откажете мне в любезности сообщить ещё кое-какие сведения?»

Поручик Лишин, конечно, ответил почтенному учёному вежливым поклоном.

В дальнейшем неожиданная экскурсия иностранных гостей на сопку прошла без всяких шероховатостей и инцидентов, а спустя какой-то час гордый корабль Франции уже покидал бухту.

Свободно вздохнувший Лишин возвратился к обычному своему занятию в землянке, радуясь тому, что французское вторжение в его тихий приют закончилось столь удачно.

Как оказалось впоследствии, радость Лишина была преждевременной.

Спустя неделю его вызвали очередной почтой во Владивосток для весьма неприятных объяснений с комендантом порта.

«Что вы там наговорили французам о каких-то диких людоедах, населяющих ваш берег и тому подобное? — грозно спросил генерал представшего перед ним опального поручика. — Что вы за балаганы устраиваете при серьёзных делах, поручик? И почему французскому командиру судна не были представлены ваши стрелки, несущие на берегу службу нашего государства? Где они были? Мне всё известно, предупреждаю вас!»

Лишин понял, что шутить с генералом не рекомендуется. Кое-как удалось ему уговорить грозного начальника в том, что уклониться от показа французам команды он был вынужден в интересах престижа всей русской армии, так как его люди несколько дней перед прибытием иностранных гостей не брились и имели на плечах потрёпанное обмундирование.

О звериных шкурах своих свободных охотников и о «ланцепупах» поручик Лишин, конечно, умолчал.

«Всё равно, ваши действия я считаю неудовлетворительными! — закончил генерал своё объяснение с Лишиным. — Вы не можете оставаться командиром отдельной части, ибо распускаете нижних чинов и ещё более распускаетесь сами, чёрт знает, что такое! Немедленно же сдайте команду другому офицеру, поручик, и возвращайтесь во Владивосток под непосредственный надзор начальства!»

И пришлось несчастному Лишину, оставив берега своей бухты, надолго поселиться во Владивостоке, под «непосредственный» надзор начальства, и очутившись в положении офицера, смещённого с высшей должности на низшую.

Такая перемена, впрочем, не очень опечалила уже ко всему относившегося философски поручика.

Владивосток всё же был Владивостоком, а не позабытым Богом и людьми медвежьим углом с сырою землянкой вместо квартиры и «ланцепупами» вместо соседей.

О случае же с «ланцепупами» Лишина очень долго потом говорили в служилых кругах Владивостока, причём со временем при рассказах о них добродушно посмеивался и сам генерал, столь сурово относившийся ко всему этому инциденту в начале.

Впоследствии, как свидетельствуют некоторые современники, в том же Владивостоке был даже основан особый тайный клуб «Ланцепупов», принимавший в число своих членов дальневосточных офицеров и чиновников, славившихся особой выносливостью и твёрдостью при употреблении крепких напитков.

Клуб «Ланцепупов», представлявший собою некоторое подобие «Всеобщей Коллегии Петра Великого», просуществовал довольно долго, чуть ли не до начала русско-японской войны, и одно время насчитывал значительное число членов.

Принятие в число этих членов сопровождалось особым ритуалом, весьма напоминавшим ритуал масонских лож, а первым гроссмейстером клуба «Ланцепупов» был ни кто иной, как тот же поручик

Лишин — князь Крутойярский, впервые, так сказать, пустивший в мир это своеобразное слово.

В довоенных французских учебниках географии любопытный читатель может найти точное упоминание о русских людоедах, называемых также «ланцепупами» и обитающих в первобытном состоянии на берегах Тихого океана.

* * *

По-другому интересным, чем предводитель «ланцепупов» Михаил Фёдорович Лишин, был другой сын героя-партизана Николая Фёдоровича Лишина — посланник России в Абиссинии Константин Николаевич Лишин.

ЛИШИН
КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ
(1851–1906)

МИНИСТР-РЕЗИДЕНТ,
ПОСОЛ РОССИИ В ЭФИОПИЮ

По воспоминаниям уже известного Андрея Фёдоровича Лишина, его родной брат, Николай Фёдорович, генерал-лейтенант, командир С.-Петербургского артиллерийского гарнизона, герой Оте чёственной войны 1812 года, от первой жены Елены Григорьевны (с 1818 г.) имел трёх дочерей: Прасковью (1819), Надежду (1820) и Софью (1821). После неё в 1846 г. он женился второй раз, на Ольге Васильевне Зверевой (умерла в 1897 г.), от которой у него был единственный сын Константин Николаевич Лишин, рождённый в 1851 г.

Константин Николаевич Лишин являлся одним из самых интересных представителей семьи Лишиных.

Ещё молодым он принуждён был покинуть военное поприще по причинам здоровья. И стал дипломатом. Европейские страны его не манили; он предпочитал экзотические края. Первым его назначением был Константинополь, теперешний Стамбул. Там он встретил молодую гречанку ослепительной красоты, Матильду Пердикарис. В ней поражало то, что глаза её были голубые и цвет лица — кровь с молоком, тогда как курчавые волосы и овал лица

придавали ей пленительный восточный облик. Пердикарисы были родом из Афин; отец Матильды покинул родину, обедневшую под турецким игом, и успешно занимался в Константинополе крупными делами.

Через год после свадьбы, 13 июля 1881 г., на острове Халки, где Лишины проводили лето, родилась их единственная дочь Ольга. К несчастью, Константин и Матильда имели совершенно разные натуры; красавица Матильда была избалованная и, кроме того, хрупкая здоровьем и болезненно-чувствительная. Константин Николаевич, горячо её любивший, был человек крутого нрава, совершенно не умеющий снисходить и лелеять её. Когда их дочь подрастала, она постоянно слышала, как ссорились родители, причём оба были преданы друг другу и обожали дочь — каждый по-своему. С 1893 г. Матильда начала хворать, и двенадцатилетняя Ольга полностью её заменяла; она принимала гостей, заказывала обед и платила жалование прислуге. Лишины вернулись в Константинополь на короткое время, когда Ольге было шестнадцать лет. Константин Николаевич напряжённо занимался дипломатической работой, а в то время в Константинополе было много международных интриг.

Побывав в Каире и Бразилии, Константин Николаевич был направлен в Бейрут в качестве генерального консула. Консульство помещалось в прекрасной вилле с колоннами, окружённой большим садом. Константин Николаевич был прекрасным садоводом и выращивал в своём саду диковинные цветы и растения. Однажды подул самум, жаркий ветер из Сахары. Он дул три дня. Все окна и двери консульства были наглухо заперты и заизолированы, но всё-таки песочные насыпи появлялись под окнами и наружными дверями. Песок хрустел на зубах и висел в воздухе. Когда ветер утих, и садовники освободили цветы в консульском саду из их песочной могилы, налетела саранча. Она летела как сплошная чёрная туча и опустилась на ливанские и сирийские поля и сады. Константин Николаевич вместе с пятьюдесятью арабами, вооружёнными длинными палками, снабжёнными силками и трещотками, бегали по саду, ловили и спугивали этих насекомых. Сад был спасён. А в политической атмосфере в Бейруте в те дни чувствовалось сильное влияние Франции.

Самое интересное назначение Константин Николаевич получил в 1899 г. в Абиссинию. Он был послан, потому что абиссин-

ский император Менелик II решил «в Европу окно прорубить». Он пригласил все европейские страны послать своих представителей в его столицу Аддис-Абебу. Как известно, абиссинские копты одного вероисповедания с нами, так как их религия, как и православие, не изменялась с самого начала христианства, поэтому среди приглашённых Россия была в привилегированном положении. Абиссиния (Эфиопия) нуждалась тогда буквально во всём, первым делом в гигиене. Жена Константина Николаевича должна была ехать туда во главе Красного Креста; Абиссинии нужна была армия — отряд казаков и кавалерия приехали туда вместе с Лишиным и подчинялись есаулу Леонтьеву. Леонтьев должен был создать абиссинскую армию, подобную европейской.

Когда всё было готово для отъезда, врачи объявили, что Матильда не должна ехать. Она ни за что не перенесла бы долгого путешествия, и климат там был совсем для неё не подходящий. Было решено, что она вместе с дочерью будет жить в Риме, в отеле, в тёплом климате, и там будет дожидаться возвращения Константина Николаевича.

Леонтьев успешно занимался абиссинскими войсками и угодил Менелику; он получил в награду абиссинский титул «Раза» и стал называться «Раз Леонтьев».

Константин Николаевич очень успешно сговаривался с Менеликом; он даже превзошёл все надежды русского правительства. Хотя дипломат его поколения должен был быть мягким, покладистым, то есть приятным. Главным образом, он должен был уметь врать человеку в глаза. Константин Николаевич «приятным» не был и врал очень неумело или вовсе не врал. С Менеликом он добивался результатов совершенно обратным путём. Каждое утро у него были встречи с великим императором, иногда буйные. Несчастный Менелик был под вечным напором со всех сторон. Бывало, что он обещал иностранцам привилегию, накануне обещанную им России; тогда Лишин сердился, кричал и бил кулаком по императорскому столу. Это был совершенно уникальный, но правильный подход. Менелик ценил и вместе с тем боялся Константина Николаевича. Абиссинская экспедиция без Константина Лишина не состоялась бы.

У него было много друзей среди европейских дипломатов. Русская миссия стояла в большом и ухоженном парке. Жена и дочь посылали ему всяческие сорта трав и цветов. Впервые за

долгую историю бесплодной Аддис-Абебы в этом парке расцвели фиалки. Он любил ездить на охоту и посылал жене шкуры разных диких зверей.

В 1905 г. Константин Николаевич стал жаловаться на боли в сердце. Об этом негласно сообщила Матильде жена итальянского посланника. Местный высокогорный климат был вреден для него; жена и дочь умоляли Петербург отпустить Константина Николаевича, если не совсем, то хоть на продолжительный отдых. В Петербурге мешкали, — Лишин был незаменим. Он скончался скоропостижно от сильного сердечного припадка. Был похоронен в парке Русской миссии; над его могилой был возведён обелиск.

Интересно, что среди горевавших по нему была горилла, пойманная им на охоте. Она была колоссального роста и при жизни его была тихой и послушной. Теперь же она остервенела и грозно рычала на всех, кто подходил к ней. А потом сбежала в родные дебри.

Когда Русская миссия перешла в советские руки, памятник на могиле К. Н. Лишина, человека царских времён, их стал стеснять; его прах, к счастью, не выбросили, а перенесли на международное кладбище в Аддис-Абебе. Теперь его вернули обратно, что и было освящено самим Патриархом Московским Алексием II. К счастью, В. Ф. Веберу удалось отыскать дореволюционную фотографию памятника.

* * *

Была ещё одна страсть у Константина Николаевича — это нумизматика. Всё время, находясь на службе в разных странах, Константин Николаевич собрал удивительную коллекцию фракийских монет. Находясь на службе генеральным консулом в Адрианополе, он, как знаток древностей Фракии и член Русского Археологического общества, подарил Институту Археологии, в год его открытия, прекрасные дублиеты фракийских монет. Ещё раньше он стал инициатором нового для Эрмитажа способа пополнения собрания: в 1880 г. между ним и мионцабинетом музея был произведён обмен дублиетами. В 1892 г. Эрмитаж купил у Лишина 80 греческих монет. Уже после смерти Константина Николаевича его дочь, графиня Ольга Константиновна Капнист, по выбору Эрмитажа продала Эрмитажу 480 греческих и 97 римских монет из собрания отца, а в 1909 г. — его фракийскую коллекцию, получив за неё 10 тысяч рублей.

По завещанию Ольге Константиновне перешло небольшое имение Константина Николаевича в д. Поповка, Мглинского уезда,

Черниговской губернии, доставшееся ему от отца. В 1910 г. Ольга Константиновна с детьми и мужем переехали в Поповку. С 1911 по 1914 годы, граф Алексей Павлович Капнист, уже находясь в отставке, был избран предводителем дворянства Мглинского уезда.

Это скромное имение находилось недалеко от Мглина. Край был лесной, а всё, что было пахотного, было засажено яблонями, в основном — сорт антоновка, известный по всей России благодаря совершенно уникальному по тонкости вкусу и запаху. В имении был небольшой парк, который ещё Николай Фёдорович Лишин, как артиллерист, обустроил по собственному желанию. В парке стояло несколько старых пушек: турецких и наполеоновских. Последний раз они стреляли на именинах Ольги Константиновны, устроенных графом Капнистом, в 1914 г.

Константина Николаевича Лишина прославила Первая русская абиссинская экспедиция.

ПЕРВАЯ РУССКАЯ АБИССИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ. ЗОЛОТО СТРАНЫ УАЛЛАГА. 1904 год

По приглашению императора Менелика II русская экспедиция прибыла в Абиссинию (Эфиопию) в 1904 г.

К тому времени это было единственное свободное государство на Африканском континенте. Оно отстояло свою независимость благодаря тому, что из враждующих княжеств превратилось в цивилизованное государство, объединившее всю территорию страны. Стоявший тогда у власти император Менелик был мудрым реформатором. При нём были проведены важнейшие реформы: отменено рабство, изменена налоговая система, укреплена армия. Для работы в Абиссинию были приглашены специалисты из других стран: врачи, инженеры и военные советники.

10 августа 1903 г. российский министр-резидент (посланник) в Аддис-Абебе Константин Николаевич Лишин прислал в министерство иностранных дел следующую телеграмму: «В стране Уаллага абиссинцами найден богатый золотоносный участок, который Менелик намерен сохранить для правительства. Сегодня он спешно пригласил меня к себе, чтобы обратиться к государю императору с просьбой помочь ему присылкою горного инженера для разработки и разведок в упомянутой местности».

Затем от К. Н. Лишина последовал ещё ряд депеш с более подробным изложением дела и планом участка, куда для взятия проб от российской миссии были посланы полковник Абрам Михайлович Драгомиров и Ф. Ф. Кубе.

Российское министерство иностранных дел согласовало этот вопрос с министерством земледелия и государственных имуществ. Было решено удовлетворить просьбу абиссинского правительства, возложив отправку экспедиции в Абиссинию на горный департамент.

Выбор горного департамента сразу пал на Н. Н. Курмакова, которому и предложили выполнить, как выразился в письме к нему директор горного департамента, «это нелёгкое поручение».

Николай Николаевич Курмаков родился в 1853 г. В 1876 г. окончил Горный институт. Восемь лет работал на Урале, двенадцать — на Кавказе, четыре года исследовал Карахские горы, год занимался поисками меди и угля вдоль Сибирской железной дороги и ещё год изучал Домбровский каменноугольный бассейн в Польше. К моменту отправки экспедиции он располагал богатым опытом разведки горнорудных месторождений, проявив себя талантливым геологом и отличным организатором.

27 августа 1903 г. Н. Н. Курмаков сообщил вышестоящему начальству о своей полной готовности выполнить поручение. В своём письме в департамент он писал о необходимости хорошо снарядить и правильно организовать экспедицию, подобрав подходящий народ для трудной работы в непривычном климате.

Готовясь к экспедиции, Н. Н. Курмаков прочитал много книг, разыскивая сведения о месторождениях золота. Однако в них он обнаружил только лишь упоминание о том, что золото попадает на юге страны в долинах рек да, по преданиям, египтяне добывали его где-то возле Голубого Нила.

22 сентября 1903 г. состоялось совместное заседание представителей двух упомянутых министерств, на котором Н. Н. Курмаков высказал соображения по смете расходов и о маршруте следования экспедиции.

Были намечены следующие задачи экспедиции: определить богатства золотоносного участка; обследовать соседние местности простирающиеся месторождения; произвести маршрутные съёмки от горы Энтото до места работ и нанести их на планы.

По его же предложениям был определён состав экспедиции. В него вошли: горный инженер, его помощник — техник, три опыт-

ных промывальщика (один для работы на руднике, а двое должны сопровождать поисковую партию), двое русских слуг, фельдшер (желательно из русского отряда Красного Креста в Аддис-Абебе).

Срок экспедиции намечался в девять месяцев: месяц — на снаряжение в Петербурге, два — на проезд из Петербурга в Аддис-Абебу, полтора — на снаряжение каравана и путь до места работ и обратно, два — два с половиной — на собственно работы и два месяца — на обратный путь.

В снаряжение, предусмотренное сметой, должны были войти: ручные буры, насосы, динамит, горные, геодезические, слесарные и кузнечные инструменты, палатки, складные кровати, вьючные сундуки и прочие походные принадлежности.

В начале декабря 1903 г. Н. Н. Курмаков начал подыскивать геологов и закупать снаряжение.

МИД послало в горный департамент минералы, собранные летом 1903 г. Драгомировым и Кубе в бассейне реки Бирбир. Геологический комитет Горного института исследовал образцы. В них были обнаружены золото, платина и магнитный железняк.

После доклада министра иностранных дел 18 декабря 1903 г. последовало высочайшее разрешение послать горную экспедицию в Абиссинию на девять месяцев, считая с 15 января 1904 г., под начальством Н. Н. Курмакова.

В качестве своего помощника Н. Н. Курмаков выбрал 34-летнего Александра Геннадьевича Мягкова, имевшего среднее техническое образование. В состав экспедиции был также включён студент Михаил Николаевич Лебедев. Весь январь они практиковались в обсерватории Петербургского университета в определении астрономических пунктов и работали по снаряжению экспедиции, замещая уехавшего в Екатеринбург Н. Н. Курмакова.

В Екатеринбурге Н. Н. Курмаков намеревался найти для экспедиции горнорабочих, занимающихся добычей золота. «Осмотрев немало людей из предлагавших свои услуги, я мог видеть, насколько слаб и неказист наш заводской люд, прямо не из чего было выбирать», — писал он в горный департамент.

Подходящих мастеров Н. Н. Курмаков нашёл в Миассе; это были горнорабочие Иван Тимофеевич Макаров, Фёдор Фёдорович Вычужин и кузнец Василий Иванович Звездин. Четвёртым рабочим в экспедиции стал Лаврентий Адамович Косилов (работавший с Курмаковым на Карадахе), который был нанят в Грайвороне.

Вся партия съехалась в Одессу 14 февраля 1904 г. Здесь к ней присоединился Борис Николаевич Лишин (племянник посланника в Абиссинии К. Н. Лишина), недавно окончивший Фрейбергскую горную академию. Он намеревался поехать в Абиссинию для практики по золотоискательскому делу.

Наконец, 24 февраля 1904 г. экспедиция выехала на пароходе из Одессы прямым рейсом в Порт-Саид через Константинополь, Смирну, Бейрут.

В Порт-Саиде участникам экспедиции пришлось пять дней ждать пароход Французской паровой компании для того, чтобы добраться до Джибути, куда они и прибыли 17 марта.

В Джибути их встретил фельдшер Сергей Эрастович Сасон, работавший в Абиссинии с 1896 г.; он хорошо владел амхарским языком и был весьма опытен в снаряжении караванов. Пробыли здесь три дня, закупили ещё некоторые запасы для экспедиции, затем по железной дороге приехали в Дире-Дауа.

Из Дире-Дауа караван экспедиции выступил в первых числах апреля. Началась обычная походная жизнь: вставали до света, грузили караван, собирали коллекции, охотились и т. д.

Прошли пустыню Данакиль, пересекли Аваш и 27 апреля прибыли в Аддис-Абебу, где их ждала радушная встреча.

К. Н. Лишин уведомил императора Менелика, находившегося в своей резиденции Холота, о приезде экспедиции и просил его ускорить насколько возможно отправление горных инженеров в местность, где найдено золото. 2 мая император Менелик принял членов экспедиции. На этом приёме в общих чертах была определена программа предстоящих работ. В последующие дни К. Н. Лишин совместно с деджазмачем (генерал) Демесоу выработал условия пребывания экспедиции в Уаллага. 9 мая состоялось совещание у императора, на котором присутствовали К. Н. Лишин, Демесоу, Н. Н. Курмаков, А. Г. Мягков и Б. Н. Лишин; программа работ была уточнена и детализирована.

Условившись относительно будущих работ экспедиции, император Менелик приказал деджазмачу Демесе, находившемуся в настоящее время в Аддис-Абебе, озаботиться составлением необходимого каравана и препровождением экспедиции в горы Сайо, где находится золотоносный участок, предназначенный для работ экспедиции.

Вследствие желания иметь для подъёма груза экспедиции 40 носильщиков и 120 мулов, император Менелик приказал деджаз-

мачу Демесе приготовить их к 11 сего мая, вследствие чего экспедиция будет иметь возможность выступить из столицы 12 мая.

12 мая точно в намеченный срок экспедиция выехала в Уаллага.

Перед отъездом в Уаллага Н. Н. Курмаков послал рапорт в горный департамент о необходимости продления командировки на два с половиной месяца, так как на собственно работы в связи с долгим путём оставалось два месяца, срок явно недостаточный, тем более что время работ совпадало с периодом большого сезона дождей (кремта). К. Н. Лишин поддержал эту просьбу перед МИД, и командировка была продлена.

Сезон дождей уже начался, дороги стали труднопроходимыми, уровень воды в реках поднялся, затрудняя переправы. Экспедиция потеряла несколько мулов и лошадей, но все грузы доставили в целости. Пять дней отдохнули в резиденции деджазмача Демесоу и 9 июня прибыли на рудники Метти.

Пошли проливные дожди. В привезённых палатках жить оказалось невозможно, сырость такая, что всё в них покрывалось сплошной зелёной плесенью. Пришлось строить круглые помещения по местному образцу: из жердей, оплётённых прутьями, хорошо вентилируемых. Построили новые жилища, конюшни, помещения для мастерских, лаборатории и приступили к работе.

Обязанности членов экспедиции были распределены следующим образом. Курмаков осуществлял общее руководство, обследовал весь район в рудно-геологическом отношении, намечая места для разведок. Мягков занялся разведкой россыпей и открытых залежей. Лишин взял на себя разведку коренных (жильных) месторождений золота. Лебедев руководил упорядочением поверхностной разработки, добычей жильного золота (бурением с отпалкой динамитом), делал пробы и занимался фотографией. Сасон был врачом (в дальнейшем он вылечил Курмакова от малярии, спас Вычужина от гангрены, сохранив ему руку) для всех работающих на руднике. Посланник К. Н. Лишин снабдил его лекарствами в расчёте на членов экспедиции и местных рабочих. Одновременно Сасон заведовал хозяйством экспедиции, занимался фотографией, вёл метеорологические наблюдения, выполнял обязанности секретаря, переводчика и даже ветеринара. Звездин постоянно работал в кузнице вместе с абиссинскими рабочими. Макаров, Вычужин или Косилов сопровождали начальника и его помощника в поездках по району.

Курмаков и Мягков почти не жили в лагере, бывая в отъезде по две-три недели; они разведывали условия залегания руд.

Проработав в Уаллага около пяти месяцев, 31 октября 1904 г. экспедиция вернулась в Аддис-Абебу.

4 ноября 1904 г. Н. Н. Курмаков зачитал императору Менелику свой предварительный отчёт об итогах работы экспедиции в обследованном районе и рекомендациях по устройству действующего государственного рудника. По мере чтения отчёта переводчик господин Генно переводил его на ахтамарский язык. На этой аудиенции у императора Менелика присутствовали все члены русской геологической экспедиции.

В отчёте в частности говорилось: «В настоящее время галлаское население добывает золото самым примитивным способом и определённого налога на добычу золота не существует, а берут по усмотрению, что, конечно, препятствует развитию промысла.

Разработка абиссинским правительством казённых золотых месторождений послужит школой для местного населения, казённый рудник будет, так сказать, культурным центром среди полудикого галлаского народа и даст значительный доход казне.

Исследованный Русской Горной Экспедицией рудник Метти оказался вполне благонадёжным, и наивыгоднейший способ его эксплуатации — это казённая разработка.

Изложим теперь добытые экспедицией данные и наши предположения относительно дальнейшей разработки казённых месторождений. Работы экспедиции в Уаллага вследствие неудобного времени года были в значительной степени затруднены. Дожди, большой приток подземных вод особенно препятствовали поискам россыпного золота. Ко всему этому надо прибавить недостаток рабочих во время кремта. Лишь спустя некоторое время по нашем приезде в Уобера число всех рабочих достигло 400. Этим количеством необходимо было разрабатывать и устраивать рудник Метти и вести разведочные работы золотых жил и россыпей. Лишь за 20 дней до нашего отъезда число рабочих было увеличено до 1000, между тем в прошлом году, когда был г-н Могос, рабочих на руднике было всего 2600, из коих 600 занималось разведкой и 2000 — добычей золота на руднике...

Производящаяся уже довольно долго добыча золотоносного кварца на руднике Метти, современное состояние рудника и разведки указывают на благонадёжность месторождения и его значи-

тельное распространение, а также на выгодность его эксплуатации, особенно при существующем в стране дешёвом труде...

При подробном отчёте будут представлены планы и разрезы месторождения для правильного суждения о запасе золотых руд».

После прочтения отчёта Н. Н. Курмаков передал императору Менелику список оставленных на руднике инструментов, привезённых из России и сделанных в Уаллага рабочими. Затем он поднёс императору небольшое количество платины, сказал о редкости её месторождений на земном шаре и объяснил свойства этого металла.

11 ноября 1904 г. состоялась прощальная аудиенция у Менелика, который наградил всех членов русской экспедиции эфиопскими орденами и медалями. Н. Н. Курмаков получил орден Эфиопской Звезды второй степени со звездой; А. Г. Мягков и Б. Н. Лишин — орден Эфиопской Звезды 2-й степени для ношения на шее; М. Н. Лебедев — орден Эфиопской Звезды 3-й степени для ношения на груди; Ф. Ф. Вычужин, Н. Т. Макаров, Л. А. Косилов и В. И. Звездин — по малой золотой медали с изображением Менелика (В. И. Звездин умер вскоре по возвращении из Абиссинии, не успев получить ни эфиопской, ни русской медали).

Н. Н. Курмаков преподнёс подарки своим эфиопским сотрудникам по работе в Метти: к ним были приложены письма на амхарском, русский текст которых переписал постоянный переводчик экспедиции ато Мосфен.

13 ноября 1904 г. экспедиция покинула Аддис-Абебу.

Её обратный маршрут был несколько изменён в связи с обстоятельствами, показанными в рапорте Н. Н. Курмакова в горный департамент от 13 апреля 1905 г. «Застать в Джибути срочный пароход Messageries Maritimes всё-таки не удалось, он ушёл за два дня до нашего прихода в Джибути. Приходилось ждать следующего парохода 12 дней. Через Аден, куда ходили пароходы из Джибути, ехать было нельзя: там свирепствовала в это время чума, и нам грозил карантин, а потому, чтобы не терять времени, мы сделали попытку попасть на пароход в Периме. Справившись по телеграфу, мы выехали на арабской небольшой барке в Перим и при попутном ветре через сутки вошли в Перим 11 декабря 1904 г., где сели на пароход Амстердамского Ллойда Гонтор 13 декабря и прибыли на котором в Порт-Саид 21 декабря».

В Порт-Саиде члены экспедиции пересели на австрийский пароход «Электра» и на следующий день прибыли в Александрию.

Здесь им предстояла ещё одна (последняя) пересадка, но всё-таки они успели осмотреть катакомбы. Из Александрии отбыли 23 декабря на пароходе «Королева Ольга». В Константинополе предстояла длительная остановка, поэтому члены экспедиции успели съездить в город и осмотреть храм Софии.

В Одессу прибыли 1 января 1905 г. и отсюда разъехались каждый по своим городам. Н. Н. Курмаков, М. Н. Лебедев и А. Т. Макаров 17 января явились в Петербург.

Отчётный период сложился для Курмакова неблагоприятно. Ему было предоставлено лишь полтора месяца для ликвидации дел экспедиции, писания финансового, общего и технического отчётов. Выручили быстрота и чёткость, с которыми он всегда работал, а также помощь, оказанная ему М. Н. Лебедевым и И. Т. Макаровым. М. Н. Лебедев сдал инструменты, книги и минералы в Горный институт, но там эта минералогическая коллекция была в дальнейшем утеряна. Геологический комитет Горного института заказал 18 фотоальбомов «Экспедиция в область Уаллага, 1904 г.». В альбоме 163 фотографии о жизни и деятельности экспедиции в Эфиопии. Два экземпляра были отправлены в 1905 г. в адрес русской миссии в Аддис-Абебе, один — преподнесён царю.

По съёмкам, сделанным во время экспедиции, были вычерчены четыре карты. Эту работу под руководством М. Н. Лебедева выполнили художник Поляков и студент Горного института Половников. Шлифы изготовил И. Т. Макаров.

Именным Высочайшим указом с 25 февраля 1905 г. Н. Н. Курмаков назначался начальником Иркутского горного управления.

1 февраля 1905 г. министр иностранных дел в письме к министру земледелия отметил, что «... император Менелик был в высшей степени доволен деятельностью отправленной к нему Российским правительством экспедиции».

После этого отзыва Н. Н. Курмаков счёл возможным возбудить ходатайства о награждении членов экспедиции и о пособии на лечение совершенно расстроенного здоровья Сасона. Ходатайства были удовлетворены. 6 мая 1906 г. царь пожаловал членов эфиопской экспедиции следующими наградами: Н. Н. Курмакову — чин действительного статского советника, А. Г. Мягкову — орден Св. Анны 3-й степени, Б. Н. Лишину и М. Н. Лебедеву — орден Св. Станислава 3-й степени, И. Т. Макарову, Ф. Ф. Вычужину, В. И. Звездину и Л. А. Косилову — по золотой медали «За усердие».

Рекомендации Н. Н. Курмакова относительно устройства и работы рудника Метти были приняты эфиопским правительством. Император Менелик обратился к русскому правительству с просьбой помочь ему приобрести дробильную фабрику и прислать технического персонала для обучения эфиопов горному делу.

Последовала оживлённая переписка по инстанциям. Министр иностранных дел был согласен помочь Менелику. Горный департамент поддерживал его, даже избрал руководителя второй горной экспедиции — Бориса Николаевича Лишина. Но министр финансов не счёл возможным удовлетворить эту просьбу эфиопского правительства и был непреклонен в своём решении. 29 сентября 1905 г. он написал министру иностранных дел следующее: «Хотя ныне военные действия против Японии окончены, тем не менее, нельзя не заметить, что этот факт сам по себе не мог освободить государственное казначейство от многих весьма значительных расходов, являющихся непосредственным следствием войны и лёгших на многие годы тяжёлым бременем на государственный бюджет...»

В виду сего я и в настоящее время не нахожу возможным отступить от высказанного мною мнения о невозможности отпуска из государственного казначейства каких бы то ни было сумм на расходы по устройству толчейной фабрики на руднике императора Менелика, равно как и привлечения к этому делу при нынешних условиях частной русской промышленной компании».

Таким образом, вторая геологическая экспедиция в Абиссинию не состоялась.

Материал составил инженер В. Ф. Вебер

ИМЕНИЕ СОКИРЯНЫ (СЕКУРЯНЫ)

Вернёмся к родословной Ивана Лукича Дудицкого-Лишеня. Его сын Николай Лукич, родился в 1808 г.; в службе с 27.07.1824 г. подпрапорщиком Севского пехотного полка; с 1828 г. — прапорщик; 8.02.1833 г. — подпоручик при отставке; тоже в 1846 г.; помещик сельца Мозалёво, Рославльского уезда, Смоленской губернии. Питомца Юлия, с 1836 г. замужем за Михаилом Ивановичем Козловским. Жена: с 1835 г. Надежда Петровна.

А сын Николая Лукича — Пётр Николаевич родился 27.03.1838 г. в родном с. Мозалёво Рославльского уезда Смоленской губернии; генерал, землевладелец и промышленник (в 1870–1890 гг. — владелец завода в г. Сокиряны (Секуряны) в Бессарабии). Упоминается в 1894 г. Ради этого имени Дудицких-Лишиных Сокиряны (Секуряны) в Бессарабии и начат рассказ.

СОБСТВЕННИКИ СОКИРЯН ВО ВРЕМЕНА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Из исторических источников и архивных данных известно, что в 1814 г. владельцем Сокирян стал Илья Филиппович Катаржи (1747–1822) — потомок влиятельного боярского рода, восходящего к первой половине XVII в. и связанного родственными узами со многими влиятельными семействами Молдавии и Валахии.

Также известно, что некая Анна Катаржи была женой Константина Стурдзы, внука Кириака Стурдзы, сестра которого стала женой Григория Гики — в 1662–1672 гг. господаря молдавского. Полагают, что Анна Катаржи приходилась кузиной предпоследнему гетману Малороссии. Представитель этого знатного рода, Иван Егорович Катаржи — бессарабский предводитель дворянства, который избирался на эту должность пять раз, в течение 15-ти лет — с 28 июля 1881 г. по 30 августа 1896 г.

Илья Филиппович Катаржи был Великим гетманом (главнокомандующим войск) Молдавии и возглавлял русофильски настроенную часть молдавских бояр, его имя значится в «Списке бояр Молдавских, желающих переселиться в Россию», составленном графом А. А. Безбородько в 1791 г.: «Гетьман Илья Катаржи, зять несчастного Гики, человек, способный к службе и трудящийся при армии в разных направлениях, чин статского советника и душ 400 будет для него наградой достаточной».

После Ясского мирного договора 1791 г., заключённого между Российской империей и Турцией (Оттоманской империей), в чине бригадира он принимал участие в войне 1806–1812 годов. В дальнейшем значительно проявил себя в чине генерал-майора, будучи «начальником пограничных дел» на Днестре. 25 апреля 1796 г. И. П. Катаржи был предоставлен диплом с гербами на дворянское достоинство Российской империи. В 1818 г. Илья Петрович был включён в «Список коренных бессарабских дворян, составленный Дворянской общиной Бессарабской области».

В ноябре 1806 г. вёл переговоры с 80-летним бендерским Хасан-Пашой. Подкупивши его самого и его приближённых, он добился сдачи Бендер без боя, и в скором времени был назначен управляющим государственными имениями в Бендерской, Аккерманской и Килийской районах. Часть из этих имений он присвоил, а на обвинение ответил, что сёла Гура-Быкулуй и Леонтиево принадлежали его предкам, и представил довольно сомнительные документы на них. Таким же образом или подобным ему достались и Сокиряны.

По данным на 1816 г. генерал-майору Катаржи принадлежало 144 скутельников, 44 бреслаша и 20 слуг, из которых у него было «80 скутельников, 45 бреслашей и 25 слуг по предписанию генерал-майора Гартинга».

Уточним, что Скутельники — категория зависимых крестьян, освобождённых от уплаты государственных налогов. Они обрабатывали землю, присматривали за садами, виноградниками, выращивали скот. В зависимости от своего положения бояре могли брать на работу от 1 до 80 скутельников. Так, например, законом от 1812 г. было определено, что митрополит Бессарабии мог иметь 80 скутельников, а vicарный епископ — 4027. Освобождённые от государственных повинностей скутельники платили только три четверти положенного бира. Одни платили владельцу деньги или расплачивались продуктами, другие работали на помещичьей земле установленное число дней. Среди повинностей преобладала барщина. Хотя скутельники, слуги и бреслаши попадали в экономическую зависимость от помещика, они соглашались на это в связи с тем, что в начале XIX в. государственные подати были в несколько раз тяжелее повинностей, которые исполнялись в пользу земледельца. Бессарабские помещики стремились принять в скутельники наиболее богатых крестьян для того, чтобы иметь большую прибыль. Разновидностью скутельников были слуги. Последние в отличие от скутельников были полностью освобождены от уплаты бира. В начале XIX в. из массы царан выделилась новая группа служилых людей — бреслаши. Так же, как и слуги, они были совсем освобождены от уплаты государственной подати. Бреслаши специализировались на определённом виде работ, садоводстве, пчеловодстве. Институт скутельничества был установлен в Бессарабии в 1818 г. «Уставом образования Бессарабской области» в первую очередь

по фискальным соображениям. Кроме того, существование скудельников, находившихся практически в положении крепостных, противоречило общей политике Александра I в Бессарабии, которая декларирует личную волю местных крестьян.

Гартинг Иван Маркович (1768–1831) — инженер, генерал-майор, в 1812 г. начальник инженеров Дунайской армии. Некоторое время был комендантом Хотинской крепости, а дальше, с 1813 г. занимал должность губернатора Бессарабской области.

Илья Катаржи был женат на дочери Григория III Гики — дважды Господаря Молдавского княжества (1764–1767, 1774–1777), Господаря Валахии (1768–1769). В этом браке родилось трое детей — дочь Екатерина и двое сыновей: Пётр Ильич Катаржи — георгиевский кавалер, генерал-майор, герой Кавказской войны; Павел Ильич Катаржи — лейб-драгунский капитан, был лично знаком с А. С. Пушкиным.

Сокиряны же в дальнейшем перешли к дочери Ильи Филипповича — Екатерине Катаржи. После купли земли сам Илья Петрович не проживал в Сокирянах, только несколько раз навещался сюда. Большинство времени он проводил в некоторых иных своих многочисленных бессарабских владениях и в Кишинёве, где он и был похоронен. В Сокирянах он оставил свою дочь с зятем.

Как известно, Екатерина Ильинична вышла замуж за статского советника Фёдора (Теодора) Петровича Бейна (Бем, Бейм), род которого происходил из Польши.

В Государственном архиве Одесской области, в «Крепостной книге Одесского коммерческого суда», есть запись, из которой видно, что 3 марта 1822 г. одесский купец первой гильдии Михаил Антонович Крамарев купил два дома в VI квартале, места №№ 54, 57 и 58, у доверенных лиц, которых представляют наследницы покойного владельца, статского советника Фёдора Петровича Бема. Доверенными лицами выступали мужья дочерей Фёдора Петровича Бема, Елены и Марии, — полковник Василий Тимофеевич Соловкин и подполковник Пётр Степанович Лишин.

К тому времени Ф. П. Бем имел недвижимость в Одессе, а также владел селом Ходороуцы (ныне — в Окницком районе Молдовы). Кроме того, у него было 60 скудельников и 20 бреслашей. Отметим также, что статский советник Ф. П. Бейн некоторое время состоял урядником в Дубоссарах, помощником главного попечителя задунайских переселенцев Валахии, Молдавии и Бессарабии.

Екатерина и Фёдор Бейны недолго прожили в Сокирянах. Екатерина умерла в 1814 г., а Фёдор умер через семь лет — в 1821 г. Оба похоронены в Сокирянах.

У Екатерины Ильиничны и Фёдора Петровича было две дочери — Мария Фёдоровна и Елена Фёдоровна. Елена вышла замуж за полковника, георгиевского кавалера, командира Охотского пехотного полка Василия Тимофеевича Соловкина.

Сокиряны же, и вместе с ними и Ходороуцы перешли в собственность внучке Ильи Катаржи, второй дочке его дочери Екатерины — Марии Фёдоровне Бем (Бейн). Именно от неё и начинается эпоха Лишиных в Сокирянах. Именно Мария Бем вступила в брак с подполковником Камчатского полка Петром Степановичем Лишиным (1792–1858).

Пётр Степанович Лишин (при рождении — Лишень), «из малороссийских дворян», родился 22 февраля 1792 г. в с. Большая Дуброва Мглинского уезда Черниговской губернии, в семье поручика Степана Фёдоровича Лишина (1743 г. рождения) и Екатерины Слипущиной. Воспитывался в Гродненском кадетском корпусе (с 24 января 1807 г. — Смоленский кадетский корпус). В 1807 г. он уже прапорщик Камчатского пехотного полка. С того времени он служил в самых разных местах (Охотский пехотный полк, 31-й егерский полк, Тульский егерский полк) и был на самых разных должностях. В 1837 г. он генерал-майор и командующий резервной дивизии 4-го пехотного полка, а в 1848 г. — командующий резервной дивизии 2-го пехотного полка.

Согласно исследованию В. Ф. Вебера, наилучшим чином проявлял себя в походах:

«В Молдавии и Валахии, при Браилове, в Болгарии, при взятии крепости Исаки и Тульчи; 1810 г. — при Базарджике (22 мая получил золотой крест на Георгиевской ленте), Шумли (22 июля ранен при штурме пулей навывлет в правую ногу), Руцуке, Журжи; 1812 г. — при Волковиске и Варшаве; 1813 г. — в Силезской армии Блюхера, при Кацбасе, Лейпциге (получил орден Св. Анны 4-й ст.), Майнце; 1814 г. — при С. Ларотри (повышен в звании до капитана), Краоне, Лионе, Париже (за эту компанию получил орден Св. Владимира 4-й ст. с бантом); 26.11.1826 г. — орден Св. Георгия 4-го класса за 25 лет; 1828 г. — при Журжи, Силистрии (за это дело получил 24.01.1829 г. чин полковника), Шумли; 1829 г. — в ночь с 31.01. на 1.02. при нападении на передовой

отряд в с. Маркович, где был убит паша, и где при чрезвычайном холоде и вьюге Пётр отморозил себе ноги; при Арнаут-Лари (получил орден Св. Владимира 3-й ст.); при разгроме 30 мая великого визиря возле Кулевчи; при Шумли; 7 июля за взятие редутов и укрепленного лагеря возле Дервиш-Авана получил орден Св. Анны 2-й ст.; 9 июля при проходе через Балканские горы, проведении авангарда по берегу Чёрного моря; при Зливно и Адрианополе; 1.01.1839 г. — орден Св. Станислава 2-й ст.; 7.11.1840 г. — орд. Св. Станислава 1-й ст.; 13.12.1845 г. — орд. Св. Анны 1-й ст.».

В свободное от службы время, тем не менее, как и после того как пошёл в отставку, Пётр Степанович вместе с семьёй проживал то в Могилев-Подольском, то в Сокирянах (в его отсутствие делами в Сокирянах занимались управляющие). Известно, что Лишины зачастую навещались в Кишинёв. Что интересно, в одной из таких поездок вместе, Лишины познакомились с Александром Сергеевичем Пушкиным.

Благодаря А. С. Пушкину имя Елены Бем (Соловкиной) осталось в веках. Елена Соловкина приезжала в Кишинёв к своей сестре Марии Фёдоровне, жене офицера Камчатского полка П. С. Яншина. В один из таких приездов с ней познакомился Пушкин. Как вспоминал один из его товарищей, Пушкин «до исступления и бреда» увлёкся Еленой. Но эта любовная связь поэта оказалась совсем непродолжительной.

Умер Пётр Степанович в 1858 г. (в некоторых источниках указывается 1852 г.). После него остались дочери: Наталия (1822 г. рождения), Елизавета (1826), Екатерина (1828) и два сына — Александр (1827) и Николай (1839). Все они родились в Могилёве-Подольском.

Известно, что в 1849 г. Александр служил прапорщиком в Лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригады. Николай, который и унаследовал земли и имущество Лишиных в Сокирянах, так же пошёл по стопам отца и дослужился до гвардии артиллерии полковника (1883 г.). В дальнейшем, его фамилия во многих известных документах Сокирянского волостного правления почти везде указывается с приставкой «генерал-майор».

Николай Лишин был женат на Зинаиде Алексеевне Сабуровой (12.04.1840 г. рождения) — дочь генерал-лейтенанта (с 1855 г.) Алексея Ивановича Сабурова и Елизаветы Михайловны Сагиной.

У них родились: сын Пётр (в 1862 г.) и две дочери — Ольга (1863) и Мария (1872). Последняя жила в Санкт-Петербурге, дважды состояла в браке; от первого брака имела сына Александра Александровича Тюфяева (30.08.1894 г. р.).

В Сокирянах «правил» губернский секретарь Пётр Николаевич Лишин. Именно его имя — в списках избирателей от Сокирян в Государственную Думу Российской империи I (1906 г.) и II (1907 г.) созывов.

П. М. Лишин построил в Сокирянах школу, лично учил детей грамоте, помогал их образованию материально. Кроме того, был попечителем Ходороуцкой школы (утверждён 10.12.1900 г.). Его управляющие — в с. Ходороуцы И. Л. Амшинский и местечке Сокиряны — Ф. Ф. Лозинский — сотрудничали с учебными и государственными учреждениями Российской империи. Первый был респондентом Департамента земледелия и сельской промышленности, второй — добровольным наблюдателем метеорологической станции от Новороссийского университета.

По исследованиям Сокирянского краеведа А. Д. Чорного, пан имел дочь Наталью, которая вышла замуж за богача Плавского. Её муж оказался не очень бережливым к богатству, которое подарил тесть (Пётр Николаевич), и уже скоро пустил чуть ли не всё имущество с молотка. Некоторые вещи, говорят, распродал даже в центре города, неподалёку от имения.

Наталия Петровна Плавская, урождённая Лишина, владевшая «двумя каменными домами, покрытыми жостью, жилой площадью 505 квадратных метров», проживала в Сокирянах до 1940 г. До настоящего времени сохранилось панское имение — на улице Шевченко, где ныне расположена районная типография. Здесь она и жила. Имение построил её отец — Пётр Николаевич Лишин, а начал строить дед — Николай Петрович.

Отметим, что в конце XIX–XX вв. частым гостем в Сокирянах бывал ещё один из Лишиных, а именно — Константин Андреевич Лишин. Из-за ошибки, которую допустили авторы энциклопедического издания «История городов и сёл Украинской ССР. Черновицкая область» (1969 г.), длительное время считалось, что он один из сокирянских владельцев. Но на самом деле никакого отношения к Сокирянам он не имел, а с сокирянскими Лишиными находился в далёком родстве, их общий предок проживал в с. Большая Дуброва Мглинского уезда Черниговской губернии.

Почётный гражданин Хотина — генерал-майор Константин Андреевич Лишин (1833–1906), уволенный из запаса армии в отставку с мундиром и с пенсией из Государственного казначейства и из кассы военно-сухопутного ведомства 27 января 1890. Был женат на дочери известного бессарабского деятеля Николая Георгиевича Рознована, Роксандре Россето-Рознован (1844–1897), которая, кстати, в первом браке была жената на статском советнике Михаиле Ивановиче Сабурове. Приданным Роксандры было имение в селе Ростео-Атаки Хотинского уезда (ныне с. Днестровка Кельменецкого р-на). Это село и стало родовым имением отставного генерал-майора Константина Лишина и его . Детей они не имели. Вместе с женой Константин Андреевич Лишин похоронен во дворе местной Свято-Покровской церкви.

При Лишиных значительно улучшилось экономическое положение Сокирян. Во второй половине XIX в. здесь начала действовать винокурня (в 1849 г. работали 1 австриец и 10 чернорабочих-мещан), пивзавод, 3 водные мельницы, 12 свечных и несколько салотопных заводов, с конца XIX в. — маслобойный завод, 2 предприятия по производству безалкогольных напитков, железнодорожная станция. При Николае Петровиче и Петре Николаевиче значительно выросла коммерческая деятельность населения. Так, например, в конце XIX в. каждую неделю на рынок в Сокиряны пригонялось много скота, до 300–400 коней и 200–300 овец. Им принадлежало 27 мясных лавок в Сокирянах и 17 в Бричанах. Документы свидетельствуют, что Николай Петрович Лишин в 1891 г. имел пять водных мельниц на реке Каменка, а также владел виноградниками, где числилось свыше 1600 кустов. В начале XX в. в Сокирянах действовала пивоварня.

При финансовой поддержке Лишиных в Сокирянах начали строить новую каменную церковь апостолов Петра и Павла, которая в 1880 г. была освящена. За заслуги перед православной церковью Петра Лишина, который умер якобы в 1920 г., а также его жену и дочь с почестями похоронили в семейном склепе под церковным алтарём.

Порой Лишины устраивали балы, на которые съезжались помещики и дворяне из окружающих сёл, из Подолья, Бричан, Сорок и даже Кишинёва. В 1890-х годах, например, частыми гостями таких приёмов были представители большой семьи Крупенских, К. А. Лишин, помещик с. Васильевцы Е. И. Филодор, штаб-рот-

мистр запаса армии по гвардии кавалерии Михаил Евграфович Алепич, губернский секретарь по 8-му участку Александр-Мечислав Флорианович Гилевич, титулярный советник Цеслав Владиславович Козловский, земский врач Николай Максимович Тунник, титулярный советник Елисей Сильвестрович Клопотовский (начальник местного отделения Почтово-телеграфной конторы), дворянин Александр Иванович Андрияш-Шептилич и священник Мина Александрович Черноуцан...

Мандзяк А. С.

**ЛИШИН
КОНСТАНТИН АНДРЕЕВИЧ
(1833–1906)**

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ

Константин Андреевич Лишин

Остались воспоминания о судьбе старшего сына генерал-лейтенанта Андрея Фёдоровича Лишина — Константине, названного в честь Великого Князя Константина Павловича, Царя Польского.

А рекомендацией этого достойного военного может служить его послужной список или указ об отставке.

ПО УКАЗУ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА,
САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКОГО

Предъявитель сего Генерал-майор Константин Андреевич Лишин, кавалер орденов: Св. Владимира 4-й степени, Св. Анны 1-й степени (того же ордена 2-й и 3-й степени), Св. Станислава 1-й и 2-й степени с Императорской короной и без неё, того же ордена 3-й степени. Иностранных: Сербского командорского креста ордена «Такова» 3 степени и Черногорского «Князя Даниила I» 2-й степени. Награждён медалью: золотая с надписью — «За усердие»; бронзовая — «В память войны 1853–1856 годов» и «За усмирении Польского мятежа 1863–1864 годов». Знак отличия за труды по земельному устройству поселян Бессарабской губернии и знак Красного Креста.

Родился в Петербурге 31 марта 1833 г.; из дворян Черниговской губернии; вероисповедания православного. Воспитывался в Школе Гвардейских Подпрапорщиков Кавалерийских юнкеров, ныне Николаевское Кавалерийское Училище. В службу вступил прапорщиком в Лейб-гвардии Семёновский полк 8 августа 1850 г.; прибыл в полк 20 августа. Направлен на учёбу в Императорскую академию 30 августа 1852 года — прибыл 31 августа. Отбыл по окончании из Академии в полк 8 ноября 1853 года — прибыл 13 ноября. Подпоручик с 11 апреля 1854 г.; переведён в резервный полк 6 сентября. Назначен полковым адъютантом 25 февраля 1855 г. Поручик с 27 марта 1855 г. 4 марта 1856 г. получил Монаршее благоволение за успехи в изучении фехтования, гимнастики и стрельбы в присутствии Его Величества. Награждён орденом Св. Станислава 3-й степени 26 августа 1856 г. Отчислен во фронт 6 октября 1856 г. Назначен Полковым Жалонером 1 января 1857 г. Отчислен во фронт 13 мая. Переведён Лейб-гвардии в Царскосельский стрелковый батальон 22 мая 1858 г. Прибыл в батальон 1 июня. Штабс-капитан с 12 апреля 1859 г. Командир роты с 20 июня, член хозяй-

ственного комитета с 21 июня. Награждён орденом св. Анны 3-й степени 30 августа 1860 г. Капитан с 23 апреля 1861 г. За стрельбу в цель в присутствии Государя Императора награждён призом 2-го разряда, состоящим из Английского ружья, 7 августа 1862 г. Награждён орденом св. Станислава 2-й степени, а 30-го августа назначен исправляющим должность младшего Штаб-офицера Лейб-гвардии Стрелкового Его Величества батальона 20 октября 1863 г. Полковник с 1 января 1864 г. Награждён орденом св. Станислава 2-й степени с Императорской короной 30 августа. Переведён во 2-й Гренадёрский Стрелковый батальон 16 июня 1866 г. Высочайшим приказом назначен для поручений к Командующему войсками Одесского военного округа с зачислением по армейской пехоте 12 апреля 1867 г. Назначен командиром 54 пехотного Минского полка 6 мая, прибыл в полк 8 июня.

По случаю увольнения для излечения болезни в 11-ти месячный отпуск в Россию и за границу, отчислен от должности командира полка с зачислением по Запасным войскам 18 февраля 1868 г. Высочайшим приказом назначен в распоряжение Командующего войсками Одесского военного округа без содержания от казны и с оставлением по армейской пехоте и запасным войскам 22 апреля 1869 г. Награждён орденом Св. Анны 2-й степени 17 апреля 1870 г. За труды по земельному устройству поселян Бессарабской области получил высочайше утверждённый 17 апреля 1863 г. знак отличия 7 июля 1872 г. Высочайшим повелением, объявленным Правительствующему Сенату, Министром Внутренних дел разрешено присвоить звание Почётного Гражданина города Хотина 20 июля. Награждён орденом св. Владимира 4-й степени 10 сентября. Назначен в распоряжение Командующего войсками Варшавского военного округа, с оставлением по армейской пехоте и без содержания от казны 7 февраля 1875 г. Прибыл в Варшаву 24 февраля. Назначен исправляющим должность Люблинского губернатора 5 июня. Прибыл в город Люблин и вступил в должность 30 июня. Произведён за отличие в генерал-майоры с утверждением в должности губернатора 1 января 1877 г. Получил высочайшее благоволение за полезную деятельность по взысканию казённых сборов, выкупных платежей и окладных податей в 1876 г. — 21 мая. Получил высочайшее благоволение за полезную деятельность по взысканию окладных податей в 1877 г. — 14 апреля 1878 г. Разрешено принять и носить пожалованный Его Высочеством Князем Сербским командорский крест ор-

дена «ТАКОВА» 3-й степени 1879 г. Разрешено принять и носить пожалованный Его Светлостью Князем Черногогорским орденом «Князя Даниила I» 2-й степени 2 февраля. Получил высочайшее благоволение за полезную деятельность по взысканию окладных податей в 1878 г. — 14 мая. Получил знак Красного Креста 15 июня. За сделанные из собственных средств пожертвования в пользу воссоединившихся церквей Люблинской и Сувалкской губерний получил золотую медаль с надписью: «За усердие», не для ношения 13 июля 1879 г. Пожалован орденом св. Станислава 1-й степени 23 августа. Уволен от настоящей должности согласно прошению, по расстроенному здоровью, с оставлением по армейской пехоте 18 октября 1880 г. В плену у неприятеля не был.

Женат на дочери Верховного Вестияра Молдавии Росетто-Розновано, Александре (Роксандре) Николаевне, православного вероисповедания. Имение родовое за ним состоит в Черниговской губернии Мглинском уезде 200 десятин земли. За женой — имение Бессарабской губернии в Хотинском уезде 500 десятин земли. В штрафах по суду, или без суда и под следствием не был.

Находился в составе войск, охранявших побережье С.-Петербургской губернии и Выборгского уезда в 1854 г. с 9 марта по 15 августа и в 1855 г. с 5 апреля по 30 сентября. Находился в Москве в составе отряда войск Гвардейского и Гренадёрского корпусов, собранных там по случаю Священного коронования Их Императорских Величеств с 3 июня по 24 сентября 1856 года. Находился при усмирении Польского мятежа в составе войск Варшавского военного округа с 5 января по 17 ноября и Виленского военного округа с 9 по 21 декабря 1863 г. По воле начальства командирован во 2 стрелковый батальон для командования им впредь до прибытия командира с 18 мая по 10 августа 1865 г. В службе генерала сего не было обстоятельств, мешающих права на знак отличия беспорочной службы, а также и отдаляющих срок выслуги к этому знаку.

Высочайшим приказом от 27 января 1890 г. генерал-майор Лишин К. А. уволен из запаса армии в отставку с мундиром и с пенсией из Государственного казначейства в размере 571 руб. 80 к. в год и из эмеритальной кассы военно-сухопутного ведомства по 645 руб. в год. Вышеозначенные пенсии назначены при условии производства их только до нового поступления на Государственную службу. С.-Петербург. Главный штаб.

За начальника Главного Штаба, Генерал-Лейтенант Величко

Указ об отставке моей от 10 марта 1890 г. за № 10647, из Главного Штаба получил С.-Петербург, 10 марта 1890 г.

Генерал-майор К. Лишин.

* * *

Супруга генерала К. А. Лишина, Роксандра (1844–1897), была из богатой и знатной семьи Верховного Вестияра (вистерника, государственного казначея) в 1806–1812 годах, Иордаки (Георгия) Россетти-Рознована. Он был самым видным и влиятельным среди молдавских бояр, бежавших в Кишинёв во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Владелец знаменитого поместья Стынка (в переводе с молдавского «скала»), находящегося на правом берегу Прута, напротив Скулян. Имени Рознована служило местом сосредоточения этеристов при их отступлении. Вокруг него группировалась почти вся молдавская знать, которая видела в нём ближайшего кандидата на молдавский престол. Во время русско-турецкой войны Рознован оказал важные услуги русской администрации в Молдавии. Его талант был отмечен Ланжероном, который считал Рознована и его сына Николая самыми выдающимися и достойными среди молдавских бояр. Иордаки был твёрдо уверен, что Россия поддержит греческое восстание, и что войска её войдут в Молдавию и Валахию. Занимая выжидательную позицию, он прожил в Бессарабии до 1824 г., поддерживая оживлённую переписку с Петербургом. Он состоял в переписке с И. Каподистрии, Строгановым, М. С. Воронцовым, А. Ф. Ланжероном и другими русскими сановниками. Сохранился даже меморандум о Молдавии Александру I, написанный в Кишинёве.

У Иордаки было два сына Алеко (Александр) и Николай. Николай не уступал своему отцу в политических талантах и связях с Петербургом. Он посылал русскому правительству проекты конституции для Молдавии, рассчитывая, как и его отец, стать господарем. Николай получил образование во Франции и в Германии, откуда вернулся полный либеральных идей. Отличаясь страстью к чтению, он собрал у себя в Стынке лучшую в Молдавии библиотеку. В Кишинёве у Николая Рознована собиралась молдавская молодёжь, любившая потолковать о политике. Среди них были и те представители «кишинёвской молодёжи», которые увивались за Пушкиным и которых М. С. Воронцов, требуя удаления поэта из Одессы и Кишинёва, писал как о «скверном обществе молодых бояр», находя их связи с Пушкиным политически опасными.

Николай Рознован состоял в браке с Екатериной, урождённой княгиней Гика. У них было три дочери: Мария, Пульхерия и Роксандра (Александра). Они были выпускницы Смольного института. По свидетельству современников, Пушкин посещал дома Иордаки, где «можно было застать несколько ломберных столов», и Николая, где «собирались политики».

Брак был совершён в Одессе в 1869 г. Для Роксандры Николаевны это был уже второй брак, с первым мужем статским советником Сабуровым ей по ряду причин пришлось развестись, это в семье никогда не обсуждали.

...Детей у них не было. За дочь Николая Рознован в приданное подарил 500 десятин земли и имение в селе Рестео-Атаки Хотинского уезда. Это село и стало родовым имением отставного генерал-майора Константина Лишина и его супруги. В XVII в. это село называлось «Отаки». Когда турки завоевали Хотинщину, в XVIII в., они переименовали село по своему — Атак. Когда Хотинщина в начале XIX в. вошла в состав Российской империи, чиновники начали называть это местечко Атаками. Когда в начале века был создан Хотинский повет, то село стали называть «Атаки Рестевские». В середине XIX в. оно уже стало именоваться Рестео-Атаками. Так оно и именовалось до 1946 г. Теперь это село Днестровка, Кельменицкого района на Украине, в 100 километрах от города Черновцы. В селе есть церковь Иоанна Богослова, в 1876 г. на деньги семьи Константина Андреевича и Роксандры построена одноклассная школа. Сохранились и имена первых учителей: Николай Осипович Васильев (1877–1881) и Екатерина Федотовна Фугурская (1885–1918). С 1895 г. законоучителем был отец Семён Григорьевич Власьев.

Ещё в 1866 г., будучи полковником, Константин Андреевич помог деньгами в постройке в городке Бричаны: 3438 рублей для больницы, для аренды помещений 450 рублей, для врачей 800 рублей, для фельдшера 240 рублей, для отопления 150 рублей. В 1904 г. на средства генерал-майора Лишина построена приходская школа. Тогда в Бричаны было 892 дома и 3680 жителей.

Но основной заботой семьи Лишиных было само имение Рестео. После того, как в апреле 1883 г. сгорела сельская церковь, жители села собрали 3000 рублей, а основную сумму, девять тысяч, передали супруги Лишины. Константин Андреевич собственноручно изготовил проект храма Покрова Пресвятой Богородицы,

ориентируясь на традиционно русское зодчество. Точно такая церковь была построена в селе Нивном в 1870 г. И ныне оберегается сохранившаяся надпись: «Признательное рестевское общество их превосходительствам Константину Андреевичу и Александре Николаевне Лишиным».

С левой стороны расположена плита с надписью: «Роксандра Николаевна Лишина, урождённая Россето-Розновано, которая умерла 15 февраля 1897 г.». На плите прикреплен объёмный веночек, над которым изображены две короны: княжеская и графская, что говорит о высоком происхождении покойной. Внизу — эпитафия: «Покойся, милый прах, до радостного свиданья».

Справа покоится прах её мужа — Константина Андреевича Лишина, генерал-майора, который родился 1833 г., а умер 4 апреля 1906 г. На плите помещён его герб: повернутый рожками вверх полумесяц между двумя (сверху и снизу) шестиконечными звёздами. Добродетель села завещал написать на своей могиле такую заповедь: «Блюдите Церковь, поддерживайте Церковную Приходскую Школу и Сельскую лечебницу в память благодетельницы села Рестео Роксандры».

Образ помещика-самодура никак не мог быть приписан к характеру Константина Андреевича. Он был тонким знатоком культуры и музыки, поэтом и художником, им было написано много икон для местной церкви, был знатоком медицины и имел аптеку.

По его инициативе в селе была открыта больница и церковно-приходская школа — одна из первых в Хотинском уезде. Генерал выделил помещение, нанял учителей и подарил им денег на одежду и обучение местных детей. Одновременно он создал в селе первый церковный хор. В селе впервые появилось фортепьяно, у школьников появились скрипки и балалайки. Жена генерала опекала лично юных хористов и обеспечивала их всем необходимым. В этих начинаниях Лишину помогала вся местная интеллигенция: священник Василь Жовнир, учитель Иван Мадан.

После смерти жены, в Петербурге на улице Большой Московской, д. 11, он похоронил её в имении Ростео, в семейном склепе возле церкви. После смерти отца Андрея Фёдоровича Лишина в 1898 г., распределив отцовское наследство, полученное по завещанию, Константин Андреевич удалился в Бессарабию. Здесь он исполнял должности в различных исторических обществах и был гласным Кишинёвской Думы.

Интересно вспомнить некоторые захватывающие события в жизни князя Константина Андреевича.

После окончания Школы подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в 1850 г., Константин Андреевич был зачислен на службу в Лейб-гвардии Семёновский полк. И был в 1854 г. в составе войск, охранявших побережье Санкт-Петербургской губернии. В сентябре 1854 г., уже в звании подпоручика, выступил с полком в Севастополь и находился в походе до весны 1856 г. Шли пешим порядком полтора года. Когда пришли, — война уже закончилась, а поход засчитали вдвойне. Во время похода, в ноябре 1855 г., Константин Андреевич заболел брюшным тифом. Когда его везли в обозе, за ним ухаживала хожалка (сестра милосердия). Однажды, когда его уже считали умирающим, он подозвал её и попросил кружку пива и кусок колбасы, но она стала возражать, говорить, что умрёшь. Но он настоял, мотивируя, что воля умирающего это закон, ему дали колбасы и пива, он съел и скоро поправился.

Осенью 1856 г. Константин Андреевич находился при коронации Их Императорских величеств в Москве. Там же был и его дядя, тогда ещё полковник, знаменитый в артиллерийских кругах, командир ракетного заведения Константинов Константин Иванович. Он занимался по поручению Императора устройством фейерверка в честь коронации, и действительно, это было незабываемое зрелище. Особенно, когда при исполнении многоголосным хором гимна, по предложению Константинова, оркестру вторили залпы пушек.

Некоторое время с 1857 г. Константину Андреевичу было поручено быть полковым жалонером. Обязанности офицера, заведующего жалонерами в полку, считались весьма ответственным занятием. На полковых учениях обязанность расставлять жалонеров лежит на полковых жалонерах; в отдельных батальонах, где штатом не положено иметь жалонерного офицера, эта обязанность исполняется батальонным адъютантом. На обязанности этих же лиц лежит и обучение жалонеров умению правильно обозначать линию, дистанцию и интервалы. На летнее время, когда жалонерный офицер вступает в исполнении своих обязанностей, он приказом командира освобождается от нарядов в караулы и дежурства.

Во время своего пребывания, а затем и службы в Одессе, Константин Андреевич часто посещал город Николаев, где в это время заканчивалось строительство Ракетного завода под руководством его дяди, генерал-лейтенанта Константинова К. И.

Кстати сказать, встречи с выдающимся ракетчиком Константиновым были приятны родственникам ещё и тем, что Константин Андреевич Лишин в своей жизни тоже написал много статей на разные темы, в том числе «О нарезном оружии», СПб., 1858 г. и «Реферат о почтовых нуждах», СПб., 1898 г.

В те времена Одесса занимала третье место по своей значимости после Москвы и Петербурга. Правил здесь генерал-губернатор Павел Евстафьевич Коцебу. Нового правителя юга за глаза называли Крошка-Коцебу, за его удивительно малый рост — 138 сантиметров. Тем не менее, этот генерал был назначен на высокую должность отнюдь не за красивые глаза.

В прошлой жизни Коцебу являлся одним из руководителей русской военной разведки и выполнял не один десяток лет щепетильные поручения в различных силовых авантюрах, которыми изобиловала внешняя политика России XIX в. В Одессу он попал как бы на повышение, но и своей профессии здесь не забыл, создав секретную службу при своей канцелярии для слежки за иностранцами. «Вылизанный и выбритый малыш с невыразительными глазами» оказался талантливым администратором. За время его правления было завершено мощение улиц гранитом, проведено газовое уличное освещение. В честь Павла Коцебу была названа и глазная больница на Французском бульваре, построенная младшими братьями Константина Андреевича — инженерами-архитекторами Михаилом и Николаем Лишиными в 1876 г. После отставки Коцебу в 1874 г. должность генерал-губернатора Новороссийского края была упразднена. Помимо Коцебу градоначальником Одессы был и Николай Алексеевич Новосельский, которого избрали в 1867 г. за деловую хватку и предпринимательские способности. Их тесное сотрудничество оказалось благоприятным для города. Они запросто могли достать несколько миллионов рублей кредита на благоустройство города. Ими были построены современные водопроводные и канализационные системы, продлены рельсовые линии первого в Одессе общественно-го транспорта — конки.

Константин Андреевич часто навещал своё родовое имение в селе Нивное. После смерти отца за ним, кроме самого имения, числилось 43 десятины земли.

Вот, что писала газета «Новое время» № 10772 от 11(24) марта 1906 г.:

«В память скончавшегося в имении Рестео Бессарабской губернии и там же похороненного генерал-майора Лишина Константина Андреевича, в церкви Стрелкового полка (Казанская ул., 87) в воскресенье, на 10½ часа утра будут отслужены заупокойная обедня и панихида. 12 (25) марта 1906 г.».

В той же газете, но за № 10810 сказано:

«Командир и офицеры Л.-Гв. Семёновского полка извещают, что в четверг 20 апреля в 11 часов в полковой церкви будет отслужена панихида по скончавшимся бывшим офицерам полка Константине Ивановиче Чекмарёве — генерал-лейтенанте и Константине Андреевиче Лишине — генерал-майоре».

ЛИШИН АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ

(1834–1909)

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР

Александр Андреевич Лишин

Второй сын князя Андрея Фёдоровича Лишина — Александр Андреевич Лишин, родился 27 апреля 1834 г. в Петербурге.

В документе — послужном списке от 1 апреля 1877 г., на тогда ещё подполковника Александра Лишина — говорится следующее.

По окончании Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (Николаевское кавалерийское училище) в 1853 г. вступил прапорщиком в Лейб-гвардии Егерский (Гатчинский) полк. С 19 января 1854 подпоручик. С 17 апреля 1860 поручик. Имеет орден Св. Станислава 3-й степени от 7 марта 1857 г. За участие в Кавказской войне и за пленение Шамиля, присоединены к ордену Св. Станислава 3-й степени мечи — 18 марта 1858 г., орден Св. Анны 3-й степени — апрель 1861 г. Переименован в есаулы с назначением исправляющего должность войскового дежурного штаб-офицера Забайкальского казачьего войска с 2.06.1861 г. Войсковой старшина с 17 апреля 1863 г.

Александр Андреевич Лишин уволился со службы по домашним обстоятельствам с мундиром и следующим чином подполковника 29.12.1865 г. Женился в 1868 г. на вдове Тайного советника Скребицкого, Анне Ивановне, православного вероисповедания.

Определён на службу чиновником особых поручений при Начальнике Главного Управления Иррегулярных войск с 6.06.1872 г. Произведён в полковники 30.08.1873 г. Участвовал в Хивинской экспедиции. В отставке с 1877 г. с мундиром и следующим чином генерал-майора (РГВИА: Ф. 330, оп. 58, д. 595, л. л. 235–239).

С 1877 г. Александр Андреевич ушёл в отставку. Занимался писательской и историко-архивной деятельностью в Петербурге, Москве и на Дону. Являлся организатором и до конца жизни членом Петербургского мужского благотворительного комитета, а также и славяно-филосовского патриотического кружка. Участвовал вместе с братьями и генералом Черняевым в подготовке добровольцев, направляемых в Сербию и Черногорию в 1877 г.

Выполняя с 1880 г. возложенное на него поручение — составить расписание о пожаловании в разное время казачьим войскам и частям этих войск знамён, штандартов и других отличий, заинтересовался историей Донского казачества. Он собрал в архивах разных правительственных учреждений значительное количество материалов, относящихся к истории Войска Донского со времён Иоанна Грозного (с 1570 г.), и сделал им хронологический указатель, систематизировал их и представил свой труд начальству. В результате, его перу принадлежит трёхтомная История Войска Донского. Этот многолетний капитальный труд был принят как

войсковым начальством, так и всеми, кто видел историческую связь между прошлым и настоящим.

ПЕТЕРБУРЖЕЦ АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ ЛИШИН – ВОЙСКУ ДОНСКОМУ

Александр Андреевич Лишин был крестником Императора Николая I. А Императору Николаю II в начале XX в. на одном из торжественных приёмов делегацией донских казаков была преподнесена книга Александра Андреевича Лишина «История Войска Донского», в подарочном варианте. Там же присутствовал и А. А. Лишин.

К 120-летию выхода в свет первого тома труда А. А. Лишина «Акты, относящиеся к Истории Войска Донского» Владимир Вебер рассказал подробности об этом замечательном труде своего знаменитого предка.

Его многолетний капитальный трёхтомный труд «Акты, относящиеся к Истории Войска Донского» издан под редакцией действительных членов Донского Статистического Комитета А. А. Карасёва и Х. И. Попова в 1891–1894 годах в Новочеркасске Областным Правлением Войска Донского.

«Вследствие неблагоприятно сложившихся обстоятельств, — писали редакторы в предисловии к первому тому, — Истории Войска Донского, как труду систематическому, основанному на незыблемых, непрерывно следующих друг за другом, фактических данным, изложенных согласно требований современной исторической науки, недостаёт весьма многого. Не говоря уже о том, что мы не имеем ни одного по этой части сочинения, способного отвечать требованиям исторической критики, самый материал для неё, находящийся в разных архивах, появляется на свет Божий урывками, случайно, восполняя малыми частями, огромное поле пробелов, нуждается в серьёзной систематизации, в установлении связи между этими частями, в разъяснении естественных недоумений, объясняемых отрывочностью добытых из архивов сведений, относящихся к данному предмету. Кроме того, история донской Истории говорит нам об одном печальном факте, что собранные в 20-х годах нынешнего столетия исторические материалы, вовсе не вошедшие или вошедшие только частью в известное «Историческое Описание Земли Войска Донского», после

1834 года исчезли и где теперь находятся — неизвестно. Поэтому всякий новый шаг в сторону пополнения существующих пробелов нашей Истории должен радостно встречаться теми, кому дороги бытописания о донском казачестве, так искренне послужившем объединению и возвеличению одного из грандиознейших государств земного шара».

Из следующего абзаца становится понятно, сколь велика роль Карасёва и Попова в работе по подготовке грандиозного лишинского материала в печать:

«Почтенный автор названного труда делал выписки из актов: 1) Главного Московского Архива Министерства Иностранных Дел; 2) из дел бывшего Комитета о Войске Донском, хранящихся в Архиве Главного Управления казачьих войск; и 3) из дел бывшей Военной Коллегии, хранящихся в Архиве Московского Отделения Главного Штаба. Выписки эти размещены в трёх сшивах и не в хронологическом порядке, который установлен автором в отдельном штиве уже после. Это обстоятельство несколько затруднило печатание актов, так как потребовалось значительное время для подбора выписок к печатанию. Кроме того, рукопись имеет несколько очевидных описок и искажений имён и названий местностей, что потребовало исправления через сличение с другими источниками, а те места, для исправления которых не имелось материала, обозначены в печати точками».

Итак, первый том содержит акты 1570–1725 годов. Второй, разделённый на две части (каждая книга — с оглавлением и алфавитным указателем имён и географических названий), — акты 1725–1761 годов. Третий — акты 1762–1887 годов; в конце тома, как дополнение ко всему трёхтомнику, — указатель материалов по истории Войска Донского, разбросанных по архивам и разным печатным изданиям.

«Не раз почтенное имя Александра Андреевича признательно вспомнется теми, кто будет пользоваться добытыми им материалами», — такими словами завершают Карасёв и Попов предисловие к третьему тому «Актов...».

А. А. Лишин проживал в Петербурге по Демидову переулку, Казанской части, в собственном доме № 5. Его похоронили 29 сентября 1909 года на кладбище Александро-Невской лавры. Через три года рядом упокоилась и его жена. Детей у них не было. Могила с памятником сохранилась, но требует реставрации.

Кроме прочего, по просьбе Управляющего военным министерством генерал-лейтенанта Куропаткина Александру Андреевичу Лишину было поручено подготовить материалы для печати по празднованию юбилея 25-летия покорения Хивы. Как деятельный участник Хивинской экспедиции, он подготовил в мае 1898 г. следующий материал для газеты «Нива».

ВОСПОМИНАНИЯ О ХИВИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА А. А. ЛИШИНА

29-го мая (1898) исполнилось 25 лет с тех пор, как русские войска, после целого ряда блестящих побед над хивинцами, взяли штурмом столицу ханства. Этот замечательный в военных летописях поход навеки покрыл славою участвовавшие в нём войска. Причины, побудившие правительство предпринять поход против Хивы, крылись в тогдашнем положении дел в Средней Азии.

Находясь в соприкосновение с соседними ханствами: Кокандом, Бухарою, Хивою и восточным Туркестаном, главная администрация среднеазиатских владений России употребляла с самого начала все старания к тому, чтобы установить дружественные отношения с соседними владетелями. Результаты этих стараний оказались блестящими по отношению ко всем перечисленным среднеазиатским ханствам, за исключением одной только Хивы. По предложению главного начальника тогда ещё только образованного туркестанского генерал-губернаторства заключить мир и дружбу с Россией на условиях выдать русских пленных, захваченных хивинскими разбойниками, Хива ответила новыми набегами целых шаек грабителей в оренбургские степи и Сырдарьинский край и новыми разорениями русских киргизов.

Достоинство и интересы России не допускали подобных отношений, и решено было покорить Хиву. Экспедиция к границам ханства была направлена с двух сторон. С восточной — войска туркестанского округа, и с западной — соединённый отряд из войск оренбургского и кавказского округов. В состав всех трёх отрядов входили всего 42 роты пехоты, 18 сотен казаков и 40 орудий, включая ракетную батарею.

Во главе войск туркестанского округа находились военный губернатор Сырдарьинской области генерал-майор Головачев и полковник Голов, из которых каждый командовал отдельной колонной. Начальником отряда из оренбургских войск был военный губерна-

тор Уральской области генерал-лейтенант Николай Александрович Верёвкин, а начальниками кавказских войск были генерального штаба полковник Маркозов и полковник артиллерии Ломакин. Страшные лишения пришлось претерпеть этой немногочисленной армии в безлюдных степях от тропической жары, недостатка в пресной воде и беспрестанных нападений со стороны неприятеля. Хивинцы, как впоследствии оказалось, были убеждены, что русские погибнут в степях или вынуждены будут возвратиться в пределы России, но они ошиблись в расчёте.

15 мая 1873 г. отряд генерала Верёвкина подошёл к городу Ходжейли, занятому хивинскими войсками, выбил их из укреплений и занял город. Не имея известий о туркестанском отряде, генерал Верёвкин двинулся на Мангыт, а оттуда к городу Хиве, беспрестанно отбиваясь от многочисленных хивинских полчищ. Прождав несколько дней и не дождавшись ни известий о туркестанском отряде, ни распоряжений о дальнейших действиях со стороны главного начальника экспедиции генерал-адъютанта фон-Кауфмана, генерал Верёвкин, после рекогносцировки городской стены, открыл 28 мая сильный огонь по городу и воротам. «Как для поколебания неприятеля, так и для подбития его орудий и повреждения городской стены и ворот». Но едва генерал Верёвкин успел отдать это приказание, как был ранен пулей в лицо и должен был передать начальство над войсками полковнику Е. С. Саранчову. Мера генерала Верёвкина возымела, однако, уже своё действие, и из города был выслан главный «ишан» для мирных переговоров. Полковник Саранчов, видя в этом обычную у азиатов уловку, затянул дело и, желая понудить неприятеля к решительной сдаче, не прекращал огня в течение целого часа, и затем уже, уступая мольбам запуганных депутатов, дал им отсрочку на три часа. Вскоре после этого получено было от генерала фон-Кауфмана предписание о прекращении огня. Предписание это было дано главнокомандующим из лагеря туркестанского отряда, у Янгиарыка, находящегося по ту сторону столицы хивинского ханства. Сюда 28 мая после энергичных действий Верёвкина и Саранчова явился к генералу фон Кауфману двоюродный брат хана, Иртазали-хан, с письмом от Сеид-Рахим-хана, в котором владетель Хивы выразил согласие сдаться со всем ханством Белому Царю и уполномочивал посланца Иртазали выслушать и подписать условия. Это и побудило фон-Кауфмана прекратить огонь. Он объявил посланцу, что заявление наших требований и условий желает

лично сделать хану, а потому просит его, со свитой в 100 человек, выехать ему навстречу утром 29 мая, когда русские войска будут подходить к Хиве.

29-го мая на рассвете туркестанский отряд выступил из лагеря и к 8 часам утра вошёл в район городских садов Хивы. Одновременно двинулся и отряд генерала Верёвкина. Было известно, что в столице хивинского ханства происходит сильная политическая борьба, что среди полного безначалия берут верх воинственные туркмены и другие пришельцы, готовящиеся к отчаянной обороне, вследствие чего в русском отряде были приняты меры. Приступили к возведению брешь-батареи в 250 шагов от города. После 24 выстрелов в стене и воротах удалось пробить брешь, и одновременно произведена была фальконетная стрельба. Первым проник в город через пробоину в стене находившийся тогда ещё в чине подполковника М. Д. Скобелев. Гарнизон защищался необыкновенно стойко, но уже к вечеру победоносные русские войска вошли в город, который вместе со всем ханством сдался главнокомандующему русских войск генерал-лейтенанту фон Кауфману на предложенные условия.

Хивинский поход был закончен. Невероятные лишения, стойко вынесенные небольшим отрядом храбрецов, принесли огромную пользу для всей нашей родины. В хивинском походе справедливо видят эру возрождения Средней Азии к новой политической жизни. Ближайшими последствиями этого похода были: освобождение 40000 пленных и рабов, полное умиротворение страны, прекращение своеволия, грабежей и разбоев в хивинском оазисе и сопредельной с ним территории. Мало того, все последующие события, блестящий штурм Скобелевым Геок-Тепе, занятие нашими войсками ахалтекинского, мервского оазисов, утверждение наше на Кушке и, наконец, постройка закаспийской железной дороги, оживившей весь край, всё это — дальнейшие результаты славного подвига русского войска в 1873 году.

Подвиг этот золотыми буквами начертан в летописях русской истории, и память о нём русский народ будет хранить вечно. В ознаменование первого 25-летия со дня этого события с Высочайшего соизволения Государя Императора совершены были 29 мая торжественные молебствия, и состоялся парад войскам местных гарнизонов, а также совершены были панихиды по усопшим участникам хивинского похода. В тот же день Государь Император соизволил принять в особой аудиенции в Царском Селе около 40 чело-

век участников похода, находившихся к этому дню в Петербурге. Вместе с тем Его Величеству было угодно высочайше повелеть представить к очередным наградам находящихся ныне на военной службе старших начальствовавших в хивинском походе лиц от командира батальона и батареи включительно, командиров рот и сотен, наиболее отличившихся частей и чинов, занимавших в штабах штаб-офицерские должности.

Генерал-адъютанту Милютину послано управляющим военным министерством Куропаткиным письмо, в котором изложено, что Государю Императору угодно было с особенной благодарностью вспоминать труды графа Милютина по подготовке этого исторического события, понесённые им в качестве ближайшего помощника его в Бозе почивающего Царственного деда.

30 мая отслужено было в церкви главного и генерального штаба молебствие, а затем, в 5 часов дня, в большой столовой военного собрания армии и флота состоялся товарищеских обед участников похода. В числе приглашённых на этот обед были управляющий военным министерством генерал-лейтенант Куропаткин, представитель фамилии фон Кауфман — гофмейстер фон Кауфман и титулярный советник Богданович. Среди находившихся в Петербурге 37-ми участников похода были: генерал-адъютант Троцкий, старейший из участников похода, состоявший начальником штаба всех войск, действовавших против Хивы; генералы: Глуховской, Гринвальд, барон Каульбарс, Константинович, Литвинов, Лишин, Меллер-Закомельский, Транзеге, фон-дер-Флит, Чайковский и другие.

ЗАВЕЩАНИЕ ТАЙНОГО СОВЕТНИКА АЛЕКСАНДРА НИКИФОРОВИЧА СКРЕБИЦКОГО

«Во имя отца и сына и святого духа, я нижеподписавшийся, в отставке Тайный Советник и Кавалер Александр Никифорович Скребницкий, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, но достигнув преклонных лет и чувствуя себя немощным с ослаблением зрения, а потому озадачиваюсь, чтобы могущее постигнуть внезапная кончина не отняла у меня возможности изъявить последнюю волю мою, которую я, руководствуясь совестью, заблагорассудил и имею желание, взамен завещания положенного 10 января сего года для хранения в Санкт-Петербургский опекунский Совет выразить, в отношении движимого и недвижимого имущества моего и капиталов составляющих благоприобретение моё трудами и бережливостью

в продолжение жизни моей. В сем побуждении и при глубоком размышлении соображаясь неизменно с чувствами и сердцем своими, в настоящем завещании, которое я имею сознать крепостным порядком, как будет сказано относительно имения своего и капиталов, изъявляю я для исполнения в точности и беспрекословно, по кончине моей, именно как будет сказано в нижеследующих пунктах.

1. Ближайшими ко мне, о коих я имею попечение и заботу, в живых находятся — от третьего брака жена моя Анна Ивановна, урождённая Гуржеева и дочери мои, от первого брака: Эмилия Александровна, жена подполковника Киндякова и меньшая Софья Александровна, жена Камергера Шведского Короля Барона Кляс — Стремфельдта, а также племянники мои, сыновья родного брата моего подпоручика: Пётр и Николай Степановы Скребицкие.

Хотя из них дочь моя Эмилия Киндякова ещё при выходе замужество получила от меня на значительную сумму разнородных вещей в приданое и в награждение вместо имения 100 000 рублей ассигнациями, и с того времени неоднократно я платил за неё долги и, кроме того, делал ей всякое всепомоществование вещами и деньгами, что вообще составляет более 200 000 рублей, но желая и за сей дочери моей оказать зависящее от меня пособие и дабы, как она, так и прочие помянутые дорогие мне и по кончине моей не были для жизни своей лишены обеспечения, в сей обо всех их заботливости моей, предположил я и распределяю между ними имение моё, которым владею, движимое и недвижимое и капиталы последние какие оказаться могут, с правом из них каждого лица продать и заложить владеть вольно и пользоваться не ограниченно и как заблагорассудят по своему усмотрению и по законам, — таким образом:

2. Дочери моей Эмили Киндяковой сверх всего того, что ею получено от меня на сказанном основании, из недвижимого имения моего назначаю я и отказываю ей вечное и потомственное владение, состоящее в Самарской губернии в Новоузенском уезде участок земли, называемый Скребицко-Камышенский с имеющеюся на нём усадьбою в полном составе, как значится по плану и акту приобретения — до 6000 десятин... но засим уже награждением не предоставляю я права ей, дочери моей, касаться и иметь какое-либо притязание на всё прочее имение моё, движимое и недвижимое, где бы и какое не оказалось, а равно и капиталы, если бы таковые после меня остались в наличности, находились в хранении или принадлежали мне в виде документов денежных и долговых, или следовали

по искам и претензиям, одним словом, она, дочь моя, больше не вправе ни на какое состояние моё, которого я не предоставляю ей по сему завещанию непосредственно.

3. Второй дочери моей Баронессе Софье Стремфельд, — которая обещанного мною в приданое капитала при вводе в замужество не получила от меня, взамен оного, равно на сказанном основании назначаю я и отказываю в полное её вечное и потомственное владение следующие благоприобретённые недвижимые имения мои, состоящие в Симбирской губернии:

а) Сенгилеевского уезда: — село Введенское (Тереньга тож) с деревнею Епифановкою, где состоит суконная фабрика со всеми принадлежностями для действия;

– с. Архангельское (Гладчиха тож) с отхожею Лосиною поляною;

– дер. Русскую Темрязань, при коей находится и стекольный завод, так же с принадлежностями для действия;

б) Сызранского уезда — дер. Вельяминовку (Поповка тож), в которой имеется другая суконная фабрика с принадлежностями для действия.

Все эти имения со всеми принадлежностями к ним по актам и планам, землями, прозрастающими на них лесами реками и озёрами и всякими другими угодиями, с находящимися в оных и при оных заведениях с усадебными и всякими существующими в них экономическими хозяйственными постройками и принадлежностями к ним и со всяким находящимся в имениях сих принадлежащих мне, как в господских домах, так и заведениях имуществом наличностями и запасами, одним словом не исключая из того ничего, что в этих имениях окажется, принадлежит к составу оных, и составляет вообще мою собственность и со всеми правами, какие по этим имениям по законам принадлежат мне; не изымляя и тех прав, какие вытекают из положений об освобождении крестьян из крепостного состояния.

4. Жене моей, Анне Ивановне Скребицкой, по законам принадлежит право на получение из всего имения моего движимого и недвижимого и капиталов указанных частей, но кроме этого права, я считаю себя и мною обязанным ей тем, что в продолжение жизни со мной она постоянно разделяла со мною труды и заботы по имениям моим и делам неизменно оказывала мне свою супружескую верность и всегда имела обо мне самое тёплое попечение, которым не оставляет меня и в настоящем немощном состоянии

моём, которое тем более чувствительно мне, что и по несчастью ныне лишён органа зрения. Сознвая всё это, я в знак глубокой признательности моей и взамен права жены моей на указанные части назначаю и отказываю ей на том же основании как упомянуто сего завещания в Пункте Первом в вечное и потомственное владение следующее имение моё, именно:

а) в Санкт-Петербурге купленный мною от наследников Г.г. Демидовых каменный дом, состоящий 2-й Адмиралтейской части... на углу Большой Мещанской улицы и Демидова переуллка, значащийся по городской табели 1822 г., под № 65, а в 1846 г. под № 89 со всею к сему дому принадлежащею землёю и со всем движимым имуществом моим без всякого чего-либо изъятия и исключения, что по смерти моей в дом на лицо будет и окажется, от которого я других наследников моих совершенно отстраняю. Также благоприобретённое недвижимое моё, населённое временно обязанными крестьянами

б) в Орловской губернии:

– в Кромском уезде — деревни Каменцы и Котовку;

– в Орловском уезде — деревню Агеевку и хутор Марачев-брод со всеми принадлежностями по актам владения землями... господским домом и усадьбою, заведениями, хозяйственными постройками.

5. Так как семейство покойного брата моего Степана Скребицкого оказывало мне всегда родственное сочувствие, а из помянутых сыновей его, племянник мой Пётр Степанович Скребицкий, посвятившем себя на услуги мне, по преклонности лет моих, то в знак моей за это признательности, и дабы семейству брата моего оказать помощь, я назначаю и отказываю племянникам моим

— Петру и Николаю Степановичам Скребицким — в вечное и потомственное владение приобретённый мною, поросший строевым лесом, отдельный участок земли около 18 000 десятин состоящий в Вятской губернии, Глазовском уезде по реке Липке сверху до впадения с обеих сторон в реку Каму, как участок этот значится и принадлежит мне по актам обмежевания и приобретения, не исключая из того никакой части и без всякого к оному притязания со стороны прочих наследников моих, которых я от такового отстраняю.

6. Сверх имения, которое мною распределено как выше сказано, полагаю, после меня могут остаться ещё капиталы либо

в наличных деньгах, или состоящие в долгах и в представляющих капитал бумагах, или следующие мне по исковым и спорным делам; и я кроме того имею во владении ещё недвижимое благоприобретённое имение, состоящее как то

а) Самарской губернии, в Новоузенском уезде — участок земли 6000 десятин, на коем находятся 20 крестьянских изб и хутор, называемый Скребицко-Новоузенской;

б) Вятской губернии, в Глазовском уезде участок земли со строевым лесом по речке, впадающей в реку Вятку — 6000 десятин;

в) Нижегородской губернии, Балахнинского уезда — деревню Молитовку, состоящую на берегу реки Оки при впадении в Волгу — 1260 десятин земли с лесом, с усадьбою, пристанью для пароходов и построек.

Но я также имею и значительные долги, которые обязан уплатить; по сему я разсудил и поручаю жене моей Анне Ивановне Скребицкой и второй дочери моей Баронессе Стремфельд — если за жизни своей я не успею рассчитаться в долгах своих и распорядиться относительно помянутого в сем пункте имения... то после смерти моей продать как имения Молитовку, что в ней за наделом крестьян останется, так и упомянутые участки земли и из вырученных за таковое имение денег, ровно и из таких, какие после меня остаться могут в наличности или будут состоять из денежных бумаг, или находиться в долгах и исках, по собрании таковых, уплатить все долги мои, которые будут признаны правильными и подлежащими уплате; за тем, что из капиталов тех и от продажи сказанного имения останется, всё то я представляю в их собственность таким образом:

две части — дочери моей Стремфельд, а третью часть жене моей;

но представляя им таковые капиталы, обязываю их по кончине моей за усердную и верную службу мне выдать в награждение из бывших крестьян моих следующим:

девушке Акулине Дорофеевой	200 рублей,
Марьи Мишуковой	250 рублей,
Ивану Дорофееву Хвалеву	150 рублей
Петру Серебрякову	200 рублей,
Марии Кувшинниковой	150 рублей
Елизавете Вольновой	150 рублей,
Прасковье Хвостиковой	150 рублей.

А кто из упомянутых людей помрёт и назначенного мною награждения получить не может, то за них награждение это выдать матерям или семействам их.

7. Завещание сие, заменяя все, какие учтены были мною до сего и оказались бы доколе же жизнь моя будет продолжаться, я не лишаю себя права распоряжаться по своему усмотрению, всем имуществом моим и капиталами, а если обстоятельства востребуют, завещание это установленным порядком уничтожить и заменить оное другим, каким признаю нужное.

Подписано 4 июня 1864 года.

Завещание по воле завещателя писал – Писец первого класса Департамента рассмотрения проектов и смет Главного Управления путей сообщения и публичных зданий — Данила Андреев сын Шестаков

Подписавшиеся свидетели:

Священник Царскосельского
Екатерининского Собора

— Андрей Афанасьев сын
Ветвеницкий

Отставной Генерал Майор и Кавалер
Коллежский Ассессор
Статский Советник

— Захар Анисимов
— Лев Игнатъев Моисеенко
— Яков Григорьев Ивченко

Засвидетельствовано Царскосельским уездным судом
9 июня 1864 года.

Пакет с духовным завещанием Тайного Советника Александра Никифоровича Скребицкого представлен был для хранения в Опекунский Совет лично завещателем 12 июня 1864 года.»

РГИА, фонд № 577, оп. 36, 1878 г., д. № 699, л. 16–23 с об.

ЛИШИН ИВАН АНДРЕЕВИЧ

(1835–1892)

СЕНАТОР

Иван Андреевич Лишин

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК ПОЛКОВНИКА ИВАНА АНДРЕЕВИЧА ЛИШИНА

Послужной список третьего сына Андрея Фёдоровича Лишина также весьма богат как должностями, так и орденами. По высочайшему повелению, объявленному в предписании по команде за № 6492, откомандирован в распоряжение генерал-адъютанта князя Михаила Дмитриевича Горчакова 26 ноября 1855 г. Откомандирован из полка 4 декабря 1855 г. Прибыл к Селингинскому пехотному полку и назначен командующим 3-й стрелковой ротой

1.01.1856 г. Сдал роту и откомандирован в Лб.-Гв. Егерский полк
5.04.1856 г. Командирован в Гвардейскую учебную стрелковую роту
3.12.1856 г. Всемиловейше награждён орденом св. Анны 4-й ст.
7.05.1857 г. За смотры и учение, произведённое учебной гвардейской стрелковой ротой в высочайшем присутствии объявлено именное монаршее благоволение. Произведён за отличие в подпоручики 30.08.1857 г. За смотры и учение той же роты в высочайшем присутствии объявлено монаршее благоволение 10.09.1857 г. Перечислен из гвардейской стрелковой роты в стрелковую офицерскую школу 29.12.1857 г. На основании положения о стрелковой офицерской школе и с разрешения заведующего школой оставлен в настоящем отделе той же школы 1.01.1858 г. Назначен заведующим офицерским отделением в той же школе 15.01.1858 г. С Высочайшего Государя Императора соизволения, объявленного в приказе по отдельному гвардейскому корпусу за № 55, за нахождение в минувшую войну в Ложементях на реке Чёрной под выстрелами неприятеля, присоединена к пожалованному ордену св. Анны 4-й ст. надпись «За храбрость» 18.03.1858 г. С 1.06 по 24.09 в 6-ти месячном отпуске. 6.11.1858 г. назначен и.о. адъютанта Школы. За усердную службу всемиловейше пожаловано пособие полугодовое жалование 185 руб. 8.09. 1859 г. Переведён в Лб.-Гв. Царскосельский стрелковый батальон с утверждением адъютантом стрелковой офицерской школы 17.12.1859 г. Зачислен в списки этого Лб.-Гв. Царскосельского стрелкового батальона с оставлением в настоящей должности 25.12.1859 г. Поручик с 17.10.1860 г. Штабс-капитан с 17.04.1862 г. Высочайшим указом назначен адъютантом к генерал-адъютанту Безаку, по званию Оренбургского и Самарского генерал-губернатора с зачислением по армейской кавалерии майором 13.09.1863 г. По распоряжению Оренбургского и Самарского генерал-губернатора управлял Уральским отделением Башкирского народа 12.05.1864 г. Назначен командиром 68 пехотного резервного батальона с 13.08.1864 г. За отличие по службе произведён в подполковники 5.10.1869 г. Зачислен по армейской пехоте с прикомандированием к Главному штабу для занятий в комиссиях, учреждённых для обсуждения вопросов, относящихся до благоустройства и улучшения быта войск и военных управлений 17.10.1870 г. Награждён орденом св. Владимира 4-й ст. 16 апреля 1872 г. Высочайшим приказом, состоявшимся 7.10.1872 г., назначен Командиром Бобруйского крепостного полка 7.11.1872 г. При-

был в полк 11.12.1872 г. Приказом по войскам Виленского военного округа назначен членом временного военного тюремного комитета при Бобруйской военно-исправительной роте 11.01.1873 г. Назначен и.д. Начальника Бобруйского военного госпиталя 21.01.1873 г. Высочайшим приказом утверждён в этой должности 11.02.1873 г. Переведён высочайшим приказом в 88-й пехотный Петровский полк Командиром с 4.06.1873 г. Прибыл и принял 88-й полк 6.08.1873 г. С 19.08 по 26.09. 1875 г. в отпуске. Награждён орденом св. Станислава 2-й степени 30.08.1875 г. Высочайшим приказом назначен в распоряжение Начальника военных сообщений действующей Армии с отчислением от должности командира 88-го пехотного Петровского полка с зачислением по армейской пехоте 27.09.1877 г. Сдал полк 21.10.1877 г. Прибыл в г. Бухарест 30.10.1877 г. Назначен Правителем канцелярии в Штабе Командующего войсками в тылу армии 6.01.1878 г. Высочайшим приказом от 26.03.1878 г. назначен штаб-офицером для особых поручений при Командующем войсками. Главный Штаб в отзыве от 25.11.1877 г. за № 11782 уведомил, что Высочайше разрешено сохранить содержание по прежней должности Командира полка в размере жалования по чину: столовых 1500 руб. и добавочных по 1200 руб. в год. Награждён орденом св. Анны 2-й степени 25.11.1878 г. Сербского Князя орденом «Такова» 2-й степени в 1878 году.

С высочайшего разрешения уволен 8.09.1876 г. в заграничный отпуск на 2 месяца. Возвратился 8.11.1876 г. из Сербии. В бессрочном отпуске для пользования ран. В плену и в отставке не был.

Женат с 29.07.1863 г. на дочери Генерала от Кавалерии Барона Осипа Осиповича Велио, Эрминии-Софьи-Екатерины Осиповне. Жена Евангелическо-Лютеранского исповедания. В Черниговской губернии, Мглинском уезде состоит за отцом его родовое имение 260 десятин земли. За женой земли в Самарской губернии Николаевского уезда, из Всемиловейше пожалованной в 1863 году 2776 десятин 1950 сажень.

г. Одесса, 7 декабря 1878 г.

Согласно телеграмме Представителя Высочайше утверждённой Особой Комиссии для расследования действий Полевого интендантства и Товарищества по продовольствию Действующей Армии в минувшую войну Генерал-адъютанта Б.Г. Глинки-Маврина вызван из Бухареста в г. Одессу для назначения делопроизводителем

лем 2 ноября 1878 г. Высочайше разрешено принять и носить пожалованный Его Королевским Высочеством Князем Карлом Румынским орденом Румынской Звезды 3-й степени за № 5934 от 6 апреля 1879 г. По высочайшему повелению зачислен кандидатом в Командиры бригад пехотных дивизий и губернские воинские начальники 3.08.1879 г. Отчислен от Особой комиссии с увольнением в 2-х месячный отпуск 14.09. 1879 г.

г. Одесса, 30.04.1880 г.

Дополнение к послужному списку полковника Лишина по сведениям Главного Штаба.

Прикомандирован к Управлению Самарского губернского Воинского начальника, впредь до назначения на должность Губернского воинского начальника или командира бригады в июне 1880 г.

Высочайшим приказом назначен Командиром 137 пехотного Нежинского Её Императорского Высочества Великой Княгини Марии Павловны полка 15.03.1881 г. В ноябре 1883 года уволен в запас. В отставке генерал-майор 1888 г. с мундиром и пенсионом.

В 1862 году назначен адъютантом Оренбургского и Самарского генерал-губернатора генерал-адъютанта А. П. Безака, хорошо знакомого с его дядей — К. И. Константиновым. Награждён орденами и медалями.

Обладая незаурядным умом, Иван Андреевич явился автором нескольких печатных работ и весьма полезных изобретений. В 1877 г. изобрёл военно-походную кухню, кормилицу русского солдата более 130 лет. Лично для Ивана Андреевича это изобретение не принесло никакой материальной пользы (хотя на Парижской всемирной выставке кухня эта получила серебряную медаль).

29 июля 1863 года женился на дочери генерала от кавалерии барона Осипа Осиповича Велио Эрминии (Гермине-СофьеЕкатери-не) Осиповне (1835–1916), которая владела землёй в Николаевском уезде Самарской губернии.

Приведём воспоминания Эрминии Осиповны Велио о своём муже Иване Андреевиче Лишине.

ВОСПОМИНАНИЯ БАРОНЕССЫ ЭРМИНИИ ОСИПОВНЫ ВЕЛИО (ЛИШИНОЙ)

В 1862 году к нам стал ходить Иван Андреевич Лишин. Его старший брат раньше ещё бывал у нас, даже в деревню приезжал к нам из лагеря. Но в 1862 году стрелки ушли в Варшаву. Иван Андреевич стал ходить к нам чаще и, когда я больше узнала его, то полюбила его всем сердцем. В марте 1863 года он просил моей руки, и первого апреля мы были обручены, а вскоре после того мой отец поручил ему ехать в Самару и принять участок земли, подаренный Государем моему отцу в день его 50-летнего юбилея. Исполнив это поручение отца, мой жених вернулся в Царское Село.

Весной в Царском Селе однажды мы с женихом шли по одной из аллей парка и встретили Государя Александра II, который милостиво поговорил с нами, спросил, когда свадьба, и что думаем предпринять потом. Мы объяснили Царю, что после свадьбы, когда мой муж сдаст свою должность адъютанта стрелковой школы, мы думаем ехать на службу в Оренбург.

29 июля 1863 года состоялась наша свадьба в деревне у моей матери.

Вот несколько строк Португалова об Иване Андреевиче; привожу их для характеристики моего мужа: («Волжский Вестник», 1892 г.)

«Он родился в 1835 году в Петербурге, в аристократической среде. Отец его, глубокой старости генерал-лейтенант, любимец в Бозе почившего Государя Николая I, до сих пор жив. У генерала Лишина теперь пять братьев, все, кажется, генералы, а шестой, Григорий Андреевич, известный композитор и музыкальный артист, умер молодым человеком, лет 35-ти от роду.

Мать генерала Лишина — дочь француженки, старинного княжеского рода. Вся семья весьма талантливые люди, — новое доказательство в пользу смешанных браков. Сам Иван Андреевич был и в жизни, и на деле неумолкаемый поэт. Но он не любил печатать своих стихотворений и скромно читал их самым близким друзьям. Осталось от него несколько вещиц, которые в печать не попадут, но куда же они лучше и выше многого того, что печатается, и нередко приводили нас в полный восторг меткостью сопоставлений и правдивостью мысли.

* * *

Прервём ход воспоминаний примером его поэтического таланта. Вот одно из глубоко патриотичных и трогательных стихотворений Ивана Андреевича Лишина:

* * *

Прошла та страшная гроза,
Что Севастополь разгромила,
Но скорби горькая слеза
Нас к новой жизни воскресила.
Пусть сердце русское болит
И надрывается от боли,
Пусть эта боль в нас возродит
Любовь к отчизне — к лучшей доле.
Что вспоминать ряд неудач
Среди побед, что грудью брали?
Что вспоминать, когда солдат
В Крыму, как липок, обдирали?
Прошла война, но жив укор,
Настало веянье другое,
Другой слышали мы хор,
И слово слышалось живое.
С кипучей силою в груди,
Шли люди в новый бой с недугом —
С родною ленью. Впереди
Шёл Русский Царь — народным другом.
Пусть слово честное — «Вперёд!»
Всегда роднится с честным делом;
Пусть делу учится народ,
И будет сила в слове смелом.
О, дай нам Бог, чтоб никогда
Враги врасплох нас не застали,
Чтоб люди мысли и труда
Нас к честным целям посылали.

* * *

В эпоху 60-х годов Иван Андреевич был уже вполне сформировавшийся человек. Окончив юнкерскую школу, он изучал оружейное дело в Англии, Франции, Германии. Для обсуждения этих вопросов приходил в близкое соприкосновение с высшими пред-

ставителями правительств и пользовался отличной репутацией в самых высших сферах».

Другой его биограф П. Алабин пишет следующее:

(Самара, 1892 г.)

«Помним И. А. Лишина пылким двадцатилетним юношей, прапорщиком Лейб-гвардии Егерского полка, вскоре после производства в офицеры, по выпуску из школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, что ныне Николаевское кавалерийское училище, прибывшем к нам под Севастополь в декабре 1855 года, в командировании Селингинскому пехотному полку. По Высочайшему повелению, в каждом гвардейском полку поручикам, подпоручикам и прапорщикам дан был жребий, по которому двое командировались в Крымскую армию для участия в военных действиях.

В Л.-гв. Егерском полку счастливые жребии эти достались двум братьям Лишиным. Во время нашей стоянки на Мекензиевой горе, по выходе из Севастополя, для занятия аванпостов против французов, на Чёрной речке, помню, с какой рьяностью он искал опасностей, с каким увлечением он нёс тяжкую и томительную аванпостную службу, в зимние непогоды, проводя бессонные ночи лицом к лицу с бдительным и предприимчивым врагом, и как он жаждал кровавой с ним встречи. Но желаниям Лишина не суждено было сбыться: бранная труба отгремела, и Иван Андреевич, украшенный орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», возвратился в свой полк и немедленно был откомандирован в сформированную тогда учебную гвардейскую стрелковую роту. С производством в 1857 году в подпоручики, Лишин перечислен в постоянный состав, тогда организованный под командой полковника П. С. Ванновского (бывшего впоследствии Военного Министра) офицерской школы, имевшей целью поднятие тогдашнего уровня военного образования и развития корпуса офицеров нашей армии. Живым доказательством, что Иван Андреевич в то уже время был личностью, выдающеюся из среды своих молодых товарищей по школе, сформированной из офицеров незаурядных, а образцовых, служит то, что он в 1859 году, с переводом в Л.-гв. Царскосельский стрелковый батальон, был утверждён в должности адъютанта школы, при таком строгом ценителе служебных качеств и достоинств офицера, каким всегда был командир школы полковник П. С. Ванновский.

Усердная служба Лишина, очевидно, была достойно оценена его начальством: в 1859 году он был произведён в поручики,

а в 1860 году в штабс-капитаны, а затем 17 апреля 1862 года Высочайшим приказом назначен адъютантом к генерал-адъютанту Безаку, по званию Оренбургского и Самарского генерал-губернатора, с зачислением майором по армейской кавалерии.

Александр Павлович Безак (1800–1869), соученик Пушкина по лицу, всю свою жизнь посвятил на военном поприще артиллерии. До назначения своего 8 октября 1860 году в Генерал-губернаторы Оренбургского и Самарского края, он участвовал в русско-турецкой войне, польской компании 1832 года. Его перу принадлежало много трудов по артиллерийскому делу. В крымскую войну Безак возглавлял Артиллерийский департамент, а по окончании войны командовал 5-м армейским корпусом. В 1858 году он был произведён в генералы от кавалерии.

Вот так можно описать генерал-губернатора, когда мы с ним встретились по прибытии в Оренбург:

«А.П. Безак был небольшого роста человек, в парике, весь накрашенный, наружность имел суровую, говорил всегда серьёзно и отрывисто. Он производил впечатление неблагоприятное, но, вступив в должность, тотчас начал вникать во все отрасли управления, читать дела и знакомиться со всяким разумным человеком, не обращая на чины и звания. Сразу чувствовалась во всех делах рука дельного администратора и умного человека. Всегда суровый на вид, с чёрствыми, даже отталкивающими манерами, казавшийся холодным, этот труженик был благодушен, внимателен к нуждам подчинённых и искренне готов каждому помочь и делать добро. Он был примерный семьянин, гостеприимный хозяин и по правде весьма симпатичен.

Первым поручением, возложенным на Лишина генералом Безаком, воспользовавшимся его специальным стрелковым образованием, было подготовить из порученной ему сотни казаков хороших стрелков, для чего ему предоставлено было выбрать из местного арсенала 100 нарезных винтовок, хранившихся там со времён Перовского, так как войска того времени были вооружены гладкоствольными ружьями. С обычной своей энергией Лишин, принявшись за поручение, ему данное, стал ежедневно заниматься со своей сотней теоретически и практически. Сведя всю стрелковую практику к стрельбе с неотмеренных расстояний, и через два месяца представил эту сотню генералу Безаку, вполне обученную, в блистательном виде, после чего она была отправлена в степь, где

прославилась в борьбе с кокандцами, под командой есаула Серова.

Один из эпизодов боевых действий после взятия Туркестана получает известность как Иканское дело. 4 декабря 1864 года комендант Туркестана полковник Жемчужников выслал на разведку сотню уральских казаков, обученную Лишиным, под командованием есаула Серова, усиленную одной пушкой. Возле кишлака Икан сотня неожиданно наткнулась на главные силы кокандской армии, возглавляемые регентом Кокандского Ханства муллою Алимкулом, направлявшимся брать Туркестан. Казаки были окружены и в течение двух дней (4 и 5 декабря) без пищи и воды держали круговую оборону, прикрываясь телами убитых лошадей. На исходе второго дня есаул дал команду сотне пробиваться самостоятельно, казаки выстроились в каре и с боем пробились через кокандское войско навстречу с высланным из Туркестана отрядом и вернулись в крепость.

Вторым поручением, возложенным на Лишина в Оренбургском крае, было назначение 13 сентября 1863 года Управляющим Уральским отделением башкирского народа. Но страсть к строевой службе ещё не угасла в Иване Андреевиче, его влекло во фронт (хотя он уже был женат), и вот 14 мая 1864 года он был назначен командиром 68 резервного батальона, квартировавшего в Самаре, и 22 февраля 1866 года был за отличие произведён в подполковники».

Я остановилась на том, как мы ответили Александру II, что после свадьбы едем в Оренбург, куда мой муж был назначен адъютантом генерал-губернатора Александра Павловича Безака.

В то время (в 1863 г.) железной дороги ещё не было, и мы приобрели дорожный дормез, в котором из Самары поехали в Оренбург; путешествие было неприятным. На станциях было грязно и угарно, так что мой муж один раз вынужден был выбить стёкла из окна, чтобы не угореть от тлеющих кизяков. Нас везли шестериком и то в одном месте чуть не свалили под кручу, так как лошади не взяли дружно в гору, и дормез покатился назад. Наконец, добрались до Оренбурга и остановились в гостинице.

Про Оренбург того времени сложил четверостишие Аполлон Григорьев:

*Скучный город скучной степи,
Самовласть гнусный стан,
У ворот острог да цепи,
А внутри — иль хам, иль хан.*

И, действительно, в 1863 году этот город был скучен донельзя. В нашем обществе было всего два или три симпатичных человека.

Были там: генерал Богуславский, с которым мы очень подружились, адъютант Безака — Вульфферт, тот самый, который был у Черняева в 1876 году; некто Распопов, очень умный и интересный; генерал Танненберг, который всегда начинал свою беседу словами: «какая скука!»

По воскресеньям бывали обеды у Генерал-губернатора, но тоже скучные; после обеда к нему в кабинет приносили бутылки с остатками вин, и он, при себе, заставлял лакеев сливать белое к белому, красное к красному, и это называлось вино «сливанское». Бывали и балы, но редко, так как ужин заказывали на определённое число гостей. Рассказывали нам, что при Перовском была другая крайность: царила роскошь, и он выписывал наряды из Парижа и рассылал их своим знакомым дамам по квартирам в подарок.

Весной отправили из Оренбурга стрелков на верблюдах в Ташкент, и я с любопытством смотрела на это; по два стрелка помещались на каждом верблюде, и тут же помещался их багаж.

Ивану Андреевичу так надоел Оренбург, что он перевёлся в Уральск к Виктору Дезидерьевичу Дандевиллю. Француз-казак В. Д. Дандевиль с восемнадцати лет служил в войсковой конной артиллерии, отличился в походах на Арал и Каспий. В 1862 году полковник Дандевиль был назначен на пост наказного атамана Уральского казачьего войска и четыре года атаманствовал в Уральске. Впоследствии он стал генерал от инфантерии и командир армейского корпуса. Как и его предки-крестоносцы, он четверть века провёл в войнах против мусульман в Киргизской степи, Туркестане, Сербии и Болгарии. Что за прелестный город Уральск! Нас пригласили Дандевиллю на свою дачу; катались мы с ними на катере по Уралу и любовались ловкостью парней: с катера кидали им монету, и они, бросаясь с крутого берега в воду, ловили её в воде ртом.

В то время существовали так называемые Башкирские кантоны, и вот мужа назначили управлять таким кантоном, то есть несколькими башкирскими селениями. Мы из Уральска перебрались в кантон Камеликский, в 30 верстах от того участка земли в Самарской губернии, который отец мой получил в дар за 50 лет службы, и который он подарил мне в виде приданного. Не успели мы там вполне обжиться, как получили телеграмму Военного Министра Д. А. Милютина, чтобы муж ехал принимать вновь формирую-

щийся резервный батальон в Балашове, и сообщил в телеграмме, что батальон этот будет стоять в Самаре.

Я осталась одна в Кантоне, и на мне лежала ответственность за все дела: казённые деньги и книги. Было два писаря и урядник по фамилии Ильчебеков, один из писарей назывался Лагашкин, другого не помню. Они приходили ко мне с докладами, и если нужны были деньги, я выдавала и вносила в книгу. Через месяц приехал муж и сдал всё Железнову, который остался доволен моим заведением.

В Самаре мужу моему пришла мысль устроить сад около биржи, и он со своими солдатами на барже возил деревья из городского леса и посадил здесь сад, который носит название Александровского. Раньше это был пустырь, где бродили козы и коровы, а теперь через 40 лет это прекрасный, тенистый сад. В Самаре в те годы часто бывали пожары, и солдаты резервного батальона усердно помогали их тушить и ограждать имущество от расхищения. Вот что писал по этому поводу П. Алабин: «Пятилетняя стоянка И. А. Лишина с вверенным ему батальоном в городе Самаре навсегда сохранит память о нём между его гражданами. Дело в том, что в то время в Самаре не было ещё противопожарного водопровода, не было каменных зданий, как теперь, и город подвергался частым пожарам, почти каждый из которых грозил сделаться опустошительным. Если бы не Иван Андреевич с его молодецким, отлично дисциплинированным батальоном, с которым он являлся на каждый пожар, чтобы побороть его силою энергии своей и своих людей. Несомненно, И. А. Лишин (слова мои подтвердят многие Самарские старожилы) не малому числу самарцев сохранил со своим батальоном не только достояние, но, может быть, и саму жизнь. Но и не собственно в тревожные моменты жизни города Самары Иван Андреевич являлся к нему на помощь; нет, он думал и заботился и о его обыденных жизненных интересах.

Памятником этих забот является ныне и останется навсегда называемый благодарными самарцами «Лишин сквер» (потом переименованный в Александровский сад). Он с большим трудом разведён и возвращён Иваном Андреевичем и его батальоном на бывшей театральной площади. Этот кусок земли, причинивший в гигиеническом отношении много вреда городу, ныне представляет собой отрядный уголок для окрестных жителей, в знойные дни

Самарского лета, не перестающих поминать добром Ивана Андреевича, как насадителя этого сада.

Вот что писали по поводу этого сквера в 1877 году в своём отзыве «Двадцатипятилетие Самары, как губернского города»: Сад на театральной площади взялся развести в Английском вкусе С. С. Лошкарёв. В 1854 году он на этой площади насадил 200 лип и 1100 других пород деревьев, а местный помещик Д. Е. Обухов сделал вокруг этого сада изгородь на свой счёт. Но сад этот не удавался. Деревья хилели и сохли на несоответствующей им почве; скот со всех сторон забирался в сад и губил растения; надлежащего присмотра за этим садом не было, и он готов был совершенно погибнуть, когда на него обратил внимание страстный любитель растительности полковник И. А. Лишин...

Добавим подробностей из других источников.

Были привезены чернозём, удобрение и вновь посажены 1052 саженца сосны, клёна и осины. Солдаты вырыли под каждое дерево весьма значительные ямы, чтобы было, где раскинуться его корням. Сделаны круговые аллеи, в центре разбита небольшая клумба, повсюду расставлены скамейки. Вьющиеся растения оплетали деревянные трельяжи, разбросанные по всему скверу. В юго-восточной части сада располагался английский цветник с плоскими клумбами и деревьями в центре. Сад обнесли деревянной решёткой на каменных столбах. Лишин строго смотрел за садом, который разросся в два-три года до того, что сделался любимым местом игр для детей и гулянья для взрослых. С 1870 года садик стали называть «Лишин сквер». Он располагался между Вознесенской и Казанской улицами.

Батальон состоял в районе Казани, и начальство оттуда часто наезжало, и вот расскажу случай, который был с моим мужем во время одного смотра генерала Семякина. Семякин не любил грамотных солдат и вообще держался старой системы: «скуловорот и зуботычин». Вот как описывает этот смотр один из очевидцев.

В архиве РГАЛИ остались воспоминания сына Вениамина Осиповича Португалова, Осипа Вениаминовича, датированные 1934 годом. В числе замечательных людей, которых он знал в своей жизни, в части третьей, значится Лишин Иван Андреевич.

«Полковник Генерального Штаба, Лишин Иван Андреевич, командовал в шестидесятых годах прошлого столетия войсками

резервного батальона в Самаре и старался не только о военной выправке своих молодых солдат, но и посвящал их в произведения русской литературы и, поэтому редкий солдат его был незнаком с произведениями Пушкина, Гоголя и Некрасова. Слава о таком гуманном командире не могла не дойти до сведения его ближайшего начальства: Командующего Войсками Казанского военного округа, и была назначена ревизия. Приехал генерал-адъютант Семякин и объявил, что он произведёт смотр войскам, по Высочайшему повелению; полковник Лишин вывел на Алексеевскую площадь свой батальон и по-военному парадировал перед Семякиным.

«Скажите полковник, они (т. е. солдаты) у Вас все грамотны?»

«По мере трудов и сил я старался дать умственную пищу солдату», — ответил Лишин. Тогда генерал Семякин, подошедши к первому строю солдат и схватив рукой в белой перчатке молодого солдатику за щеку, спросил его: «Ты грамотен?» — «Так точно Ваше Высокопревосходительство, я не только грамотен, но вчера прочёл «Шинель» Гоголя». — «Вы слышите, полковник, в самом тоне слышна заносчивость!» — и с этими словами генерал Семякин приблизился к солдатику и замахнулся, чтобы ударить его по щеке, но Лишин, быстро встав между солдатиком и генералом, зычно воскликнул: «Я не позволю бить моих солдат, — а затем, повернувшись к батальону, скомандовал: «Батальон, слушай! С нынешнего дня я Вам больше не начальник, ружья вольно! Ма-арш с площади домой, пой песни!»

Батальон, повернувшись налево кругом, зашагал с площади по направлению к казармам и запел: «Чернобровая моя, да черноглазая моя», а генерал Семякин позеленел от злости и остался один на площади.

Губернский Воинский начальник генерал-майор фон Рима, догнав Лишина, сказал: «Лишин — ты прав», — но Лишин его не слушал. Дело получило огласку, и Лишину грозило предание суду, но военным министром был тогда генерал Милютин, получив письмо от отца Лишина (Андрея Фёдоровича), тоже генерал-лейтенанта, с подробным изложением дела, ограничился распоряжением перевести Лишина в Ярославль командиром Нежинского полка, а генерал Семякин скоро вышел в отставку.

Это происшествие я слышал от своего отца и ещё не знал, так ли было дело, но зайдя как-то днём в гостиницу, где остановился Иван Андреевич, чтобы позвать его к нам обедать, я неожиданно

был поражён разговором Лишина с каким-то мужичком: «Так это ты Махонин? — сказал Лишин. — Ведь ты был мой любимец». — «Так точно, Ваше превосходительство (Лишин был тогда уже в отставке — генерал), помню я, как Вы тогда на площади за солдатика заступились». После этого ни малейшего сомнения в приписываемом ему самоотвержением по тому времени подвиге. Лишин взял экземпляр какой-то печатной брошюры, кажется, по фортификации и вложил в эту книжку одну-рублёвую бумажку, подал её Махонину, последний поблагодарил и ушёл. Минут через десять он вернулся и заявил Лишину о том, что в книжке вложены деньги, но Лишин успокоил его, объяснив, что этот рубль он подарил ему на память! «С таким народом я Константинополь бы взял», — закончил Лишин».

Заметим, кстати, что в конце послужного списка И. А. Лишина есть подтверждающая безупречность полковника запись: «В штрафах и по суду не был. В службе полковника Лишина И. А. не было обстоятельств, лишающих его права на получение знака отличия беспорочной службы или отдаляющих срок выслуги в этом»...

В 1869 году муж мой был произведён за отличие в полковники, 17 октября 1870 года зачислен по армейской пехоте, с прикомандированием к главному штабу, для занятий в комиссиях, учреждённых для обсуждения вопросов, относящихся к благоустройству и улучшению быта войск и военных управлений. Причём назначен был председателем в комиссии, образованной для ревизии Оренбургской, Екатеринбургской и Омской военно-исправительных рот, Тобольского и Усть-Каменогорского арестантских отделений. По исполнении этого поручения, продолжавшегося 6 месяцев, высочайшим приказом 7 ноября 1872 года назначен командиром Бобруйского крепостного полка, и вскоре 4 июля 1873 года назначен командиром 88 пехотного Петровского полка, которым и командовал до 29 сентября 1876 года, и мы покинули Самару. Батальон проводил нас со слезами.

Все последующие года, где бы мы ни были, я каждую весну приезжала в свою степь на время уборки и продажи пшеницы.

Зиму мы провели в Петербурге, в новом собственном четырёхэтажном доме Анны Ивановны Лишиной (жены брата мужа Александра), Демидов переулоч, 5. Я познакомилась с полковником

фон-дер-Ховеном, и мы сообща перевели с английского брошюру о защите детей от жестокого обращения, и тогда по инициативе Ховена и Философовой было основано это общество в Петербурге.

Припомнился мне ещё один эпизод из жизни Ивана Андреевича. Не помню только, в каком году это было, но, кажется, в 70-х, когда был назначен презусом комиссии для осмотра тюрем в Сибири. В одной из них он нашёл большие злоупотребления и, хотя заведующий той тюрьмой фон-Клуген был старше чином, Иван Андреевич дал телеграмму Военному Министру Милютину, и фон-Клуген был устранён и предан суду за злоупотребления. Кроме моего мужа в этой комиссии участвовали Лобко и Васильев, а сопровождал их брат моей прислуги чухонец Иоанн. В одной тюрьме показали моему мужу камеру, в которой сидел когда-то Достоевский, но где именно это было, не помню. В другой тюрьме его в одну камеру не хотели пускать, говоря, что там сидит человек опасный, озлобленный и буйный. «Кто же он?» — спросил Лишин. — «Это старовер Тюрин, он сидит за то, что при молебнах не обнажает голову». Надо предупредить, что староверы обижаются, когда их так называют, предпочитают — старообрядцы.

Иван Андреевич к нему вошёл и увидел пожилого арестанта с израненным лицом и с выражением злобы в глазах. Муж сел около него и стал участливо говорить с ним. Тогда он ему рассказал, что его каждую неделю мучают, он не даёт брить бороду, тогда ему кладут в рот палку и с помощью её бреют бороду. Кроме того, его уже много раз секли. Иван Андреевич, выходя от него, тотчас отправил телеграмму в Петербург и, получив ответ, пошёл к нему объявить, что больше его мучить не будут. Тюрин от радости заплакал.

Когда пришло время, уезжать из Усть-Каменогорска, арестанты просили разрешения отслужить напутственный молебен комиссии, и Тюрин не только снял шапку, но и простоял весь молебен на коленях около Ивана Андреевича и плакал. Рассказ этот, я помню, слышала от Ивана Андреевича.

Помню, что он восхищался лошадьми и быстрой ездой в Сибири. На станциях они садились раньше, чем запрягут лошадей в бричку, и когда запрягали пристяжных, их держали за уши, потом отскакивали от них, пускали, и тройка летела во весь дух от станции до станции.

Когда в 1873 году мужа назначили командиром Бобруйского крепостного полка, я осенью поехала к нему; жили мы в казарме,

что было весьма неприятно. Казармы были плохие и грязные. Иван Андреевич с трудом приводил их в порядок, но, слава Богу, скоро мужу дали другое назначение, а именно: командира 88 Петровского полка (стоянка в Грузино, на берегу Волхова). Там мы прожили 4 года, и я считаю это лучшими годами нашей жизни. Только одно обстоятельство омрачило там мою жизнь. Из Пруссии приехал изобретатель ружья новой системы, и муж мой, как специалист по стрелковой части, увлёкся этим ружьём и уговорил меня заложить свою землю, чтобы поддержать изобретателя и удержать его в России. Мы дали ему 13000 рублей, и деньги пропали. Изобретение не приняли, и Энгель умер в бедности в Москве на заводе Торнтон.

Наступил 1876 год. Иван Андреевич не мог оставаться равнодушным к охватившему всё население России великодушному порыву на помощь нашим братьям славянам. Он был деятельным членом Славянского Комитета. Петровский полк стоял тогда в Петербурге, и Комитет поручил пылкому и энергичному Ивану Андреевичу приём добровольцев. Желающих было так много, что ему приходилось проводить дни с утра и до поздней ночи среди этой толпы людей всевозможных общественных положений, настойчиво желающих отправиться на войну. Но и сам он стремился туда же. Комитет поручил ему собрать отряды добровольцев на австрийской границе, а также отряд из Донских казаков и доставить их к генералу Черняеву в Сербию. Муж взял двухмесячный заграничный отпуск, и мы простились с Петровцами. Я забыла сказать, что мы решили ехать вместе. Прощание было очень трогательным. Ивана Андреевича очень любили за его прямоту, справедливость и доброе сердце, несмотря на то, что он был горяч и вспыльчив. Прощаясь с офицерами полка, Иван Андреевич заключил свою речь такими словами: «20 лет тому назад один отец провожал меня в Севастополь, а теперь 30 братьев провожают меня в Сербию». Его подхватили и на руках внесли в вагон. Когда поезд тронулся, я стояла у окна, сжала его руку, и мы оба заплакали. Нам было и очень приятно от сознания, что мы исполняем долг наш по отношению к угнетённым братьям, и было жаль бросать, быть может, навсегда Петровский полк, к которому успели привыкнуть за 4 года.

В Москве к нам присоединились ещё добровольцы, а в Кишинёве мы пробыли 3 недели, пока собрался отряд из 200 человек старых казаков, которых муж мой обучал стрельбе, так как они уже успели забыть службу и стреляли очень плохо. В Сербии

эта сбродная и недисциплинированная команда стала мародёрствовать, и Иван Андреевич строго взыскивал с них, и вот однажды они взбунтовались и не хотели слушать распоряжений начальников. Иван Андреевич стал перед ними вплотную, расстегнул мундир, обнажил грудь, и сказал: «Стреляйте! Я один, а вас много, мародёрам больше подходит убивать беззащитного, чем сражаться с турками»... В это время к мужу подошли добровольцы Хельмский и Керстич, два богатыря, и стали по бокам с пистолетами в руках. Бунтовщики смирились.

В Кишинёве мы сняли фотографию с этого отряда: на балконе стоит Иван Андреевич, хорунжий, я и один старший казак. Взглянув на эту фотографию, будет ясно, с кем приходилось иметь дело. Но всё-таки поручение Комитета было выполнено с успехом. В Сербии мужу пришлось участвовать в военных действиях недолго. В это время уже разразился Дюнишский погром. В Парачине муж устроил Черняеву почётный караул, о чём было напечатано Немировичем-Данченко в «Новом Времени» и сильно разгневало одно очень высокопоставленное лицо. Был отдан приказ ожидать возвращения Ивана Андреевича, и в случае просрочки, хотя бы одного дня, передать Петровский полк другому командиру. Из Унген я была отправлена в Петербург обратно с бумагами в Славянский Комитет.

8 ноября срок отпуска истёк, и муж мой приехал в Чудово, и в тот же вечер в Грузине отдал приказ о вступлении в командование.

В сентябре 1878 года Иван Андреевич сдал Петровский полк, будучи назначен состоять по Армейской пехоте, и отправился в действующую армию, но на войну ему не удалось попасть. В Бухаресте, по желанию командующего войсками генерал-лейтенанта Дрентельна, он был назначен правителем канцелярии его штаба, а по окончании войны был назначен делопроизводителем знаменитой своими разоблачениями комиссии генерал-адъютанта Глинки-Маврина, образованной для ревизии Полевого Интендантства и деятельности Когана, Горвица и Варшавского по продовольствию армии. Когда комиссия была закрыта, по высочайшему повелению, он был назначен в другую комиссию — по исследованию злоупотреблений по найму подвод и отбыванию службы вольнонаёмными транспортами («погонцы»). Затем высочайшим приказом 15 марта 1887 года Иван Андреевич был назначен командиром 137 Нежинского Е. И. В. В. К. Марии Павловны полка. Это была последняя его служба на военном поприще.

Обладая незаурядным умом, Иван Андреевич Лишин был изобретательным человеком. Он потратил довольно значительные денежные средства на осуществление и распространение своего изобретения, особого рода переносных, чешуйчатых, деревянных, на железных складных остовах, шатров для походных лазаретов. Ещё большие понёс издержки Лишин в это время на осуществление своей идеи об устройстве походной кухни. В 1877 году Иван Андреевич Лишин изобрёл эту военно-походную кухню, кормилицу русского солдата более 130 лет. Цель этого изобретения — своевременное доставлять горячую пищу солдату, готовить её на походе, во время самого движения, с тем, чтобы пища могла быть раздаваема солдатам тотчас по остановке, хотя бы для привала только, если бы этого потребовали обстоятельства. Такая кухня с успехом неоднократно была применена на практике в последнюю войну. На Парижской всемирной выставке кухня эта получила серебряную медаль.

* * *

Эрминия Осиповна в своих воспоминаниях написала об этих «военно-походных кухнях, изобретённых моим мужем в 1877 году» («Русский инвалид», № 134, 1879 г.).

В брошюре, напечатанной в 1890 году (второе издание) и носящей вместо эпиграфа слова Наполеона: «Для того чтобы командовать армией, нужно начинать с её брюха», он говорит приблизительно следующее: «Пора перейти к делу, теория и практика доказала необходимость этих кухонь в строевых частях и на пунктах сосредоточения больных и раненых». Отзывы начальников, в распоряжении которых были эти кухни, свидетельствуют о важности и существенной пользе, которую они приносят войскам; но нередко весьма полезные изобретения остаются без применения на практике. Далее следует предположение о введении корпусного дивизионного резерва кухонь, а затем следует несколько интересных примеров, которые я приведу полностью. Относительно госпитальных учреждений точно также окажется более удобной система «депо кухонь», подобно предполагаемой системе «резерва кухонь» в полевых войсках.

«Главные эвакуационные пункты по большей части располагаются по линии железных дорог и должны быть снабжены кухнями. По мере надобности кухни могут быть отправляемы с организован-

ной при них прислугой по железной дороге, с поездами большой скорости в места особого скопления больных, и, в случае надобности, могут сопровождать транспорты больных по обыкновенному пути или железной дороге, а минуя надобность, немедленно возвращаться в депо.

То же и на путях водяных, причём никаких особых приспособлений и расходов не потребуется: кухня с повозкой накатывается на платформу или баржу, и закрепляются только колёса повозки.

После штурма Плевны 30 августа с 7 сентября началось скопление раненых в Фратешти, конечном пункте единственной железнодорожной коммуникационной линии нашей действующей армии. Несмотря на самую усиленную деятельность эвакуационных комиссий «Красного Креста» на формирование значительного числа экстренных санитарных поездов, с 10 по 17 сентября во Фратешти находилось не менее 8000 человек раненых. Своими средствами находившиеся там пять военных временных госпиталей не могли удовлетворить потребности питания такой массы больных и раненых, и медицинское начальство должно было обратиться к помощи стоявших по близости Старооскольского и Путиловского пехотных и Изюмского гусарского полков. Несмотря на то, что части эти прислали своих кашеваров и часть котлов, накормить всю массу больных оказалось невозможным по недостатку способов для приготовления пищи на такое число раненых. Если бы в то время в распоряжении центрального медицинского начальства тыла армии было несколько военно-походных кухонь, они устранили бы то критическое положение.

«Мне лично, — пишет Лишин, — по приказанию Начальника Штаба тыла армии, пришлось отправиться со мною изобретённой кухней и с пищей, приготовленной в ней на ходу, разыскивать близ Бухареста резервный батальон, занесённый на бивуаке снегом. Я застал уже несколько солдат замёрзшими. Кухня в течение всей ночи под вьюгой, не давшей развести бивуачных огней, снабжала озябших пищей и чаем. Предвидеть и перечислить разнообразные случаи пользы кухни нельзя, остаётся заметить только, что при широком снабжении кухнями тыловых учреждений устранятся многие неудобства, ощущаемые ныне. Явится возможность при всех случаях довольствовать войска горячей пищей, что всегда окажет благоприятное влияние на людей, как в санитарном, так и в нравственном отношении, и сторицей окупит те затраты, которые необходимы для заведения военно-походных кухонь».

В своё время имелись фотографии этих походных кухонь. Интересно заметить, что окончательное введение военно-походных кухонь в войсках состоялось лишь в последнее время. Около 20 лет понадобилось на то, чтобы ввести в войсках это полезнейшее и необходимое изобретение!

Генерал Алабин в некрологе о Лишине в 1892 году говорил следующее:

«Его натура была не такова, чтобы он мог ограничиться выполнением только одних лежавших на нём официальных служебных обязанностей; нет. Жажда деятельности на пользу общую была у него так велика, что он посвящал труду в этом направлении всё своё время».

Земский интерес Ивана Андреевича Лишина

Теперь нужно описать второй период его деятельности, начало которой было положено ещё в бытность нашу в Самаре. А чтобы не заслужить упрёка в восхвалении моего покойного мужа, хочу обратиться опять к биографии его описанной Петром Владимировичем Алабиным. Я думаю, что читатели не посетуют на меня за это; книжка Алабина уже давно стала библиографической редкостью из-за малого количества экземпляров.

«Неустанный труд, удивительная энергия Ивана Андреевича были не бесследны. В последние годы он имел утешение видеть благоприятные результаты своих мероприятий в усвоении многих из его хозяйственных приёмов местным окрестным населением.

В убеждении, что сельскохозяйственные успехи народа во многом зависят от степени его развития, Иван Андреевич, будучи уездным гласным и членом училищного совета, всеми силами старался способствовать этому развитию не только устройством сельских школ, их надлежащей постановкой и разумным в них преподаванием, но и литературным трудом. Кроме ряда статей в различных периодических изданиях, посвящённых Лишиным вопросу народного образования, он издал несколько брошюр, относящихся к этому предмету, из которых выделяются: «Сельский грамотей» (посвящённая Николаевскому Земству) в 1880 году; «К вопросу о низших сельскохозяйственных школах» в 1884 году.

Одновременно с изданием этой последней брошюры поднят был вопрос в земских собраниях о необходимости устройства ряда образцовых сельскохозяйственных школ в губернии, с участком

земли при каждой, для практических занятий. Лишин настойчиво поддерживал эту мысль в земских собраниях, как в уездном, так и в губернском. Когда же представились, при осуществлении этой мысли, затруднения относительно способа приобретения для таких школ участков. Лишин немедленно предложил губернскому собранию от имени своей супруги в вечное владение 50 десятин лучшей пахотной земли её участка в Николаевском уезде, примыкающих к реке Сухой-Камелик, с двумя на этой земле десятинами трёхлетнего, им самим произведённого насаждения вяза и берёзы, представляющего собой в этой местности единственный оазис такого лесонасаждения.

Искренно, будучи предан истинным интересам народа, Иван Андреевич во введении земских учреждений увидел зорю его новой жизни и, ещё нося военный мундир, с увлечением стал следить за развитием и деятельностью этих учреждений, готовя себя к таковой же в недалёком будущем. В это время он стоял в Самаре, командуя резервным батальоном и не пропуская ни одного из заседаний, открывшегося там первым из губернских городов Империи, губернского земского собрания под председательством столь известного Ю. Ф. Самарина, дал в местных «Губернских Ведомостях» подробнейший отчёт об этих заседаниях (1865–1866 гг.) и впоследствии под псевдонимом «Негласного» напечатал отдельную по этому предмету книгу под заглавием «Земское дело», «Опыт отчёта о занятиях Самарского губернского земского собрания», ныне составляющую библиографическую редкость. Но земская деятельность И. А. Лишина вполне развилась только по оставлении им в 1883 году действительной военной службы, когда он принял звание гласного Николаевского уезда, а потом губернского и занял должность Члена от Правительства в Николаевском уездном по крестьянским делам Присутствии. Тут он весь отдался земской службе и попечению о народном благоустройстве, а с тем вместе стал много писать в местных и других периодических изданиях статей, как относящихся специально до Николаевского уезда, так и представляющих общий земский интерес, и издавать по таковым же вопросам отдельные брошюры. Из них замечательны: «Проект положения о юго-восточной хлебопромышленной и сельскохозяйственной выставке в Самаре в 1890 году», «К сведению сельских обществ степной полосы Самарской губернии», «Охранительные меры против неурожаев и упадка сельских производительных сил

степной полосы Самарской губернии», «О земском зерновом кредите», «Заметки комиссии по обводнению и облесению степной полосы». Издания эти служили к более широкому выяснению обществу проектов, вносящихся Лишиным в земские собрания, из которых некоторые, как например: «Зерновой кредит», принят губернским собранием, уже практикуется несколько лет и ждёт только благоприятных для его развития годов, чтобы принести плоды, несомненно, благотворные.

Земскую деятельность свою Иван Андреевич, уже борющийся с недугом, сведшим его в могилу, завершил служением пострадавшему от неурожая окрестному с его местожительством населению. Уделяя бедствующим от своих скромных средств, устраивая на деньги губернского попечительства Красного Креста бесплатные столовые для самых неимущих, Иван Андреевич в то же время деятельно привлекал к пострадавшим щедрые жертвы благотворителей, в том числе отца своего и родных братьев, умело направляя эту помощь в таких формах, чтобы она не развращала население, приучая к даровым подачкам, а являлась справедливым вознаграждением его трудового заработка. Преследуя эту мысль, Иван Андреевич в больших размерах организовал раздачу женскому населению своей округи приобретаемых на жертвуемые деньги льняной кудели и пеньки, с тем, чтобы за выработанную из этого материала ткань выплачивать работающим условленную сумму, а мужскому населению раздавая на таких же условиях лыко для выделки лаптей. Словом, натура покойного Ивана Андреевича была такова, что он, поэт в душе, с увлечением относился к каждому делу, с которым были связаны живые интересы человечества, а потому и земским делом, и помощью пострадавшему народу он занимался с такой же страстностью, с какой предавался было военному делу, с первых моментов своей общественной жизни».

Теперь расскажу эпизод, роковым образом повлиявший на всю дальнейшую службу моего мужа. В это время он был неременным членом крестьянского присутствия Николаевского уезда.

В одном селе крестьяне решили проверить своего старшину. Выбрали для этого одного отставного солдата, по фамилии Полковников. Учёт показал, что старшина совершил растрату, но дело было замято, благодаря очень сильному покровителю старшины, а Полковникова предали волостному суду за клевету; суд постановил высечь Полковникова, несмотря на то, что он был Георги-

евский кавалер. Крестьянское присутствие утвердило этот приговор, несмотря на особое мнение, поданное Иваном Андреевичем, принципиальным противником телесного наказания. Полковников перенёс дело в следующую инстанцию. Губернское присутствие отменило приговор волостного суда, указав на неподсудность. Но председатель уездного присутствия господин Акимов — влиятельный и очень богатый человек обиделся, не признал вмешательства Губернатора, и Присутствие уведомило волостной суд, что оно остаётся при своём прежнем мнении. Полковникова высекли. Он подал жалобу Губернатору, а Губернатор передал дело в Сенат, который и предписал предать всё Николаевское Присутствие суду Самарской Судебной Палаты. Дело это до назначения тянулось очень долго, и суд состоялся только в 1891 году, но обо всём этом я расскажу после...

В 1889 году мы поехали с ним в Петербург и, узнав, что моя бывшая подруга детства Маша Обрадович замужем за бароном Таубе, мы сделали им визит. Этот самый барон Таубе был когда-то начальником Школы гвардейских подпрапорщиков, где мой муж был в числе юнкеров в его время. Этот визит имел неожиданное последствие. Барон Таубе был уже назначен Генерал-губернатором Омским и только проездом в Омск находился в Петербурге.

В один прекрасный день на хуторе мы получили письмо и телеграмму. Иван Андреевич — от барона Таубе, а я — от его жены. Барон предложил мужу хлопотать о том, чтобы его приняли вновь на действительную службу по Военному Министерству, и предложил ему место губернатора в Семипалатинске, вместе с тем командующим там войсками. Муж очень охотно принял это предложение и начал по картам и книгам изучать этот край. Но тут-то и пал на него неожиданный удар. Господин Акимов прочёл в Николаевске телеграмму барона Таубе к моему мужу и, поехав в Петербург, заявил в Сенате, что всё присутствие Николаевское подлежит каре и поэтому назначение полковника Лишина состояться не может. Таким образом, Иван Андреевич вторично стал жертвой интриги. Барон Таубе получил из Петербурга отказ на свою просьбу, и, несмотря на то, что уже все власти дали своё согласие и Министр прекрасно аттестовал Ивана Андреевича, назначение не состоялось. Когда муж получил опять телеграмму от Таубе, что назначение состояться не может, он схватился за голову, повторяя: «Какой удар,

какой удар! Как много я мог бы сделать хорошего для народа на этом посту?»

Он поехал в Петербург, хотя здоровье его было уже плохое, но там братья его Константин и Александр, видя его крайне расстроенным и нервным, не пустили его в Сенат.

Господин Акимов нашёл себе защитника в лице некоего Ященко. К этому времени оказалось, что подписи исправника под приговором присутствия нет, она была вытравлена. Особого мнения моего мужа, из-за которого он и поссорился с Акимовым, тоже при деле не оказалось, оно было выкрадено или вырезано из дела. Дело приняло такой оборот, что невинный Иван Андреевич должен был отвечать наравне с действительными виновниками.

В это время в Самаре жил известный врач и публицист Вениамин Осипович Португалов. Вот как описывал он это дело в газетной статье:

«Прежде чем очутиться на скамье подсудимых, Иван Андреевич страшно страдал. Этот идеальнейший и честнейший земец на скамье подсудимых за такое позорное дело, за телесное наказание мужика!!! Нет, не за это, собственно говоря; это был смешной анахронизм. Их всех судили лишь за превышение власти. Палата постановила сделать им: «замечание». Только ... в Самаре местное общество отнеслось к этому совершенно равнодушно, и вся эта история объяснялась личными пререканиями между губернскими и уездными властями. Вышло совсем по хохляцкой поговорке: «Пан с паном дерётся, а у мужика лоб трещит». Тем не менее, явление было сугубо позорное. Положим, господину Акимову это не впервой, но генерала Лишина это событие потрясло до глубины души, перевернуло его, измучило нравственными пытками. Несмотря на все эти невзгоды, Иван Андреевич не бросал своего увлечения земскими делами.

Всякое народное бедствие, все голодовки, постигавшие Самарское Поволжье, встречали в нём самого энергичного деятеля. В 1881 году мы видели его разъезжающим по сёлам и раздающим хлеб, купленный на счёт сумм, собранных газетными подписками. И в прошлом 1891 году он вместе с женой устраивал всюду столовые и кормил нуждающихся, проявляя необычайную деятельность и энергию. Земское сельское хозяйство видело в нём постоянного поборника разных агрономических предприятий: орошений, обводнений, облесений и т.д. Но здоровье его было надломлено: со

дня восседания на скамье подсудимых он стал хиреть и кашлять и впал в чахотку».

Возмутительная история с выданным без всяких разговоров Георгиевским кавалером довольно подробно и верно описана Евгением Чириковым в его книге «Тихий омут» в главе «Престиж власти».

В сентябре 1892 года Ивану Андреевичу стало очень плохо, и мы решили поехать в Самару, чтобы быть поближе к медицинской помощи. Лечащим врачом был друг Ивана Андреевича врач Португалов. В день отъезда с хутора Иван Андреевич со слезами молился перед иконой и прощался с прислугой и служащими. Он как бы предчувствовал, что не вернётся в свой излюбленный уголок, к деятельности на хуторе, в которую он вкладывал всю душу в продолжение 29 лет. Уезжая, он успел отдать приказания о сооружении валиков и плотин для задержания вешней воды и другие распоряжения, и просил меня и служащих поддерживать все его опыты и начинания на хуторе.

Мне оставалось идти намеченным путём и дорожить каждым посаженным им деревом и поддерживать каждую канавку.

2 октября посетил в Самаре моего мужа генерал Жилинский и подарил ему свою брошюру об орошении со словами: «Мы Вас, Иван Андреевич, считаем инициатором орошения степной местности!» — У Ивана Андреевича полились слёзы из глаз, и он дрожащей рукой написал на этой брошюре: «2 октября 1892 года от генерала Жилинского — И. А. Лишину».

За несколько дней до смерти, в Самаре навещил его и старый друг генерал Алабин, и муж сказал ему: «Я спокоен, я в жизни никого не обидел, никого не обидел».

К Ивану Андреевичу можно применить слова Вейнберга о Шелли: «Много любившее, много страдавшее, многих утешавшее сердце». Оно перестало биться 7 октября в 5 часов утра. Он умер тихо, сжав на прощанье мою руку, как другу и товарищу. Идея преобладала в нём над телом, мысль ещё жила в нём, когда тело уже умирало! В одном из своих последних стихотворений он говорит:

Не будущность меня страшит с её прямым вопросом,

Ответ прямой: «землёю был и будь».

Страшна мне мысль: я дал ли жизни спросам,

Хоть что-нибудь, хоть что-нибудь?

Лучшим ответом на его сомнения служит история его жизни. Я вправе прибавить: Иван Андреевич мог отойти туда, говоря его же стихами:

*Где нет людских страстей, где нет людских тревог,
Где свет от века в век, — где истины чертог!*

Совершенно спокойно, что и совершилось в действительности — о смерти его можно сказать с поэтом:

*Ты умер... без шума,
Но с твёрдостью. Таинственная дума
Ещё блуждала на челе твоём,
Когда глаза закрылись вечным сном...*

9 октября 1892 года, на Самарском кладбище, подле монастыря, мы опустили в могилу тело Ивана Андреевича Лишина, скончавшегося на 58-м году своей жизни.

В биографическом очерке об И. А. Лишине его старый друг, генерал П. В. Алабин отмечает: «Военная семья и самарское земство понесло со смертью И. А. Лишина не малую утрату.

Самарское губернское земство утратило в И. А. Лишине, своём губернском гласном, одного из деятельнейших сочленов, со страстной любовью относившегося к делу народного образования, народного воспитания, к мероприятиям по улучшению экономического состояния народа, его быта, развития в нём сельскохозяйственных знаний...»

**ЛИШИНА ЭРМИНИЯ ОСИПОВНА
(БАРОНЕССА ВЕЛИО)
(1835–1917)**

«9 февраля 1900 г.

Я родилась в Нарве, где мой отец был комендантом, в 1835 г. Матушка моя Екатерина Ивановна Альбрехт (1795–1884), дочь полковника Лейб-гвардии Семёновского полка И. Л. Альбрехта. Помню наш дом большой, каменный, с огромными комнатами,

в которых раздавалось пение канареек, и носился запах гиацинтов — любимых цветов отца. Помню детскую, где я играла с девочками старше меня и моих лет, и где стоял большой низенький стол, а на нём сальные свечи в больших медных подсвечниках. Помню, что мы учились танцевать качучу и русскую под звуки скрипки у г-на Брейтига. Со мной учились Арпеховены и Машенька Обрадович, ныне Мария Ефимовна баронесса Таубе. Она очень грациозна и мила, и я ужасно любила её.

В 1846 г. отца сделали комендантом Царского Села, и пока устраивали нам квартиру в казённом доме, мы одну зиму прожили в Петербурге в доме моего дяди Карла Ивановича Альбрехта, в отдельном флигеле. В большом доме бывали балы, в огромной зале с зеркальными дверями, рядом был зимний сад. Меня, 11-летнюю девочку, пускали на хоры до 10-ти часов, пока съезжались гости. Кузины мои Альбрехт были взрослые барышни, а мачеха их Александра Александровна Альбрехт, рождённая Улицкая, была очень красивая и грациозная дама. Тут бывали и старики, которые играли в карты в особой отдельной половине дома. Дом этот теперь принадлежит князю Воронцову. Когда переехали в Царское Село, меня стали учить серьёзно; у меня была гувернантка француженка Mlle Gourdon, которая увлекалась уроками по мифологии и по французской грамматике. Отец мой, барон Иосиф (Осип) Иосифович Веллио (1795–1867), генерал от кавалерии с 1856 г., не жалел денег на моё обучение, и за это спасибо ему. Потом была другая гувернантка полька Анжелика Врангель, кажется 4 или 5 лет жила у нас, пока не вышла замуж за своего кузена. Я её не любила, она была несимпатична. Когда мне минуло 19 лет, меня матушка повезла представлять обеим Императрицам: Александре Фёдоровне и Марии Александровне. Это время было самое лучшее в моей жизни. Я любила танцевать, и когда получила шифр городской фрейлины, то имела право бывать на придворных балах и спектаклях и ездить верхом на казённой лошади с придворным берейтором. Выезжала я всегда с отцом в Царском Селе на маленькие и большие балы и по воскресеньям бывала на придворных спектаклях.

8 ноября бывали всегда балы в честь Лб.-Гв. Гусарского полка, праздник у которого был 6 ноября, но бал откладывался всегда на 8-е число. Дамы в этот день надевали туалеты цвета полка, то есть белые платья с украшениями из золота и ярко-красного бархата или атласа. Это было красиво и эффектно. Помню, раз на балу стоял

Александр III (тогда ещё Великий Князь) и только что я хотела опуститься на золочёный стульчик, как он затрещал, и Великий Князь засмеялся и подвинул мне другой массивный, штофный стул и сказал: «Вот этот посолидней будет».

Каждую весну и каждую осень Великие князья, в сопровождении Отто Борисовича Рихтера, делали визит моему отцу. Помню, в 1867 г. у нас жила семья моего старшего брата, только что умершего, и его маленький сын Николай был прелестный, толстый ребёнок. Великие князья спросили: «А где же маленький барон?» Я отвечала, что он только что проснулся и не одет. «Ташите его, как есть», — сказали они, и я принесла его в одной рубашке, розового от сна и прелестного.

Однажды я затеяла лотерею в пользу Лютеранской церкви, которая пришла в ветхость. Мысль эта была удачная, и Императрица Мария Александровна прислала прекрасные вещи для лотереи, а молодёжь, офицеры Кирасирского полка, мои танцоры на балах, устроили очень красиво столы для выигрышей и изящно украсили залу Запасного дворца, который мне для этого предоставили. Садовники прислали массу зелени и цветов из оранжерей, и вышло очень красиво. Это было в 1863 г., когда я уже была невестой. Но я забегая вперёд; надо вернуться к последовательному рассказу и вспомнить всё по порядку.

В Царском Селе стояли полки: Кирасирский, Л.-Гв. Гусарский, Стрелковый батальон, Образцовая конная батарея и сапёры. Кирасирами командовал граф Нирод. У него были дочери на возрасте, и по воскресеньям собиралась запросто молодёжь.

Однажды мы, все барышни, затеяли прогулки верхом на офицерских лошадях, и я предложила своим приятельницам обзавестись Кирасирскими офицерскими фуражками, что и было принято с восторгом. Мы отправились кавалькадой с некоторыми офицерами верхом в Павловск и выстроились все у пруда, по ту сторону его. Когда Государь Александр II, катаясь в большом шарабане, в котором сидели дамы, и сам правя, заметил нашу кавалькаду и подъехал к нам, мы все, выстроенные в ряд, взяли под козырёк. Он засмеялся и любезно с нами раскланялся. Сапёрами командовал г-н Кренке, и у него по субботам танцевали, и бывало очень весело.

Когда я бывала в Петербурге на выходах с отцом или в Дворянском собрании на балу, меня сопровождали два товарища моих братьев по лицу; оба тогда были камер-юнкерами, фамилии их

Рахманинов и Шидловский. Шидловский Илиодор Иванович жив и теперь; он Сенатор и Член Государственного Совета, я видела его в прошлом 1899 г. на панихиде по моему брату И. О. Велю, и мы узнали друг друга после 40 лет. Рахманинов умер в своём имении Тамбовской губернии ещё молодым человеком.

Когда скончалась в Царском Селе Императрица Александра Фёдоровна, то мы, городские фрейлины, дежурили у её гроба два раза в сутки: по два часа днём и два часа ночью. Первую панихиду служили ещё в спальне Государыни, и все дамы были в шёлковых платьях, не имея ещё форменного траура. Потом мы, фрейлины, надели чёрные, суконные платья с длинным шлейфом, который, однако, на ночное дежурство разрешалось не пристёгивать к платью. На голове был креповый убор с мысом на лбу и с длинным креповым вуалем. Шифр надевался, как всегда, на левое плечо. Мы стояли на ступенях у самого изголовья, на второй ступени стояли с каждой стороны по одному офицеру кавалергарду, в своей тяжёлой парадной форме. Сколько помню, они стояли только час, а затем сменялись, и то выстаивали они с трудом, и мы им тихонько показывали на своих часах время. На нижней ступеньке стояли камер-пажи. В глубине комнаты был диван, на котором сидели генерал-адъютант и ещё кто-то из придворных чинов. Мы стояли так неподвижно, что народ, который приходил днём поклониться праху Государыни, считал нас за кукол, а не за живых людей. Ночью, когда приходили бальзамировать тело Императрицы, нас уводили в соседнюю комнату.

Когда меня начали вывозить в свет, то родители мои обзавелись небольшой квартирой в Петербурге, и мы с матерью туда ездили на месяц или на два, когда в Царском Селе, с отъездом Двора, становилось скучно. В Петербурге я веселилась, хотя в театре бывала редко, но каждую неделю танцевала у Паткулей, в прекрасной зале Павловского полка, которым командовал генерал Паткуль. Затем каталась с гор. Мой брат Николай был одним из директоров так называемых «Наших гор», и там устраивалось вечернее и утреннее катание. Кроме того, у одних знакомых по четвергам собиралась молодёжь читать немецкие комедии и драмы, каждый читал свою роль.

Последние годы до моего замужества в Петербург зимой не ездили, а довольствовались скучными развлечениями Царского Села. По воскресеньям собирались у Гоголей, там не танцевали. На вокзале железной дороги устроился частный любительский театр,

и мы с отцом его усердно посещали. Кроме того устроился в Царском Селе военный клуб, где иногда бывало очень весело и оживлённо. У нас в доме никогда не было танцев. Собирались иногда вечером несколько человек, и кто-то из молодёжи читал. Прекрасно читал стрелковый офицер Полевой, одним из лучших его чтений было «Капитан Копейкин», Новомлинский — тоже стрелок, тоже читал свои стихи и Сырокомля. В 1861 г. в стрелковой школе устраивались солдатские спектакли, ставили преимущественно пьесы Погосского и устраивали литературные вечера, на которых мне довелось слышать Достоевского, Ф. Берга, Майкова, Полонского и других. Это было в то время, когда начальником Стрелковой школы был Андрей Николаевич Корф, а адъютантом школы Иван Андреевич Лишин (впоследствии мой муж). Он знал многих литераторов, писал и сам недурно стихи и был инициатором этих чтений.

Перейду к своей внутренней жизни. Жизнь в Царском Селе зимой была, несмотря на эти редкие развлечения, необыкновенно однообразна и монотонна, а я была человек живой и жаждущий жизни. Неудивительно, что я создавала себе романы. Были люди, которые, мне казались, были умны и симпатичны и, может быть, моё пылкое воображение окружало их незаслуженным ореолом, но были и такие, о которых я сохранила благодарную память навсегда...»

Из воспоминаний баронессы Э. О. Велио далее выбраны частные эпизоды из её жизни с Иваном Андреевичем Лишиным.

«К этому времени нашего пребывания в Самаре, — продолжает свои воспоминания Эрминия Осиповна, — относится и устройство хутора на моей земле Николаевского уезда. Государь Александр II раздал много участков заслуженным генералам, в том числе и моему отцу, за то, что во время декабрьского мятежа 1825 года на Сенатской площади он спас жизнь Императора Николая I, отразив сабельный удар декабриста Якубовича. Удар пришёлся по руке Велио в такой степени сильный, что отцу пришлось отнять руку. За это он получил в награду шесть тысяч десятин земли при селе Грачёвым Кусте и деревне Смородинке в Николаевском уезде.

После смерти моего отца, барона О. И. Велио, последовавшей в 1867 году, в «Санкт-Петербургских сенатских объявлениях по казённым правительственным и судебным делам», отдел II, № 24, 1871 г. от 25.03.1871 г. стр. 128 вышло объявление Самар-

Эрминия Осиповна Лишина (баронесса Велио)

ского старшего нотариуса, в котором значилось: в реестре крепостных дел по Николаевскому уезду отмечено о вводе во владение 22 декабря 1870 года жены полковника Эрминии Иосифовны Лишиной недвижимым имением, доставшимся ей от отца её, генерала от кавалерии барона Иосифа Иосифова Велио по дарственной записи, совершённой во 2-м Департаменте С.-Петербургской Гражданской Палаты 16 марта 1866 года и заключающимся в земле, состоящей в Самарской губернии, Николаевском уезде в количестве всего удобной и неудобной 4776 десятин 1950 саженьей. За исключением из них 2036 десятин, проданных крестьянам села Пестравки: Кижяеву, Дохлову и Буренкову по купчей, совершённой в Самарской Палате уголовного и гражданского суда 9 июня 1870; цена всему подаренному имуществу 35827 рублей 50 копеек.

Цель Царя была тогда та, чтобы в степи заводили культурное хозяйство, но, к сожалению, это далеко не всегда достигалось.

Муж мой хотел как можно лучше выполнить эту задачу, так как она вполне соответствовала его стремлениям вносить культуру во всё, с чем он соприкасался, и доказать, что можно завести в степи образцовое хозяйство. Но для этого нужны были деньги, и для начала пришлось продать 2000 десятин, и на вырученные деньги заводить скот, постройки и машины. Пока строили дом, мы жили в башкирской кибитке, а потом в лёгкой палатке, и при сильном ветре мы собственным весом удерживали её на месте, хватаясь руками за верхние перекладыны.

Насаживали сад, делали плотины, обсаживали их вёслами, впоследствии развели две десятины разнолесья. Хозяйство наше могло служить образцом в глухой степи, и в 90-х годах посетил меня там некто Постников, служащий в Министерстве Земледелия и отдал справедливость нашим трудам.

Конечно, мы занимались хозяйством не для удовольствия или собственного обогащения. Главной нашей целью было стремление показать населению все выгоды рационального хозяйства. Эту идею Иван Андреевич пропагандировал целым рядом опытов, не жалея ни труда, ни средств. Были заведены различные машины и доступные для населения орудия. Посевы производились улучшенными семенами; обводнение степной земли искусственными запрудами давало хорошие результаты, и явилась возможность разводить фруктовые сады и огороды. Энергичные труды моего мужа уже начали приносить известную пользу, но в это время пришлось опять вернуться к деятельности на другом поприще...

Припоминаю ещё один случай из нашей жизни на хуторе. Муж имел призовое ружьё за стрельбу и однажды показывал его приезжавшему на хутор молодому соседу по фамилии Педяш, управляющему господина Жеребцова. Это было во дворе, я стояла тут же. Вдруг раздался выстрел, блеснул огонь, и я почувствовала тёплое движение воздуха, охватившее моё лицо. Муж бросился ко мне со словами: «Ты жива?» А я даже не испугалась, так как в первый момент не поняла, в чём дело. Оказалось, что Педяш, не думая, что ружьё заряжено, спустил курок. Платок, бывший у меня на голове, оказался пробит пулей или дробью.

Конечно, это простая случайность, но, живя в степи, часто приходилось подвергаться различным опасностям. Один раз я чуть было не замёрзла во время поездки на лошадях в Самару, а другой раз чуть не утонула весной во время переправы через Волгу, но это

касается лично меня и поэтому не представляет особого интереса, цель моя дать по возможности более полное описание жизни моего незабвенного мужа. Я счастлива сознанием, что могла служить в продолжение всей его жизни помощницей и другом, разделявшим все его невзгоды и печали на жизненном пути...»

«После смерти Лишина в 1892 году в городе Самаре Эрминия Осиповна поселилась в Вольске, продав имение крестьянину Дохлову, она была причастна к переводной литературе, — вспоминал сын Вениамина Осиповича Португалова, Осип Вениаминович в 1934 году. — Она имела слабость поддавать под влияние окружающих её лиц, и так в один прекрасный день все её деньги в банках и дом в Вольске оказались в руках помощника землемера Панова и его жены. Было возбуждено уголовное дело о вовлечении Лишиной в явно не выгодные сделки с Пановым, дело было выиграно в октябре 1917 года (старого стиля) и Лишиной были возвращены дом и деньги. Но в декабре 1917 года она умерла в Вольске Саратовской губернии, ул. Амурская, д.41, 83 лет от роду. Подлинное дело моего производства, как Саратовского адвоката, приобретено Литературным Музеем в мае 1933 года, портрет Ивана Андреевича Лишина хранится в городе Самаре, у сестры моей Лидии Вениаминовны Португаловой, ул. Фрунзе, дом 130, кв. 4».

* * *

Баронесса Эрминия Осиповна Велио (Лишина) благородно и беззаветно посвятила замечательному человеку и патриоту князю Ивану Андреевичу Лишину всю свою жизнь.

ЛИШИН МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ

(1840–1919)

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ

Михаил Андреевич Лишин, сын Андрея Фёдоровича Лишина, родился 27 июля 1840 г. в Петербурге. По окончании Института инженеров путей сообщения был направлен в Одессу инженером-архитектором. В 1863 году командирован в экспедицию по изучению Килийского рукава реки Дунай, о котором впоследствии выпустил книгу в 1888 г. С 1865 г. поступил в распоряжение генерал-губернатора Херсонской губернии в чине членов корпуса инженеров путей сообщения, поручика, помощника действительного статского советника Михаила Константиновича Катакази. Занимался строительством коммерческого порта в Новороссийске. С 1868 г. инженер-поручик М. А. Лишин прикомандирован в ведомство строительного комитета по производству работ при Градоначальнике Одессы. С 1874 г. штабс-капитан корпуса инженеров, действительный член Одесского отделения Русского Технического Общества. В 1876 г. спроектировал и построил в Одессе глазную клинику. В 1877 г. титулярный советник М. А. Лишин принимал живое участие в создании Одесского управления Красного Креста и был его первым председателем. В 1880 г. вместе с братом Николаем Андреевичем, по проекту В. Ф. Мааса, построил здание Одесской конторы Госбанка. 17 декабря 1880 г. Михаил Андреевич Лишин получил орден Св. Анны 2-й степени.

Вот, что написано в Указе Императора Александра II:

«Нашему коллежскому советнику (полковник), причисленному к Министерству путей сообщения, откомандированному для исполнения должности производителя работ Одесского порта, инженеру путей сообщения Михаилу Лишину.

По засвидетельствованию начальства об отличном усердии и особых трудах ваших, согласно удостоению Комитета Министров, Всемилостивейше пожаловали мы вас Указом от 28 ноября 1880 года Капитулу данным, Кавалером Императорского Ордена Святой Анны 2-й степени. Выдана в Санкт-Петербурге 17 декабря 1880 года. № 12763».

В 1886 г. Императором Александром III был подписан Указ за № 2435:

«Нашему Статскому Советнику, старшему производителю работ Одесского порта, инженеру путей сообщения, Михаилу Лишину 2-му.

По засвидетельствованию Министра путей сообщения об отличии-усердной и ревностной службы вашей, Всемилостивейше пожаловали мы вас 13 апреля 1886 года Капитулу данным Кавалером Императорского ордена Святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени. Дана в Санкт-Петербурге 21 апреля 1886 года».

В 1889 г. Михаила Андреевича избрали Директором Одесского отделения императорского русского музыкального общества.

С 1890 г. действительный статский советник М. И. Лишин назначается главным инженером Новороссийских коммерческих портов. Одновременно он становится членом попечительского совета Касперовского отделения сестёр Красного Креста, исполняя также и должность Председателя общества Красного Креста.

В 1892 г. им было построено здание на Драгунских плантациях, где была обустроена амбулаторная лечебница, в которой ежедневно проводился приём больных с платой 15 копеек за совет и лечение. В летнее время больных бывало до 300 человек, а число посещений до 600.

17 апреля 1893 г. М. И. Лишину за отличную службу и особые труды был пожалован орден Святого Владимира 3-й степени.

17 декабря 1898 г. в Петербурге Тайному Советнику (генерал-лейтенанту) Михаилу Лишину было пожаловано свидетельство за № 546, в том, что: «...согласно Высочайшему разрешению, последовавшему 9 января 1898 года, он имеет право на ношение Высочайше утверждённого жетона в память исполнившегося, 28 февраля 1898 года, столетия существования ведомства путей сообщения».

25 апреля 1899 года, Товарищем Председателя Одесского местного управления Российского Общества Красного Креста Михаилом Качуриным, и членами Управления: Графиней Е. Капнист, доктором В. Вагнером, Г. М. Мейером, Н. А. Лишиным и многими другими, была вручена Почётная грамота, первая в истории этого Одесского общества. В ней записано:

«Его Превосходительству М. А. Лишину.

Высокоуважаемый Михаил Андреевич!

По докладе состоявшемуся сегодня годичному общему собранию местных членов Российского Общества Красного Креста об отказе Вашем, по независящим служебным обстоятельствам, от дальнейшего избрания на должность Председателя Одесского местного управления этого Общества, присутствовавшие члены, высказав по этому случаю замечательно дружное и искреннее сожаление, с глубочайшею благодарностью вспомнили Ваше многополезное служение в должности Председателя, непрерывно в течение 10 лет, отмеченное выдающимися успехами в делах Красного Креста, к которым Вы относились всегда с необычайно горячим сочувствием. С замечательным усердием и высоким сознанием долга Вы неуклонно преследовали интересы святого долга нашего Общества, постоянно внося в него улучшения и возбуждая развитие его как своими трудами и крупными пожертвованиями других, которых вы нередко вдохновляли искренностью Вашего христианского чувства и твёрдою верою в живучую силу добра. Благодаря этим отличным душевным качествам и специальному знанию строительного дела, Вы первый изыскали средства и возможность построить для Красного Креста собственное здание, как то — дом Касперовской Общины и при нём амбулаторию с отделением для хронических больных и больничный барак, из коих последний выстроен и прекрасно оборудован исключительно на средства Ваши и Ваших родных, в память Констанции Ивановны Лишиной. Кроме того, при ближайшем Вашем руководстве и содействии, в особо предназначенном Министерством Путей Сообщения здании, открыт амбуланс на территории Одесского порта и вчерне уже отстроена больница Красного Креста для фабричных рабочих. Эти постройки обеспечивают ныне самые насущные потребности нашего общества в г. Одессе, предоставляя ему широкое поле деятельности для выполнения христианского долга — помощи больным, облегчения страждущим и благотворения неимущим, а на будущее время надолго увековечат память о Вашей просвещённой плодотворной деятельности...

Во внимание к этим обстоятельствам Общее Собрание единогласно постановило: выразить Вам, высокоуважаемый Михаил Андреевич, глубочайшую признательность за оказанные Вами столь важные заслуги перед Обществом Красного Креста, не теряя надежды, что в будущем, при изменении настоящих обстоятельств, Вы вновь вернётесь занять оставляемый ныне пост. Местное управ-

ление, в состоявшемся сегодня экстренном заседании, душевно присоединяясь к упомянутому постановлению Общего Собрания, единодушно решило передать Вам таковое постановление в форме настоящего адреса, который просит принять, как самое искреннее выражение нашей глубокой признательности и уважения, а также высказанное сердечное пожелание Вам ещё много лет послужить вместе с нами делу Красного Креста, в пользу которого Вы, к нашему великому удовольствию, изъявили готовность продолжать работать в качестве члена местного управления».

29 июля 1900 г. М. А. Лишин, находясь в Петербурге, был приглашён Государыней Императрицей Марией Фёдоровной. Императрица вручила ему Знак отличия Красного Креста и указ, в котором говорилось:

«Нашему Тайному Советнику, бывшему Председателю Одесского Управления Красного Креста М. А. Лишину.

Вы состояли в должности председателя 10 лет и с пользою послужили делу Красного Креста; вашими заботами выстроены здания Касперовской общины, амбулатории с отделением для хронических больных, устроен приёмный покой в Одесском порту, выстроен и оборудован, в 1893 году, на средства ваши и вашего брата Николая Андреевича Лишина при общине больничный барак, стоимостью свыше 15 тысяч рублей.

В виду таких заслуг ваших вам жалуются рескрипт и Знак отличия Красного Креста».

Тогда же, в Царском Селе в 1900 г. Михаил Андреевич, который до этого никогда не был женат, встретил свою будущую супругу Елену Орестовну (урождённая Резвая, 1862 года рождения), занимавшую должность при дворе Императрицы Марии Фёдоровны. Для неё это был второй брак. Отец Елены Орестовны, генерал от артиллерии, член Военного Совета Резвой Орест Павлович (1811–1904). Он окончил Михайловское училище и Михайловскую артиллерийскую академию. В 1885–1887 гг. — начальник училища и академии. С 1859 г. действительный член Артиллерийского комитета, а с 1863 г. член Главного военного учёного комитета. С 1867 г. постоянный член технического комитета ГАУ.

Поселились они в Царском Селе, на улице Широкой, дом 5.

5 мая 1901 г. Михаилу Андреевичу был вручён орден Святого Станислава 1-й степени.

В июле 1903 г. Михаил Андреевич принимает участие в комиссии, совместно со скульптором Л. В. Позеном, по сооружению памятника родоначальнику нового периода украинской литературы, И. П. Котляревскому в Полтаве и устанавливает фонд по устройству школы имени И. П. Котляревского.

9 апреля 1905 г. М. А. Лишину, Указом за № 2655, пожалован орден Св. Анны 1-й степени.

С 1905 г. Михаил Андреевич назначен Председателем технического совета отделения торговых портов России.

В 1908 г. Лишин подаёт в отставку.

С началом первой мировой войны в 1914 г. он возвращается на должность генерал-лейтенанта и возглавляет Российское общество Красного Креста. Из Царского Села они с женой переезжают в Петербург, на Фонтанку, 127.

В 1918 г., с началом революции, Лишины перебираются в Одессу.

В 1919 г. он скончался в Одессе.

Известно, что весь семейный архив Лишиных и портрет предка, писанный на доске, он забрал с собой в Одессу.

Всеволод Андреевич Лишин в своих воспоминаниях об этом сообщал: «Хранителем фамильных традиций был... Михаил Андреевич Лишин — старик генерал. Но он погиб где-то в Одессе в начале революции, и с ним погибли и фамильные документы, и портрет нашего предка Андрея Тимофеевича Лишина, писанный масляными красками на дубовой доске».

Детей у него не было.

ОСВЯЩЕНИЕ АМБУЛАТОРИИ КАСПЕРОВСКОЙ ОБЩИНЫ ОДЕССКОГО ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА

«Вчера с большой торжественностью происходило освящение вновь сооружённого здания амбулатории одесского управления общества Красного Креста. Торжество освящения посетили многие приглашённые лица, среди которых находились: г. исполняющий обязанности одесского градоначальника граф Павел Павлович Шувалов (1859–1905), городской голова Павел Александрович Зелёный (1840–1912), председатель местного управления общества Красного Креста Михаил Андреевич Лишин, попечительница Касперовской общины Красного Креста графиня Елисавета Васильев-

на Капнист, врачебный инспектор Д. С. С. Александр Всеволодович Корш (1846–1925) и целый ряд других почётных лиц, в том числе и гостящий в Одессе профессор Осип Осипович Мочутковский (1845–1903), старший фабричный инспектор Херсонской губернии Александр Александрович Микулин, многие члены общества, врачи и сёстры Касперовской общины. По прибытии г. и. д. Градоначальника в амбулаторию, старшая сестра общины г-а Гаевская перевязала графу П. П. Шувалову руку знаком общества. Молебствие совершено было в нижнем этаже, в большом приёмном зале, разукрашенном знаками общества Красного Креста. У аналоя также были вывешены знаки общества, а по бокам — русские флаги. Молебствие совершал настоятель кафедрального Спасо-Преображенского собора протоиерей отец Гавриил Яковлевич Селецкий при участии хора певчих Введенской церкви Касперовской общины. По окончании молебствия провозглашено было многолетие Государю Императору, Государыне Императрице и Всему царствующему Дому. После этого протоиерей отец Г. Селецкий обратился к присутствующим с речью, в которой указал на то, что общество Красного Креста имеет целью оказывать помощь страждущим и обремененным. Нет ни одного общественного бедствия, которого бы общество не облегчило, нет ни одного рода благотворительности, в котором оно не принимало бы самого живого и деятельного участия. Отметив все функции общества, протоиерей Селецкий пожелал обществу Красного Креста свято исполнить принятую им на себя обязанность, а членам общества — мир, здравие, долголетие.

Затем все присутствующие на торжестве во главе с графом П. П. Шуваловым проследовали к главному входу, где фотографом сделаны были фотографические снимки. После этого гостям было предложено шампанское, чай и кофе.

Подымая бокал, граф П. П. Шувалов первый тост провозгласил за драгоценное здравие Государя Императора, Государыни Императрицы Александры Фёдоровны, Наследника Цесаревича и всего Царствующего Дома.

Тост покрыт был громким «ура», причём хор исполнил гимн «Боже, Царя храни».

Председатель местного управления Красного Креста М. А. Лишин предложил тост за Августейшую Покровительницу Российского общества Красного Креста, Вдовствующую Государыню

Императрицу Марию Фёдоровну. Тост принят был шумным «ура!» и пропет был гимн «Боже, Царя храни».

Затем граф П. П. Шувалов провозгласил тост за благоденствие и процветание Российского общества Красного Креста. Громкое «ура» и исполнение «Многая лета» были ответом на этот тост.

Далее графиня Е. В. Капнист произнесла приблизительно следующую речь:

«В виду того, что эта постройка производилась особой комиссией, которая состояла из членов местного управления и которая в отчёте прошлого года подробно изложила все данные, относящиеся к этому делу, — я не буду касаться этого вопроса, чтобы не утомлять этим нашего внимания, а скажу только, что как это здание, так равно и то, в котором помещается Касперовская община, выстроены благодаря энергии и предприимчивости Михаила Андреевича Лишина, на деньги, получаемые от продажи конвертов Красного Креста, заменяющих праздничные визиты. Таким образом, каждый гривенник, получаемый от продажи, достигает своей цели и вместе с прочими собратьями приносит те результаты, которые вы здесь видите. Едва прошло семь лет со дня открытия нашего первого здания с амбулаторией для приходящих больных, как мы имеем, кроме больничного барака, выстроенного на средства семьи Лишиных, ещё новое прекрасное здание, сооружённое по всем правилам современной науки. То сочувствие, с которым одесское общество отнеслось к призыву Красного Креста при устройстве последней лотереи-аллегри, давшей обществу чистой прибыли более 8000 руб., помогло нам увеличить основной фонд, и для тех сестёр, которым по семейным обстоятельствам придётся провести остаток своих дней в нашей обители, — найдётся помещение. Говоря об отзывчивости общества к Красному Кресту, не могу не упомянуть о таком горячем сочувствии, которое выказало одесское население пострадавшим от неурожая. Это сочувствие публики вам тем более дорого, что с 1 января будущего года община должна существовать на свои собственные средства, не получая пособия от главного управления. В скором будущем, насколько я слышала, обществу предстоит ещё весьма важная и симпатичная задача — постройка и эксплуатация больницы для фабрично-заводских рабочих.

Городское общественное управление, так сочувственно относящееся к нуждам общества Красного Креста, отвело землю для

этой постройки, и если одесские фабриканты со своей стороны дадут для этого необходимые средства, то члены общества, без сомнения, оправдают их доверие и поставят новое учреждение на таком же прочном основании, как остальные учреждения Красного Креста.

Пожелаем же, чтобы с переходом в новое здание амбулатории, наши сёстры и врачи работали с новой энергией, чтобы на место прежних членов, как отошедших в вечность, так и тех, у которых силы с годами начинают оскудевать, появились новые неутомимые работники на благодарной ниве, сторицей воздающей за семя, брошенное в неё на пользу страждущего человечества. Высоко подымаю бокал за процветание и развитие деятельности Красного Креста, за врачей и сестёр милосердия».

Речь гр. Капнист, прослушанная присутствующими с большим вниманием, покрыта была аплодисментами.

М. А. Лишин провозгласил тост за одну из деятельнейших членов местного управления — графиню Е. В. Капнист. Гр. Е. В. Капнист предложила тост за здоровье всех почётных гостей, во главе с новым градоначальником графом П. П. Шуваловым, успевшем в короткое время снискать общую любовь и симпатию, а также за нового городского голову П. А. Зеленого и за всё городское общественное управление.

Тост этот был принят очень тепло.

Затем граф П. П. Шувалов подробно осмотрел новое здание и беседовал с сёстрами милосердия. Пробыв в амбулатории около двух часов, в 4 ч. дня, любезно простившись со всеми присутствовавшими на торжестве, отбыл из убежища».

1898 г.

ЛИШИН НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ (1843–1905)

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ СТАТСКИЙ СОВЕТНИК

Николай Андреевич Лишин

Сын Андрея Фёдоровича и Констанции Ивановны — Николай Андреевич Лишин родился 27 июня 1843 г. в Петербурге. Восприемниками от святой купели были император Николай I и генерал-лейтенант К. А. Шлиппенбах.

По окончании Императорского Института Инженеров Путей Сообщения, 52-й выпуск, 1865 г., был направлен на службу в Одессу архитектором-строителем. С 1870 г. стал заведующим первой линией железной дороги, соединяющей Одессу с Днестром. В 1874 г. назначен товарищем (помощником) секретаря Одесского отделения Российского технического общества.

По воспоминаниям родственников молодой Николай Андреевич удивительно был похож на своего родственника, молодого цесаревича Александра Александровича Романова.

В 1876 г. вместе с братом Михаилом Андреевичем участвовал в проектировании и постройке в Одессе глазной клиники (известная ныне Филатовская глазная больница).

С 1878 по 1884 годы работал архитектором института по строительству железных дорог, и до перехода юго-западной железной дороги в казну — помощником инспектора Одесской железнодорожной линии (бывшего предводителя дворянства Эстляндской губернии, камергера, действительного статского советника барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга). В своей архитектурной деятельности он употреблял формы неоренессанса, неоготики и эклектики.

В 1886 г. он вместе с братом Михаилом руководил строительством здания Одесской конторы Госбанка, по проекту В. Ф. Мааса, на углу улиц Жуковского и Польской; здание монументальное и оснащено неоренессансным декором.

На протяжении 20 лет, с 1883 г. был правительственным наблюдателем в Техническом железнодорожном училище и на железной дороге, председателем Городского народного училища (ранее называемое Когановское учреждение).

30 января 1884 г., согласно старым малороссийским законам, генерал-лейтенант Андрей Фёдорович Лишин передал имение Нивное Николаю Андреевичу, как младшему сыну, имеющему потомство.

Помимо указанных должностей, на протяжении 20 лет, с 1883 года Николай Андреевич был правительственным наблюдателем в Техническом железнодорожном училище и на железной дороге. В 1886 г. Николай Андреевич Лишин стал почётным мировым судьёй, статским советником, Гласным городской думы, членом правления Общества взаимного кредита.

Одесское общество взаимного кредита с 1867 по 1918 гг. являлось одним из сильнейших учреждений России, в 1895 г. оно занимало 4-е место среди 92-х существующих обществ такого типа. Членами правления в разные годы были, кроме Н. А. Лишина, такие выдающиеся личности, сыгравшие большую роль в развитии и становления Одессы, как: Маразли Г. Г., Троницкий Н. Г., Граве В. В., Бернардацци А. И. и другие. Одной из важнейших сторон деятельности общества являлась благотворительная деятельность: постоянные пожертвования в пользу голодающих, неимущих, больных; на строительство храмов, памятников, приютов, библиотек.

В Одессе Николай Андреевич Лишин находился в близких и дружеских отношениях с бывшим выпускником Строительного училища, знаменитым архитектором А. И. Бернардацци, которого он рекомендовал Одесскому градоначальнику.

Александр Бернардацци, талантливейший зодчий, автор многих выдающихся архитектурных памятников, как в Кишинёве, так и в Одессе, в том числе Купеческой биржи (ныне филармонии), над входом которой ему при жизни был поставлен памятный бюст.

Вместе с братом Михаилом в 1893 г. Николай Андреевич Лишин спроектировал и построил госпиталь за Итальянским бульваром в районе Аркадии.

С 1884 г. Николай Андреевич стал членом театральной комиссии Одесского оперного театра. В частности он спроектировал к открытию театра в 1888 г. противопожарную сигнализацию, наиболее современную и совершенную в то время. В Обществе взаимного кредита он много раз исполнял обязанности Председателя. Помимо общественной деятельности, он был известен как крупный инженер и архитектор-строитель. Им сооружены в Одессе фабрично-заводская больница Красного Креста и здание Касперовской Общины и церкви при ней (ныне не сохранилась). Весьма деятельное участие Николай Андреевич принимал в местном отделении Красного Креста, состоя там, со времени его основания, вместе с братом Михаилом, много лет членом правления.

Умер Николай Андреевич Лишин от ранения, полученного при беспорядках в Одессе 26 октября 1905 г.

Вот, что писала «Одесский листок» в своём некрологе 27.10 (9.11) 1905 г.:

«Одной из многочисленных жертв последних событий в Одессе сделался известный общественный деятель, инженер, Действительный Статский Советник Николай Андреевич Лишин. Он был ранен в ногу при переходе из своей квартиры на Ремесленной улице 19 октября 1905 г. Пуля попала в ногу и раздробила кость. В тяжёлом состоянии раненый был доставлен в больницу Касперовской Общины (им построенной). Здесь врачи нашли необходимым приступить к серьёзной операции ампутации ноги. Впоследствии, при исследовании больного, деятельность сердца его оказалась настолько слабой, что хлороформировать нельзя было, и врачи приступили лишь к извлечению пули. Операция эта причинила адские муки Н. А. Лишину и, хотя она была выполнена успешно, но последствия её оказались весьма печальными. Появились признаки гангрены, необходимо было отнять ногу, а состояние больного этого не позволяло. Болезнь обострилась, и вчера в 1 час 15 минут пополудни, несмотря на самый тщательный уход, после тяжких мучений Н. А. Лишин скончался.

Весть о его кончине быстро разнеслась по тем многочисленным учреждениям, где Н. А. Лишин непрерывно работал много лет. Покойному было около 64-х лет. Он оставил двух сыновей (офицера и политехника), а также дочь. Тело Н. А. Лишина будет погребено в семейном склепе, в имении покойного Нивное Черниговской губернии. Там сооружена им школа для крестьянских детей и церковь с фамильным склепом. Панихиды в церкви Касперовской общины Красного Креста будут ежедневно в 6 часов вечера.

Вчера на гроб покойного был возложен венок от Общества Взаимного кредита и от Правления Красного Креста, Городской Думы.

На вокзал для погребения гроб будет доставлен в воскресенье 30 октября в 3 часа дня. Начало обедни в церкви с отпеванием в 12 часов дня».

В газете «Одесские новости» за 29.10.1905 г., в новостях Городской думы вышла следующая заметка:

«Очередная октябрьская сессия, начавшаяся третьего дня, происходит под председательством исполняющего делами городского головы К. Э. Андреевского. По предложению председательствующего дума, прежде всего, почтила память скончавшегося Н. А. Лишина вставанием и решает возложить венок на гроб его, а семье выразить соболезнование.

Полезной общественной деятельности покойного посвящают также несколько слов гласные думы Иван Алексеевич Казаринов и Николай Иванович Драго, рисующие его как человека, принимавшего близко к сердцу преимущественно интересы рабочих.

По предложению этих гласных, дума поручает управе изыскать способ увековечения памяти покойного таким делом, которое имело бы в виду нужды рабочего класса».

В своё время Николай Андреевич Лишин спроектировал, а затем и построил новую Рождества Богородицы церковь в селе Нивном. Помогали проектировать Николаю Андреевичу его брат Михаил и известный инженер М. М. Дитерихс. Денежные средства на строительство храма были переданы Андреем Фёдоровичем Лишиным. Строительство храма началось в 1895 г. По проекту строители начали строить стены нового храма вокруг старой деревянной церкви, чтобы не прекращать службы. Работы велись с весны до осени. Кирпич, самый лучший в уезде, возили на барже из Мглина по Ипути, известь привозили из Глинянки. По же-

ланию Андрея Фёдоровича Лишина, в новой церкви должен был располагаться семейный склеп Константинова-Лишиных.

Но предусмотрительный Николай Андреевич спроектировал в новом храме не один, а два склепа. Со стороны северного входа был построен склеп для уже захороненных ранее останков генерал-лейтенанта Константинова К. И. (умершего в 1871 г.) и его родной сестры, жены хозяина имения Констанции Ивановны Лишиной (умерла в 1872 г.). Для обустройства склепа в земле устроили целую «комнату», размером два на два метра и глубиной до 2,5 метра. Стены и пол представляли собой кирпичную кладку, а потолком служило сооружённое в виде свода перекрытие. Стены белили известью. Захоронения проводились в случае похорон следующим образом: первый гроб (Константинова) устанавливали внутри ещё открытого склепа в углу и только тогда сооружался свод. Верх свода служил основанием для устанавливаемого на нём памятника. Для последующих погребений с западной стороны делали проход, в который спускались по лестнице, а затем разбирали стену склепа. Через образовавшийся вход в склеп помещали гроб, а затем разобранную стену закладывали вновь кирпичом. Над входом в склеп лежала вровень с полом белая мраморная плита.

Для своей семьи Николай Андреевич построил в церкви склеп со стороны южного входа, где был захоронен его сын Михаил в 1886 г., и теперь, в 1905 г., он сам. Захоронения осуществлялись в цинковых гробах, вернее, деревянный гроб помещался внутрь цинкового запаянного фигурного футляра. Это было необходимо по следующим причинам: во-первых, исходя из того, что гробы не засыпались землёй, нужно было соблюдать элементарные нормы санитарии. Всего на момент освящения церкви в 1898 г. в двух склепах находилось 4 гроба. Рядом с храмом вдоль восточной стены к юго-востоку находилось небольшое церковное кладбище, огороженное также отдельным забором, на котором хоронили членов семьи Лишиных (брат Андрея Фёдоровича, Владимир, и священник этого храма отец Гораин М. Ф.).

ПРЕДВОДИТЕЛЮ ДВОРЯНСТВА МГЛИНСКОГО УЕЗДА
Г-НУ А.М. СКАРЖИНСКОМУ

Милостивый сударь, Александр Матвеевич!

Поднятие умственного уровня народа является делом перво-степенной, общественной важности и, казалось бы, школьному

делу нужно бы иметь широкий простор и важное значение в той массе, где школы функционируют, но в действительности мы видим, что школы наши далеко не удовлетворяют своему назначению.

В виду важности положения в народе личности учителя, как воспитателя молодого поколения, он должен пользоваться особой симпатией народа. Народ должен любить учителя, народ много ждёт от него, народ верит ему и много ему вручено. Но в действительности народный учитель не тот. Это личность, лишённая всех прав. Причина этому в следующем: народный учитель обречён на хроническое голодание. Гигиенические условия, среди которых ему приходится работать, порождают всякие болезни, с которыми он не в силах бороться за отсутствием средств. Кроме того, часто одному учителю приходится вести совместное занятие с двумя и даже с тремя отделениями, и поэтому в ущерб школьному делу и лично свои напрасно тратить силы. И в школе, где дети приучаются к аккуратности и разумному труду, не даётся каждому классу и учителю подобающего места и времени. За невозможностью удовлетворительно исполнять возложенные на него обязанности учащийся изнемогает в непосильной борьбе и путается от душливой атмосферы школьных помещений.

Не в более благоприятных условиях находится его и духовный мир. Недостаток средств не даёт возможности выписывать ни книг, ни газет, ни журналов, и поневоле умственный кругозор становится всё уже и уже. К материальной нищете присоединяется и духовная. Учитель не может следить за текущей жизнью, знать общественных и литературных деятелей, а между тем сельскому учителю больше, чем кому-либо другому, нужно самообразование, чтобы увеличить сумму знаний своих для достижения воспитательных целей. Зброшенный в сельскую глушь, осуждённый на вечный голод и одиночество, всегда измученный непосильной борьбой, бедный труженик бодро и неуклонно идёт к однажды намеченной цели. За свою трудную и ответственную службу он, казалось бы, должен пользоваться видным положением и поддержкой со стороны общества, но, к сожалению, последнее совершенно безучастно относится к труду и личности учителя, заставляя одного переносить все невзгоды школьного труда, как будто дело его личное.

Глубоко проникнутый важностью народного образования, исполненный благородного стремления вложить в сокровищницу и свою лепту труда на пользу общества — учитель отдаёт народу

свои лучшие годы, все свои силы. Впоследствии измученный непосильной борьбой, голодный и больной, он всё ещё верит в лучшее будущее, но, увы, вместо искренней благодарности его ждёт печальная участь беспомощного инвалида.

Как ни печальна действительность, но всё ещё хочется верить в лучшее будущее, когда общество, признавая всю важность народного образования, а вместе с тем и ответственность школьного учителя, примет во внимание назревшие нужды школы и устроит судьбу труженика — сельского учителя, не заставляя его одного страдать за всех в борьбе со школьным неустройством и нищетою.

Являясь Попечителем Нивлянского земского народного училища, самого большого в уезде, после смерти отца моего генерал-лейтенанта А. Ф. Лишина, по просьбе настоятеля Нивлянского Храма Рождества Пресвятой Богородицы, законоучителя, протоиерея Николая Россинского и учителей школ Мглинского уезда, я обращаюсь к Вашему просвещённому вниманию, господа представители земства, с просьбой принять участие в неотложной и важной нужде. Выслушайте голос школьного учителя, исторически вынесшего на своих плечах все стадии школьного неустройства.

1. Всеобщее обязательное обучение обоёго пола.
2. Принятие на средства Земства устройства школ и содержания их.
3. Четырёхгодичный курс: увеличить знания по естествоведению, народоведению и русской истории.
4. Желательно увеличить учебный год с 15 сентября по 15 мая.
5. Желательно при 4-х-годичном курсе в каждой школе по два учителя — до 100 учеников, а более ста — три учителя.
6. Желательно одинаковая ответственность каждого из учителей в деле преподавания.
7. Необходимо ввести библиотеки-читальни при всех народных школах.
8. Разрешить воскресные чтения, сопровождаемые туманными картинами.
9. Ходатайствовать о допущении в народные библиотеки-читальни и школьные библиотеки книг, разрешённых цензурой.
10. Больных учителей отправлять в санатории на земский счёт.
11. Установить нормальный оклад жалования — старшему учителю от 360 руб. до 600 р., прибавляя через каждые 3 года по 60 руб.,

а вторым учителям от 300 до 480 руб., прибавляя по 30 руб. через каждые три года.

11. Срок выслуги пенсии 25 лет в сумме не менее 300 р.

12. Имеющиеся суммы в нашей эмеритальной кассе распределить на воспитание учительских детей.

От имени семейства Лишиных смею добавить, что в ближайшее время на наши средства в селе Нивное будет построена новая кирпичная школа с удобствами, как для учащихся, так и для учителей, тёплая и устроенная по городскому образу.

Открытие новой школы состоится в октябре 1901 года, ровно через 40 лет со дня открытия первой Нивлянской земской школы, построенной на средства генерал-лейтенанта Андрея Фёдоровича Лишина.

В дальнейшем я буду стараться перевести Нивлянское народное училище в Министерское подчинение, что положительно скажется на состоянии учёбы.

Также, согласно переданной мною сметы, в селе Нивное начнётся строительство больницы и врачебно-медицинского пункта, дома для врача и амбулатории.

Господа Представители Земства, только при Вашей помощи и представителей дворян в своих родовых имениях все нужды в школах будут устранены.

Доверия, Господа!

Побольше доверия и участия к труженику на ниве народной.

Действительный Статский Советник
Николай Андреевич Лишин. 1899 г.

ОСОБЕННОСТИ ОХОТЫ В МОЁМ РОДОВОМ ИМЕНИИ СЕЛЕ НИВНОМ В 1885 ГОДУ

Аетом 1885 года пришлось, после продолжительного отсутствия, наведаться в Мглинский уезд Черниговской губернии, — мою родину, Боже, какую резкую перемену я нашёл там, в природе и во всём!..

Болезненно сжалось сердце моё, глядя на эти тощие, обгорелые берёзовые кустарники, на плешивые сосёнки и ельники, на печальные, почти бесплодные поляны, носящие на себе следы мощной лесной растительности, в виде толстых пней и кое-где стоящих

гигантских сосен и дубов. Куда девались эти величественные, тёмные сосновые и смешанные леса, с бесчисленными родниками, студёными ручейками и лесными речонками? Где те обширные мшистые места, покрытые брусничкой, черничкой, голубикой, клюквой и другими ягодами, питавшими своих многочисленных посетителей — глухарей и тетеревов? Где те болота, в которых никогда не переводились утки и разные породы водяных и болотистых птиц?..

Грустно смотреть на едва узнаваемые родные места, с которыми связано столь много приятных и дорогих охотничьих воспоминаний. Да, человек и время тут немало поработали в смысле уничтожения и истребления!..

Конечно, не место здесь рассматривать причины бесхозяйственного истребления природных богатств местности и даже... касаться этого щекотливого предмета, иначе я уклонился бы далеко от своей задачи. Не могу, однако, не отметить, так сказать, мимоходом, следующий интересный факт: никто от истребления здешних лесов, равняющегося полнейшему разорению края, не обогатился и даже не увеличил своих средств; лесопромышленники — евреи страдают безденежьем, бывшие помещики разорились, а крестьяне нуждаются больше, чем прежде, несмотря на то, что правительство оказывало и продолжает оказывать им значительную помощь, в виде прощения недоимок, ассигнования денежных субсидий при переселении в Приамурский край, и прочее.

Под влиянием грустного настоящего особенно рельефно воскресло в памяти лучшее прошедшее. Вспомнились многочисленные эпизоды местной охотничьей жизни во времена моей юности и даже детства.

Святая родина! Ты мне дорога уже потому, что, благодаря твоей некогда богатой и гостеприимной флоре и изобильной фауне, я познал и полюбил всей душой воду, лес и вообще природу! Тут я поймал в самодельную западню первую птичку, выудил первую рыбку и сделал первый в своей жизни выстрел; тут я испытал чувство охотничьей страсти!

Известно, что Черниговское полесье занимало до последнего времени почти четвертую часть всей губернии. Добрая половина этих лесов находилась в Мглинском, Суражском и Новозыбковском уездах. Уже из этого можно заключить о лесном богатстве Мглинского уезда. Вся описываемая мною местность представляет равнину, простирающуюся едва ли как на 100 квадратных вёрст. Вдали

от железных дорог и многолюдных центров, она до сих пор носит характер глуши. Почва — суглинок, супесок и песок — требует от земледельца громадного личного труда, плохо вознаграждаемого. Лет 30 тому назад вся эта местность была покрыта густым, большей частью строевым лесом, местами хвойным, местами лиственным и смешанным. Сосна, ель, дуб, берёза и осина — господствовали над другими породами деревьев. Значительная часть леса росла в низменных торфяных местах. Леса в старину страдали не столько от топора, сколько от пожаров. Само собой разумеется, что в торфяных местах лес выгорал с толстым слоем торфа, образуя обширные, местами на несколько вёрст, впадины, которые, наполнившись во время весеннего таяния снегов водою, представляли большие лесные озёра (болота). Зима отличалась постоянством и обилием снега; в прочие же времена года шли часто дожди. Бездождия и продолжительной засухи здесь не знали. Леса были прорезаны в разных направлениях многочисленными, никогда не высыхавшими ручьями и речонками, берущими начало от бесчисленных студёных ключей. В самых густых лесах было немало луговин и облог с мочежинами и кочкарником на низких местах, и с никуда негодною мычкою на возвышенных. Здесь протекает только одна значительная река — красавица Ипуть и мелкие речки Нивлянка и Воронуса. В смешанных и лиственных лесах и зарослях, а также в пожаряках, на низких местах, растёт много лозы и мху; на более возвышенных местах много липняку, орешнику, брусники, черники, папоротнику, вереску, цветов (ландыш, белая фиалка) и всякой травы. Грибы (белый, обабок, подосиновик, сыроежка, вовнянка и пр.) и ягоды (земляника, ежевика, малина, чёрная смородина, голубика, черника и брусника) больше всего произрастали в пожаряках, т. е. в зарослях на местах уничтоженного пожаром леса. Всё это пространство заселено довольно плотно; в разных глухих, но удобных для селитьбы местах, разбросаны сёла, деревни, хутора. Казённых лесных участков немного; почти все леса принадлежат частным владельцам. Мелкое лесовладение господствовало над крупным. Нивлянская волость с экономией в с. Нивное издавна собственность моих предков Лишиных.

В настоящее время, как сказано выше, леса здесь повсеместно значительно поредели и большей частью уничтожены. Там, где был гигантский корабельный лес и непролазная чаща, теперь зеленеют мелкие лиственные заросли. Тогда преобладал хвойный

лес (сосна, ель) и дуб, теперь господствует берёза и осина, да и то большей частью в виде корявых, невысоких деревьев; на многих лесных участках и следов уже нет леса; здесь теперь нивы, поля; даже в уцелевших лесах то тут, то там встречаются так называемые ляды (вырубленные и выкорчеванные места, засеянные ярью, большей частью просом). Очень немногим бывшим богатым помещикам, ныне скромным землевладельцам, удалось сохранить остатки своих лесов, которые, однако, не мало страдают от самовольных парубок и от пожаров. Многие родники иссякли, речонки и болота высохли; местность познакомилась с неизвестным дотоле бездождем; озимые хлеба и яр частенько выгорают; бывают нередко неурожаи на ягоду и на гриб; дичь не находит уже достаточно спокойных и скрытых для себя мест в остатках лесов и пищи для своего существования.

Охота на зверей и птиц искони велась самым бесхозяйственным образом. Благодаря обилию всякой дичи никто не обращал внимания на то, что охота, или вернее истребление дичи, производилась круглый год. Как прежде, так и теперь никто не подчинялся закону, воспрещающему охоту с 1-го марта по 29 июня, никто не воспрещает охоту в своих дачах. Истребляй дичь сколько душе твоей угодно, не стесняясь ни временем, ни местом.

Крестьяне лесных мест Нивлянской волости больше промышленники и добытчики, чем землевладельцы. Чуть ли не в каждой семье один, два члена оной имеют ружья и стреляют дичь. Можно сказать, не боясь уклониться от истины, что по воскресеньям и праздникам половина мужского населения с восходом солнца рыскает в лесах с ружьями. Дичь не только стреляют, но и давят петлями. Мальчишки разоряют гнёзда, берут яйца, ловят поршков и самок, сидящих на яйцах. Немало дворных собак приучены искать и давить утят. Случается, что и женщины принимают участие в истреблении, тем или другим способом, дичи. Зная существующий здесь порядок вещей, невольно удивляешься, как дичь до сих пор не только не истреблена в конец, но даже появляется годами в значительном количестве. Правда, уток, рябчиков и серых куропаток здесь теперь очень немного, глухари одно время составляли даже редкость; но тетерева и теперь ещё в пожаринах держатся в изобилии, особенно их было много в 1880 и 1882 годах. Глухари в последнее время также стали размножаться. В настоящем 1885 году, весной, в окрестностях Нивного было три глухариных тока. Зайцев

и теперь достаточно. Волков много; козы и лоси составляют редкость; лисица и рысь — также. В прошлую зиму в Нивлянских лесах видели двух рысей и даже одного медведя, а настоящей весной держалась некоторое время коза.

Но знаете ли, читатель, что такое представляла собою для охотника описываемая местность лет 25–35 тому назад?..

Это было такое Эльдorado, о котором в настоящее время можно только разве мечтать, говорить же, как о действительном может только тот, кто ради истины не боится обидного подозрения в преувеличениях, естественно могущего закрасться в душу читателя. За исключением кабана и оленя, всякий зверь и всякая дичь, свойственная средней полосы Европы, здесь держалась в изобилии. На пространстве 30–40 квадратных вёрст, каждую зиму смело можно было рассчитывать на 3–4 медвежьих берлоги, не считая шатунов, появлявшихся в здешние леса из соседних местностей. Множество бортей (пчёлы в выдолбленных или естественно образовавшихся дуплах крупных деревьев), изобилие разных ягод, целые холмы муравейников, помимо многих других благоприятных условий, привлекали в здешние леса медведей. Ещё и теперь уцелело немало бортовых сосен, на которых я сам видел не раз, уже в 60-х годах, следы когтей косолапого Мишки. Много рассказов ходило о проделках Топтыгина; даже и в настоящее время от стариков охотников можно слышать различные повествования на эту тему. Охота на медведей носила далеко не случайный характер; устраивались помещиками облавы, иногда очень многолюдные и весёлые. Настоящие, заправские, охотники — медвежатники били медведей на овсах и на бортях. Мой дед и прадед были известны в околотке за неустрашимых и опытных охотников на медведей; засидки на овсах, большей частью в одиночку, — были любимой их охотой. В одну из таких охот прадед, в борьбе с тяжело раненой медведицей, испытал на себе силу её зубов и когтей, причём получил довольно серьёзные повреждения правой руки и потерял три пальца; но и после этого случая, излечившись от ран, продолжал хаживать на эту опасную охоту. Не знаю, сколько было убито моим прадедом медведей; думаю, что не мало; что же касается до деда, то от его руки покончили своё земное существование семнадцать медведей. Дед не прочь был сразиться с косолапым при случае, ради сильных ощущений, и почему-то стрелял медведей серебряными (в прямом смысле)

пулями. Ружья, с которыми охотились дед и прадед, хранятся в настоящее время у меня в Нивном. Оба ружья гладкоствольные одностволки, с кремнёвыми замками. Ружьё прадеда шведское, длинное и тяжёлое (ствол 6 четвертей, калибр 12-й, весит более 13 фунтов). Ружьё деда также кремнёвое, французское, 10-го калибра, лёгкое (весит около 6-ти фунтов). Мастера обоих ружей неизвестны. Шведское ружьё бьёт крупной дробью очень далеко, резко и кучно, почему иногда употреблялось моим отцом, с большим успехом, при охотах на тетеревов с подъезда.

Несколько крестьян-охотников также пользовались вполне заслуженной репутацией опытных и неустрашимых медвежатников. Между ними особенно выделялся одноглазый, хромой и тощий старикашка-крестьянин Нечаев с Нивного, известный между охотниками под прозвищем «Плынта». Из рассказов моего отца я узнал, что прозвали этого охотника таким странным именем, благодаря следующему происшествию.

Лет 35 тому назад, по инициативе помещика Николая Фёдоровича Лайкевича, нашего родственника, Вельжической экономии, в начале марта, состоялась большая облава на медведя, залёгшего с осени в лесу близ Кремова, как раз на границе Нивлянской экономии. По установившемуся обычаю, соседние помещики-охотники, в том числе и мой отец, хозяин экономии, устроили облаву. Съезд охотников оказался многочисленным, облава обещала быть грандиозной и весёлой; одних гонцов (крикунов) было собрано более 700 человек; говорили, что в берлоге не медведь, а медведица с пестуном и медвежатами. Съехавшиеся гости отличались пестротой и, так сказать, разнокалиберностью: тут были и делитанты-охотники, и промышленники, и простые любители блестящего оружия, мнящие себя охотниками и, наконец, даже и такие господа, которые едва умели держать ружьё; по правде сказать, дельных охотников было очень и очень немного. При раздаче крестьянам-стрелкам пороха и пуль, возник вопрос о раздаче нескольких свободных штуцеров тем стрелкам, которые известны были за опытных и дельных зверовщиков; в числе таковых указали и на упомянутого кривого старичка. Уже сама внешность этого стрелка, готового идти сразиться с медведем, расположила весёлую компанию гостей к шуткам над ним; ещё более пищи для остроумия и шуток дал сам старик своим решительным отказом взять на облаву предлагаемый штуцер, как «ружо ненадёжное»; но, когда старик объяснил, что у него имеется

своя «плынта», и ему нужны только порох да «куля», и когда он принёс и показал публике ту плынту, — раздался взрыв гомерического хохота. В самом деле, плынта оказалась удивительным оружием, которое надлежало хранить в музее редкостей, а никак не употреблять на охоте против медведя. Представьте себе толстый ствол пяти четвертей длины, заржавленный, с дулом, в которое свободно войдёт куриное яйцо, с кремневым замком, весом около 3-х фунтов, на полку которого, обширную и глубокую, нужно только для вспышки насыпать пороха в количестве около обыкновенного оружейного заряда, кусок грубоотёсанного берёзового дерева, который по форме едва напоминает ружейное ложе; все эти части скреплены и связаны верёвочками и шнурками, — и вы будете иметь общее понятие об этой замечательной фузее. Пороху понадобилось на заряд такое количество, что во избежании несчастного случая и вообще дурных последствий для стрелка хозяин охоты намерен был воспретить старику брать опасное ружьё на облаву и только благодаря просьбам гостей и свидетельству нескольких лиц, что старик именно из этой плынты многократно стрелял и убил несколько медведей, ему, наконец, разрешено было отправиться на медведя «со своим оружием». Предложенные старику обыкновенные круглые и цилиндрические пули были им забракованы, как «негодная картечь», причём он достал из кармана свою «настоящую кулю», оказавшуюся чуть ли не фунтовым свинцовым цилиндром, соответствующим калибру плынты. На вопрос, откуда приобретена плынта, старик ответил, что ружьё ему досталось по наследству от отца, отец, в свою очередь, получил его от деда, а где и от кого добыл плынту дед — неизвестно.

Постараюсь, однако ж, не утомлять внимание читателя подробностями отправления на облаву и описание самой облавы. По пути к месту ничего выдающегося не произошло; над стариком, с трудом тащившим свою плынту, молодёжь продолжала смеяться. Прибыв заранее к назначенным пунктам, стрелки и гонцы расположились по своим местам без шума и путаницы. Соседями моему отцу оказались два молодых человека, которые более смеялись над стариком и его плынтой; следующий номер с левой стороны, недалеко от вывороченной с корнем ели, достался старику с плынтой; других стрелков за чащей леса не было видно.

Начался гон. Кричане горячо принялись работать голосом и трещотками, медленно продвигаясь вперёд. Прошло около пол-часа в напряжённом ожидании; зверь не поднимался; очевидно

он лежал крепко в своей берлоге. Но вот стая собак, спущенных в круг, залилась звонким, злобным лаем; сделано гонцами несколько холостых выстрелов; лай собак приближался к цепи стрелков; послышался даже яростный рёв и фыркание зверя. Гонцы ещё более воодушевились, всё слилось в какой-то общий гам и стон, но ухо охотника в нём уже явственно различало лай собак и фыркание зверя. Стало ясно, что зверь направляется в сторону, где стоял мой отец. Вот, наконец, атакуемый собаками, медведь показался на маленькой обложке и стал расправляться с собаками; быстро разметав всю стаю и покончив с двумя из них, медведь опять вскочил в чашу леса, где и скрылся, но ненадолго: через минуту он снова показался перед цепью стрелков и принял направление несколько вправо от номера моего отца. Что же делали в это время стрелки? А вот что. Как только послышался рёв медведя, мой отец почувствовал, что «муравьи забегали у него под кожей»; по мере приближения зверя, деятельность «муравьёв», усиливаясь, дошла до такой степени, что даже волосы на голове стали подниматься вместе с шапкой, руки и ноги дрожали, сердце учащённо билось... При всём этом, лёгкий шум удалявшихся шагов с левой стороны и звук чего-то упавшего вправо от него — обратили внимание отца в эти стороны. И что же он увидел! Левый его сосед, что было мочи, позорно бежал от цепи стрелков в пространство; правый же, хотя и стоял, прислонившись к дереву, но без ружья; жалкое, искривлённое испугом и ужасом лицо его красноречиво и ясно свидетельствовало о его душевном состоянии, в котором он находился; подле него, в снегу, лежало ружьё. Но что ещё возмутительнее, так это то, что даже кривой старик, со своей пресловутой плынтой, исчез неизвестно куда.

Положение моего отца действительно оказалось критическим: рассчитывать на постороннюю помощь в случае нападения медведя очевидно уже было нельзя. Ещё нужно удивляться самообладанию моего отца, который, будучи угнетён описанным уже психическим состоянием, имел настолько мужества, что даже прицелился в медведя. Но тут именно и наступил момент, убедивший окончательно моего отца в том, что опасность попасть в лапы зверя может быть устранена не им и не соседними стрелками, а волею Божию и медведя. Руки тряслись до такой степени, что целик ружья не мог остановиться не только на убойном месте, но даже на всей туше зверя. Оставалось стоять без движения и воссылать

к небесам молитвы об удалении медведя. Господь, по-видимому, услышал молитву моего отца, ибо медведь изменил направление, повернув влево от него, в чашу, к тому месту, где лежала вывороченная с корнем ель. Ещё минута и медведь, к позору стрелков, был бы за цепью! Но тут произошло совсем неожиданное... Как только медведь приблизился к корню означенной ели, блеснул огонь, над корнем поднялось облако дыма, зверь страшно рывкнул и как скошенный опустился на снег, а вслед затем раздался гром, как бы от пушечного выстрела. Старик и плынта доказали, что смех и шуточки, направленные против них, были более чем преждевременны. Плынта изрядно сослужила службу в руках старика. Куля попала зверю прямо в сердце, пронизав насквозь медведя, она вышла несколько выше заднепроходного позвонка и сломала близ стоящее осиновое деревцо. Результат охоты ободрил и развеселил испуганных охотников; живо собрались все стрелки посмотреть на зверя. Не явился только стрелок, бежавший с облавы; оказалось, что он благополучно добрался до своих лошадей и немедля уехал домой. Стрелки уже не смеялись над стариком и его плынтой; роли изменились: старик, сидя на туше зверя, держал в руках рожок с нюхательным табаком и, улыбаясь, предлагал «панычам» понюхать табачку, уверяя, что табак полезен «от переляку» (испуга).

С этого дня старик Нечаев стал известен в округе под кличкой «Плынты».

В последние два десятилетия медведи стали редко появляться сюда. Охоты на них почти совсем прекратились. Зимой зверь уже не находит здесь достаточно покойных и безопасных мест для устройства берлог, но продолжает навещать здешние леса, так сказать, мимоходом. Прошлую зиму, как выше уже сказано, медведь довольно долго держался в Мглинских лесных дачах и ушёл по направлению к Могилёвской губернии.

Волков здесь было чрезвычайно много, да и в настоящее время этот хищник в здешних лесах водится в значительном количестве. Чтобы судить о количестве бывших у нас волков достаточно сказать, что в одних Мглинских лесных дачах ежегодно было не менее двух выводков волков, а бывали нередко времена, когда число их доходило до 4-х. Бывало, каждое лето, утром и вечером слышались то в той, то в другой стороне, наводящие какую-то безотчётную тоску, хоровые песни волчьих выводков. Эти песни пелись ежедневно перед восходом и заходом солнца прибылыми волками, по случаю

утреннего возвращения в гнездо матерых и по случаю вечернего удаления их оттуда на хищничество и разбой.

Памятны мне зимние тихие вечера, когда луна своим фантастическим освещением открывает взору чудные картины; целые мириады алмазов отражают на верхнем слое снега ослепительный блеск. Мороз-трескун вырывает гвозди из строений, нарушая изредка глубокую тишину. На селе всё спит. Вдруг раздаётся вой, грызня, лай на все лады многочисленной стаи волков, справляющей где-нибудь, в расстоянии полверсты (а то и ближе) от села, свадебный пир. В ответ им раздаётся дружный протяжный лай сельских собак. Жутко приходится тогда в лесу одинокому путнику. Волки в это время, как известно, голодны, злы и особенно дерзки. В один из таких вечеров посланный из нашего села в г. Сураж за покупками всадник возвратился перепуганный до смерти, без одного лаптя (обувь из липовых лык) и с окровавленной лошадей. Волки преследовали его до самой усадьбы, сорвали лапоть, поранили лошадь, и если бы лошадь не вызволила, то, конечно, всадник и лошадь неминуемо бы погибли.

Как-то на сочельник в 1874 года, по случаю оттепели, мой отец, с четырьмя гончими собаками, отправился в окрестностях Нивного поохотиться на беляков. Через несколько часов он возвратился домой страшно взволнованный, с тремя собаками, из которых одна оказалась сильно израненной. На него и на собак напали волки; отец сделал по ним два выстрела, и пока волки разрывали своего убитого товарища и собаку, попавшую к ним в лапы, отец успел сесть в санки и ударить по лошади. Волки, однако, дружно погнались за ним; к счастью, встретившийся обоз с дровами и крик людей заставил дерзких хвостатых разбойников своротить в лес. Извозчики насчитали 26 штук волков. Испуг, однако, не прошёл даром: шесть недель после этого отец был тяжело болен жестокой горячкой, едва не доведшей его до могилы.

Сколько раз волки заявляли о себе самым дерзким хищничеством, то подкапывались под овчарни и убивали по несколько десятков овец, то резали поголовно всех собак на усадьбе.

Один раз, в конце лета, несколько волков напали на стадо рогатого скота. Всё село вышло воевать с хищниками; победа, однако, оказалась на стороне последних, так как волки удалились без вреда для себя, оставив на месте происшествия зарезанных двух коров и быка, и израненных 6 штук прочего скота. Замечательно, что та-

кими дерзкими нападениями они заявляли себя вскоре после облав на них. Наши крестьяне объясняют подобные нападения волков не только голодом и алчной природе волка, сколько мезтью за свою, пострадавшую на облавах, братию.

Немало было и курьёзных происшествий с волками. В Кремове, в усадьбу помещика Есимонтовского, в декабре месяце, ночью явилась во двор волчиха, очевидно нуждавшаяся в мужском обществе. Крупные дворовые собаки Есимонтовского, однако, нелюбезно поступили с общительной дамой: они энергично атаковали её, загнали в угол двора и держали там её до тех пор, пока дворовые люди, вооружённые кольями и ружьями, не покончили с ней. На следующую ночь, по её следам, ко двору явилось несколько волков, из которых один был убит и оказался самцом. Дряхлые от старости волки были чрезвычайно нахальными, хотя и менее опасными. Один старик-волк всё лето у нас, на усадьбе, преследовал молодых индеек и гусят и постоянно держался подле гуменного и скотского дворов. Однажды, будучи очевидцем нападения этого волка на индейку, я погнался за ним и бросил в него палкой; волк огрызнулся, оставил было индейку, но затем взял её опять и тут же, в кустах, стал завтракать. Был случай зимой, когда на рассвете наш человек, подойдя во двор к санкам, чтобы приготовить их для поездки за дровами в лес, увидел на соломе в санках лежащего старика-волка. С большим неудовольствием расстался волк со своей мягкой постелью и, не торопясь, удалился в лес. А сколько прошло передо мною, грустных по последствиям, случаев нападения бешеных волков в селениях на людей и домашних животных.

Охоты на волков производились здесь ежегодно, почти в каждой экономии, посредством облав, устраиваемых «между двумя Пречистыми», т. е. между 15 августа и 8 сентября. До уничтожения крепостного права, об устройстве облав обыкновенно заботились сами помещики или управляющие их имениями; после освобождения крестьян от крепостной зависимости, заботы об устройстве этих охот лежали и по настоящее время лежат на уездной полиции, волостном и сельском начальстве. Помещичьи и вообще частные облавы всегда отличались от официальных таких охот большим порядком. В прежние времена были мастера подвывать и сочить (выслеживать) волков, была некоторая дисциплина между стрелками и гонцами, были хорошие тенета и опытные тенетчики; каждый знал и исполнял своё дело весьма удовлетворительно. Совсем

иными представляются нынешние полуофициальные облавы, отличительные признаки которых — шум, гам, суматоха, одним словом, полнейший беспорядок. Само собой разумеется, что результаты тех и других облав были далеко не одинаковы; между тем как на прежних облавах зачастую выбивался выводок весь, поголовно, с матерями и перелярками, и почти никогда не бывало случая, чтобы намеченный выводок оказался вне круга облавы, — на нынешних же облавах, следствии описанных беспорядков и за неимением опытных обкладчиков, больше разгоняют волков, чем бьют... Неудивительно поэтому, что волки в нашем уезде до настоящего времени ещё многочисленны и своим хищничеством причиняют сельскому хозяйству весьма чувствительное зло.

Гончих собак, гоняющих по волку, здесь нет ни у кого. Охота нагонкой никогда не практиковалась и почти неизвестна. Охоты с поросёнком, во времена оны, устраивались помещиками, нередко с большим успехом; теперь же этой охотой никто не занимается. Стрельба волков на «падали» считалась всегда общепотребительной охотой у крестьян; и в настоящее время нередко убивают таким способом волков. Бывший наш дворовый человек — Иван Силыч Камлев, отличный стрелок и охотник, убил на падали не один десяток волков. Замечательный человек этот Камлев; он создан был, по-видимому, только для охоты. Грубиян, любивший при всяком случае «убить муху», как рабочая сила, по лености своей, никуда не годный, тем не менее, на охоте был незаменим. На всякого зверя и на всякую пернатую дичь он был великий мастер. Глухарей, тетеревов и в особенности зайцев, больше его, конечно, никто не убивал во всём околотке. С ним на охоте бывало немало разных курьёзов. Между прочим, был такой случай. Однажды зимой, утром, по зову моего отца, явился Иван с обвязанным, сильно исцарапанным, открытым синяками и распухшим лицом. Предположение о недавней драке с кем-либо в шинке оказалось неверным. Он был совершенно трезв. Причина повреждений была иная. Случилось же вот что!

Камлев где-то накануне раздобыл дохлого подсвинка и, недолго думая, близ гуменного двора, где почти каждую ночь проходили волки, положил эту падалю, шагах в 15-ти от плетня, привязав её верёвкой к плетнёвому колу; с наступлением вечера он поместился за плетнём и стал поджидать волков. Сидит несколько часов, мёрзнет, бодрствует, а волков всё нет, как нет. К рассвету сон начинает одолевать его; а между тем уйти нельзя — авось придёт зверь.

И вот он придумывает очень умную штуку: отвязывает верёвку от плетня, завязывает её вокруг своей шеи и засыпает крепким сном. Беспокоится нечего: волк, если придёт и станет есть падалю, неминуемо разбудит его. Каким образом был нарушен сон Камлева, объяснять нечего: следы повреждений на лице его явно свидетельствовали о происшедшем. На снегу подле падали оказались следы двух волков, покушавшихся порвать верёвку и унести падалю; вероятно, они и успели бы это сделать, если бы Камлев, как он сознался, не испугал их неистовым криком от боли и испуга. На следующую ночь на этом же месте Камлев всё-таки убил волка и был несказанно рад, полагая, что покончил именно со своим «обидчиком».

В старину практиковались разные способы истребления волков: устраивались в разных местах волчьи ямы, ставили капканы, клали в глухих местах отравленную мышьяком падалю и прочее. До настоящего времени сохранились от волчьих ям значительные углубления, которые и теперь называются «волковнями». Более усовершенствованные способы истребления волков, как, например, посредством пилюль, отравленных стрихнином, здесь не употребляются.

Лоси в прежние времена встречались довольно часто; здесь они постоянно водились. Каждый год окрестными помещиками устраивались на них 3–4 облавы, по результатам всегда удачные. Случалось, что обкладывали в одном загоне по 9–12 штук. Встреча в лесу с лосем не была редкостью. Был даже случай, когда лось среди белого дня на виду многих переплыл реку Ипуть и появился в г. Сураже, на базарной площади. Городские охотники, узнав о появлении нежданного гостя, бросились за ним в погоню и, кажется, в окрестностях города убили его. Суражцы, однако, более всего удивлялись не появлению в городе известного своей осторожностью зверя, а необыкновенному, вследствие этого события, пробуждению у местного казначея какого-то непонятного охотничьего порыва. Он никогда не держал в руках ружья, в жизни своей не бывал ни на одной охоте, боялся выстрела, не любил и, так сказать, игнорировал охотничью страсть, и вдруг, увидев со двора своей квартиры лося, к неописуемому удивлению своего многочисленного семейства, будучи одет в цветной халат, вскочил на неседланную лошадь и поскакал по улицам города за зверем. Чтобы понять весь комизм этого происшествия, нужно представить себе высокую и неуклюжую фигуру престарелого казначея верхом на

неосёдланной, малорослой лошадке. Никогда, до и после этого случая, почтенный казначей не ездил верхом на лошади. Известен же он был в городе за человека серьёзного, с крутым нравом. Курьёзнее всего то, что сам казначей не мог объяснить тех внезапных побуждений, благодаря которым решился скакать по городу в халате за зверем, и стыдился своего поступка.

Вот и другой случай, но уже не с комическим, а с трагическим исходом. В августе беременная женщина из нашего села пошла в лес за грибами, там набрела на лежащего в чаще лося; видя, что зверь окровавлен и лежит без движения с закрытыми глазами, женщина очевидно приняла его за мёртвого и, неосторожно приблизившись к тяжело раненому зверю, поплатилась своей жизнью. Через несколько дней нашли мёртвого лося и подле него убитую им женщину. Положение трупа женщины и повреждения, найденные на нём, свидетельствовали, что зверь ударил её задней ногой прямо в живот. Как велика была сила удара этого, можно судить по тому, что у потерпевшей живот оказался разорванным и часть внутренних органов очутилась на ветке соседнего дерева.

Охоты на лосей производились осенью и зимой, преимущественно облавами. Крестьяне же большей частью били лосей посредством скрадывания и при случайных встречах. В настоящее время лось составляет здесь такую большую редкость, что вот уже несколько лет подряд не только никто не убил лося, но едва ли кто и видел его. Зверь, очевидно, истреблён окончательно в этой местности и окрестностях.

Рыси ещё не так давно нередко встречались в наших лесах, а лет 35 тому назад они постоянно держались и водились даже здесь. Местные жители рысь не считали зверем опасным ни для себя, ни для домашних животных. В здешних местах не знают ни одного случая нападения рыси на человека и на крупное животное. Усвоив себе такой же точно взгляд на характер рыси, я был немало удивлён впоследствии, узнав из книжек Брэма («Жизнь животных») и А. Черкасова («Записки охотника восточной Сибири») о нападении рысей на крупных зверей, каковы: лось, изюбр, олень и прочие, и о свирепой кровожадности этого зверя. У нас же, повторяю, рысь ведёт себя скромно и питается преимущественно зайцами. Раненая рысь, если имеет возможность бежать, всегда удаляется не только от человека, но даже и от собаки. Она не нападает на своих врагов, но защищает свою жизнь энергично. Если

увидит, что ей не уйти от собак и охотника, то, защищаясь, яростно бросается на ближайшего врага и, пуская в дело свои необыкновенно острые когти, нередко наносит ему смертельные раны. Чаще всего гибли здесь неопытные гончие собаки при стрельбе рысей на деревьях. Собака, бросившаяся к упавшей с дерева тяжело раненой рыси, почти всегда платится за свою неосторожность жизнью. Мой отец, таким образом, лишился однажды своей лучшей гончей собаки, которой рысь распорол или, вернее, разорвала живот. Здешние старые охотники подразделяют рысей на три вида, отличающиеся между собой величиной и цветом меха. К первому виду относятся самые крупные (полтора аршина длины и более) белесовато-рыжие, с едва заметными рыже-бурыми крапинками и с обширным белым подбрюшником и подгрудником. Второй вид несколько менее по величине первого (не длиннее пяти четвертей). Мех рыси густой, мягкий, рыжевато-жёлтый, усеянный бурыми пятнышками. Белой шерсти под брюхом и под шеей значительно меньше, чем у рысей первого вида. Наконец, третий вид, очень редко встречающийся здесь, отличается очень густым, мягким, красновато-рыжим мехом, с довольно крупными пятнами бурого, почти чёрного цвета. Рысьи меха сбывались обыкновенно в Мглине и в Сураже и ценились неодинаково. За шкуру первого вида рысей платили 2 руб. 50 коп., второго — до 5 рублей, и, наконец, шкурка третьего вида продавалась по 5, 10 и даже 15 рублей, несмотря на то, что рыси этого вида были немного более крупного роста.

Бросаясь на зайца, рысь делает не более трёх громадных (аршин восемь каждый) прыжков. Большой частью за третьим прыжком она настигает зайца и, разрывая, выпивает, прежде всего, его кровь. Но если бы рысь на третьем прыжке не поймала зайца, то, как бы она не была голодна, никогда не сделает четвёртого прыжка и оставляет зайца в покое. Наблюдая за следами рысей, я неоднократно убеждался в истине описанного способа нападений рыси на зайцев. Несмотря на свою кровожадность, рысь ест очень мало: одним зайцем она насыщается на двое суток и более. Будучи зверем бродячим, она постоянно переходит из одной местности в другую: сегодня она здесь, завтра ушла за несколько вёрст в другой лес, потом возвращается опять на старое место; но там, где рысь поймала зайца, она имеет обыкновение отдыхать и нередко держится в том месте несколько суток. Только от собак рысь скрывается на деревьях, по которым лазает превосходно. От человека она

обыкновенно скрывается бегством; громадными прыжками быстро уносится рысь в чащу леса и, только удалившись на значительное пространство, останавливается и, убедившись, что опасность миновала, идёт «пешком», не торопясь. По следам можно определить количество рысей в данной местности, что очень трудно; они, как некоторые другие звери, идут одна за другой, наступая как раз на след первой рыси, и делают это так искусно, что почти не увеличивают и вообще не изменяют формы сделанного передовой рысью следа.

Специальные охоты на рысей — облава и охота с собаками. Впрочем, такие специальные охоты устраивались здесь редко, большей частью рысей били случайно на облавах по другим зверям, на охотах с гончими по зайцам и, в особенности, на охотах за рябчиками посредством нагона. Собаки, напав на свежий след рыси, находили её и обыкновенно загоняли на дерево; на лай собак охотник являлся к дереву и убивал зверя. Охота на рябчиков посредством нагона всегда доставляла мне большое удовольствие и устраивалась обыкновенно в глубокую осень таким образом. Собирались человек 6–8 охотников, в качестве стрелков, и человек 10–15 крестьянских мальчиков, в качестве гонцов; в известной местности леса устраивалась в миниатюре облава, с той лишь разницей от неё, что гонцы не кричали и не трещали трещотками, а легонько, подвигаясь вперёд, постукивали палочками по стволам деревьев; рябчики, перелетая с дерева на дерево, приближались к цепи стрелков и падали под их выстрелами. В короткий осенний день брали во время таких охот до 10 и более тоней, причём нередко охоты были очень удачными и по количеству, и по разнообразию убитой дичи. Кроме рябчиков и зайцев, убивали рысей, лисиц и даже волков.

На одной из таких охот произошёл, между прочим, такой случай. На неопытного охотника Губчица вышла рысь, тот выстрелил и положил её на месте. Под влиянием радости и сильнейшего возбуждения, Губчиц, недолго думая, схватил рысь и потащил показать моему отцу; между тем рысь очнулась как раз в то время, когда находилась в объятьях Губчица, и стала работать когтями. Губчиц, однако, не бросил её, а сдавил в своих объятьях так сильно, что рысь моментально издохла. Когда подошли охотники, Губчиц, бледный как снег, продолжал держать рысь. Оказалось, что под влиянием сильнейшего нервного потрясения, он не мог освободиться от рыси и сделать движение руками. Двум охотникам пришлось употребить

значительные усилия, чтобы разнять руки Губчица, который только спустя несколько часов после этого пришёл в себя и успокоился. Рысь успела на нём прорвать только полушубок, не сделав ему никакого вреда.

В Нивном ещё два крестьянина-охотника (Евдокименко и Куцый) славились искусством своим выслеживать рысей и убивать их при содействии простых дворняжек, которые, однако, так искусно были выдрессированы, что при выслеживании зверя на этой охоте вполне заменяли сибирских лаек. Умная собака, идучи по следу на несколько сот шагов впереди своего хозяина, подняв рысь, бросалась на неё с лаем, а та, по обыкновению, спешила взобраться на ближайшее дерево и оставалась там до тех пор, пока не падала от меткого выстрела охотника.

По мнению здешних охотников, основанному на опыте, рысь не очень чувствительна к ране. Дробью № 3 и даже 4-й её убить наповал нетрудно. Получив лёгкую рану, она уходит недалеко и обыкновенно на некоторое время залегает. Нет ничего легче убить рысь на дереве. Стреляйте в неё сколько угодно, она будет лежать на сучьях дерева неподвижно, пока смертельная рана не обессилит её. Если охотник уйдёт от дерева, но оставит там что-нибудь из своего платья, развесив его на ветках, рысь никогда не решится уйти; она, по-прежнему, будет лежать неподвижно и пристально смотреть на платье. Здесь хорошо знают это свойство зверя и нередко пользуются им, в случае если не окажется на лицо ружья или зарядов. Охотник всегда успеет сходить домой, взять, что ему нужно, возвратиться к дереву и покончить с рысью.

Дикие козы и козули (косули) водились и прежде здесь не в большом количестве; в настоящее время они считаются редкостью. Заходят козы сюда из Суражского и Мглинского уездов, где их всегда было больше чем здесь. Чем объяснить сравнительную малочисленность коз в Мглинском уезде, не знаю. Не нравятся ли им наши лесные равнины, или их здесь более, чем там, беспокоят хищные звери и человек; но так или иначе, а коз, повторяю, всегда здесь было мало. Специальной охоты на них также не было и нет.

Лисицы, столь часто встречающиеся по балкам и байракам (буеракам) Екатеринославской и Харьковской губерний и вообще на юге России, здесь, в Мглинском и Суражском уездах, несмотря на благоприятные условия для размножения, никогда не водились в большом изобилии. Правда, лисицы, не только огнёвки, но даже

и крестовки, далеко нередки; сказать же, что лисиц у нас много, — нельзя. Охота на этого хитрого зверя, благодаря обширным лесным пространствам, была всегда затруднительна. На облавах они как-то ухитряются пройти мимо стрелков. На охоте же с гончими лисица здесь уводит гончих собак так же далеко, как и коза. Таким образом, лисиц убивают здесь очень немного, маленьких лисят выкапывают и выкуривают из нор редко.

В старину, кроме упомянутых зверей, было много куниц, барсуков, выдр, хорьков, норок, встречались горностаи и даже бобры. Последние строили свои жилища на речках Воронусе и Нивлянке; бобры истреблены здесь окончательно очень давно; выдры и куницы водятся и в настоящее время, но составляют редкость. Барсуки встречаются чаще. Норки и хорьки держатся в изобилии. Об охоте на всех этих зверьков сказать нечего, так как добывание их здесь носило всегда случайный характер. Куниц, впрочем, преследовали крестьяне-охотники, благодаря ценности меха, всегда энергично. Норок ловили и ловят здешние крестьяне-рыболовы довольно часто зимой в малых речках, в венгеря. Чаще всего попадают норки в венгеря в феврале и начале марта, во время нереста налимов. Шкура норки ценится от 1 р. до 1 р. 50 к.

Белка водится во множестве, но на неё никто не охотится по малоценности меха.

Говоря об описываемой местности, как об Эльдорадо для охотника, я имел ввиду главным образом удобство здешней охоты и замечательное обилие некоторых пород описываемой дичи. Сюда относятся, прежде всего, зайцы и тетерева. В самом деле, нельзя не удивляться многочисленности водившихся и водящихся здесь зайцев и необыкновенной их способности размножаться.

Выше уже упоминалось, что здесь издавна каждый крестьянин считал своей обязанностью обзавестись ружьём. Ружьё для него вещь столь необходимая и полезная как топор, коса, пила, плуг и прочее. Имея у себя оружие, он без особого труда добывает и для собственного потребления дичь, и для продажи. Местные крестьяне продают дичь в Мглине и Сураже и соседним землевладельцам, проживающим в ближайших сёлах и деревнях... Выручка за проданную дичь нередко хватает крестьянину не только на покупку водки, соли, хлеба и вообще предметов первой необходимости, но даже и на уплату части податей, несмотря на то, что цены на дичь были всегда очень низки, да и в настоящее время, хотя они и подня-

лись, но всё-таки сравнительно весьма невысоки. Заяц ценится от 15 до 40 коп., тетерев — 25 к., тетерька — 15 к., рябчик — 10 к., глухарь — 50 к., глухарка — 20 к., припутень — 10 к., клинтух — 5 к., горлица — 3 к. и пр. Если принять во внимание, что крестьянин охотится преимущественно на зайца и тетерева, то в виду объяснённого выше, станет понятно, какая масса этой дичи здесь истреблялась и истребляется. И действительно зайцев и тетеревов истребляют здесь громадное количество, зайцев — во все времена года, а тетеревей преимущественно осенью или весной. Впрочем, об охоте на тетеревей скажу ниже, а теперь сообщу кое-что о зайцах.

Здесь водятся три вида зайцев: тумак, русак и беляк. Первый вид встречается, впрочем, довольно редко, второй — чаще, а третий водится во множестве. В старину же во всех зарослях и лесах зайцы держались чуть ли не на каждой десятина. И какими только способами не истреблялись здесь эти несчастные зверьки! На них постоянно охотились с гончими собаками, на облавах стреляли и загоняли в тенета, били на кошарах и на ярях, ловили в капканы и петли, скрадывали по малику и вообще по порошам, и проч. Волк, рысь, лисица и сова истребляется также часто. При всём этом заяц водится повсеместно и в значительном количестве. Бывают нередко и такие года, когда между зайцами развивается какая-то эпизодическая болезнь, истребляющая их поголовно в той или иной местности. Находят много заячьих трупов, покрытых какими-то струпами. Казалось бы, что после этого в данной местности не скоро должны появиться зайцы, а между тем, проходит год, много два, зайцев опять в изобилии.

Кстати, несколько слов о гончих собаках, которых держат специально для заячьих охот. О местных гончих, к сожалению, нельзя сказать ничего хорошего. В старину, правда, здесь были чистокровные породы костромичей и польских; были многочисленные и хорошо подобранные стаи гончих, в том числе и у моего деда, отчаянного любителя охоты с гончими и опытного охотника. У него было несколько прекрасных смычков, приобретённых в Могилёвской губернии от известных охотников Галынских. Впоследствии хорошие гончие собаки перевелись повсеместно. Много собак уничтожили волки, ещё более погибло их от водобоязни или бешенства и от дурного ухода. В настоящее время о хорошо подобранной стае чистокровных гончих собак не может быть и речи. Костромские смешались с польскими, дворнягами и овчарками. Кроме жалких

ублюдков, гоняющих «кто в лес, кто по дрова», других собак, которые бы заслуживали названия гончих, здесь нет ни у кого. У крестьян даже такие ублюдки составляют редкость.

Переходя к царству пернатых, прежде всего, следует остановиться на глухаре — пернатом великане. Как известно, эта птица держится в глухих хвойных и смешанных лесах, по возможности удалённых от жилых мест. Здесь, однако, лет 20 тому назад, ходить на охоту за глухарями приходилось не особенно далеко. В версту и никак не более полторы версты расстояния от нашей усадьбы всегда держались глухари и притом в значительном количестве. Ранней весной глухариных токов в окрестностях Нивного бывало по пяти и более. Не было надобности ездить и ходить далеко, а тем более ночевать в лесу. Местные помещики не особенно жаловали эту охоту, сопряжённую с бессонными ночами и усталостью от ходьбы по снегам и лесам, зато крестьяне усердно посещали тока и били глухарей немало; они же летом истребляли большое количество глухарей (колопух) — маток. К осени охотники стреляли успешно молодых глухарей на ягодах, в пожаряках. В остальное время года охота на глухарей носила случайный характер. Во второй половине 70-х годов и в начале 80-х, глухари здесь уменьшились до такой степени, что стали считаться очень редкой птицей. В последнее время эта птица, по-видимому, опять начинает размножаться. В 1884 году на глухариных токах крестьяне охотились довольно удачно. Весной 1885 года в окрестностях села, в лесу уже было три самостоятельных глухариных тока, причём нивлянские крестьяне-охотники на этих токах убили 17 штук глухарей. Летом было убито несколько глухарок или, как здесь называют, глушиц. Я сам видел одного глухаря и встретил два выводка глухарят с уцелевшими матками.

Тетерева здесь считались всегда самой многочисленной дичью. Все заросли, пожаряки и смешанные леса были наполнены ими. Весной незачем было далеко идти в лес, чтобы слышать песни токовилов. В это время со двора нашей усадьбы, по утрам, были отчётливо слышны бесчисленные монотонные звуки любовного бормотанья токующих косачей, доносившихся с разных сторон. Казалось, воздух переполнен был такими звуками. Тетеревиные тока были многочисленны и очень оживлены; за то и били тетеревей на токах очень много. Весной истреблялось косачей более чем в остальное время года. Оканчивалась охота на токах, ловили тетерек на яйцах, в хатки (западни), особенным образом устроен-

ные на самих гнёздах. Тетеревиные яйца и живые тетерьки беспрепятственно сбывались не только соседним землевладельцам, но и в городе. Летом стреляли тетерек-маток и ловили поршков, последних нередко для того только, чтобы дома позабавить детишек. Никто не обращал внимание на такое бессовестное истребление дичи. В конце лета молодые тетерева уже настолько велики, что крестьяне стреляют их большей частью на деревьях, на которых одиночные тетеревята поднятого выводка садятся охотно. Здесь охота с легавой мало была в употреблении и не пользовалась уважением. Легавых собак, пойнтеров и сеттеров почти никто не имел. Читая рассказы охотников о том, как охотясь по тетеревят, исходив иногда десятки вёрст, они возвращались домой с пустыми ягдташами, не найдя ни одного выводка тетеревов, я думал: вот, если бы эти господа охотники попали в здешние места, тут бы они насладились любимой охотой. И действительно, с хорошей собакой опытному охотнику тут можно охотиться на славу в начале лета, в таких местах, как Кремово, Струженка, Фёдоровка и пр.; в лозовых и берёзовых кустах линияющих косачей множество. В конце июля и в августе охоты по тетеревиным выводкам превосходные. В конце 70-х годов, будучи летом в Нивном, я несколько раз охотился по тетеревам с гончим ублюдком, который, не имея понятия о стойке, умел только артистически разгонять выводки, и при всём этом охоты были удачны: за 2–3 часа охоты убивал по 5–8 штук. В особенности добычлива была охота во второй половине августа в пожаряках, изобилующих брусничкой. В течение всей осени лёт тетеревей на поля, где только скошена была гречиха, был прекрасный. Близ таких полей, подле излюбленных тетеревами деревьев, устраивались шалаши, ставились чучела (болваны). Стрельба тетеревей из шалашей общеупотребительна и распространена в здешней местности. Чтобы обеспечить по возможности наибольший успех на этой охоте употреблялись иногда один, два, а то и более загонщиков и гонцов, пеших или конных, обязанность которых заключается в том, чтобы вспугивать и вообще тревожить тетеревов, сидящих на деревьях в окрестности. Менее распространена охота с подъезда зимой; ей занимаются большей частью землевладельцы и вообще зажиточные охотники. Независимо от упомянутых охотничьих и неохотничьих способов истребления тетеревов, здесь уничтожали громадное количество тетеревов петлями и шатрами; последние, к счастью, уже совершенно вывелись из употребления,

а первые, т.е. петли, и теперь секретно ставятся в известных местах во множестве. Петли ставят обыкновенно весной на токах, а в августе на брусничниках, куда в изобилии собирается утром и вечером эта птица. Это возмутительное орудие истребления дичи чаще всего употребляют крестьяне и, к сожалению, совершенно безнаказанно. Но петли, уничтожение поршков, стрельба тетерок-маток и собиранье яиц — ничто в сравнении с ловлей тетеревов в шатры, которыми поголовно истребляется дичь в известной местности. Чтобы накрыть тетеревов шатром, нужно прекрасно знать нрав и характер птицы и предпринять для успеха немало подготовительных действий. Во-первых, надо вывязать сеть для шатра, который по форме напоминает обширную палатку; а для этого, помимо труда, потребно значительное количество крепких и тонких ниток; во-вторых, нужно уметь выбрать подходящее уединённое место, посещаемое тетеревами, вдали от проезжих дорог; в-третьих, затратить на приваду тетеревов в этом месте много всякой мякины, гречихи с соломой и без соломы, и прочее; в-четвёртых, сообразуясь с нравом и характером тетеревов, следует суметь не только приваждать их к данному месту, но и приучить постепенно к шатру. Последнее условие требует особенного терпения и знание привычек птицы. На все подготовительные действия потребно не менее четырёх недель. Мастера этого дела, при благоприятных условиях, одним движением верёвки, протянутой от шатра к шалашу, накрывают сразу всё наличное количество тетеревов данной местности, пар 300, 400 и более, и тут же закалывают их, оставляя пары две, три (да и то не всегда) на «расплод». Благодаря всему этому, здешней местности тетеревов несравненно меньше стало в настоящее время против прошлого. Однако тетерева далеко не перевелись ещё, бывают нередко такие года, когда тетеревов появляется очень много, и когда невольно можно воскликнуть: вот, если бы настоящий охотник с хорошей легавой собакой попал в эти места в августе, то-то была бы утеха!

Судьба здешних рябчиков очень печальна: им грозит в недалёком будущем полнейшее истребление от уничтожения лесов. Рябчиков здесь водилось, если не больше, то никак не меньше числа тетеревов, в последнее время, с каждым годом эта птица всё реже и реже встречается в здешних лесах. Здесь известны два способа охоты на рябчиков: 1) весной с пищиком и 2) осенью и зимой нагоном. Кроме того, охотники и в прочее время года нередко бьют рябчиков при случайной встрече.

То же самое, что сказано о рябчиках, можно сказать и о спрыхе куропатках, с той лишь разницей, что причиной уменьшения этой дичи следует считать не только лесоистребление, но и суровые снежные зимы, шатры и вентеря, в которые, во время метелей, ловили на гуменных дворах досужие крестьяне-промышленники большое количество куропаток. Правильной ружейной охоты по куропаткам почти никогда здесь не было. Крестьяне, дорожа порохом и дробью, стреляли по ним только тогда, когда была полная вероятность одним выстрелом положить несколько штук, а это случилось только зимой во время засидок на привадах.

В истреблении лесов следует искать причину уменьшения здесь диких голубей. Впрочем, на недостаток их ещё нельзя жаловаться. Голубей здесь много и теперь, причём известны три вида: припутни или белокрыльцы, клинтухи или витютни и горлицы или турлушки. В конце июля и в августе лучшие охоты по голубям, когда они собираются значительными стаями на жнивах и на озимых посевах. Крестьяне в это время охотно стреляют их, причём, нередко одним выстрелом убивают по несколько штук.

Перепёлок и коростелей здесь очень много, но охотников на них нет.

Дорожа зарядами и стараясь, прежде всего, из охоты извлечь пользу, местные охотники всегда относились с призрением к такой дорогой для истинного охотника дичи, как к вальдшнепу, дупелю, бекасу и гаршнепу. Даже в настоящее время очень немногие охотники решаются стрелять по этой дичи и, по-видимому, не находят особого удовольствия в этой охоте. Может быть, благодаря такому отношению местных охотников к достоинствам этой дичи, здесь упомянутые долгоносики водятся в достаточном количестве. С прискорбием должен отметить тот факт, что в последнее пятилетие некоторые крестьяне стали давить петлями и даже стрелять дупелей на токах. Особенно успешно этим бессовестным способом занимается несколько жителей Кремово и Струженки. Вальдшнепы, равно как и все его младшие долгоносые братья, здесь гнездятся и выводят детей. Вальдшнеп тянет не только в апреле, но и в течение мая и июня месяцев. Дупелиные места многочисленны по лугам речек; дупеля держатся, кроме того, на нескольких лесных болотах, потных и кочковатых пожнях.

Разные породы уток, преимущественно кряква и чирок, водились здесь всегда в большом количестве. Охоты на утиных

перелётах были веселы и удачны. В настоящее время от этих охот остались лишь приятные воспоминания. Бывало, крестьяне каждое лето, ещё далеко до Петрова дня, исходят со своими собаками вдоль и поперёк многие болота и возвращаются домой обременёнными целыми ворохами утят, которых частью продают, часть потрошат и солят. К празднику Петра и Павла некоторые крестьяне успеют насолить целые кадки этой дичи.

Из хищных птиц встречаются орёл, филин, сова, коршун и разные виды ястребов.

Мелкие породы птиц здесь необыкновенно разнообразны и многочисленны; особенно много певчих птиц. Не только весной, но и в течение всего лета лес оживлён щебетанием и порханьем множества птичек.

Подводя итоги всему сказанному, приходится сделать заключение, что много и очень много зверя и всякой дичи убавилось в нашем крае, вследствие бесхозяйственного истребления лесов и неправильной охоты; при всём этом, описанная часть Мглинского уезда, даже в настоящее время, при сравнении с многими другими местами России, по обилию дичи и по удобству охоты, должна быть поставлена в ряду лучших охотничьих мест. Конечно, если бесхозяйственному истреблению лесов и дичи не будет положен в скором времени предел со стороны собственников и подлежащей власти, то недолго придётся ждать того времени, когда не только коза, глухарь, рябчик и куропатка, но даже заяц и тетерев будут здесь большой редкостью, а волки по-прежнему станут множиться и будут наносить чувствительный вред сельскому хозяйству.

ДЕТИ НИКОЛАЯ АНДРЕЕВИЧА ЛИШИНА

Николай Андреевич Лишин был женат, с 1875 г., на Ольге Ивановне, дочери генерал-майора И. Е. Порохни. Детей у них было четверо: Николай, Михаил, Борис и Ольга.

Из воспоминаний Александра Ивановича Дудина и Татьяны Борисовны Дудиной, внука и правнучки Б. Н. Лишина.

«...Мой прадед, Николай Андреевич Лишин, был седьмым ребёнком генерал-лейтенанта Андрея Фёдоровича Лишина и Констанции Ивановны, и проживал со своей женой Ольгой Ивановной (урождённой Порохня) в г. Одессе по улице Ремесленная, дом № 5 (в настоящее время улица Осипова). Дом принадлежал ему и его

старшему брату Михаилу Андреевичу Лишину (дом сохранился в настоящее время).

В 1876 году у них родился первенец, которого назвали в честь восприемника Николая Андреевича — императора Николая I — Николаем. Второй сын, родившийся 1878 году, был назван Михаилом — в честь старшего брата, но прожил он недолго, умерев в возрасте восьми лет. Третьим бременем Ольга Ивановна разрешилась близнецами, моим дедом Борисом и его сестрой Ольгой — названной в честь матери...

Семья Николая Андреевича Лишина

...Начальное образование дети-близнецы получили дома, при этом основной упор делался на обучение иностранным языкам.

Михаил умер (утонул в Ипути) отроком и похоронен был в церкви села Нивного 15 сентября 1886 г. Мальчик был талантливым и одарённым, с детства он с большим старанием учился играть на скрипке.

Единственная дочь Николая Андреевича Лишина, Ольга, в 1902 г. вышла замуж за графа Ф. И. Ростовцева. Сестрой милосер-

дия от Касперовской общины принимала активное участие в русско-японской и Первой мировой войне. Награждена Георгиевским крестом.

ЛИШИН НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (1876–1914)

УЕЗДНЫЙ ИСПРАВНИК

Николай Николаевич — сын Николая Андреевича Лишина и Ольги Ивановны Порохни.

Николай Николаевич, закончив Владимирский Киевский кадетский корпус, в 1895 г. поступил в Константиновское артиллерийское училище в Петербурге. 13 августа 1897 г. вышел из училища в чине подпоручика в 32-ю артиллерийскую бригаду. В чине поручика вместе с бригадой принимал участие в русско-японской войне, командовал ротой. Был адъютантом командующего Одесского военного округа. Состоя в должности заместителя начальника жандармского отделения. Погиб в г. Андреанополь в 1914 г. Похоронен в Одессе. Жена — баронесса Мария Карловна Леммерман, дочь действительного статского советника. Дети Дмитрий, Фёдор и Елена. Фёдор похоронен вместе с матерью на русском кладбище в Париже.

Сохранился очерк о нём Сергея Ивановича Плаксина, инспектора по делам печати г. Одессы, написанный 2 февраля 1915 г.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ЛИШИН. ПОМОЩНИК НАЧАЛЬНИКА ЭРИВАНСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Бывают, и весьма нередко, люди, которых только внешние обстоятельства или случай выдвигают на видном поприще. Но бывают и люди, которые по природным свойствам своего ума и характера не могут быть заурядными, которым окружающая среда невольно отдаёт первенство.

К таким выдающимся по природе личностям принадлежал и Николай Николаевич Лишин.

Николай Николаевич родился 10 июня 1876 года в г. Одессе, в древней дворянской семье коллежского ассесора, инженера, архитектора — Николая Андреевича Лишина. Образование получил в Киевском Владимирском кадетском корпусе и Константиновском артиллерийском училище. Вышел из училища в чине подпоручика в 32-ю артиллерийскую бригаду. С 1901 года переведён ординарцем к командующему войсками Одесского округа. Принимал участие в русско-японской войне, в чине капитана командовал ротой. По выходе в отставку после ранения в 1907 году поступил на службу в полицейское управление Суражского уезда, недалеко от своего родового имения в селе Нивное.

Под влиянием строгой православной семьи, он успел укрепить свои прекрасные природные качества. Влияние горячо любимых родителей, преданных воспитанию своих детей — двух сыновей и дочери — развило в нём благородство мысли и нежность чувств. От своих предков — запорожских казаков — он унаследовал полное бесстрашие и особенную любовь к военной службе и воинскому званию; наконец, общее влияние семейного и военно-школьного воспитания укрепило в нём твёрдость характера и патриотических убеждений.

В лице матери, Ольги Ивановны, дочери отставного генерал-майора Порохни, он с любовью вспоминал тип русской женщины, всё реже и реже появляющейся в интеллигентном кругу — женщины, которая тихо и скромно предаётся великому и святому делу воспитания детей.

Он безмерно возвышался над той интеллигенцией, которая умеет мыслить только газетным умом, и ясно видел, что политическое движение в России клонится к её разрушению и порабощению, а не обновлению и возрождению; что забастовки грозят в будущем уничтожением религии, семьи и собственности, этих главных устоев культурной жизни, и крушения России.

Но ни в каком отношении Николай Николаевич не был реакционером и умел прощать обманутую молодёжь и народную тьму. Он наиболее возмущался и беспощадно осуждал ту массу профессоров-политиков, которые угодничают перед толпою для прикрытия своей бездарности, и ту власть, которая, за немногими исключениями, не оказалась на высоте своего призвания...

В мирное время и на войне Николай Николаевич сам по духу был солдат и герой. Он идеально любил свой боевой полк и сам

был всеми любим. Он равнодушно не мог слышать военной музыки и часто говорил: «Как приятно, должно быть, под звуки музыки идти умирать за Отечество! Музыка будит в солдатах высокие гражданские чувства и направляет их к подвигам героизма. Война имеет великое значение в жизни народов — она заставляет людей отрешаться от будничной жизни и мелких интересов и возносит их на высоту благородных и святых чувств».

Начальство отмечало его, как исполнительного и ревностного офицера. Видный, моложавый, отличавшийся богатырским сложением, Николай Николаевич держал себя с достоинством и, благодаря такту и знанию жизни и людей, всегда умел себя поставить в обществе так, что никто бы не посмел наступить ему на ногу.

Однако в начале 1912 года Н.Н. был переведён помощником Тифлисского полицмейстера, а затем помощником начальника Эриванского жандармского управления. Главным побуждением к перемене службы служило в нём неудовлетворённое стремление к самостоятельной деятельности, которая дала бы большой простор этой личной энергии.

Эриванское жандармское управление находилось в городе Александрополе, — должность, которая вполне удовлетворяла его материально и нравственно, давала простор его личной инициативе.

Александрополь — это Кавказский Бердичев, сплошь населённый армянами. Невежественное и бедное армянское население на Кавказе состоит в полной кабале местной революционной армянской партии «Дашнакцутюн». Она взыскивает с населения правильные поборы и ставит во всех селениях свои власти для суда и расправы. Партия обладает громадными средствами, между прочим, всеми доходами с монастырских имуществ. Главари этой организации, объединённой с бундом и всеми крамольными партиями, находятся в Нью-Йорке, Лондоне, Париже и других столицах Европы, в том числе и в Петербурге. Этой партией уже убиты сотни русских людей, которые стали ей на дороге, выделившись из рядов власти, ею подкупленной или запуганной, как и бедное армянское население.

Все уездные власти заискивали пред армянами, состояли членами армянского городского клуба, обменивались визитами, приглашали к себе и сами изволили бывать в почётных гостях у знакомых революционеров.

Только Николай Николаевич держал себя перед армянами с полным достоинством, не водил с ними дружбы и не ронял знамени представителя русской власти.

В начале второго года своей службы в Александрополе Лишин открыл в селении Караклис, недалеко от Александрополя, склад революционной организации «Дашнакцутюн», где было им обнаружено масса оружия, патронов, бомб, и где была найдена громадная революционная литература, литература законспирированная, так что ничего нельзя было узнать из неё. Месяц, два спустя, Лишин при аресте одного революционера обнаруживает ключ к этой переписке и принимается за работу. Как оказалось, эта переписка заключала в себе важнейшие сведения о планах, средствах руководителей этой партии, и вся работа партии из тайной делалась явной. И вот полетели его телеграммы во многие города России с требованием арестовать тех или других лиц, указанных в рукописи.

Вспокоились армянские крамольные гнёзда... Решено было убить неподкупного чиновника.

Неизвестно, получал ли Н.Н. угрожающие письма. Сколько жена ни расспрашивала его об этом, он отнекивался. Но, если даже и получал, то он не боялся их и как будто бравировал опасностью. Отличный стрелок, бесстрашный по характеру и твёрдый христианин, он выходил всегда один, без сопровождения жандарма, даже ночью, когда случалось, например, встречать своего начальника.

Сильно любя свою жену, Марию Карловну, и не желая нарушать её спокойствия, он ничего не говорил ей о возможности несчастья, хотя раз упомянул, что ему попало дело огромной важности, которое повлечёт за собою большие открытия. Тяжёлое предчувствие сжало сердце любящей жены, но она не пыталась предостеречь мужа, зная непреклонность его характера, его фанатическую преданность служебному долгу, его возмущение людьми, которые получивши предупреждение и угрозы, просили переводов и бросали дело, тогда как его всегда приводил в восторг героизм людей, неустрашимо стоящих на своём посту; например, Тифлисского полицмейстера, в которого три раза стреляли и бросали бомбы, и который всё-таки оставался на своём посту, продолжая также бесстрашно гулять один по улицам города.

И в тот роковой день, 2 февраля 1914 года, в праздник Сретения Господня, Николай Николаевич вышел из дому один, зашёл по делу к товарищу прокурора и направился обратно домой по Главной

Александровской улице. Стояла прекрасная зимняя погода. Обычная многолюдная в том месте улица на сей раз была совершенно пуста; это указывает, что об убийстве было известно заранее, и все бежали, чтобы не быть потом привлечёнными к делу. Только на углу улицы стояли двое городских.

Лишин, как они рассказывали, зашёл в угловую лавчонку и вскоре оттуда вышел. Вслед за ним вышел и какой-то человек лет 25-ти, армянского типа, подошёл к нему вплотную, окликнул, быстро выхватил из-за голенища маузер и выстрелил в затылок.

Лишин был поражён смертельно и упал.

Убийца произвёл ещё три выстрела; два в голову и один в ногу, и бросился бежать по направлению к базару, где и затерялся в толпе.

Видевшие всю сцену убийства городские погнались было за злодеем, но прекратили погоню, потому что после третьего выстрела у них не оказалось патронов. Быть может, по распоряжению канцелярии господина наместника все патроны были розданы армянским революционерам. Отданы ли под суд городские за преследование и стрельбу — неизвестно.

По подозрению был задержан один грузин, но бывший 13 июня суд оправдал его по недостатку улики, так все вызванные свидетели отказывались неведением.

Дело о раскрытии организации Дашнакцутюн, конечно, заглохло; Лишину не нашлось достойного преемника; все причастные к этому делу лица, запуганные или небрежные, старались поскорее сбыть его с рук, и вся эта богатая революционная литература была направлена в Тифлис, где, конечно, о ней постараются забыть, если не скроют. Не надеясь, впрочем, на достаточную признательность со стороны армянской организации, все гражданские власти ещё усилили хлопоты о переводе в местности более безопасные.

Глубокою скорбью поразила смерть Н. Н. Лишина всех честных русских людей, его знавших, особенно подчинённых жандармов, для которых он был строгим и требовательным, но справедливым начальником, — входил в их семейное положение и щадил их безопасность, не ведя никого с собою для охраны.

А мирное армянское общество, по-видимому, искренно о нём жалело, в один голос, повторяя, что такого беспристрастного и справедливого жандармского офицера у них не было и не будет.

Чувства, волновавшие истинно русские души, наилучше выражены в приказе по Александровскому гарнизону от 2-го февраля 1914 года.

«Сегодня в 1 час 20 минут на глазах главных местных торговцев и владельцев разных магазинов на углу Александровской и Штабной улиц, зверски убит верный и самоотверженный слуга Царю и Отечеству, помощник начальника Эриванского губернского жандармского управления в Александровском уезде Николай Николаевич Лишин.

Погнавшийся за преступником городской стрелял по нему, в ответ на его выстрелы, но, к сожалению, безрезультатно, и не мог его настичь. Преступник, пробежавший сначала по Штабной улице, а затем по Генеральскому переулку, скрылся в толпе. К стыду и позору местных жителей ни один из присутствующих при этом гнусном убийстве не только не помешал совершению этого зверского убийства, но даже не оказал ни малейшего содействия одинокому городскому к задержанию преступника, что, между прочим, сделать было очень легко.

Мир праху твоему, доблестный и самоотверженный исполнитель долга; верный и полезный слуга Царю и Отечеству, стяжавший своими высокими нравственными качествами уважение и любовь всего Александропольского гарнизона.

Наши горячие молитвы будут сопутствовать переселению души твоей в лучший мир.

Проклятие гнусным убийцам и всем злодеям, отвратительным гадам рода человеческого, которые руководят такими злодеяниями, оставаясь вне ответственности. Но настанет и для них и, может быть, очень скоро, судный день, и напутствуемые проклятиями пострадавшего населения они перейдут на вечное мучение в загробный мир».

Достойное своего звания местное воинское начальство отдало последний долг своему достойнейшему члену. Редко видал Александрополь столь торжественные похороны: весь гарнизон, состоящий из пяти полков, стоял шпалерами по пути следования к вокзалу погребального шествия. Гроб был усыпан массою венков, числом до 30-ти, с самыми трогательными патриотическими надписями. По желанию , матери и брата тело Н. Н. Лишина перевезено в Одессу и погребено в родственной могиле.

Не пришлось благородному Николаю Николаевичу попасть ещё на одну войну, о чём он всегда жалел, но волею судьбы ему довелось всё же умереть смертью героя, как солдату на своём посту.

Но кто выразит горе детей, супруги и матери, оставшихся одинокими?

Николай Николаевич Лишин женился по любви на 27 году жизни. Через год у него родился сын Фёдор, а затем и дочь Елена, которых очень любил и ласкал с величайшей нежностью. Это была счастливейшая супружеская пара, жившая друг для друга, никогда не разлучавшаяся, отдававшая всё время или обязанностям службы, или семейным заботам и радостям.

В памяти жены он всегда будет жив, как самый прекрасный, честный, безукоризненно-нравственный человек, который мог бы служить образцом мужа, отца, сына, брата и верного слуги Царю и Родине. И эту память она свято передаст своим детям и приложит все старания, чтобы воспитать их в благородстве мыслей, чувств и убеждений, которые она вполне разделяла с безвременно погибшим отцом, своим верным мужем и другом.

Она не одна: сотни и тысячи русских женщин теряют своих мужей сыновей и братьев в ужасной безнаказанной войне.

Явится ли для этих женщин утешение хотя бы в виде сознания, что святое дело, за которое погибли их близкие, восторжествует, или же они испытают ещё более безотрадное горе, когда увидят, что дорогие им близкие даром сложили свои головы?!

Найдутся ли новые герои, чтобы стать на место павших и сомкнуть ряды на защиту исторических заветов и славу Отечества?!

Да, найдутся: память павших героев воодушевит живущих священным огнём — и не забудется во веки, и жива будет Святая Русь!

ЛИШИН БОРИС НИКОЛАЕВИЧ

(1879–1937)

ГЛАСНЫЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ

*Участники экспедиции в Абиссинию
(Б. Н. Лишин — первый слева, сидит)*

У Николая Андреевича Лишина и Ольги Ивановны Порохни 3 июня 1879 г. родились близнецы — Борис и Ольга.

Из воспоминаний Александра Ивановича Дудина и Татьяны Борисовны Дудиной, внука и правнучки Б. Н. Лишина:

«В 1891 году Борис пошёл учиться в Одесское реальное училище, а Ольга — в гимназию. На всю жизнь Борис сохранил любовь к столярному делу, мастера в редкие часы досуга изделия из дерева.

После окончания реального училища, которое давало право поступления в высшее техническое учебное заведение, пути брата и сестры разошлись.

Борис Николаевич в 1898 году поступил на учёбу в Германию в Королевскую саксонскую горную академию Фрейберга (Die

Konigliche Bergakademie zu Freiberg in Sachsen) (среди известных слушателей её были Михаил Васильевич Ломоносов, Александр фон Гумбольдт, Иоган Вольфганг Гёте, советский полярный исследователь Р.Л. Самойлович), а Ольга Николаевна — во Францию, в Париж, в университет Сорбонны.

Таким образом, знание в совершенстве иностранных языков позволило получить обоим европейское образование.

Город Фрейберг в переводе на русский — свободная гора — серебряный рудник. В городе находится знаменитый Романо-готический собор XII–XVI вв., городской и Горный музеи, а также всемирно известный Музей минералов Горной академии. Фрейберг расположен в 40 км от Дрездена, со своей знаменитой картинной галереей. Борис Николаевич посещал её, знакомясь с шедеврами мировой живописи, приобрёл несколько репродукций с картин известных художников. Здесь же он начал собирать библиотеку книг на немецком языке, которым владел свободно, а также коллекцию минералов.

Окончил Борис Николаевич фрейбергскую Горную академию в декабре 1903 г., получив диплом горного инженера.

А уже 14 февраля 1904 г. принял участие в первой русской горной экспедиции в Абиссинию. В «Новом Времени» от 2 марта 1904 г. напечатано:

«По сообщению Times, русское министерство финансов посылает на днях научную экспедицию в Абиссинию. Экспедиция эта снаряжается по желанию императора Менелика II. Во главе экспедиции стоит горный инженер Николай Николаевич Курмаков. Экспедиция отправляется с целью исследовать золотоносные районы у источников Белого Нила».

Если бы газета черпала русские сведения из более близких источников, чем лондонские газеты, то, может быть, она знала бы, что экспедиция о которой идёт речь, ещё 24 февраля выехала из Одессы на пароходе «Принцесса Евгения Ольденбургская» в Константинополь, а оттуда в Джибути для дальнейшего следования в Аддис-Абебу, столицу императора Менелика II.

В Одессе к составу экспедиции присоединился молодой горный инженер Борис Николаевич Лишин. Этому содействовал его родственник Константин Николаевич Лишин (см. выше).

Интересные подробности этой экспедиции приводятся в очерке Н. Ф. Бичехвостова «Золото Абиссинии».

ЗОЛОТО АБИССИНИИ

Р богатую и независимую Абиссинию рвались за поживой английские, итальянские, французские экспедиции, торговцы, дипломаты, искатели приключений. Только Россия оказывала единой христианской Абиссинии медицинскую, геологоразведочную, духовную и инструкторскую помощь. Хотя была и сама не против укрепиться в этой стране.

10 августа 1903 года из Аддис-Абебы в Россию наш посланник К. Лишин отправил секретную телеграмму:

«Абиссинцами найден богатый золотоносный участок, который Менелик намерен сохранить для эфиопского правительства. Сегодня он спешно пригласил меня к себе, чтобы обратиться к государю-императору с просьбой помочь ему присылкой горного инженера для разработки и разведок».

Но вначале миссия Лишина должна была благополучно добраться в Абиссинию.

Итак, через южные моря, порты и песчаные пустыни сопровождали казаки огромное посольство Лишина в Африку.

В автобиографии Сучков рассказывает: «Караван состоял в 500 верблюжьих сил под грузом. Путь наш продолжался 4 месяца, когда вступили в г. Аддис-Абебу, столицу Абиссинии, 25 марта 1903 года. Путь-дорога была сопряжена с большими трудностями по горным кряжам с громадными высотами и долинами, утёсами и необитаемыми таинственными лесами...

Чтобы провести караван через джунгли, всем нам приходилось много времени проработать в качестве лесорубов. Но что удивительно — через год от нашей дороги не оставалось и следа, так как всё снова покрывалось буйно разросшимся кустарником и молодыми деревьями...

В пустыне, безводных местах находились с жарой не менее 50 °С. В пути встречали массу кишашего зверья и дичи. Слоны, львы, носороги, буйволы, леопарды, гиены, пантеры, змеи разные и удавы, кабаны, обезьяны десятками пород. Антилопы, серны и козы средних и мелких пород, видимо-невидимо. Поражаешься до ужаса, всё видишь стадами. Если не сотнями, а всюду десятками. Страусы, дрофы, куропатки, гагары, цесарки, лебеди, журавли гаями. Не трудно было попасть из ружья, а трудно распугать-разбить поврозь».

Долгие, трудные месяцы шёл по Африке дипломатический корпус и походный госпиталь, при котором было шесть врачей, да «прочего персонала немало с громадным грузом медикаментов, посуды и прочего госпитального инвентаря». Одни ценные подарки для абиссинского владыки и его приближённых занимали уйму места.

Всё это охранял денно и ночью конвой из верховых казаков с Алексеем Сучковым. Не смыкали они глаз от нападений кочевых, диких сыновей пустыни, от хищных зверей...

Многие документы по этой опасной экспедиции пропитаны отвагой и кровью казачьего конвоя, а главное, их делами для благодарных абиссинцев.

В чужой, но гостеприимной стране прибывшие казаки, мастера на все руки, сразу взялись за дело! В Аддис-Абебе, уставленной хижинами, приступили к строительству.

«Главное занятие наше — мастерство. Все восемь казаков были мастера, спецы, зарабатывали хорошие деньги. Приехали на пустошь. Ни одного дома не было, а лишь сараи абиссинские. Казаки плотничали. Построили столярную, слесарную, кузнечную, шорную, сапожную, портновскую и другие мастерские, — пишет Сучков. — Следовательно, лениться было не хорошо и не полезно».

Какие замечательные слова! Вот где простая истина, а может быть, и смысл жизни!

Алексей Сучков обучал ремеслу местных жителей. Он, как и другие строевые казаки, был известен как военный инструктор. Муштровал отважных солдат Менелика Второго. Учил африканских сыновей ловким казачьим приёмам и шустрым навыкам езды на коне, с огнестрельной винтовкой да саблей. Это была неоценимая помощь со стороны русских — эта свободная страна только создавала армию из смелых воинов-ашкеров.

«Менелика Второго ему (Сучкову) приходилось видеть довольно часто. Каждый месяц в одно из воскресений он принимал казаков и справлялся, как его воины овладевают умением бить врагов. Выслушав ответы, он каждому казаку-инструктору, помимо ежемесячной денежной платы и продовольствия натурой, жаловал золотой — русскую десятирублевую монету».

А русские геологи продолжали упорно выявлять в абиссинских горах залежи драгоценных металлов и ископаемых, для защиты которых, а также богатых запасов кофе, слоновой кости и прочих ценностей требовалась военная выгучка и разведка.

Чем и владели отменно наши казаки! Есть глухие намёки об участии Сучкова в военно-исследовательских экспедициях. Уже прославились в таких походах в жутких джунглях Африки донские казаки Щедров, Архипов и другие, пропадая там по несколько месяцев... Абиссинцы выше храброго имени русских никого из европейцев не признавали!

С началом русско-японской войны Россия ослабила усилия в Африке. Сучков писал, что положение миссии ухудшилось. Умер внезапно посланник К. Лишин. Ликвидировался госпиталь Российского Красного Креста, в котором свыше десяти лет лечились и оперировались покалеченные абиссинцы. Врачей, увы, отозвали в Россию, о чём туземцы сильно горевали. Казачий конвой упразднили в Россию. Сучков с одним сослуживцем, покумак, решили остаться в Адисс-Абебе. На сверхсрочную службу.

Представьте себе, пять лет Алексей Петрович, не жалея сил, отдал делу становления и укрепления Абиссинии! В 1907 году с поверенным делами миссии Лихачёвым они выехали на родину.

Что же, пора и домой, на Дон возвратиться!..»

После Абиссинской экспедиции Борис Николаевич Лишин работал в Германии (1905 г.) в качестве горного инженера в «Обществе Германской Каменноугольной Промышленности» Вестфалия г. Бохум.

1907 г. Б. Н. Лишин возвращается в Россию и работает горным инженером в Горном Департаменте на Березовских Золотожилых рудниках Екатеринбургской губернии, г. Березовск.

С этого времени в жизни Бориса Николаевича происходят знаменательные события: женитьба на красивой девице, Екатерине Николаевне Рыдзевской, выпускнице Киевского института благородных девиц, дочери начальника Киевского арсенала генерал-лейтенанта Николая Николаевича Рыдзевского, рождение детей — сына Николая, названного в честь отца, и дочери Веры. Их потомки проживают в Москве, Мурманске и в Украине.

Семья, маленькие дети, требовали присутствия Бориса Николаевича в Одессе. И он работал в Одессе на машиностроительном заводе Гепа.

В 1911 г. Б. Н. Лишин проходит военную переподготовку на военных сборах в г. Тирасполе и получает военное звание прапорщика артиллерии.

Сохранился карандашный набросок трёх лошадиных голов, выполненный им в это время. Видимо, не прошли даром уроки рисования в училище. В это время Борис Николаевич, имея приятный баритон, берёт уроки пения у певицы оперного театра, красавицы гречанки, Аспазии Васильевны.

В 1913–1916 гг. — составление технических проектов Лишиным для частных технических контор и заводов г. Одессы.

В 1916 г. Лишин мобилизован на фронт. Службу проходил в артиллерии, в 7-м армейском корпусе. В 1918 г. демобилизовался по состоянию здоровья и вернулся в Одессу. В этом же году в семье случилось прибавление — 2 мая родился сын, которого назвали Андреем, в честь прадеда Андрея Фёдоровича Лишина.

После революции работал в Одессе и на Донбассе. В голодные 20-е годы в Одессе семья очень бедствует. Екатерине Николаевне приходится ездить по близлежащим сёлам и менять вещи на продукты, чтобы как-то выжить. В семье Лишиных трое маленьких детей и мать Ольга Ивановна. На продукты променяли всё, даже носильные вещи и клетку с гов орящим попугаем Жако. В 1920 г. Борис Лишин устраивается рабочим на склад сада «Родина» в качестве помощника садовода. Здесь судьба ему улыбнулась, и уже в 1921 г. он работает садовником по обрезке и уходу за плодовыми деревьями, а чуть позже заместителем заведующего агрономическим отделом одесского районного отделения сельскохозяйственной секции Губсоюза.

«В 1925 году семья Лишиных переезжает в г. Снежное Донецкой области, где Б. Н. Лишин поступает на работу заведующим проектно-сметным отделом рудоуправления — продолжают свои воспоминания Дудины. — В 1930 году Б. Н. Лишин переведён в трест «Донбассантрацит», г. Красный Луч, Луганской области, на должность заведующего производственным отделом общего проектирования УКС (Управления капитального строительства).

В 1932 году Б. Н. Лишин был назначен инженером по проектированию Управления капитального строительства, а в декабре 1933 года, в результате разукрупнения треста, переводится начальником участка на шахту № 21, но уже в апреле 1934 года Б. Н. Лишин откомандирован по болезни в отдел кадров треста, где работал в должности инженера проектирования горнотехнического отдела.

В это же время из Одессы к ним приезжает дочь Вера с дочерью Екатериной.

...19 апреля 1937 года Б. Н. Лишин во время проведения служебного занятия попал под поезд и скончался...».

* * *

О сестре Бориса Николаевича, Ольге Николаевне Лишиной, сохранились воспоминания в архивах.

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ ИЗ СЕЛА НИВНОЕ

Тебя давно узнали в мире,
не нов твой подвиг на войне,
Где жадно смерть на бранном пире
в дыму пороховом, огне.
Косою острой жизни косит,
не зная жалости на миг...
Но верь, и смерть тревожно спросит:
«А много ли «врагов» моих
у русских, в их железном стане, —
Безвестных тружениц с крестом?»
Недаром женщин чтут славяне:
В их сердце нежном и простом
Порой такая скрыта сила,
такая вера в небеса,
Что смерть — хоть руку заносила,
но жертв не трогала коса!!!
Да! Там, где русская «сестрица»,
и смерть должна склонить чело!
Там — тише боль, спокойней лица,
в душе у раненых светло!
Спеши на подвиг вновь, родная,
желанный верный друг солдат!
Пусть рана тяжкая, больная,
пусть не забыт крошечный ад...
Воспрянет русский дух могучий,
и смерть бесстрашный взор смягчит!!!
Спеши, сестра! Твой труд кипучий
солдат-страдалец облегчит!

Следуя по следам семьи дворян Лишиных из их родового имения в селе Нивное, перелистывая в архиве старые эмигрантские газеты, я наткнулся на некролог от 11 января 1934 г. в парижской русской газете «Последние новости»:

«Ростовцева О. Н. 1882*–9 янв. 1934. Париж

Вдова преподавателя русской средней школы Ф. И. Ростовцева. В Первую мировую войну сестра милосердия. Награждена Георгиевской медалью. После смерти мужа покончила жизнь самоубийством в возрасте 52 лет».

Тут же я вспомнил, что дочь действительного статского советника, инженера Николая Андреевича Лишина, строителя храма и земской школы села Нивное, звали Ольга. Вернувшись домой и более подробно просмотрев свой архив, я решил подготовить материал для публикации к 100-летию начала Первой мировой войны.

Согласно метрической книге, хранящейся при Одесской Карантинной Портовой всех Российских Святых и Св. Николая церкви, за 1879 г. запись № 42 от 24 июня о рождении 3 июня двойняшек: сына Бориса и дочери Ольги у надворного советника Н. А. Лишина и его жены Ольги Ивановны. Свидетели у Бориса: коллежский советник Михаил Андреевич Лишин и дочь генерал-майора девица Лидия Ивановна Порожня, а у Ольги — полковник Иван Андреевич Лишин и вдова коллежского советника Мария Яковлевна Сухомлина.

По окончании Одесских гимназий в 1898 г. Борис и Ольга, по совету родственников, отправились учиться за границу. Борис поступил в горную академию в г. Фрейберге в Германии, а Ольга была принята на высшие женские медицинские курсы Сорбонского университета в Париже. По окончании университетов в 1903 году оба вернулись благополучно в Одессу.

Вернувшись в Одессу, Ольга была принята в созданную Михаилом и Николаем Лишиными Касперовскую общину сестёр милосердия. Имея знания врача по женским болезням, она принялась за благотворительную работу по помощи малоимущим женщинам в специализированной лечебнице, при общине, названной в честь её бабушки Констанции Ивановны Лишиной (Константиновой) (1815–1872).

С началом русско-японской войны 1904–1905 гг. Ольга направилась с первой группой сестёр милосердия от Касперовской

общины на фронт. Два года под огнём противника она перевязывала раненых в боях под Ляоляном и во время мукденских боёв. Состоя при лазарете 4-й Донской казачьей дивизии, за подвиги милосердия и мужество, она получила свою первую серебряную медаль «За усердие» на Анненской ленте. Состоя при 6-й Восточносибирской стрелковой дивизии в июле 1905 г., она познакомилась со своим будущим мужем, старшим адъютантом штаба дивизии, штабс-капитаном Фёдором Ивановичем Ростовцевым.

Вернувшись в августе 1905 г. в Одессу, Ольга отправилась в родное с детства село Нивное, где отдыхали с внуками её родители.

В 1906 г. Ольга Николаевна вышла замуж за Фёдора Ростовцева, которого перевели начальником строевого отделения Очаковской крепости. С тех пор она неотлучно следовала за любимым супругом по разным частям Киевского военного округа, занималась благотворительностью в пользу больных Касперовской общины.

С началом Первой мировой войны, в 1914 г., полковник Ф. И. Ростовцев получает назначение и. д. начальника штаба 60-й пехотной дивизии, в 1916 г. становится командиром 136-го пехотного Таганрогского полка. С 1917 г. — он начальник штаба 7-го армейского корпуса — генерал-майор. Награждён Георгиевским оружием и орденом Св. Георгия 4-й степени.

Ольга Николаевна постоянно находится рядом, переходя из лазарета в лазарет, большей частью на передовых позициях. Отдавая дань высоте духа Ольги Николаевны, её ратным и милосердным стремлениям, руководитель Одесского Общества Российского Красного креста тайный советник Михаил Андреевич Лишин писал: «Издавна присущее чуткой русской женщине чувство сострадания, побуждающее её в минуты народных бедствий отдавать себя беззаветному служению нуждающимся в помощи братьям, проявилось в настоящую войну с особой силой».

За мужество, проявленное на передовой линии в 1915 г., сестра милосердия Ольга Лишина (Ростовцева) была награждена Георгиевской медалью 3-й степени на Георгиевской ленте с надписью «За храбрость».

После революции Ольга Николаевна вместе с мужем вернулась в Одессу. Генерал-майор Фёдор Ростовцев получил назначение при штабе Главнокомандующего ВС Юга России. Ольга служила в лазарете Касперовской общины.

* По документам О. Н. Ростовцева (урожд. Лишина) родилась в 1879 г.

С остатками белой армии они эвакуировались из Одессы и через непродолжительное время поселились в Париже на улице Робер Линде в доме № 33.

Чета Ростовцевых принимала активное участие в делах русской эмиграции в Париже, Брюсселе, Праге. Кроме преподавательской деятельности в русской гимназии в Париже, Ольга занималась оказанием помощи русским военным инвалидам, оказавшимся в изгнании. Фёдор Иванович преподавал на Высших офицерских курсах, был помощником председателя генерала Н. Н. Головина по обучению военному делу русских эмигрантов.

12 декабря 1933 г. в Париже скончался генерального штаба генерал-майор Фёдор Иванович Ростовцев, — писали русские газеты в своих некрологах, отмечая высокопознательную деятельность покойного. Наряду с личной храбростью он обладал мужеством и другого рода — «гражданским мужеством».

А что же Ольга?

«В ночь на 9-е января покончила жизнь самоубийством, приняв сильно действующий яд, вдова скончавшегося недавно в Париже преподавателя русской средней школы Ф. И. Ростовцева — О. Н. Ростовцева.

Смерть, которая ожидалась...

Трагический конец О. Н. Ростовцевой, ещё не старой женщины, не был неожиданностью ни для родных, ни для знакомых. Со дня кончины мужа Ольга Николаевна не переставала повторять всем, встречавшимся с нею, о твёрдо принятом решении покончить счёты с жизнью, потерявшей для неё после кончины мужа всякий смысл и значение: детей у четы Ростовцевых не было.

Месяц, прошедший со дня кончины мужа, О. Н. Ростовцева провела, ликвидируя свои дела, — вплоть до самых мелочей. Ею были жертвованы или раздарены все личные вещи, вплоть до фотографических карточек. Деньги на похороны были переведены на имя третьего лица. Комиссару полицейского участка было оставлено письмо, точно излагавшее все распоряжения в отношении похорон, квартиры и т. д.

Рассказ консьержей

Молодая чета консьержей в доме № 33, на улице Робер Ланде, близко приняла к сердцу кончину русской квартирнаниманительницы. Ещё в понедельник вечером Ольга Николаевна, поднимаясь

к себе, разговаривала с ними, как обычно, приветливо и спокойно. А во вторник, в 11 час. 30 мин. утра, консьерж, удивлённый тем, что г-жа Ростовцева ещё не вышла, поднялся к ней на третий этаж. Во входной двери ключ был оставлен снаружи. Открыв дверь и пройдя в первую комнату, консьерж увидел г-жу Ростовцеву, лежащую на кушетке. Она уже не дышала. Голова была подвязана белым бантом, чтобы не отвис подбородок.

В маленькой квартире Ростовцевых почти нет вещей. Ольга Николаевна лежит на низкой кушетке, одетая в костюм сестры милосердия, с Георгиевской медалью на груди, которую она заслужила на германской войне. На стене — два диплома французской «энфирмьер». На маленьком столе — несколько мандарин, мельница с недомолотым кофеем, остановившийся будильник.

Похороны О. Н. Ростовцевой состоялись в пятницу, 12 января 1934 г., после отпевания в русской церкви на рю Дарю, которое началось ровно в 9 часов утра. Похоронили Ольгу Николаевну рядом с любимым мужем на русской кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. В последний путь на кладбище её пришли проводить самые близкие родственники, по злой иронии судьбы оказавшиеся на чужбине. Жена её покойного старшего брата Николая — Мария Карловна Лишина, урождённая Леммерман, племянник, один из последних русских гардемарин, инженер, художник Фёдор Николаевич Лишин, племянница Елена Николаевна (Ляля) Жирова с мужем, из Риги приехала Олимпиада Николаевна Лишина, директор русской женской гимназии, из Белгорода приехал и сын Олимпиады Николай Николаевич, глава Союза морских офицеров Латвии.

Поминки прошли в квартире Ростовцевых. Близкие вспоминали не только медицинские и человеческие достоинства Ольги Николаевны и её мужа. Все вспоминали её огромный музыкальный талант. Она так же музыкальна, как и её бабушка Констанция Ивановна и дядя — выдающийся русский композитор, поэт и дирижёр Григорий Андреевич Лишин. Каждый раз по приезде в имение Нивное, где находился рояль Григория Лишина, она приглашала на свои маленькие концерты и жителей села.

В Советской России остались её мать Ольга Ивановна Лишина, проживающая в Одессе, и брат Борис с женой Верой Николаевной, урождённой Рыдзевской и их дети Николай, Вера и Алексей. Но связь с ними вынужденно прервалась в 1928 г.»

Владимир Вебер

ПАМЯТИ ГЕНЕРАЛА Ф. И. РОСТОВЦЕВА

Ростовцев Фёдор Иванович (20 апреля 1878–12 декабря 1933, Париж), генерал-майор, военный историк, преподаватель, общественный деятель. Муж О. Н. Ростовцевой, брат М. И. Ростовцева. Окончил Оренбургский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Автор труда по изучению Донского казачества (Киев, 1910). Участвовал в Русско-японской и мировой войнах. Георгиевский кавалер. Во время Гражданской войны служил в Вооружённых силах юга России при штабе Главнокомандующего. В эмиграции жил в Париже. В 1920 г. состоял в парижской группе Партии народной свободы. Член Русской академической группы. В 1931 г. — помощник Н. Н. Головина по издательской части и член учебного комитета Высших военно-научных курсов. Член правления Союза русских офицеров-участников войны, организатор лекционной и дискуссионной работы в Союзе, выступал с докладами, проводил тематические собеседования военных специалистов и историков; член Союза галлиполийцев. В течение 12-и лет преподавал историю в лицеях Бюффон и имени Генриха IV, в Русской гимназии в Париже, в 1930–1933 гг. вёл бесплатные четверговые занятия по русской истории и географии. Печатался в журнале «Часовой», в еженедельнике «Борьба за Россию (1920-е)». Издал работу, посвящённую разбору официального французского учебника по истории «Malet».

Из опубликованного в газете «Молва» в Париже статьи генерала Н. Н. Головина «Памяти генерала Ф. И. Ростовцева».

«...В одном только великий Толстой погрешил: Тушину удалось найти заступника в лице князя Болконского. В жизни чаще бывает, что о деяниях Тушиных судят по докладу Жеребковых».

В августе 1917 года начальник штаба VII-го армейского корпуса — генерал Ф. И. Ростовцев предотвратил катастрофу на Румынском фронте. Его просвещённое участие в руководстве на самом критическом пункте начавшегося с нашей стороны неудачей сражения у Марашешти помогло Главнокомандующему Румынским фронтом превратить эту неудачу в Русско-Румынскую победу над Макензеном.

Но это была уже лебединая песнь остатков старой Русской Армии. Развал, внесённый революцией, отбросил Россию на два века

назад. Такие деятели, как генерал Ф. И. Ростовцев, оказались совершенно не ко времени...

С какой стоической скромностью переносил Фёдор Иванович это своё устранение... Он весь ушёл в работу над просвещением нового поколения. Такой работой он был занят не только в Гимназии. В качестве помощника председателя «Association des Anciens Combattants Russes pour l'Etude de la Guerre Mondiale» он занимался изданием трудов этого Общества. Насколько была велика в этом отношении работа Ф. И., свидетельствуют следующие цифры: Фёдор Иванович отредактировал, переписал на машинке и размножил на ротаторе ряд книг с общим числом страниц, достигающим трёх тысяч.

В лице Фёдора Ивановича названное мною выше Общество бывших русских участников войны понесло незаменимую потерю. И члены этого Общества со всеми бывшими боевыми соратниками Ф. И. могут только сказать: «Спи спокойно, дорогой Фёдор Иванович. Ты был не только одним из лучших русских генералов; Ты был также одним из лучших Русских людей».

*Н. Н. Головин,
Париж*

ЛИШИН ГРИГОРИЙ АНДРЕЕВИЧ
(1854–1886)

КОМПОЗИТОР, ПОЭТ, ПЕРЕВОДЧИК

Последний ребёнок Андрея Фёдоровича и Констанции Ивановны — Григорий, восприемником которого был Николай I (вместо него тайный советник Александр Никифорович Скребницкий), родился в Петербурге 23 апреля 1854 года.

«ЧАЙКОВСКОГО ИЛИ ЛИШИНА»

«Чайковского или Лишина» — что за странное сочетание имён! Великое, всемирно популярное и — ныне практически забытое. Хочется вспомнить из А. И. Куприна, Киевские типы: «Будущая Патти»: «Манечка вызывается к пианино, но она не в духе, она боится злоупотреблять голосом, — ей запретил её профессор петь по вечерам. Наконец, уступая тайному чувству честолюбия, она как будто бы нехотя соглашается и поёт что-нибудь из Чайковского или Лишина». Между тем в 1895 г., когда Куприн писал эти строки, имя

Григорий Андреевич Лишин

Лишина отнюдь не нуждалось в комментариях: его стихи, переводы, романсы, оперы, мелодекламации, дирижёрская и критическая деятельность были известны каждому российскому любителю музыки. По словам критика М. М. Иванова, он «... редкая по даровитости и художественности натура, разбрасывающаяся как большинство русских талантов и поэтому не достигшая цели, не сделавшая того, что все были вправе ожидать от неё».

Обладая живым, нетерпеливым нравом, Лишин действительно не мог подолгу сосредоточиваться ни на одном из своих многочисленных увлечений, однако же, в каждом из них оставил заметный след. Для реконструкции его творческого пути были рассмотрены многочисленные рукописные материалы и публикации газет и журналов XIX века. Все даты приводятся по старому стилю.

Все представители рода Лишиных связывали свою судьбу с военным и гражданским государственным поприщем.

Младший сын Лишиных, Григорий, родился 23 апреля 1854 г. В метрической книге Симеоновской, что при Строительном училище церкви, под № 4 показано: «Строительного училища директора, генерал-майора А. Ф. Лишина и законной жены его Констанции Ивановны, обоих православного исповедания, от первого их брака, сын Григорий родился 23 апреля, а крещён 7 мая 1854 г. Восприемниками были: Его Императорское Величество Государь Николай Павлович, а от купели воспринимал Тайный Советник Александр

Никифорович Скребицкий и жена инженер полковника Таубе Елизавета Ивановна».

Как поздний ребёнок и ввиду слабого здоровья, Григорий не посещал гимназию и несколько лет обучался дома; по этой же причине о военной службе его речь не шла. Особое внимание в его образовании отводилось иностранным языкам: французским и итальянским он с малых лет владел в совершенстве, хорошо знал и немецкий и умилял гостей прочувствованной декламацией на языке оригинала отрывков из сочинений иностранных авторов. С музыкой Григория познакомила мать; затем он был передан заботам других петербургских педагогов.

В 1867 г. Лишин поступил в петербургское Училище Правоведения. Как известно, культурная жизнь этого учебного заведения была весьма разнообразной. Стараниями попечителя, принца П. Г. Ольденбургского, воспитанники имели возможность продолжать занятия на музыкальных инструментах, которыми владели до поступления в Училище, и осваивать новые. Их регулярно приглашали на изысканные представления во дворец принца и в Итальянскую оперу, привлекали к участию в хоре. Не случайно такие выпускники как Серов, Стасов, Чайковский, без особой симпатии изучавшие собственно юридические дисциплины, смогли развить здесь именно музыкальные склонности. И Лишин, продолжая совершенствоваться в игре на фортепьяно у прославленного немецкого виртуоза А. Гензельга, освоил за годы учёбы альтгорн и корвет, а гармонией и композицией занимался с консерваторским педагогом Н. Ф. Соловьёвым. Последний, правда, имел не самую хорошую репутацию в музыкальных кругах, но к занятиям с Лишиным относился добросовестно и как-то раз, расчувствовавшись, даже изрёк: «Если бы ты знал, хотя бы половину моего, то был бы во сто раз больше меня». Сам же Григорий с первой встречи и навсегда был ослеплён личностью Соловьёва и поверял ему все свои чаяния. Постепенно Григорий набирал музыкантский профессионализм. Серьёзную будущность юному правоведа предсказал А. С. Даргомыжский, услышавший, как на одном из любительских вечеров он исполнял фортепианную сонату Л. Маурера. (Людвиг Вильгельм (Людвиг Вильгельмович) Маурер — немецко-российский скрипач, дирижёр и композитор).

А в доме директора консерватории М. П. Азанчевского 15-летнему Грише довелось познакомиться с П. И. Чайковским (впрочем, тогда ещё мало кому известным начинающим композитором).

В его присутствии Лишин импровизировал на фортепиано, бойко проаккомпанировал с листа Л. Ауэру в скрипичном переложении одного из «Венгерских танцев» Брамса и вызвал всеобщие улыбки, отстаивая «огромный талант» Оффенбаха и Лекока. Он действительно очень увлекался опереттой: часто посещал спектакли с участием прославленной французской опереточной певицей Анной Жюдик (1850–1911), подружился с «королём куплетистов» Ипполитом Ивановичем Монаховым (1841–1877), актёром Александровского театра.

Весной 1875 г. в звании коллежского секретаря Григорий окончил Училище Правоведения и получил назначение в харьковский Окружной суд. Между тем к этому времени он был уже вполне сложившимся музыкантом. В композиторском багаже имелся клавирик комической оперы «Граф Нулин», сатирические куплеты, популяризируемые Монаховым, романсы, исполнявшиеся другим его приятелем — видным оперным певцом Б. Б. Корсовым, а игра Лишина на фортепиано, хотя и не только виртуозная в полном смысле, отличалась большой законченностью и техникой. Стоит ли удивляться, что по прибытии в Харьков он устроился отнюдь не в суд, а вторым капельмейстером в местную оперную труппу.

Так началась его музыкальная карьера. За период с октября 1875 по февраль 1876 гг. он успел продирижировать операми «Жизнь за царя» М. И. Глинки, «Русалка» А. С. Даргомыжского, «Волшебный стрелок» К. Вебера, «Фауст» Ш. Гуно, «Гугеноты» Д. Мейербера. Бьющая через край энергия, предприимчивость, абсолютная уверенность в том, что он нравственно обязан служить обществу своим дарованием, — привели Лишина к идее организации странствующей, или как сам он её называл, «летучей» оперной труппы. В качестве аккомпаниатора и дирижёра он в течение двух лет объезжал с ней провинциальные города России: Белгород, Курск, Орёл, Самару, Оренбург, Саратов, Тверь, Вольск, Рославль, Пензу, Казань. Оперы действительно шли в сопровождении фортепиано и в сильно сокращённом виде, над чем всюду потешалась петербургская и московская критика (в отличие от провинциальной). Защищаясь от нападок столичного рецензента А. Грешного (А. З. Бураковский), Нивлянский (Лишин) отвечал: «Когда во многих городах будут музыкальные общества, оркестры, можно будет давать представления и более полные — пока же и такое воспроизведение Глинки и Даргомыжского, во всяком случае приятнее

и, главное, полезнее буквально тлетворной пропаганды куплетов и романсов самого последнего разбора, наводняющих программы наших провинциальных концертов».

Помимо обычных спектаклей труппа Лишина давала множество благотворительных концертов. Из Рославля, например, сообщали: «Молодой петербургский музыкант, г-н Лишин, устроив концерт в нашем клубе, весь сбор, довольно значительный, предоставил в распоряжение местного отделения «Красного Креста». Рославльское общество давно уже не проводило такого приятного и оживлённого вечера и самым тёплым приёмом отблагодарило г. Лишина за его артистически-благотворительную деятельность». Вероятно, именно из-за активной благотворительности антреприза не принесла Лишину никакого материального успеха; в Петербург после двух сверхнапряжённых сезонов он вернулся в 1878 г. практически без средств. Пришлось устраиваться на службу: написав в стихах и снабдив музыкальным сопровождением прошение на имя Министра Двора, графа А. В. Адлерберга, он устроился в Отдел иностранной цензуры при Главном управлении по делам печати. В его обязанности входил обзор поступающих на ревизию книг на иностранных языках и выдача заключения о целесообразности их перевода и публикации. Прослужив два года, Лишин вышел в отставку и полностью посвятил себя музыке. Начался последний период жизни. За эти 8 лет, словно предчувствуя скорую кончину, он буквально сжигал себя разнообразнейшими занятиями: сочинял музыку; выступал как концертмейстер, дирижёр, мелодекламатор в Петербурге, в московском саду «Эрмитаж» (1880), в Саратове (1882), в Самаре и Одессе (1883), в Астрахани и Севастополе (1884), в Павловске (1886), в Кишинёве (1887), в Харькове (1888); продолжал переводческую деятельность; рецензировал спектакли и концерты в газетах «Свет», «Гражданин», «Звезда», «Петербургская газета», «Еженедельное обозрение»; выполнял заказы на оркестровки, аранжировки, разного рода переделки; работал в одном из отделений Русского музыкального общества; писал по заказу либретто.

При этом практически везде Лишин проявил себя ярко, эмоционально, талантливо. Так аккомпаниатором, по словам видного актёра Александринки В. Н. Давыдова, «он был просто гениальным! Он улавливал и предугадывал каждое движение артиста, помогал ему, учитывал все недостатки голоса, фразировки, умел выручить в нежданной беде». Не случайно с просьбой о совместных

концертах к Лишину обращались самые известные вокалисты: он выступал с солисткой Мариинского театра А. Г. Меньшовой, виднейшими солистами петербургской Итальянской оперы Э. Тамберлинком, К. Нантье-Дидье. Но зато в критической деятельности Лишин зарекомендовал себя полнейшим ретроградом. В. В. Ястребцев (1866–1934) (неоднократно упоминающий в своих «Воспоминаниях» о своём друге Лишине) объясняет этот факт противоречивыми чертами его характера. Лишин «втайне чрезвычайно восхищался и «Ратклифом» Кюи, и «Русланом», и «Лознгрином», и Девятой симфонией Бетховена, и «Гибелью Фауста» Берлиоза, и даже музыкою Мусоргского, Бородина и Римского-Корсакова, которых, тем не менее, чаще всего ругал в своих газетных статьях, благодаря крайнему ослеплению личностью мелочно-себялюбивого и завистливого Соловьёва и своей собственной, доходящей до невероятия, бесхарактерности».

В широкий круг общения Лишина были вовлечены очень известные представители музыкального и артистического мира. Трудно объяснить, для чего он пытался сблизиться с Чайковским — хотел ли, понимая слабость своих композиторских опытов, попросить совета у высоко им ценимого композитора. Искренне ли надеялся услышать лестный отзыв, а, может быть, даже дерзко набивался на дружбу, полагая, что упомянутого беглого знакомства у Азанчевского и одинаковой «правоведческой» юности для этого достаточно? Как бы то ни было, на великий пост 1876 г., когда на все спектакли налагался запрет, он оставил свою «летучую» труппу и прибыл в Москву.

Чайковский в письме к брату Анатолию от 17 марта 1876 года с раздражением писал: «Я знаю целую массу людей, которые расчитывают на то, что я буду в то время не занят в Консерватории, и хотят меня немножко эксплуатировать, в том числе, например, Лишин, который объявил мне, что на Страстной неделе он нарочно приедет в Москву, чтобы поближе познакомиться, а также познакомить меня со своими творениями». Спустя полтора месяца, 29 апреля 1876 г., он с ещё большим негодованием сообщал брату Модесту: «Здесь в Москве проживает теперь временно известный тебе Лишин. Недавно он играл мне свою оперу «Граф Нулин». Боже! Какая это мерзость. И если б ты знал, как вообще этот господин мне противен со своей дилетантскою самоуверенностью, дешёвым остроумием и бесцеремонностью обращения». Раздра-

жение Чайковского понять несложно: здесь и крайне критичное его отношение ко всякого рода непрофессионализму (Лишина он считал бездарным выскочкой), и неинтересный для Чайковского жанр комической оперы, и обида. Хорошо сознавая несопоставимость своего и лишинского творческого потенциала, он не мог не досадовать, как легко пришла к 20-летнему юнцу столичная и провинциальная известность. Даже спустя 10 лет после этой встречи, отвечая на вопросы директора московских Императорских театров В. П. Погожева относительно биографии, он пишет: «Не принадлежа ни к какой музыкальной партии и не имея близких друзей среди рецензентов и редакторов, я ездил втихомолочку и, в то время как петербургские газеты с шумом трубили о каждом романсе г. Лишина, спетом в Стерлитамаке или Богодухове, обо мне писали очень мало». И сам Погожев свидетельствовал: «Презрительно и с раздражением относился он так же к композиторам Галлеру и, в особенности, к Лишину. Последний был положительно пугалом Чайковского». Что же касается общего правоведческого прошлого, то, как известно, Чайковский ценил его столь мало, что, сочинив в 1885 г. «Правоведческую песню» и «Правоведческий марш» по случаю 50-летия Училища, отказался лично принять участие в торжествах, прокомментировав это весьма показательно: «Как я рад, что не поехал на юбилей! Уж одно то, что Лишин там блистал и выдавался, было бы мне равносильно пощёчине!»

В свете сказанного весьма удивительным представляется тот факт, что именно Лишину Чайковский позволил вторгнуться в своё творчество. В 1878 г., когда Корсов обратился к нему с просьбой о вставной арии Вязьминского в «Опричнике», Чайковский, ссылаясь на занятость и душевные переживания, отвечал: «Вот, что я могу Вам предложить для того, чтобы всё уладить. Пусть Лишин сочинит музыку для этой арии. Я уверен, что он, так хорошо зная Вас, сумеет сделать именно то, что Вам нужно. Я даю Вам разрешение напечатать на афишах, что автором вставной арии является Лишин, если таково будет его желание». Ещё более неожиданно продолжение письма: «Если Лишин захочет сделать мне удовольствие и зайти ко мне, я буду очень рад». Известно, что Лишин действительно сочинил музыку и текст буйной «Застольной» песни. Долгое время названная ария считалась утерянной и лишь в 1986 году была найдена и опубликована. Намереваясь писать в 1881 г. оперу по повести Д. В. Аверкиева «Ванька-ключник», он

писал в письме к издателю П. И. Юргенсону: «Чувствую, что сам не смогу смастерить либретто как следует; мне нужна помощь. И вот пришла мне мысль просить Аверкиева самого написать либретто, а если он откажет, поручи это Лишину, он сделает это очень скоро».

Черту во взаимоотношениях двух музыкантов подвела ранняя смерть Лишина, в связи с которой Чайковский писал В. Э. Направнику: «Читал ли ты, что бедный Лишин умер? По моему мнению, он был совершенно бездарен, и музыкальная его деятельность была мне очень несимпатична, но, Боже мой, до чего мне бывает жаль, когда умирает молодой человек? Кто знает, поживи ещё немножко, и бедный Лишин изменился бы к лучшему». А спустя 5 лет после этого письма в нескольких шагах от могилы Лишина появилась могила Чайковского.

Работая в Отделе иностранной цензуры и стремясь сблизить служебные интересы с личными, Лишин нашёл себя в переводах оперных либретто. Надо сказать, в XIX веке в этой области музыкального искусства царил полнейший хаос. В результате безграмотности переводчиков, рождались тексты с полнейшей нелепичей. Лишину принадлежит авторство примерно 50-ти работ. Число переведённых им романсов точно не определено, но составляет несколько десятков, так как не указывать в издании имя переводчика тогда считалось скорее нормой, чем исключением.

Поразительно, что первый перевод Лишина был издан в 1870 г., когда юноше едва исполнилось 16 лет. В соответствии со своими опереточными пристрастиями он обратился к «Синей бороде» Ж. Оффенбаха: как и в оригинале, переложил прозой разговорные диалоги и стихами — музыкальные номера и текст выглядел очень пристойно. И впоследствии Лишин чаще всего обращался именно к французским текстам (так как по матери это был его второй родной язык). За ними по численности следуют переводы с итальянского, затем — с немецкого. «Синяя борода», опера-буфф. Переделал с французского Гр. Лишин-Нивлянец, представлено в первый раз в Киевском театре Бергера 5 декабря 1870 г. Одесса, 31 июля 1870 г. Самым неожиданным в истории лишинских переводов является их дальнейшая судьба. Его тексты дожили до наших дней; они публикуются, звучат со сцены — то в чистом виде, то с некоторыми изменениями, вот только его имя на титульном листе по-прежнему опускается, а иногда и вовсе заменено. Как могло случиться, что авторство

сверхпопулярных строк приписано другим — сыграла ли здесь роль слабохарактерность, доверчивость и открытость Лишина, неумение говорить «нет», — объяснить практически невозможно.

В романсовых переводах Лишин выступает как поэт-лирик, пишущий гладко, красиво, элегично. Особенно его привлекали: Шуман, Гейне, Шамиссо, Лист.

Его литературный дар проявился едва ли не ранее музыкального. С юных лет в письмах и деловых записках Лишин изъяснялся стихотворно. Окружающих поражало его умение экспромтом выдавать остроумные пародии и эпиграммы среди обычной бытовой болтовни.

При жизни Лишина под псевдонимом Нивлянский (от родового села Нивное) была опубликована лишь небольшая часть его стихов в газетах и журналах. Спустя несколько лет, стараниями братьев, в 1890 г. в Петербурге вышла книга его стихов под названием «Лишин Г. А. Стихотворения», второе издание «Лишин. Поэзия. СПб. 1908 г.». Однако в бумагах частных лиц встречается много стихов, очевидно не найденных родными и потому не вошедшие в сборник. Стиль Лишина — гладкий, практически без литературных погрешностей; излюбленный метр — пятистопный ямб (весьма характерный для русского стихосложения). Благодаря несомненной мелодичности, многие его стихотворения быстро превратились в романсы и в этом виде завоевали большую популярность.

Жанр мелодекламации — монолога на фоне музыкального сопровождения — имеет долгую и богатую историю. В отличие от большинства исполнителей, обращавшихся к названному жанру, Лишин, напоминая средневековых и предвосхищая современных бардов, как правило, в себе одном объединял автора текста, композитора, аккомпаниатора и чтеца. М. И. Иванов писал: «Читал он превосходно, лучше многих заправских актёров, без всякого ложного пафоса и ненужных подчёркиваний, переходя, в случае надобности, в певца; музыка его вообще отлично иллюстрировала его декламацию».

Мелодекламация — это чрезвычайно оригинальная форма поэзии. Сочетание звучного стиха с прекрасной музыкой действительно производит чарующее впечатление, именно тогда, когда исполнение того и другого соединено в одном лице.

Возрождённый Лишиным вид искусства при его жизни завоевал сверхпопулярность. Однако после его кончины тематика

мелодекламаций стала мельчать; участились обращения к текстам низкого литературного достоинства, музыка свелась только к изобразительности.

Лишин прожил короткую жизнь, в течение которой оставался большим ребёнком — наивным, восторженным, хвастливым, разбросанным. Он не завершил большинства своих начинаний, но при всей скромности его таланта, без него русская музыкальная культура оказалась бы значительно беднее.

Запущенная внутренняя болезнь, при внимательном отношении к ней, не имела бы дурных последствий, а между тем болезнь унесла его в могилу. Передавали, что во время последнего недуга его в Петербурге он при весьма мучительном состоянии ещё садился к роялю, а когда уже вовсе не вставал, то рояль придвигали к его постели.

Скончался Григорий Андреевич Лишин в Петербурге 15 июня 1888 года, в возрасте 34 лет.

О безвременной его кончине скорбели все. Газеты наполнились траурными статьями и поминальными очерками. Редактор «Гражданина» князь В. П. Мещерский писал: «В наше время, когда говорить надо о музыкальном таланте, вам задают, прежде всего, вопрос: какого он лагеря? Лишин был, бесспорно, музыкальный талант, и тем ценнее был его талант, что он один из немногих, и даже, кажется, единственный был музыкальный талант, который не принадлежал ни к какому музыкальному лагерю и любил музыку всюю своею поэтической душой, как любил юноша свой первый идеал любви. Он был и привлекателен этим чистым обожанием музыки. Оно давало ему то, что никто из наших музыкальных талантов не имеет, смирение и поэтическую беспечность к своей музыкальной судьбе. Лишин был душа-человек в музыкальном мире, как во всех сферах сношений с людьми, и не заботился никогда о том, чтобы музыка дала ему карьеру. Он не знал, что значит ухаживать за теми, которые могли бы его выводить в музыкальный люд, как не знал и того, что значит написать музыку для того и другого удобного и выгодного момента. Он сочинял, как играл, когда вздумается, и, как я сказал, с детскою беспечностью любил свою музыку. Его «Дон Сезар» прелестная вещь по грации и поэтичности мотивов, но она же свидетельствует о том, сколько силы для творчества было ещё впереди у этого молодого таланта, если бы не смерть! Ужасно это беспощадное слово, когда оно означает, что хлад её печати лёг

на человека, с жизнью которого, как с весною, все друзья его соединили улыбку и чистый луч тёплого душевного света!»

«Первая панихида по скончавшемуся вчера 15 июня, в 10 часов вечера Г. А. Лишина состоялась сегодня, 16 июня, в 1¼ часа дня, в водолечебнице доктора В. И. Афанасьева в Озерках. Умер от воспаления почек, в той самой комнате, где доживал свои последние дни покойный. Передают, что Лишин не верил в близость смерти и перед самой кончиною был исполнен самых розовых надежд относительно будущей деятельности и своих произведений. Очевидно, его душа была ещё полна жизни и бодрости. Тем прискорбнее эта утрата. Оставил молодую жену. Погребён 18 июня в 12 часов дня рядом с Серовым, вблизи Мусоргского и Бородина, непосредственно позади первой. Гроб несли братья покойного».

Новое время от 16 июня сообщало: «Г. А. Лишин скончался 15 июня, о чём вдова его, Анна Захаровна, извещает. Панихида в 1 час дня и в 8 вечера Невский проспект, 90».

В отношении жены Григория Лишина, некой Анны Захаровны, полная неизвестность. Упоминается она только в некрологах, откуда ясно, что она была молодая женщина. Никто из родственников и друзей о ней не вспоминает в своих мемуарах. В наше время одна из исследователей его творчества Л. Золотницкая считает, что это актриса Александрийского театра Анна Захаровна (Никаноровна) Тютрюмова (1875–1931), дочь известного живописца Никанора Леонтьевича Тютрюмова (1821–1877). В архиве РГАЛИ мне удалось отыскать её воспоминания, записанные с её слов в доме ветеранов сцены в Ленинграде в 1930 году. Там она вспоминает, что играла в Александринке с 1876–1881 гг. В 1881 году вышла замуж, но за кого не указано, и ушла из театра. О муже и детях воспоминаний нет. Значит, это не она. В нотах романса Григория Лишина «Дождя отшумевшего капли...» мы видим, что он посвящён некой Н. М. Михайловой-Нивлянской, стихотворения, посвящённые Н. М. М. и Н. М., но кто эта певица, выяснить не удалось пока. Фамилия Михайлова, — скорее всего псевдоним.

Певица Н. М. Михайлова была первой исполнительницей романсов Григория Лишина: «Поверить можно», «Первая любовь». Именно ей он посвятил свои стихотворения: «Песни разлуки», «Видению», «Н. М. М.», «Н. М.», «Живи».

Для примера, приведём несколько таких стихотворений Григория Лишина.

ВИДЕНИЮ

Да, милосерд Господь! Порою шлёт на землю
Он ангелов своих утешить род людской
Я одному из них, тебе внимая, внемлю
И, мнится, небеса разверзлись надо мной...
Ни клеветы людской, ни зависти, ни злобы
Я не страшусь под сенью райских крыл,
Но слова не найду, которое могло бы
Сказать, как я тебя безумно полюбил...
Ты скроешься из глаз, в сиянье утопая,
И мрачен, и уныл родной мне станет край,
И тщетно буду я шептать во след: «Родная,
Хоть миг ещё один — не улетай!»
О, призрак дорогой! Усталою душою,
Как отблеск счастья дней, я образ твой ловлю,
С тобою я делюсь, с тобою лишь одною,
Тем словом дорогим и искренним — «люблю».

Н. М. М.

(Михайловой-Нивлянской)

...Сердце бодрствует — мысли летят
В даль минувшую. Звуки мне чудятся.
Был я в жизни так искренно рад
И картины былого рисуются...
Вот я вижу — пирушка весёлая,
Ты запела — всё смолкло кругом,
О, добьюсь для тебя ореола я
И в труде мы отраду найдём.
Обаянием ты, ненаглядная,
Будешь чувство будить и мечты,
Просыпаюсь — тоска безотрадная,
Я один — где же ты?
То мне снится аллеей знакомою
Ты идёшь и всё ближе, слышней,
Льётся песнь, дышат неги истомою,
Это курский поёт соловей.

Не смолкай, эта песнь благодатная,
Мало в жизни отрадных минут;
Канет в вечность та ночь ароматная,
С новым днём и печали придут.
То мне видится Волга широкая,
То красою блистающий Крым,
О, страшися, душа одинокая,
Мест, где было отраднo, двоим...

Н.М.

*(Нивлянской-Михайловой
Натальи Михайловне)
1885 г.*

Передо мной два образа стоят:
Один из них действительность живая.
(Живых позорят и клеймят)
Другой — что создал я, страдая,
И в звуках передал...
Тебе несу я в дар своё страданье.
Не будет всех, кто камнями бросал,
И камни те не соберутся в грудy,
Живёт лишь то, что ищет идеал;
И песня та, что я тебе пою,
Свои перенесла невзгоды.
Всех смерть сметёт с лица природы,
Лишь песня не умрёт в родимом нам краю.

В 1908 году вышла в Петербурге книга Г. Лишина «Поэзия». Газета «Одесский листок» за 22.01.1908 г. сообщает: «Вышла из печати новая книга «Поэзия» Григория Андреевича Лишина, известного поэта и композитора.

...Сборник продаётся во всех книжных магазинах и киосках города. Средства от издания поступят в пользу «дочери(?)» покойного господина Лишина».

Лишина похоронили в Петербурге в Александро-Невской лавре. «Церковь Благовещения не могла вместить всех, пришедших отдать последний долг усопшему и поклониться его телу. Густой толпой стояли и молились люди. Настроение всех было тёплое, все чувствовали, что смерть жестоко отняла от нас лучшие надежды,

вырвала человека, который только встал у дела. Престарелый отец покойного, сторбленный страшной потерей, и молодая красавица, вдова покойного, горе их было безгранично, были живым выражением скорби. Многочисленные родственники покойного были вокруг гроба. Отец сказал одному из присутствующих: «Младший сын мой пролетел в жизни семейства как метеор, он всех осчастливил, оживил и вдохновил своим присутствием и угас прежде, чем мы успели нарадоваться им», — писал журнал «Свет».

Отпевали Григория Андреевича в церкви, где похоронен сродный ему по таланту и музыкальной деятельности граф М. Ю. Вельегорский. Похоронили на кладбище, где покоятся: М. И. Глинка, А. С. Даргомыжский, А. Н. Серов, учитель Рубинштейнов — Виллуан и лежащий рядом с Лишиным — Мусоргский. Когда опустили гроб в могилу, рыдали не только родные, но и просто знакомые. Нужно ли говорить, что почти все литераторы и музыканты, находящиеся в Петербурге, были на могиле. День был удивительный. Горячее солнце с высоты оживляло трогательную картину расставания с любимым человеком. На гроб было положено много венков от почитателей его таланта и друзей и, между прочим, «от музыкальной прессы», с надписью: «Русскому даровитому композитору Григорию Андреевичу Лишину». Над свежей могилой были прочитаны стихотворения: П. А. Завадовским, В. А. Величко (талантливый поэт, товарищ Лишина по Училищу), А. А. Плещеевым и П. М. Свободиныным.

Публика долго не расходилась перед свеженасыпанным холмом. В течение целого дня приходили из города поклониться новой могиле безвременно угасшего таланта. В печати мы встречаем стихотворения товарищей Лишина — С. Плаксина и Хрущёва-Сокольникова.

Через год музыкальное обозрение «Нувелист» так описывает годовщину смерти: 15 июня, на кладбище Александро-Невской лавры совершенно освящение и открытие памятника на могиле композитора Г. А. Лишина. Перед открытием памятника, имеющего вид часовни, в церкви Тихвинской Божией Матери были отслужены заупокойная литургия и панихида, на которых присутствовало много публики и родные покойного.

Высокая металлическая часовня — памятник, с конусообразным куполом и полукруглыми окнами. Внутренность часовни имеет изображение Спасителя, молящегося о чаше; тут же аналой, крест

и множество венков. На могильной плите выбита надпись: «Проблеск жизни твоей между нами составлял счастье семьи». Присутствующим на открытии памятника раздавали страничку из мелодекламации «Первые цветы» Завадовского, посвящённую памяти Г. А. Лишина. На открытии памятника один из братьев Григория Андреевича, Иван Андреевич Лишин, прочитал своё стихотворение:

*Что замолкла песнь поэта? Или песня ждёт,
Скоро ль вещей луч рассвета из-за туч взойдёт?
Скоро ль пеленой одетый прояснится кругозор,
Даст желанные ответы, мысли даст простор?
Жди, поэт, покуда силы не изменят — будет свет;
Освятит он за тобою до могилы след.*

В настоящее время на кладбище лежит декоративная плита, с надписью: «Григорий Андреевич Лишин и дата», которая появилась в этом уголке композиторов в 50-х годах XX века. Сохранились до сих пор могилы и памятники: Мусоргского, Серова, Даргомыжского, Чайковского. Но памятник-часовня и плита Григория Лишина исчезли после революции. Даже сами сотрудники этого так называемого «кладбища-музея» проводят оплачиваемые экскурсии, но ничего не знают о его истинной могиле. Может быть, кто-то об этом вспомнит и восстановит памятник на своём месте.

В заключение надо сказать, что слова, музыка, искусство, ободряющие и возвышающие настроение духа людей, — дар исключительных натур. Немногим даётся сила гармонии, захватывающая душу, как немногие отдают людям всю свою душу.

Владимир Вебер

**ГРИГОРИЙ АНДРЕЕВИЧ ЛИШИН
В ВОСПОМИНАНИЯХ БРАТА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВИЧА
ЛИШИНА
1891 год**

Григорий обладал искренно артистической натурой, и при жизни щедро делился своим музыкальным творчеством. Хоча вспомнить о нём как о лице, оставившем по себе добрую память, и приведём некоторые подробности его постепенного поэтического

и музыкального развития, сколько возможно, восполнив пробелы в биографических очерках, появившихся о нём в печати.

С самых ранних лет Григорий воспитывался матерью, в домашней обстановке. Живя в многочисленной семье (1860–1870), когда она ещё не успела разойтись по разным концам и разнообразным профессиям. Григорий, как младший в семье, был предметом особых о нём забот, и первоначальное образование его было весьма хорошо обставлено. Достаточное внимание обращалось на равновесие умственных и физических сил; но здоровье его не обещало цветущего состояния. Движения его были мало оживлены, натура казалась малокровной.

Семья на лето выезжала, обыкновенно, на дачу Строительного училища, близ Петербурга, в село Мурино. А когда у отца Андрея Фёдоровича начиналось в июне-июле каникулярное время, то все уезжали в имение в село Нивное, Черниговской губернии.

К осени цвет лица Григория оживлялся: он становился бодрее, но зимние занятия снова переутомляли его. Домашняя жизнь нашей семьи отличалась строгой выдержанностью и расчётливостью, что вызвано было обширностью семьи. Круг знакомых родителей был невелик, но весьма избранный. Дома не допускалось никакой распущенности. Матушка была центром домашнего очага, и каждый член семьи нёс ей свои радости и скорби, и для каждого у неё было слово утешения и совет. Мы, дети, боготворили её, не смотря на её строгий тон, требовавший всегда и во всём выдержки. Не допускалось банальностей, а в семье всегда оставалась в памяти её любимая поговорка, в переводе с французского: «Не торопись опрометчиво».

Воззрения, обмен мыслей, споры, принимавшие, при участии некоторых близких дома, характер весьма живой, выслушивались моим братом, что не могло не влиять на восприимчивую душу юноши. Исполдволь он утверждался в принципах уважения ко всему, что вытекало из добрых порывов. Друзьями в нашем доме в ту пору были: магистр Михаил Иванович Розанов и педагог Карл Андреевич Келлер.

Протоиерей М. И. Розанов пришёл служить в церковь Св. Священномученика Симеона сродника Господня при Строительном училище, в 1849 году, вместе с Андреем Фёдоровичем Лишиным. Родился он в 1825 году, рукоположен в 1848 году во Владимирской епархии. Оба они принимали деятельное участие в вопросах

и фактах текущей жизни нашей семьи и любили прислушиваться к опытам брата Григория в варьировании музыкальных этюдов — к первым его творческим попыткам. Они поддерживали энергию матушки в занятиях музыкой с братом. Иногда возбуждался вопрос о чрезмерной нервности юноши и следует ли его, девятилетнего юнца, брать в оперу. В то время Итальянская опера блистала знаменитостями: Патти, Тамберлик, и всегда было жалко лишать его удовольствия оперы, хотя и замечалось, что музыка производила на него глубокое впечатление. Детские забавы и игры вообще отличали в нём преобладание воображения. Войти в роль героя или волшебника доставляла ему наслаждение. В развлечениях и играх его принимали нередко участие братья и сверстники: Майков, впоследствии известный этнограф, и двоюродный брат Константин Николаевич Лишин, впоследствии известный дипломат. Покровительницей и часто инициатором игр была матушка, несколько баловавшая брата Григория в досуги, но зато во время уроков его обращалось особенное внимание на полную их законченность.

Основательное знание Григорием иностранных языков принадлежало исключительно занятием домашним. В закрытых школах и училищах дети по языкам, как замечалось нередко, забывали те начала, которые приобретали дома. Ближайший руководитель и наставник Григория, священник Строительного училища М. И. Розанов, по общим предметам оставался репетитором его и в последующее время поступления Григория в пансион.

В детских рукописях Григория мы находим рассказы и письменные работы из древней истории с поправками отца Михаила, всегда требовавшего возможной простоты слога. Рассказанное ученик должен был к следующему уроку представить письменно. Эта система занятий много способствовала развитию вполне грамотного письма ученика в самом раннем возрасте. Памятно, сколько утешений он доставлял дома, декламируя стихотворения разных классиков. Раз-другой прочитанное стихотворение, или тирады Мольера, Расина он уже говорил наизусть. Всё, что читалось, им хорошо усваивалось: также хорошо была у него развита и музыкальная память. С отечественной литературой Григорий был ознакомлен хорошо и читал много: иные книги он читал по несколько раз. В позднейшем уже возрасте его занимало чтение наших критиков, и IV том Белинского, помним, он читал особенно

внимательно, с карандашом в руках. Гоголя и Грибоедова он уяснил себе в 16-летнем возрасте.

Специальное образование Григорий получил в Училище Правоведения, где он и окончил курс. Сохранилось сочинение Григория Андреевича, написанное им в октябре 1871 года в Училище после каникул.

Специальное образование Григорий получил в училище Правоведения, где он и окончил курс с довольно неплохими оценками. У меня сохранилась копия свидетельства от 15 мая 1875 года, выданная Советом Училища:

«Воспитанник сего Училища Григорий Лишин окончил курс наук, при благонравном поведении, оказал познания: в Законе Божием — отличные, в Церковном Праве — отличные, в Государственном Праве — весьма хорошие, в Гражданском Праве — весьма хорошие, в Уголовном праве — отличные, в Гражданском судопроизводстве — весьма хорошие, в Уголовном судопроизводстве — весьма хорошие, в Межевых законах и Межевом судопроизводстве — отличные, в Римском праве — хорошие, в Энциклопедии Законоведения хорошие, в Истории Русского права — отличные, в Финансовом праве — весьма хорошие, в Судебной медицине — весьма хорошие, в Политической экономии — отличные, в Русской словесности — отличные, в Латинской — весьма хорошие, во Французской — отличные, во Всеобщей и Отечественной истории — отличные, в Географии — весьма хорошие, в Математике — весьма хорошие, в Естественной Истории и Физике — хорошие, в Истории Философии и в Психологии — хорошие.

По сему, на основании высочайше утверждённого Устава сего Училища удостоен чина десятого класса».

Но специальностью этой он не воспользовался. Музыка была ему родственнее, чем служебная карьера, и он всецело отдался музыке, которую и обогатил многими произведениями.

Впечатления музыки на душу младенца, говорит Белинский, «неисчислимы», и думаем, что именно мать внушила ему эти первые впечатления в самом раннем возрасте. Первые годы занятия музыкой уже дали настолько выдающиеся результаты, что дома признавалось полезным предоставить Григорию большой простор в развитии таланта. Занятия музыкой обнимали всё, что требуется широкой программой, а именно: развитие слуха и усвоение начал гармонии; образцовые исполнения при нём пьес и их анализом;

быстрота чтения нот, всегда опережавшая его игру. Григорий находил, что, не достигнув быстроты, нельзя варьировать пьесы, ни изображать автора буквально. Впоследствии нам случалось видеть его письмо партитур. Без помощи рояля он писал ноты для полного оркестра. Ему, по-видимому, много помогло и знакомство с органной музыкой, которую он особенно любил, а также и игру на духовых инструментах. В четырнадцать лет он написал нам, что учится играть на корнете у Монтанари, что поступил в VII класс Правоведения, получил из восьми предметов восемьдесят один балл. На этом письме отец наш сделал приписку: «Напиши Грише намёк на его почерк, который никакого характера не имеет; он хороший мальчик, только нужно делать частые напоминания о том и другом. В манерах недалеко ушёл. На фортепиано и корнете играет хорошо, но это развило в нём самоуверенность не по летам. Его необходимо сдерживать. Страсти к музыке не имеет, так что нужно заставлять его играть; но играет хорошо, хотя далеко до совершенного понятия музыки. Если бы он работал, был бы дельный исполнитель. Не совсем внимателен к другим. Вот тебе канва для письма, ты можешь сказать, что всё это тебе приснилось».

Первым его учителем музыки, до 9-летнего возраста, была наша мать — ученица Шопена. Затем учительницей музыки, в 10-летнем возрасте Григория, была госпожа Гарднер. В этом возрасте он участвовал в концерте, в зале Бенардаки, в пользу госпожи Гарднер. С 1865 по 1869 год он продолжал занятия музыкой, под руководством Ю. Нагеля, и затем уже пользовался уроками Гензельдта, который, помнится, передавал матушке, что он счастлив видеть и слышать своего ученика, превзошедшего учителя. Такой отзыв Гензельдта, конечно, говорит больше о скромности самого учителя.

В 1871 году я познакомил брата Григория с Михаилом Павловичем Азанчевским, бывшим в то время директором консерватории. Приятельски условившись проверить музыкальные познания брата, Михаил Павлович пригласил его к себе на интимный музыкальный вечер, где мы застали: Ауэра, К. Ю. Давыдова, Чайковского и госпожу Ниссен-Саломан. Когда перешли к роялю, Григорий, перелистывая ноты, обратился к Ауэру: не сыграет ли он танец Брамса? «С удовольствием, — ответил ему Ауэр, — если вы мне будете аккомпанировать. Кстати проштудировав вашу технику».

Пьеса эта в той аранжировке не была знакома брату, но, раз попавшись в ловушку, он должен был подчиниться испытанию.

Покуда Ауэр налаживал скрипку, и когда замолкла проба смычка, Григорий сделал весьма бойкую интродукцию и, заканчивая её, он обернулся к Ауэру, как бы выжидая, когда виртуозу угодно будет начать. Ауэр рассмеялся и сказал: «Мы, кажется, ожидаем друг друга». А госпожа Саломан обратилась к хозяйке дома после исполнения Григорием собственной его интродукции: «Это обещает!»

М. П. Азанчевский подошёл к роялю перевертывать листы, и несколько раз во время исполнения пьесы наши взгляды встречались с его одобрительной улыбкой. По окончании пьесы и повторений нескольких строк, по указанию Азанчевского, и после других пьес, исполненных братом с полным успехом, профессора сердечно пожали руку молодому композитору.

М. П. Азанчевский, с которым я был дружен со школьной скамьи, советовал почаще отрывать брата от рояля, как это мне случалось проделывать с Азанчевским и Мусоргским в школе подпрапорщиков, когда старшие классы чрезмерными требованиями игры доводили их, «новичков», до полного изнеможения. «Здоровье читать ноты, чем играть их, так говорил мне Лист, — заметил М. П. Азанчевский, — а я, к сожалению, мало его слушался и вот на кого теперь похож. Только мы знаем, как необходимо отдыхать после музыки!» Относительно игры Григория Азанчевский серьёзно отозвался, что ему консерватория не нужна, что по исполнению он выходит из ряда и имеет свои чары. Тут же он предложил брату пользоваться своей музыкальной библиотекой, как известно, отличавшейся замечательной полнотой. Григорий пользовался данным ему правом, и несколько раз, в приезды наши в Петербург, передавал нам о поддержке знакомства с М. П. Азанчевским.

В том же году я познакомил брата Григория с А. Н. Майковым. Всегда внимательный к молодым талантам, маститый поэт отнёсся особенно тепло к музыкальному почину Григория. Ещё перед этим посещением Майкова было известно, что некоторые его произведения будут положены на музыку, и в этот приезд к нему брат исполнил романс «Весна». Вникнув в эту музыку, Майков находил, что дело поэта и музыканта близко друг к другу, и что музыка, сопровождающая его слова, выражает торжественность вступающей в свои права весны. Романс этот в первый раз был исполнен в 1871 году В. В. Корсовым. Майков настоятельно требовал от юного Григория возможно полного знакомства с историей музыки и эстетики. Брат находил дикцию Майкова неподражаемой и, действительно, никто

из современных тогда поэтов не читал так изящно свои произведения как А. Н. Майков. Многие его стихотворения впоследствии мелодекламировались покойным братом.

Декламация самого Григория, под аккомпанемент рояля, признавалась искусством, им самим выработанным. Отзывались, что мелодекламацией он «внёс определённую и тождество поэтических и музыкальных идей» и «музыкальное сопровождение при его декламации близко иллюстрировало текст». Жанр этот действительно был нов, как было ново и то, что одно лицо соединяло в себе автора, аккомпаниатора и декламатора. Года за три до его кончины нам довелось слышать его мелодекламацию в зале консерватории, на концерте, данном им и друзьями его с благотворительной целью. В тот вечер он вышел за рамки программы концерта требованиями повторений, и когда он, аккомпанируя себе, читал стихотворение Лермонтова «Спор», слушавшие были как бы наэлектризованы сходством музыки с мыслями поэта. Попытка объединить идею поэта со звуковой формой, действительно, удавалась ему. Стихотворение «Колодники» графа Толстого, прочитанное им мелодекламацией, производило потрясающее впечатление. Слушатель отдавался обаянию идеи и как бы переносился в воображаемое событие. Такие высшие победы над слушателями даются лишь избранныкам искусства.

В Петербурге, на одном из концертов Григорий Андреевич мелодекламировал стихотворение А. Н. Майкова «Нива». Майков находился в публике. Когда Григорию был поднесён венок, то он сошёл с эстрады и, подойдя к Майкову, возложил на него венок, что произвело весьма приятное впечатление, доказывавшее, между прочим, что наибольшая доля достоинства в воспроизведении картин принадлежит их авторам. Вспоминая, как тепло относились к нему слышавшие его музыку и импровизации, мы невольно обращаемся к факту.

Однажды, по окончании им концертной пьесы в Мариинском театре, весь оркестр, аккомпанировавший ему на сцене, встал и присоединился к вызовам и аплодисментам публики. Раз почувствовав успех свой перед тысячными массами, встречавшими его внимательно и громко провожавшими, он увлёкся этими успехами.

В юношеском возрасте Григория Андреевича окружающие радовались его успехам, которых он достигал своим талантом. Ему сулили широкую будущность, нередко захваливали его; только

в семье подчас слышался более сдержанный тон, и ему нередко указывалось на чрезмерное доверие его к овациям. Преобладания отзывчивости и увлечения брали в нём верх над холодным размышлением — удел возраста и избыток уверенности слишком рано развившейся. С ростом таланта и более серьёзными занятиями самоуверенность эта сглаживалась, но в нём всегда замечалось сознание своего дарования и своей артистической задачи. Теперь легко находить, что он должен был дать меньше, но лучше, а тогда ему, живому человеку, казалось, что он должен многое успеть воспроизвести и с юношеской несдержанностью он выставлял всякую пробу своего пера на показ. «Выработается, успокоится», — говорили одни ему близкие; «Увлекается мишураю», — говорили другие. Отрочество всегда стремилось и будет стремиться само переживать всё то, о чём постоянно твердит и предупреждает опыт, и в характере брата Григория вера в собственные силы нередко брала верх над холодным размышлением. Мысль о том, что он нравственно обязан служить обществу своим дарованием, постоянно была у него руководящей, и он сознавал, что искусство тогда только признаётся людьми, когда оно способно вызывать в людях душевную теплоту. Мысль эту, не раз слышанную от него, он однажды подтвердил следующим случаем. Припоминаем слёзы брата Григория пред святой плащаницей, на страстной неделе, в церкви Строительного училища, где священнодействовал отец М. Розанов. Импровизированная проповедь отца Михаила призывала молящихся к внутренней проверке и пробуждению совести. Проповедь пастыря вызывала дремлющие силы стоявших перед изображением величайшего учителя. Брат тогда высказал нам: «Велик учитель, собою оставивший людям способность возвращаться к нему за многие века, но я сожалею о поэтах и композиторах, не умеющих действовать на душу, как это достигает отец Розанов проповедью». Таково было внутреннее мировоззрение Григория Андреевича в 16-летнем возрасте на этику поэзии. Пришлось ли ему самому когда-либо вызывать музыкой своей и мелодекламацией лучшие чувства и душевные порывы в людях, — пусть вспомнят те, кто переживал эти минуты.

Нет сомнения, что и при высоких побуждениях людей, преданных искусству, возраст, люди и среда нередко влияют на разборчивость материала. Художник не обязан следовать за вкусами соотечественников, когда они обращают, положим, спиритизм в культ. Григорий Андреевич, между прочим, был рьяным поборником спи-

ритизма. Не знаем, отвернулся он впоследствии от этого увлечения, раздражавшего его и без того не крепкие нервы.

Григорий Андреевич лишился матери, когда ему было 18 лет. Чуткость её к малейшим оттенкам дарования, заботливость о нём и влияние на дальнейшую жизнь — всё это отлетело в прошлое вместе с юностью, с которой с тех пор Григорий Андреевич и простился. Он долго чувствовал этот суровый перелом в жизни. В музыке его послышалась нота, до этого времени не звучавшая. Приводим отрывок стихотворения, написанного им в день кончины матери, 8 мая 1872 года:

*«Спокойно спишь ты мать — любимые цветы
Стоят кругом. Следов уж нет зимы суровой,
Проснулось всё. Весна зовёт всех к жизни новой,
Но не проснёшься ты!*

*Покой её душе мы просим у Творца,
И в страшный миг последнего прощанья
Нам сладко слышать весть о жизни без конца,
Где нет печали воздыханья!»*

Этот год брат Григорий провёл неразлучно с отцом: ездил с ним за границу и часть лета провёл в родовом имении Черниговской губернии, в селе Нивном. Отсюда, между прочим, и заимствованный им псевдоним: «Нивлянский».

В возрасте, подходящем к совершеннолетию, особенно сильно влияет на юношество среда. Руководительство усложняется, когда юноша чувствует свои идеи оперившимися. Об этом возрасте Григория Андреевича мы можем судить лишь по некоторым отзывам его товарищей. Довольно общим является замечание, что Григорий Андреевич был всегда общителен и отличался доверчивостью к людям, нередко и во вред себе. Избытком сердечности его ловко пользовались и такие деятели искусства, которые никогда не выходили из посредственности. Его друзьям и случалось указывать ему на несостоятельность той или другой дружбы, но он оправдывал своё сочувствие и содействие таким людям тем, что он находил в них искры, стоящие поддержки.

Задатки таланта Григория давали право надеяться на самостоятельное, а не подчинённое вкусам большинства развитие. Удовлетворение «рыночным» требованиям нередко ставилось Григорию

в семье и людьми, сочувствующими его таланту, в упрёк. Семидесятые годы дали в подавляющем избытке так называемые гражданские мотивы. Эти тяжеловесы не признавались Григорием за поэтические произведения. Он всегда смотрел на них как на рифмованную прозу. Когда ему, по настоянию некоторых куплетистов, приходилось им писать стихи в этом роде, то он внутренне болел от этой работы, хотя и называл этот труд «печением блинов». Неумение отбиться от эксплуатации его, может быть, и ранняя известность, чрезмерно возбуждающая самолюбие, — явление не редко встречающееся, — создали в нём вместе с самоуверенностью и беспорядочное творчество.

После окончания Григорием училища правоведения нам редко приходилось встречаться с ним. Удел каждой многочисленной семьи в известном возрасте — разлетаться в разные стороны, и Григорию Андреевичу пришлось почувствовать себя как бы оторванным от домашнего очага. Знойные требования его музыкальных способностей, жажда простора, рядом с легко дававшимся ему успехом, в среде, не умеющей относиться к талантам бережно, без ненужных и преждевременных захваливаний, кружило ему голову. Одна певица не может петь иначе, как только под аккомпанемент Лишина; другая или другой — настаивают на том, чтобы придать характер их пению или игре; пианист идёт к нему ловить мотивы, а тут ещё надо написать кому-нибудь обещанный романс, дальше — либретто, и всё это творилось в сутолоке Петербургской жизни, между звонками: «Дома ли Григорий Андреевич?»

Большинство звонков к нему — это были приглашения участвовать в благотворительных концертах. Нервы до поры и времени выручали, но и утомление чувствовалось им вдвойне, тем более что нередко ночи шли в рабочее время. Во время пребывания моего в Петербурге в 1878 году, Григорий Андреевич помещался у меня. Тогда он принял службу в иностранной цензуре. Ему приходилось прочитывать массу книг и давать по ним заключения. Это требовало быстроты работы: но, прослужив два года, он убедился, что соединять музыкальную профессию с другим делом невозможно, и от дальнейшей службы в цензуре он отказался. Заметим к слову, что чтение книг, проходивших через его цензуру, занимало его весьма серьёзно. Служба эта давала ему возможность расширить свой кругозор, пополнить своё образование. Целью жизни он, однако, из-

брал музыку, и к этой задаче, оставив службу, он пошёл неуклонно и, оставил Петербург и попытал свои силы в среде, совершенно ему чужой.

Как Григорий Андреевич был чуток ко всякому проявлению дарования и как высоко ставил он мысли и чувства, выливавшиеся в художественной форме, видно из активного его участия в чествованиях памяти деятелей искусства. В Смоленске, в ночь перед открытием памятника М. И. Глинке, Григорий написал стихотворение, посвящённое Людмиле Ивановне Шестаковой и прочитанное им 20 мая 1885 года, при представлении депутатий председателю по сооружению памятника М. И. Глинке, князю Георгию Васильевичу Оболенскому.

Эрнесту Росси было устроено празднество литераторами и артистами. На импровизированном литературном вечере Григорий Андреевич прочёл французский сонет своего сочинения, посвящённый Росси.

Из читанных на юбилее Я. П. Полонского стихотворений газета «Новое время» (от 12 апреля 1887 г.) приводит стихотворение Лишина, сопровождавший французский перевод «Последней встречи», одной из жемчужин поэзии Полонского.

Вот одно из сочинений Григория Лишина.

«ОТ ОДЕССЫ ДО СУХУМА»

Проводя нынешнее лето в Одессе, я вздумал побывать на южном берегу Крыма и даже добраться до Кавказа. Случай представился самый удобный: один мой большой приятель отправлялся туда осматривать свои земли, и провести с ним недельки две лишние было для меня крайне заманчиво. А тут ещё со всех сторон слышит такого рода поощрения: — Подумайте, молодой человек, сколько вам предстоит новых впечатлений, твердят старики: Ах, Крым, Ливадия! Mais c'est charmant, тараторят дамы; у нас на Кавказе, подхватывает офицерик, я вам скажу, чего хочешь, того просишь: у берега моря — Италия: апельсины, мандарины, проедешь вёрст 10 в горы — Швейцария, да ещё пожалуй лучше, всё, так сказать, дико, свободно от гнёта руки человеческой. Простор... Да, что и говорить, одна из наших станиц ста Ницц заграничных стоит, по крайней мере, всё своё, кровью добытое. Да проститься мне этот каламбур Кавказского изделия.

И так, напутствуемый всевозможными благими пожеланиями и, признаться, завистью многих, я сел на пароход и, выражаясь морским языком, пошёл в Сухум. Первой нашей станцией был город Евпатория. Мы остановились на довольно большом расстоянии от берега, так что желающим побывать в городе пришлось переправляться на лодке. Но я предпочёл с парохода полюбоваться высокими минаретами, оригинальная архитектура которых поражает сначала довольно приятно.

На другой день прибыли мы в Севастополь. Тут было бы положительно прегрешением не сойти на берег, но я потом сам не рад был, что повиновался чувству исторического любопытства: от города, обещавшего много во всех отношениях, остались только развалины и славные воспоминания. Первое здание, возвышавшееся над пристанью, было Дворянское собрание. Как посмотришь, что от той залы, где ещё так недавно веселился целый город, уцелели одни только полуразрушенные стены, поневоле станет грустно. Совсем другое чувство испытывал я, осматривая развалины Генуэзской крепости в Феодосии, или разрытые могилы Босфорских Царей в Керчи: то остатки времён и людей уже отживших, а здесь, рядом с этими безобразными грудками камней, встречаешь нередко прежних из обитателей, у которых так живо ещё в памяти лучшее время и так мало надежды на скорое его возвращение. Но, как большей частью, в жизни грустные впечатления сменяются весёлыми, так и тут, несмотря на близость всех этих печальных воспоминаний, мне пришлось посмеяться над обрачиком местного остроумия. Именно увидев одного старого матроса (как известно они больше всех отличались во время осады), я спросил его: «Ну что, служивый, приходилось поработать порядком? Дрались-таки, а за что дрались, спрашивается? Знамо дело, мы город отдавали, а французы брать не хотели, вот и пошла драка». Но довольно о Севастополе, поедим дальше.

Погода прекрасная. 6 часов вечера. Море спокойно. Мы подходим к Ялте. После всех известных картин Айвазовского описывать вида не берусь. На пристани кипит народ, продавцы букетов и фруктов осаждают приезжих. С бульвара несутся мотивы Африканки, исполняемые весьма недурным оркестром. Мы берём коляску и отправляемся осматривать Дворец... Это не более как очень комфортабельное летнее помещение: множество цветов, большой сад, об удобствах для его обитателей само собой и го-

ворить нечего. Дорога в Орвянду всё идёт в гору. На одной из возвышенностей поставлен громадный крест, оттуда самый лучший вид на море, и мы ещё вдобавок любовались им во время захода солнца. В Керчи осмотрели мы музей древностей довольно бедный, потому что найденные остатки времён Митридата отправлены частью в Петербург, а частью и в Париж. Пришлось утешаться тем, что в Голландии, как говорят, нельзя найти селёдок. Мы снова в море. Вот потянулись нескончаемые Кавказские горы. Появление пассажиров в национальных костюмах начинает разнообразить наше общество. Два армянина в грязных кафтанах неопределённо-желтоватого цвета с ожесточением дуются в банк, путешествующий военный фотограф показывает желающим свою коллекцию достопримечательных видов Кавказа; в третьем классе на полу восседает татарин со своей супругой, полузакрытой фатой. Почтенная чета уничтожает арбуз и запивает кофе. Вообще сколько мне не случилось видеть потомков Чингисхана в дороге, у всякого на кушаке висит непременно кофейник. Не знаю, отчего бы нашим дамам не перенять этой моды, ведь было же время, что они носили кинжалы, а кофейник, право, полезней. Мы проводим последнюю ночь на пароходе: большая часть публики расположилась на палубе. Тёплый ветер приятно обхватывает, морская зыбь потихоньку усиливается, и хребты волн блестят фосфорическим светом. Пена, kloчочущая у колеса, приобретает зеленоватый оттенок. Разудалая солдатская хоровая песня несётся с нижней палубы. Бубны, свист и вскрикивания запеваля, сливаясь с шумом моря, образуют какую-то странную непонятную и вместе с тем увлекательную мелодию. В каюте барышня с большим стремлением к поэзии (и ещё большим шиньоном) перечитывает клятву «Демона». Что значит Кавказ близко.

2 часа ночи. Всё спит. Солдаты уgomонились. Шум колёс исполняет соло...

Г. Лещин

ЛИШИН АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ (1836–1898)

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ СТАТСКИЙ СОВЕТНИК

Андрей Андреевич Лишин

Сын Андрея Фёдоровича, Андрей Андреевич Лишин родился 17 июня 1836 года, в Петербурге. Крёстным у него, да и у всех детей А. Ф. Лишина, был лично Государь Император Николай Павлович при крещении 15 июля 1836 г. в Александро-Невской Лавре.

Андрей Андреевич Лишин был талантливый разносторонний человек. Стал известным инженером путей сообщения, получив образование в Институте инженеров путей сообщения. Он — строитель многих Российских железных дорог. В бытность свою инженер-путеец Андрей Андреевич Лишин участвовал в постройке С.-Петербурго-Варшавской, Нижегородской и Московско-Рязанской железных дорог, а также в устройстве Одесского порта.

Находясь в Петербурге с 1862 по 1868 г., кроме основной работы, Лишин был преподавателем в Доме призрения малолетних бедняков.

Андрей Андреевич Лишин — известный изобретатель. Будучи инженером-поручиком, изобрёл центробежную отливку металлов, принятую на заводах в России и за границей. Он изобретатель необычных тормозных систем железнодорожных поездов. Им были предложены железнодорожные рессорные колёса особой системы, прозванные англичанами «spring-wheels». Привилегия на них ими же приобретена у Андрея Андреевича Лишина.

В 1875 г. по его проекту им же самим был построен в Керчи завод по выработке соды. Он развивал добычу глауберовой соли.

Он — крупный учёный в области защиты морских судов, совершенствования военного кораблевождения. По вопросам усовершенствования военного кораблестроения им была написана брошюра: «Динамическая крепость боевых судов», издана в Севастополе в 1890 г.; «Как оградить людей от гибели на пароходах» (1893 г.) и другие. Помимо своей специальности он много занимался вопросами спасения на водах. Им были предложены непотопляемые суда, паромы и много мелких спасательных приспособлений.

Последние годы он занимался выработкой огнеупорных материалов собственного изобретения.

Андрей Андреевич был женат на Софье Николаевне (1866 г.), дочери статского советника, чиновника по особым поручениям при Министерстве внутренних дел, Николая Фёдоровича Кованько, имевшего имение в Харьковской губернии, Богодуховского уезда, село Матвеевка.

Усадьба на реке Рабыне; помещичий дом не представлял ничего замечательного наружной своей архитектурой. Зато внутри — великолепные печи стиля Екатерининского времени, но, вероятно, поставленные на место позже. Гирлянды, венки и другие типичные орнаменты стиля Людовика XVI. Фонари с хрусталём, картины в старинных рамах, мебель Николаевского барокко — все вместе образует очень уютный интерьер.

В Матвеевке имелся великолепный храм 1840 г., построенный Даниилом Лесницким. Храм очень оригинальной формы, напоминающей однокупольные украинские церковные постройки. В плане он почти круглый, с пилястрами, членищими стену на несколько частей. Барабан покрыт коническим куполом.

У них в семье было пятеро детей — сыновья: Николай, Михаил и Андрей; дочери: Александра и Елизавета.

Дочери Андрея Андреевича Лишина: Александра (1864). Елизавета Андреевна Лишина-Грюбникова (1871–1898).

Старший сын, Николай Андреевич, родился 20 декабря 1867 года в Петербурге. О нём разговор будет подробный.

Второй сын, Михаил Андреевич, родился в 1869 году. О нём известно немного. По окончании Московского 1-го кадетского корпуса и службы в армии, он ушёл в отставку в чине майора и поселился в Вологодской губернии, городок Тотьма. В чине коллежского асессора в 1916 году исполнял должность податного инспектора. Сведений о семье не имеется.

Третий сын Андрея Андреевича, тоже Андрей Андреевич, родился в 1870 году, а умер в 1943 году в Москве. Служил в полиции города Калязин, Тверской губернии. Сын Всеволод Андреевич, внук Олег Всеволодович.

Всеволод Андреевич Лишин вспоминал в своём дневнике: «Я уже сказал, что мой дед, а твой прадед А. А. Лишин был хорошим, талантливым инженером и изобретателем. Несчастьем его жизни была его жена, а моя бабка Софья Николаевна Лишина, урождённая Кованько. Человек легкомысленный, ветреный и беспринципный».

Скончался Андрей Андреевич Лишин в Севастополе после продолжительной и тяжёлой болезни на 62-м году жизни, 12 января 1898 г. в 11 часов утра у себя дома, на Екатерининской улице, дом 71, где и отслужена была панихида. Похоронили его на городском кладбище Севастополя 16 января.

ЛИШИНА-ЛАЙКЕВИЧ АННА АНДРЕЕВНА (1837–1904)

Единственная дочь А. Ф. Лишина — Анна, родилась 26 апреля 1837 г. в Петербурге. В 1854 г. она вышла замуж за титулярного советника (1848) Николая Фёдоровича Лайкевича. Николай Фёдорович родился в 1827 г., и был причислен, по владению имением в селе Вельжичах, Мглинского уезда, к дворянству Черниговской

Анна Андреевна Лишина-Лайкевич

губернии (род Лайкевичей происходил из дворян Смоленской губернии и внесён в 6-ую часть родословной книги). У Анны Андреевны было шестеро детей: Михаил (1856 г.р.), Марья (1858 г.р.), Анна (1859 г.р.), Лидия (1861 г.р.), Евгения (1862 г.р.) и Констанция (1864 г.р.).

Выйдя в отставку в 1887 г. действительным статским советником, Николай Фёдорович с семьёй переехал из Петербурга в родовое имение своего отца Фёдора Петровича (1787 г.р.) в Рославльский уезд Смоленской губернии. В Памятной книжке Смоленской губернии на 1887 г. он указан вместе со своим сыном Михаилом Николаевичем.

Из воспоминаний Анны Андреевны Лайкевич (урождённой Лишиной) 1900 г. 22 сентября, собранных покойным священником села Дмитрием Юденичем в 1879 г.

«Село Ершичи, Ершичской волости, Рославльского уезда относилось к первому благочинному Епишевскому округу. Первым помещиком в середине XVIII века стал Пётр Петрович Лайкевич и жена его Ирина Якимовна, урождённая Яковлева. Затем оно перешло их детям Фёдору (1787), Владимиру (1790), Екатерине (1791) и Петру (1792). Лайкевичи весьма благоволили к жителям села и сельскому храму.

Село находится от города Рославля на юг по Мглинскому тракту в 33 верстах, а от Смоленска в 150 верстах. Находится село как бы на полуострове, окружённом с северо-запада большим озером, а с северо-востока рекой Ипутью, впадающей в реку Сожь. В самом селе — волостное правление, а ближайшая почтовая станция Блинные Кучи — в шести верстах. Ближайшая железнодорожная станция — Рославль. Граничит с Орловской, Черниговской и Могилёвской губерниями.

В селе 36 домов, из них, не считая помещичьего: 5 домов духовенства, 1 дом еврейский, 2 мещанских, а остальные крестьянские. Жителей: мужчин — 112, женщин — 106 душ. Главное занятие крестьян — земледелие, кустарное производство (делают сани, колёса, бочки). С 1 сентября большинство взрослых мужчин отправляются в Киевскую, Московскую губернии, где и работают до 1 января. Земля песчаная и неплодородная, и если бы не было отхожего промысла, было бы весьма плачевное. Жители весьма религиозны, храм посещают усердно, и поэтому преступлений не замечается.

Благодаря болотистой местности, жители часто болеют лихорадкой, дети их — скарлатиной и дифтеритом. Медицинская помощь слабая, т.к. санитарный пункт и больница находятся в 26 верстах в селе Корсики, а поэтому крестьяне чаще обращаются к местным знахарям и лекарям.

В селе две школы: одна земская и одна школа грамоты. Земская школа, благодаря Николаю Фёдоровичу Лайкевичу, имеет порядочную библиотеку, для внеклассного чтения. Не все дети учатся по бедности родителей, хотя и имеют желание.

Раньше, в XVIII веке, село относилось к Брянскому уезду. Село и Храм в XIX веке посетил Государь Александр Благословенный.

В 1890 г. Николай Фёдорович Лишин выстроил новый храм, на каменном фундаменте, в виде креста. Крыша храма железная, снаружи и внутри окрашено масляной краской. Вокруг храма деревянная ограда и около ворот к большой дороге часовня. В церкви два престола св. Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы, а предельный во имя св. Великомученика Иоанна Воина. Ризница и сосуды храма весьма приличные. Дедом Николая Фёдоровича подаренное в 1808 году имеется на престольное Евангелие с серебряной вызолоченной доской, вызолоченный потир, дискос, лжица и тарелочки. Им же пожертвована серебряная риза на икону св. Великомученика Иоанна Воина. Священник в храме Михаил Зубаткин».

Умер Николай Фёдорович Лайкевич 15 января 1895 г., похоронен в склепе церкви села. Там же 12 апреля 1897 г. похоронен их сын Михаил Николаевич, губернский секретарь, умерший от чахотки.

В 1898 г. на похоронах Андрея Фёдоровича Лишина в Петербург приехала из своего имения Анна Андреевна, в сопровождении дочерей Анны, Лидии, Евгении и Констанции.

Умерла Анна Андреевна в Петербурге от тяжёлой болезни в 1904 г., похоронили её рядом с мужем. Что стало с дочерьми, — неизвестно.

ЛИШИН НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ

(1867–1933)

КОЛЛЕЖСКИЙ АСЕССОР

Старший сын Андрея Андреевича Лишина, Николай Андреевич, родился 20 декабря 1867 г. в Петербурге. Учиться начинал в 1-м Московском Кадетском корпусе, переведён оттуда 31 августа 1843 г. и зачислен в Ярославскую военную прогимназию, которую и закончил 19 января 1885 г.

На основании предписания Начальника 4-й Стрелковой бригады от 10.08.1885 г. за № 1881, основанного на распоряжении Главного штаба, зачислен на службу в 15-й Стрелковый батальон. Не прибывая к батальону, командирован в Одесское пехотное юнкерское училище для прохождения курса наук. Зачислен в младший класс училища с 26 августа 1885 г.; 7 августа 1887 г. получил

звание подпрапорщика и отправлен в 15-й стрелковый батальон. В Ярославской прогимназии получил дополнительную специальность по переплётному делу.

Николай Андреевич Лишин

В 1892 г. Николай Андреевич, тогда уже поручик, женился на очаровательной девушке Олимпиаде Николаевне Валентий. Там, в Одессе, в 1893 г. у них родился сын Николай, а в 1896 г. — дочь Анна.

В 1896 г. Николай Андреевич переведён на службу в штат Московской полиции с зачислением по армейской пехоте, куда и переехал вместе с семьёй. Проживали они на 3-й Тверской-Ямской улице, в доме Серебрякова. В 1900 г. он получил назначение в Рижскую полицию. С 29.03.1902 г. Николай Лишин — уже второй помощник Рижского полицмейстера. После тяжёлого ранения, полученного при защите Лифляндской губернской тюрьмы, Николай Андреевич в отставке по болезни с 9.03.1905 г. в чине майора (коллеж-

ский ассессор). Имел ордена Святой Анны 3-й ст. и Станислава 2-й и 3-й степеней, Св. Георгия 4-й степени, медали. Участвовал после училища в Русско-турецкой войне 1887–1888 гг. и в Порт-Артуре. Под хорошим присмотром жены и дочери он прожил ещё 11 лет. Скончался он в Петербурге, на улице Московской, д. 9, в августе 1917 года, когда Олимпиада Николаевна вынуждена была уехать в ноябре 1916 г. обратно в Ригу по делам своей гимназии.

**ЛИШИНА (ВАЛЕНТИЙ)
ОЛИМПИАДА НИКОЛАЕВНА
(1873–1961)**

Олимпиада Николаевна Лишина (Валентий)

Жена Николая Андреевича — Олимпиада Николаевна Лишина была настоящей русской патриоткой, которая оставила большой след в системе образования в городе Риге как до, так и после революции.

Олимпиада Николаевна Лишина родилась 24 июня 1873 г. в семье помещика Черниговской губернии, Конотопского уезда Николая Петровича Валентий, коллежского секретаря, внесённого в 1-ую часть родословной книги. Детство своё она провела после ранней смерти матери, в имении своей тётки Олимпиады Викторовны, бывшей замужем за известным в Малороссии предпринимателем Терещенко. С золотой медалью Олимпиада закончила в Одессе частную гимназию О.В. Пиллер. Система образования того времени предусматривала семь лет обучения в женской гимназии. В ряде женских гимназий допускался также восьмой класс. В него переходили только лучшие ученицы, которые по его окончании получали права учительствовать. Олимпиада Николаевна окончила все восемь классов, но об учительской карьере при этом и не думала. Её мечта — карьера оперной певицы. Выйдя замуж, она вместе с семьёй переехала в Москву. Здесь, в Московской филармонии она училась у профессора Бижеича. С 1900 г. вместе с мужем она переселилась в Ригу и по-прежнему продолжала заниматься пением, регулярно посещая рижское женское Певческое общество для участия в драматической самодеятельности. Она не только пела, она стала членом правления Человеколюбивого общества, в практике которого было воспитание и обучение детей бедных родителей и сирот, призрение неспособных к труду, оказание медицинской помощи нуждающимся. К 200-летию общества, отмечавшегося в России 16 мая, она получила награду — крест святой Нины на лиловом банте и юбилейный знак.

В 1908 г. болезнь мужа, после контузии, заставила её задуматься о добывании средств на содержание семьи, так как пенсии мужа было недостаточно. Контузия сделала Николая Андреевича практически недееспособным. Олимпиаде Николаевне пришлось думать, — на какие средства жить дальше. Сын её, Николай, поступил в Морской корпус, который окончил в связи с войной досрочно, и он, из-за большой потребности в офицерах, попал в мичманы. Он был назначен на крейсер «Громобой». Был сначала очень доволен выпавшей на него большой работой: назначен вахтенным офицером, командиром полуроты, командиром двух плутонов и шлюп-

ки. Про команду крейсера он писал матери, что она хороша в боевом отношении, но немного распушена.

ГИМНАЗИЯ ОЛИМПИАДЫ НИКОЛАЕВНЫ ЛИШИНОЙ В РИГЕ

В 1908 году О.И. Лишина открыла в Риге гимназию (по адресу Мельничная улица, дом 46). Как к старому знакомому, Олимпиада Николаевна обратилась к мужу своей подруги детства, госпожи Ридигер, и попросила его содействия, чтобы ей дали права правительственной гимназии. Попечителем Рижского учебного округа оказался старый знакомый мужа Олимпиады Николаевны, Левшин, который с удовольствием возбудил об этом ходатайство, и министр просвещения Шварц его охотно утвердил. По-латышски улица, где была расположена гимназия, называлась Дзирнаву. Первой ученицей, записанной в гимназию, была собственная дочь Анна Лишина.

Но вернёмся к гимназии Олимпиады Николаевны Лишиной.

Уже в первый учебный год (1908) в гимназии обучалось 66 учениц. Вскоре число учениц достигло полутысячи. Перед войной финансовое положение Лишиной настолько окрепло, что она могла себе позволить устроить при своей гимназии «Общество нуждающимся учащимся женской частной гимназии О.Н. Лишиной». За заслуги на ниве педагогической и общественной деятельности она была награждена Министерством просвещения золотой медалью на Аннинской ленте.

Когда нагрянул август 1914 г., и заговорили пушки, то музы должны были умолкнуть. Поток раненых хлынул с фронта в Ригу, Олимпиада Николаевна стала председательницей рижского комитета по шитью белья для участников войны. Когда немцы подошли к Риге, началась эвакуация расположенных в городе предприятий и учебных заведений. Имущество гимназии было вывезено в Вологду и, как многое другое, затерялось.

В 1933 г., накануне 25-летнего юбилея гимназии, Лишина вспоминала об этом времени:

«3 ноября 1916 г. я, по просьбе родителей учениц, вернулась в Ригу. В Петербурге я должна была оставить больного мужа,

с надеждой, что всё нормализуется рано или поздно. Опустошённое, разорённое помещение было спешно приведено в порядок, и 22 ноября уже начались занятия. Когда я возвращалась в Ригу, меня предупреждали, что гимназия, как находящаяся в районе боевых действий, будет лишена прав, но всё же ученицы 1917 г. выпуска получают аттестаты со всеми правами. В августе 1917 г. в гимназии насчитывалось снова 360 учениц. Но в день, когда была назначена переэкзаменовка, 21 августа, в город вошли немцы, и всё достигнутое нами с большим трудом снова пошло насмарку. Из-за смерти мужа я должна была опять уйти с работы, так как ехать было не на чем в Петербург, а вернувшись, нашла вместо своей гимназии немецкую школу с немецким персоналом и немецким языком преподавания.

Русский язык был строжайше запрещён, в гимназии говорили исключительно по-немецки. Зато каким праздником было для нас 18 ноября — день основания независимой Латвии, когда за одну ночь наша гимназия превратилась в русскую. Помню, что, когда я на другой день вошла в зал к собравшимся ученицам и объявила им, что хочу слышать в наших стенах только русский язык, — многие, особенно из младших классов, заплакали. Они уже успели забыть его».

Здание гимназии было частично повреждено, частично разрушено. Татьянинский комитет предлагал нам возобновить деятельность гимназии в Петрограде, но занятия были возможны только по вечерам, и я отказалась. Мой сын, Николай, неся службу в Петрограде, в ноябре 1917 г. был арестован по доносу, но благодаря ходатайству нашего родственника, Сергея Андреевича Лишина, который стал начальником противовоздушной обороны Петрограда, был отпущен. Он был вынужден со своими товарищами-офицерами бежать на Каспий.

С начала лета 1919 г. в Ригу из Лиепаи возвратилось правительство К. Ульманиса. Националисты создали свои объединения, чтобы представлять собственные интересы в учредительном собрании Латвии. В русской среде первым стал Русский Народно-Демократический Союз (РДСН). Одним из лидеров был присяжный поверенный Александр Семёнович Бочагов (1885–1952), выходец из старой рижской русской купеческой фамилии, будущий депутат 1-го Латвийского сейма. 13 июля 1919 г. на очередном заседании Народного Совета Латвии он выступил с декларацией, в которой

выказывалась уверенность, что «всем меньшинствам будет обеспечено культурное национальное самоопределение». При содействии РНДС был создан Русский учительский союз (РУС), во главе которого встала О. Н. Лишина. Вскоре деятельность союза учителей распространилась на всю Латвию.

Сейчас трудно говорить наверняка, что было первично, а что вторично: то ли общая политическая деятельность привела к браку, то ли наметившаяся близость содействовала восходу политической звезды Лишиной. Но впоследствии А. Бочагова и О. Лишину связал брачный союз.

Забыто было, что такое размеренная жизнь, казалось, бурлило само время. Союз вёл борьбу за создание автономных школ меньшинств, поднимал вопрос о национально-культурной автономии, разрабатывал новые концепции развития школ и новые программы. В декабре 1919 г. Народным Советом был принят закон, по которому в Латвии вводилось обязательное обучение детей в возрасте от 6 до 16 лет в шестилетних школах. Во всех образовательных школах велось обучение на родном языке. Первым начальником русского отдела Министерства образования Латвии была назначена О. Н. Лишина, занимавшая этот пост с 29 декабря 1919 г. по 17 мая 1921 г. В ведение отдела входило восстановление системы русского образования. К концу 1919/1920 учебного года в Латвии действовало 127 русских школ с 11 842 учащимися и 362 учителями. Кроме того, существовало 12 средних школ, в которых обучалось 1 214 ученика и трудилось 172 учителя.

Уже к началу 1920 г. школа была вовлечена в большую политику, разделившую русскую интеллигенцию Латвии на «монархистов» и «февралистов». Лишина в этой политике была несильна, хотя и считалась по характеру решительной и волевой. Слово «компромисс» — было не из её лексикона. По воспоминаниям её внука, Георгия Николаевича, жившего при бабушке, именно она была главой семейства... Тексты её распоряжений по гимназии или по министерству образования — скорее распоряжения военачальника в пылу боя, чем очередная канцелярская бумага. Такой характер нравился далеко не всем, особенно подчеркнута консервативная политическая ориентация Лишиной. Да и сама она была живым человеком, а не ангелом во плоти.

В начале 1920 г. в Ригу возвратился известный педагог Фёдор Эрн, он сменил Олимпиаду Николаевну на посту начальника

русского отдела при Министерстве образования, и она всецело отдалась педагогической деятельности в своей гимназии.

Ученица гимназии И. В. Горшкова вспоминала:

«Гимназия в своей внутренней жизни руководствовалась специально разработанными «Правилами», которые включали 4 раздела: об учёбе, о дежурстве по классу, об отношениях между гимназистками и о поведении гимназисток вне гимназии. Пункт 1 гласил: «Ученицы обязаны в учебное время посещать уроки, не опаздывая на молитву перед началом урока». Пункт 6: «Ученицы обязаны являться на уроки в установленной форменной одежде и со всеми необходимыми для занятий учебниками». Пункт 7: «Ношение излишних украшений, не соответствующих форменной одежде, а именно: колец, перстней и браслетов воспрещается». Пункт 20: «Ученицам воспрещается посещать театр и другие общественные места увеселения без разрешения начальства гимназии». Эти «Правила» каждая ученица переписывала в свою тетрадь, которая являлась дневником для выставления оценок и записи домашних заданий».

Утром каждого дня все ученицы гимназии собирались в зале. Ровно в 8.15 открывалась дверь, и в зал входила Олимпиада Николаевна, которая обращалась к гимназисткам со словами: «Здравствуйте, дети! Молитесь, пожалуйста». Молитва проходила перед образом Спасителя, благословляющего детей. Сегодня эта икона находится в храме во имя преподобного Сергия Радонежского Рижского Свято-Троицкого Сергиева монастыря, и бывшие ученицы гимназии, пока могли, ходили в этот храм поклониться своей иконе.

История этой иконы пошла ещё от генерал-лейтенанта Андрея Фёдоровича Лишина, деда Николая Андреевича, и была передана при открытии гимназии в 1908 году его дядей, Действительным Тайным Советником, Михаилом Андреевичем Лишиным. Её подарили А. Ф. Лишину в 1874 году выпускники Института Гражданских Инженеров по его выходу в отставку.

По окончании молитвы на русском языке, читалась молитва на латышском, немецком и польском языках, так как в гимназии учились девушки не только из русских семей. Когда многоязычное чтение молитвы завершалось, икона закрывалась голубой занавеской, и ученицы под наблюдением классных руководительниц расходились по классам.

Содержание учебной программы было таким же, как и в других школах. Особое внимание уделялось русскому языку, русской литера-

туре, географии и истории России. Уроки родного языка в последних классах основной школы вела сама Олимпиада Николаевна. «Большим уроком русского языка» О. Н. Лишина называла проходившие в гимназии вечера, на которых учащиеся разыгрывали различные спектакли. Лишина писала сценарии предстоящего действия, а затем и сама ставила его на сцене. На юбилее гимназии в 1933 г. ученицы гимназии сыграли спектакль по произведению «Евгений Онегин» А. С. Пушкина. По случаю своего 25-летия гимназия получила поздравления от президента Латвии А. Квесиса, председателя Сейма, руководителей Школьного департамента и Русских обществ Латвии.

Гимназия была закрыта 17 июня 1936 г. Основной причиной для закрытия послужила инструкция Министерства просвещения о распределении учащихся по школам в соответствии с их национальностью. Выполняя требования этой инструкции, из гимназии была вынуждена уйти почти половина учащихся. Политические обстоятельства привели к тому, что к 1940 г. в Латвии оставались только две русские школы — одна в Риге, а другая в Резекне. Выпускницы гимназии единодушно утверждали, что Лишина была «...умным, разносторонне одарённым человеком, обладала организаторскими способностями и одновременно оставалась милой, обаятельной женщиной». За заслуги перед обществом в 1929 г. она была награждена орденом «Трёх звёзд» 4-й степени.

После закрытия гимназии Олимпиада Николаевна отошла от активной общественной жизни. Умерла она в июне 1961 г. Рядом с нею на Покровском кладбище покоится и её дочь Анна Николаевна Сегедий, урождённая Лишина (1896–1944).

ЛИШИН НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

(1893–1941)

МИЧМАН, ПИСАТЕЛЬ

Хочется объяснить, почему в 1941 году расстрелян этот русский офицер Николай Николаевич Лишин.

Николай Лишин происходил из древнего нетитулованного рода дворян Черниговской губернии. Герб рода Лишиных находится в 13 части «Общего гербовника дворянских родов Российской империи».

Николай Николаевич Лишин (в центре)

Николай родился в Одессе 7 сентября 1893 г. При крещении его восприимцами были: действительный статский советник Михаил Андреевич Лишин и жена статского советника София Николаевна Лишина.

Николай поступил в Морской корпус, который окончил в связи с начавшейся войной досрочно и из-за большой потребности в офицерах попал в мичманы.

Александр Фёдорович Редигер (генерал от инфантерии, бывший военный министр Российской Империи, бывший член Государственного Совета) в своих мемуарах «История моей жизни» вспоминал: «В декабре, когда наш флот стоял неподвижно во льдах, он получил отпуск и приехал в Петроград; его рассказы про настроение команд и порядок во флоте были неутешительны; слышанное от него я рассказал Воеводскому, который пожелал побеседовать с ним, поэтому я у себя устроил им беседу. Лишин всегда мечтал о лихой службе на миноносце и просил моего содействия к переводу его на таковой, и я 21 декабря письменно просил о том морского министра Григоровича, но долго не получал ответа. Когда я ему при личной встрече напомнил о моей просьбе, выяснилось, что в молчании был виноват Главный мор-

ской штаб, и вслед за тем Лишин был переведён на один из миноносцев...» Он был назначен на крейсер «Громобой». В службе Николай Лишин находился с 1912 года.

Редигер А. Ф. «История моей жизни»: «В этом году (1914) у нас стал часто бывать Николай Николаевич Лишин, тогда юнкер Морского корпуса, симпатичный юноша и отличный музыкант. В начале мая (1914) в Петроград приехала Олимпиада Николаевна Лишина с дочерью навестить сына. Она уже раньше бывала у нас, но только теперь мне пришлось познакомиться ближе с этой замечательно умной, энергичной и доброй женщиной. Сын её вместе с Володей устроили катание на взморье на моторной лодке, в котором приняли участие и мы с женой...».

После перевода с крейсера «Громобой» на миноносец Балтийского флота «Финн» у Лишина началась полноценная боевая служба. С этим кораблём у него связаны и хорошие воспоминания и плохие.

В 1937 г. Лишин писал: «В памяти с огромной яркостью воскрес весь «Финн», каждый его закоулок, палуба, кают-компания. Моя каюта... Вспоминается вся судовая жизнь на нём, будни её и праздники, наша боевая служба в Ирбенском проливе, боевые эпизоды, дружная жизнь всего пятого дивизиона, гибель однотипного с «Финном» «Добровольца». Некоторые, погибшие на нём, нашли своё успокоение под небольшим надгробным памятником, стоящим и по сей час в Гапсале».

Николаю Лишину пришлось столкнуться на Каспии с «Финном» в 1919 г., когда он был переброшен с Балтики красными для боевых действий в Баку. Он писал: «Неужели, — думалось мне, — есть на «Финне» ещё кто-нибудь из офицеров-соплавателей? Неужели мне придётся встретиться с «Финном» в бою, врагами? Всё это казалось каким-то диким наваждением. Где вы, мои друзья офицеры: старший лейтенант Н. В. Потапов со своими вечными эпиграммами типа:

*Лишин в шёлковой тужаке,
Наш Кардаш, что каждой даме
Так приятен, словно мёд,
Глебушка, что вечно пьёт,
Ваня — парень очень честный,
Как «Айванов» здесь известный.*

«Финн» тогда относился к минной дивизии Балтийского флота. Хотелось бы увидеть мичманов Блохина и Гарковенко, Глеба Сергиевского, Каминского и лейтенанта П. М. Ротаста».

Редигер А. Ф. «История моей жизни»: «С мичманом Лишиным произошло служебное несчастье: как хороший офицер, он был переведён со старого миноносца на один из новейших, «Азард», на котором он был назначен ревизором (заведующим хозяйством); командир этого миноносца, Бибииков, взял себе из ящика 2 800 рублей, за которые Лишину пришлось отвечать. Чтобы не попасть под суд, Лишин должен был внести деньги, для чего мой тесть дал ему взаймы 2500. Лишин бросил любимую им службу на миноносце и перешёл в морскую авиацию. Я об этом случае рассказал Григоровичу, который обещал его расследовать, но сделал ли он что-либо, я не знаю».

Из воспоминаний матери О. Н. Лишиной (1933 год): «Николай, неся службу в Петрограде, в ноябре 1917 года, был арестован по доносу, но благодаря ходатайству нашего родственника (двоюродного брата), Сергея Андреевича Лишина, который стал начальником противовоздушной обороны Петрограда, был отпущен. Он был вынужден со своими товарищами-офицерами бежать на Каспий».

Каспийская одиссея продолжалась с конца 1917 г. до 2 июня 1919 г.

Из Петербурга Николаю Лишину удалось перебраться на Дон вместе с другими испытанными балтийскими офицерами — лейтенантами И. В. Потаповым и бароном Нолькеном, а затем на Каспий. «Бакинская Школа Морской Авиации приютила меня у себя в конце 1917 года после того, как пришлось покинуть берега Балтики из-за обвинения в «активной контр-революции», ареста и после бесконечных мытарств...», — вспоминал Николай Лишин.

Служба в войсках Белой Армии. Служба в Вооружённых силах Юга России. Именно там, в Вооружённых силах Юга России, в 1918 г. он начал свой путь в борьбе с большевиками. Эти годы (1918–1919) он описал в своей книге, выпущенной в 1938 г. в Таллинне под названием «На Каспийском море. Год Белой борьбы», которую посвятил своей матери Олимпиаде Николаевне Лишиной.

В конце марта — начале апреля 1918 г. Лишин и другие офицеры РИФ в Казвине подписали с английским генералом Денстервиллем контракт, в котором русские морские офицеры официально

назывались «прикомандированными к Королевскому флоту и обязались служить на судах под Андреевским флагом».

Заняв летом 1918 г. персидский порт Энзели, англичане стали усиленно готовиться к высадке своих войск в Баку и приступили к формированию военной флотилии. Командовал английскими морскими силами командор Норрис. Англичане захватили в Энзели несколько русских торговых судов и приступили к их вооружению. Команды поначалу были смешанные — русская вольнонаёмная команда и английские расчёты орудий. Командовали всеми судами английские офицеры, на второстепенные должности брали и русских морских офицеров. В октябре 1918 г. лейтенант Лишин был назначен вахтенным начальником на пароход «Алла Верды»

*Хроника службы на пароходе «Алла Верды»
в составе кораблей Каспийской военной флотилии.*

22 октября 1918 г. — плавание на Ленкорань, Петровск, Красноводск.

12 ноября 1918 г. — возвращение в Энзели.

16 ноября 1918 г. — поход на Баку.

19 ноября 1918 г. — высадка и пребывание в Баку.

Декабрь 1918 г. — участие в боевых действиях против кораблей большевиков на Каспийском море (КМ).

18 декабря 1918 г. — возвращение в Баку.

8 января 1919 г. — уход из Баку в Петровск.

12 февраля 1919 г. — поход на Север КМ, 11-ти бальный шторм, ледяное поле, обледенение корабля.

13 февраля 1919 г. — приход в Петровск на разбитом пароходе «Алла Верды».

15 февраля 1919 г. — осмотр парохода «Алла Верды» комиссией, которая пришла к выводу, что корабль больше к плаванию не пригоден. Разоружение парохода «Алла Верды» и передача владельцам, исключение корабля из списков Каспийской флотилии.

22 февраля 1919 г. — убытие в отпуск в Баку.

*Хроника службы на пароходе «Президент Крюгер»
в составе кораблей Каспийской военной флотилии.*

28 февраля 1919 г. (утро) — уход Российской Каспийской военной флотилии (РКВФ) из Баку.

28 февраля 1919 г. — разоружение англичанами РКВФ.

Март 1919 г. — назначение флаг-офицером и вахтенным начальником парохода «Президент Крюгер».

Конец марта 1919 г. — поход на Петровск.

Апрель-май 1919 г. — крейсерство в северной части КМ.

20 мая 1919 г. — выход в поход в восточную часть КМ.

21–22 мая 1919 г. — атака на Форт Александровск (ФА).

23 мая 1919 г. — крейсерование в районе ФА, бой с миноносцами «Эмир Бухарский» и «Финн».

Конец мая 1919 г. — уход со службы на пароходе «Президент Крюгер» — расторжение контракта о совместной службе с англичанами. Подготовка к отправлению в Омск.

2 июня 1919 г. — отъезд из Баку на коммерческом пароходе в Гурьев.

13 июля 1919 г. — прибытие в Омск, аудиенция у Верховного Правителя России адмирала А. В. Колчака, подробный доклад Колчаку о разоружении англичанами РКВФ, политике англичан в Баку и на Каспийском море.

Переход на службу в составе Сибирской флотилии, участие в боевых действиях в Сибири и на Дальнем Востоке.

Именно с Каспийской флотилией он прошёл путь от Баку до Владивостока. Лично встретился с генералами Деникиным и Врангелем. После расформирования Каспийской флотилии, а затем и Сибирской флотилии, он с отрядом полковника Каппеля переехал в Китай (Шанхай), Париж, Белград, а затем в Эстонию (Ревель). В 1928–1937 гг. жил в Риге. Эмиграция...

В 1921 г. в Праге было основано гимнастическое общество «Русский сокол». К 1927 г. Сокольские организации возникли во Франции, Болгарии, Латвии, Польше, Королевстве СХС, Китае и США. Проводились слёты, гимнастические состязания, дни русской культуры. Издавалась своя газета. Во время сборов над лагерями по утрам поднимался русский национальный флаг. Первым старостой (главой) Союза «Русский сокол» в Латвии был Николай Николаевич Лишин.

С 1931 г. старший лейтенант Николай Николаевич Лишин занимал должность секретаря Объединения служивших в Российском Флоте в Риге. Это Объединение входило в состав Военно-Морского Союза, образованного 3 октября 1929 г. на базе Русской эскадры, эвакуированной в Бизерту. Члены союза имели членские карточки и эмалевый значок в виде изображения Андреевского флага. При

союзе существовали Суды чести. Союз объединял чинов флота по группам в зависимости от места жительства, по выпускам из учебных заведений и месту прежней службы. Руководство Союза располагалось в Париже.

Так как в Риге проживала мать старшего лейтенанта Лишина, он по приказу начальника Союза, вице-адмирала Михаила Александровича Кедрова (умер в Париже 29.10.1945), был назначен представителем Союза в Риге. Одновременно он стал редактором русской газеты в Риге.

В «Морском журнале», №1, 1832 г. сообщалось: «Лейт. Н. Н. Лишин на годовом общем собрании членов Рижского О-ва «Русский Сокол» избран старостой О-ва».

По поручению руководителя Латвийского отделения «Братства Русской Правды», светлейшего князя полковника А. П. Ливена в начале 30-х годов Лишин часто посещал группу организации в Нарве. А после её развала в 1933 г. молодые члены группы вместе с Лишиным перешли в НТСНП — Национально-трудовой союз нового поколения.

Одновременно Лишину пришлось организовывать деятельность организации и в Ревеле (Таллинне). Деятельными членами Нарвского отделения под руководством ротмистра Б. А. Тишнера были: штабс-капитан Н. Н. Четвериков, капитаны П. Н. Максимов и Н. А. Подмошенский, прапорщик В. С. Волков, смотритель Нарвской эмигрантской гимназии Б. Петров, Е. И. Орнатский и ученики гимназии. В основном они занимались переправкой в СССР пропагандистской литературы. Вся литература печаталась в Латвии. В 1931 г. в Нарву приехал Н. Н. Лишин и В. С. Столыгво, они были недовольны работой Тишнера, который любил выпить и вёл разгульный образ жизни, и сместили его. Его пост занял В. С. Волков. После развала союза в 1933 г. молодые его члены вместе с Лишиным перешли в НТС. Одновременно Лишину пришлось организовывать деятельность организации в Ревеле (Таллинне), где руководил А. К. Баиов и ротмистр А. В. Ефремов.

Во второй половине 30-х годов в среде российской эмиграции, на основе идей Ивана Лукьяновича Солоневича возникло движение, которое получило название «штабс-капитанского» (народно-имперского).

Движение строилось на основе издававшейся И. Л. Солоневичем в Софии газеты «Голос России»; с октября 1938 г. — «Наша

газета»; с мая по август 1940 г. — журнал «Родина». Основу «штабс-капитанского» движения составляли его подписчики. Солоневич подверг резкой критике руководство «Русского общевосточного союза» (РОВОС). Среди представителей газеты, выходившей к 1938 г. в 52 странах мира, были такие известные деятели российской эмиграции, как А. А. Баумгартен, С. Л. Войцеховский, С. М. Кельнич, В. М. Левитский, С. Субботин и Николай Николаевич Лишин.

«Штабс-капитаном» был русский эмигрант, не состоящий в политических организациях, человек «вне строя», «типичный представитель» основной массы русской эмиграции. Лишин так определял термин «штабс-капитан»: «...это наш средний слой», миттельштанд, позвоночный хребет всякой нации». Именно для него задумывалось издание газеты «Голос России». Он утверждал, что: «Есть масса людей, сидящих по углам, людей, которым до смерти надоело партийное сквернословие, но которые любят Россию живой любовью, не ставят никакой партии выше Родины, и никаких вождей в гении не зачисляют. К ним-то, к этим людям, и нужно обращаться». В газете «Наша газета» он так характеризовал движение:

«Наша газета» постепенно выковывает то национально-русское мировоззрение, которое можно было бы назвать по-немецки «национал-социалистическим», по-польски — «народно-демократическим», и которое мы пока называем штабс-капитанским. Движение имперское, национальное, православное и глубочайшим образом народно-демократическое...

Движение массовое, ибо оно и сейчас обращается не к старым верхам, а к новым массам, и ещё потому, что оно обратится со своим словом к полутораста миллионам русского народа. На них наш расчёт.

Целью движения являются, с одной стороны, борьба с еврейством и большевизмом и, с другой стороны, — борьба с нашей реакцией и отсталостью. Православная идея должна сочетаться с отрицанием равенства религий перед законом и принципиальной веротерпимости.

Под отстаиванием идеалов народной демократии подразумевается борьба за восстановление общенародного и общенационального единства, за общую для всех «государеву службу» и за оценку людей не по «разрядным книгам», а только и исключительно по службе.

Белый штабс-капитан — это единственная русская сила, которая уже сейчас может организоваться и которая должна прийти под знаменем Белой Империи. Она будет силой, которая на все другие силы сможет более или менее наплевать».

Николай Николаевич Лишин состоял в Ревельской кассе взаимопомощи моряков — единственном разрешённом властями Эстонии объединении русских офицеров. Официально он проживал в Риге и являлся представителем американских фирм по продаже сельскохозяйственных удобрений. Неоднократно приезжал в Эстонию с грузом белоэмигрантской литературы (запрещённой в Эстонии) и выступая на встречах с представителями русских общественных организаций. Пытался в Таллинне из знакомых офицеров флота (Руммель, Покровский...) организовать способную к активной деятельности боевую дружину.

После ряда неудач в 1939 г. Николай Лишин признал невозможность дальнейшей какой-либо противобольшевистской борьбы, и вообще отошёл от общественной деятельности.

Репрессия...

Николай Николаевич Лишин был арестован в Эстонии в апреле 1941 г. Военным трибуналом Московского военного округа приговорён к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 24 июня 1941 г.

Кто была жена Николая Николаевича, узнать не удалось. Но у него оставался сын Георгий Николаевич, который с детства жил с бабушкой Олимпиадой Николаевной в Риге.

Так закончил свою жизнь и борьбу «Глава русских соколов Латвии», как его называли, Николай Николаевич Лишин.

Николай ЛИШИН

НА КАСПИЙСКОМ МОРЕ. ГОД БЕЛОЙ БОРЬБЫ

(отрывок)

Нз предисловия автора: «Пишущему эти строки, бывшему офицеру Балтийского флота, пришлось волею судеб оказаться в центре боевой и политической жизни на Каспийском море в 1918

и первой половине 1919 гг., в положении, благоприятном для наблюдений. Те события, о которых идёт речь в настоящем труде, известны не многим. Рассказ очевидца и участника этих событий, пожалуй, единственный в своём роде, сохранит для будущего страну... того, что не должно кануть в вечность, потому что это отрывок родной истории».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Чуть забрезжил рассвет ясного, жаркого дня в июне 1918-го года, началась посадка отрядов «Данстерфорса» в небольшие грузовые Форды. Бечерахов очистил дорогу, разгромив разбойничьи банды Кучик-хана.

Перед отъездом узнали, что в Энзели, куда весь «Данстерфорс» направлялся, уже находились морские офицеры во главе с Коммодором Дэвидом Норрис, Р.Н. (буквы Р.Н., пишущиеся после чина и фамилии английского морского офицера, означают «Роялль Нэви, т.е. «Королевского флота»).

По пыльному широкому шоссе отличной русской постройки тянулась бесконечная лента автомобилей, несколько лент, так называемые «Кónвой». В нашем «Кónвой» было сорок машин. Почти одновременно, даже несколько раньше, двинулись тяжёлые отряды «Данстерфорса» из Хамадана.

Ночь застала нас в каком-то маленьком персидском местечке. Переночевали кое-как и на рассвете двинулись дальше.

Дорога стала гористой. Жара, пыль, как дымовая завеса. В полдень остановились, чтобы закусить. Ищу Потопова и нахожу его у придорожного ручейка. Поставив бритвенные принадлежности на камень, примостившись на другом, приставив зеркальце к скале, бреется с совершенно невозмутимым видом. Только в глазах постреливают весёлые огоньки. Англичане смотрят на это зрелище с интересом и некоторой растерянностью, ведь времени на закусывание дано в обрез, а тут человек ещё старается успеть побриться. Вода в ручейке ледяная.

— Ты что это вдруг на бритъё взбодрился? — спрашиваю.

— А это я, брат, хитро устраиваю, чтобы англичане не задавались.

Так и приехал в Энзели единственным бритым из всего отряда.

Стали попадаться многочисленные трупы, оттащенные с дороги в кусты; убитые Бичераховцами воины Кучик-хана. «Кónвой»

ускорил движение, трупы издавали невыносимое зловоние.

На одном из перевалов в Менжилъском ущелье пришлось подталкивать грузовички, — не вытягивали. В этом ущелье всегда дует сильный ветер, как в трубе, несущий с собой мелкий песок.

К вечеру проехали в Решт. Красивый городок, весь в зелени, большие толпы персов на улицах. Шедший впереди моего грузовичок налетел на молодую персиянку: пыталась перебежать дорогу и попалась. Патетическая, неподвижная фигурка в чёрном плаще, с открывшимся, бледным, редко красивым лицом, раскинутыми руками. Персы смотрели почти безучастно. «Конвой» не остановился, грузовички продолжали держать положенную дистанцию.

Перед самой темнотой достигли без дальнейших происшествий Энзели, увидели море.

Энзели уже было полно войск, прибывших из Хамадама. На пароходе «Президент Крюгер» — морской штаб и С.Р.О (Синиор Невль Оффисер — старший морской офицер) Капитан Норрис, Коммодор. Наутро явились к нему, чтобы вступить под его командование. Маленький, бритый, щуплый, быстрый, с умными, быстрыми глазами. Обошёл нас всех, впиваясь в каждого глазами. Наверное, первый раз в жизни имел непосредственное дело с русскими морскими офицерами. Потом остановился перед каждым, стал быстро закидывать каждого вопросами о прохождении службы и об участии в боях. Он нам понравился.

Норрис заявил нам, что скоро будет много работы по вооружению пароходов морскими орудиями из Багдада, снятых с английских речных канонерок. По вооружению кораблей мы будем по ним расписаны. Каждый корабль будет укомплектован, кроме русской вольнонаёмной команды, ещё английскими офицерами и английской прислугой к орудиям. Все корабли будут под Андреевским флагом.

Заработали походные мастерские, закипела предварительная работа по оборудованию, но орудий ещё не было.

Сухопутная часть «Данстерфорса» погрузилась на пароходы и отправилась в Баку. «Данстерфорс», не считая его морской части, пока находившейся ещё в зародыше, представлял из себя отряд из, приблизительно 3000 солдат при соответствующем числе офицеров. У отряда была своя полевая артиллерия.

В Энзели шла организационная работа по оборудованию морской базы. Стали прибывать орудия, оказавшиеся четырёхдюймовками полубашенного типа, устарелого образца. Первым начали

вооружать пароход «Вентюр». Основаниями для орудий приспособили небольшие береговые бензиновые цистерны, разрезанные пополам. Вышло недурно.

Небезынтересно заметить, что впоследствии некоторые пароходы были переименованы англичанами, давшими им английские названия, вроде «Уиндзор Кастль». Но пароход «Президент Крюгер», на котором всё время помещался английский морской штаб, переименован не был. Когда об этом заходили разговоры, Коммандор Норрис неизменно говорил, что ему особенно приятно держать свой флаг на русском пароходе, названном в честь врага Англии, и на этом пароходе помогать России.

Как мы уже говорили в «Введении», помощь, конечно, бывает разная. Портрет последнего президента буров, Крюгера, остался висеть в кают-компании, в Ревеле (Таллинне), где руководил А. К. Баиов, умными, серьёзными, много видевшими глазами человека, много пережившего ради своей родины, смотрел долгие месяцы на то, что происходило в этой кают-компании. Происходило в ней не мало...»

МОЛОДЁЖЬ И НТС

С Белыми армиями за границей оказались и три дореволюционные молодёжные организации: сокола, скауты и «Маяк».

В России первое сокольское гимнастическое общество было основано чехами в 1870 г. в Мирогощи (Волынь), а первое подобное же русское гимнастическое общество в Петербурге в 1879 г., но оно тогда не получило разрешения называться сокольским. Только в 1907 г. правительство разрешило гимнастическому обществу в Тифлисе (ныне Тбилиси) называться сокольским.

В 1903 г. был утверждён устав общества «Маяк» или «С.-Петербургского комитета для оказания содействия молодым людям в достижении нравственного и физического развития», хотя уже в 1900 г. американец Дж. Стокс пожертвовал 50 тысяч рублей на деятельность этого комитета. Дж. Стокс был членом УМСА — Young Men's Christian Association, по-русски ХСМЛ — Христианский Союз Молодых Людей. «Маяк» могли посещать «лица мужского пола не моложе 17 лет», а целью деятельности «Маяка» было «давать молодым людям полезные знания, доставлять им добрых друзей и создавать для них приятную обстановку, охранять их от влияния городских соблазнов».

В 1909 г. штабс-капитан О. И. Пантюхов положил начало разведческому-скаутскому движению в России. Начало же скаутизму во всём мире положил британский генерал Роберт Баден-Пауэлл, автор книги “Scouting for Boys” в русском переводе “Юный Разведчик”.

У скаутов большинство членов были детьми и подростками, и только на руководительских должностях были члены 17 лет и старше. У соколов же все члены должны были быть не моложе 18 лет, но при сокольских обществах велась работа с «детьми» до 12 лет и «подростками» (12–18 лет).

В годы Гражданской войны русские сокола с оружием в руках боролись с большевизмом, скауты помогали в тылах, а УМСА на деньги заграничных центров продолжала работу, начатую «Маяком» в Петербурге.

Русские скауты в 1918 г. после провозглашения независимости Латвии и Эстонии (о Финляндии у меня нет сведений), оставаясь на своих местах, оказались за границей. Они не были эмигрантами, но были антикоммунистами и болели душой за Россию. Первый эмигрантский скаутский отряд был основан в 1919 г. в Турции на о. Проти (ныне Кинали ада). В 1920 г., во время эвакуации Крыма, скауты создавали на кораблях «плавучие отряды» для помощи команде и пассажирам.

В конце 1919 г. или начале 1920 г. в Константинополе (ныне Стамбул) на деньги УМСА был создан «Маяк», который, кроме всего прочего, выдавал скромные жалования скаутским руководителям за их работу с детьми и подростками. Более широкую деятельность проводила УМСА в Эстонии и Маньчжурии. В 1923 г. при помощи УМСА на съезде в Пшерове (Чехословакия) было создано РСХД — Русское Студентское Христианское Движение для «объединения верующей молодёжи для служения Православной Церкви и привлечения к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих».

В 1920 г. в Праге образовалась инициативная группа для основания «Русского Сокола». Сокольская работа состояла из обязательных занятий гимнастикой для всех членов до 26 лет под руководством начальника или начальницы и культурно-просветительной работой под руководством воспитателя.

Кроме этих трёх дореволюционных организаций молодёжи, по всему рассеянию возникали студенческие союзы и союзы и кружки молодёжи.

В 1924 г. на шахтах Перника, в Софии и Шумене возникли кружки молодёжи. Примерно тогда же появились и подобные же кружки в Югославии. В журнале «Наше будущее. Вестник Союза Русской национальной молодёжи в Королевстве СХС» в № 1, Белград, 1926, цели Союза были так определены:

«1. Объединение молодёжи для создания сильного телом и духом кадра, готового к жертвенному служению Родине и восстановлению её былого могущества и величия.

2. Укрепление и распространение русского национально-государственного мышления, стремящегося к восстановлению России на её вековых устоях — главенства Православия, Монархии и Народности, и посильное активное участие в русском национальном движении, не предпрещающем на чужбине форм государственного устроения России, но стремящегося к освобождению её от коммунистического ига».

Подобные же цели преследовали и сокола, и скауты, и большинство кружков молодёжи. Неудивительно поэтому, что для более успешного проведения в жизнь своих целей молодёжь решила объединиться в НСРМ — Национальный Союз Русской Молодёжи.

В 1920–1930-х годах многие организации, желавшие подчеркнуть свою готовность служения России и русскому народу, в своём названии включали слово «национальный», придавая этому слову положительный смысл. Будучи в душе монархистами, что выражалось в утверждении стремления восстановить в России монархию, молодёжь в то же время заявляла о своём «непредрешенчестве», т. е. о нежелании «предрешать на чужбине форм государственного устроения России».

«Непредрешенчество» лежало в идеологических основах Белого движения и основанного ген. Врангелем в 1924 г. РОВС — Русского Обще-Воинского Союза. Многие деятели НСРМ были членами РОВС, сражавшимися в Гражданскую войну в рядах Белых армий. В силу этого, РОВС видел в созданном НСРМ свою смену, и в первые годы в журнале «Часовой» была постоянная страница НСРМ (позднее НСНП и НТСНП — Национально-Трудовой Союз Нового Поколения, ныне просто НТС). Поэтому, из-за близости к РОВС, первый съезд представителей национально мыслящей молодёжи был устроен в Белграде с 1 по 5 июля в помещении Русского офицерского собрания, а не где-нибудь в другом месте.

На первом съезде, на котором состоялось объединение РСНМ в Югославии и подобных же союзов в Болгарии, Франции и Чехословакии, в составе делегаций участвовали Иван Фёдорович Бо-стрем и М. А. Павлов. Первый известен как скаутский деятель из Франции, а второй как сокольский деятель из Болгарии.

И скауты, и сокола были заинтересованы в борьбе с денационализацией молодёжи, и надо полагать, что именно они предложили включить борьбу с денационализацией в третий пункт «Ближайших заданий», вынесенных съездом.

В начале 1920-х годов сокольство успело выработать некоторые программы просветительной работы с молодёжью старше 18 лет, в то время как в НОРС (Национальной Организации Русских Скаутов) вопрос создания программ работы с молодёжью старше 17 лет был впервые поднят только в 1924 г., после того как Баден-Пауэлл выпустил книгу *Rovering to Success* (странствование к успеху), в которой говорилось о работе с молодёжью старше 17 лет. Сотрудничество скаутов с НТСНП в поисках программ для старших скаутов было одобрено с самого начала Ст. р. ск. — Старшим русским скаутом О. И. Пантюховым. В своём приказе № 272 от 5.05.1934 г. Ст. р. ск. сказал: «Газета Нац. Союза Нов. Поколения «За Россию» любезно предоставляет в каждом номере место для статей и заметок Русских Скаутов-Разведчиков. Советую выписывать эту газету во все отряды старых разведчиков» и в другом приказе рекомендовал теснейшую связь между разведчиками и группами Союза, — так как всякое сотрудничество всегда приносило большую пользу обеим сторонам. Сохранилось также и письмо О. И. Пантюхова в Исполнительное Бюро Союза: «... Давно хотел написать Вам, чтобы выразить Вам своё уважение и ещё раз сказать Вам, что цели наши одни и те же. Уверен вполне, что Вы одинакового со мной мнения о необходимости взаимной поддержки. Это уже и было, отчасти, проведено в жизнь: — лет пять-шесть тому назад я горячо рекомендовал Союз в своих обращениях и письмах к руководителям русских скаутов-разведчиков. Результатом было развитие работы Союза на Дальнем Востоке, где очень многие из руководителей и старых разведчиков взяли за работу в Союзе и заняли руководящие роли. В др. странах тоже... Нам надо ещё много работать, чтобы создать чисто русское движение молодёжи, влив своё /но талантливое и весёлое/ в увлекательную систему скаутизма... И надо иметь в виду, что у младшего возраста скаутов другие потребности,

чем у юноши 16 лет и выше. За всякие добрые, конкретные советы или проекты, если бы таковые были, мы были бы в высшей степени признательны, и я просил бы их прислать мне...»

О.И. Пантюхов упоминает в своём письме, что на Дальнем Востоке (Китай и Маньчжурия) руководители скаутов-разведчиков создавали звенья и отделения Союза, а В. Монтвиллов пишет, что в Бресте (Польша) в 1932 г. «возникла небольшая (человек 20) группа НСНП. Организаторами и руководителями НСНП в Бресте стали скауты, которым идеи солидаризма оказались близки по духу».

Надо сказать, что НПП — Национально-политическая подготовка, за разработку которой сразу же взялись члены Союза, была именно тем, что облегчило сокольским воспитателям сделать сокольские доклады более привлекательными, а скаутским руководителям предложить увлекательную программу для скаутов старше 17 лет. В НПП молодёжь находила ответы на вопрос: откуда и как появился коммунизм (начиная с «Утопии» Томаса Мора (1516 г.) до «Коммунистического манифеста» Карла Маркса (1848 г.)) и критика коммунистической теории и практики в СССР. Всё это и ещё многое другое было изложено в так называемых «Зелёных романах», ставших настольными книгами солидаристов. Ни в гимназиях, ни в университетах содержание НПП не изучалось, за исключением основ социализма, которые всё же проходились на юридических факультетах.

После конца войны (1945) много говорилось о влиянии НТС (Союза) на ОРЮР, но почему-то забывалось, что в 1930-х гг. скаутские руководители, и не только в Польше и на Дальнем Востоке, были и создателями, и руководителями Союза, принимали участие в выработке программ НПП, и трудно сказать, кто на кого оказывал больше влияния.

Союзная газета «За Россию», печатая в 1930-х гг. статьи о скаутах-разведчиках, не отказывала в печатании статей и о соколах, и о НОВ — Национальной Организации Витязей. Среди сокольских руководителей, кроме упомянутого М.А. Павлова, членами Союза был проф. Дмитрий Николаевич Вергун (1871–1951), первый староста (глава) Союза Русского Сокольства за границей, староста русских соколов в Латвии — Николай Николаевич Лишин (1893–1941), начальник соколов в Режице Евгений Кашкин и почти все сокольские руководители в Латвии. В НТС состояли бывший

Начальник НОВ — Дмитриевич Шмеман, и парижские витязи о. Кирилл Фотиев (1928–1990) и Михаил Викторович Славинский (р.1925). Из пражских Витязей при РСХД членами НТС были возглавлявший организацию в годы 1933–1936 др. Николай Митрофанович Сергеев (1909–1944), начальник Пражской дружины в годы 1936–1941 Владимир Яромирович Горачек (1916–1981) и сменивший его в 1941 г. на этой должности Сергей Алексеевич Тарасов (1917–1982). Все трое были арестованы Гестапо в 1941, но через пять месяцев освобождены.

Тарасов вскоре нелегально пробрался в Смоленск, а Михаил Яромирович Горачек в Минск. Из пражских витязей членами НТС были и Сергей Иванович Бевад (1918–1945) и Владимир Густавович Конява-Фишер (погиб в 1939 г. при попытке перехода советской границы). Из руководителей НОРП — Национальной Организации Русских Разведчиков, во главе которой стоял полк. Павел Николаевич Богданович (1883–1973), мы знаем Михаила Леонидовича Ольгского (1912–1998), Константина Петровича Григорович-Барского, Игоря Брусникина и Олега Николаевича Минаева (1919 г.р.). Сам Богданович в начале 1930-х гг. вступил в Союз, но, как это вскоре выяснилось, только для того, чтобы членами Союза пополнить свои руководительские кадры. Вскоре у Богдановича произошёл конфликт с Союзом из-за того, что Богданович настаивал, чтобы Союз прекратил печатать в газете «За Россию» статьи о скаутах-разведчиках. Ему в этом было отказано, так как Союз одинаково относился ко всем молодёжным организациям, и Богданович тогда покинул ряды Союза.

Из скаутов-разведчиков, вступивших в Союз, следует упомянуть представителя Союза в Маньчжурии Константина Алексева (?–1995), Алексея Николаевича Князева (1905–?), председателя Союза в годы 1996–2008 Бориса Сергеевича Пушкарёва (1929 г.р.), начальника Инструкторской части НОРС-Р Александра Михайловича Шатерника (1902–1945), Старшего скаутмастера ОРЮР Бориса Борисовича Мартино (1917–1962), известного поэта Владимира Львовича Гальского (1908–1961), Малика Ибрагимовича Мулича (1917–1980), Игоря Николаевича Шмитова (1922–1982), Всеволода Владимировича Селивановского (1925–1988) и многих других, чьи имена ежегодно поминаются в День памяти Верных.

Р. Полчанинов

ЛИШИН АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ

(1870–1943)

УЕЗДНЫЙ ИСПРАВНИК

Третий сын Андрея Андреевича, тоже Андрей Андреевич, родился в 1870 г., умер в 1943 г. в Москве. Служил в полиции города Калязин, Тверской губернии. Сын Всеволод Андреевич, внук Олег Всеволодович.

О нём сохранился очерк.

УЕЗДНЫЙ ИСПРАВНИК г. КАЛЯЗИНА

АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ ЛИШИН

Андрей Андреевич Лишин родился 19 мая 1870 г. в г. С.-Петербурге, в семье военного инженера Андрея Андреевича Лишина, потомственного дворянина Черниговской губернии (17.06.1836–12.01.1898), и матери, Софьи Николаевны, урождённой Кованько, которая была дочерью статского советника, чиновника по особым поручениям при Министерстве внутренних дел, Николая Фёдоровича Кованько, имевшего родовое имение в Харьковской губернии.

По окончании Полоцкого кадетского корпуса и Виленского пехотного юнкерского училища в 1891 г., он вступил в службу в 8-й Гренадерский Московский Великого Герцога Фердинанда Мекленбургского Шверинский полк.

Дослужившись до чина поручика, он подал прошение об отставке в 1896 г. и поступил на должность помощника пристава г. Вышний Волочок (по чину коллежский секретарь).

С 13 января 1897 г. он был переведён на должность пристава 1 стана Калязинского уезда. С 1900 г. приказом Тверского губернатора был назначен приставом Калязинского уезда и переведён на должность титулярного советника (чин капитана).

1 апреля 1896 г. он вступил в брак с дочерью коллежского регистратора, преподавателя Московской духовной Академии, Михаила Световидова, Александрой Михайловной.

Вся судьба А. А. Лишина в течение 20 лет, вплоть до 1917 года, была связана как с Калязинским уездом, так и с Тверской губернией.

Здесь у него родились два сына — Всеволод (1899) и Юрий (1901). Они учились в училище на Тверской улице.

Александра Михайловна, кроме воспитания детей, активно принимала участие в благотворительном обществе помощи церковно-приходским школам, устраивала концерты и спектакли в зале «Доброхотной копейки», а с началом Первой мировой войны участвовала в сборе помощи семьям погибших по линии Общества Красного Креста.

Друзьями семьи Лишиных были А. А. Дмитриевский, уездный предводитель дворянства, священник Николай Иванович Завьялов и уездный врач Андрей Павлович Никитский (расстрелянные после революции).

В 1916 г., после неоднократных прошений, А. А. Лишин, уже в звании полковника, командира пехотного полка, наконец, попадает на фронт.

С началом революции 1917 г. начались гонения на полицейских чинов и их семьи, поэтому семья Лишина вынуждена уехать в Москву, к родственникам Световидовых.

По возвращении с фронта после контузии, полковник Лишин, спрятав свой мундир, вынужден был скрыть свою прошлую службу и устроиться на московскую железную дорогу составителем поездов, пробыв на этой должности до 1937 г.

По оговору он был арестован в 1937 г., но отсидев два года, был выпущен за недоказанностью.

После этого Лишин больше стал болеть и умер в Москве в 1943 г.

Судьба сыновей А. А. Лишина:

Младший сын, Юрий, во время революционных выступлений был смертельно ранен на Брянском вокзале случайной пулей в 1918 г.

Судьба старшего сына, Всеволода Андреевича Лишина, была более удачна. В Москве, после гражданской войны, где прослужил санитаром, он окончил техническое училище и уехал в Заполярье, посёлок Мурмаши, недалеко от Мурманска. С 1937 г. — на Дальстрое, в 1947 г. — Днепрогэс.

В 1960 г. вернулся в Москву. Был председателем общества охотников и рыболовов г. Москвы. Умер в 1975 г.

Его сын Олег Всеволодович Лишин (1931–2009) — доктор психологических наук, один из создателей детских военно-поисковых отрядов.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А. А. ЛИШИНА, КОТОРЫЕ ОН ОСТАВИЛ СВОИМ СЫНОВЬЯМ

«Род Лишиных был записан в бархатную книгу дворянства Российского, в 6-ю часть, как наиболее знатные рода.

Герб рода Лишиных в России считается польский герб «Држевица». Предок семьи был из Польши и имел замок на Вольни в с. Лишневка, а фамилия была Дудицкий. Раньше на гербе было 7 перьев, но осталось пять, так как два пера отрубил сгоряча польский король Сигизмунд из-за того, что дочь князя отказала ему во взаимности.

После этого случая князь с сыновьями, будучи при посольстве в Русском дворе в начале XVII века, остался навсегда на Руси.

В России они стали называться на Черниговской земле Лишни или Лишень. С XVIII века закрепилась фамилия Лишин, а некоторые назывались Дудицкие-Лишины.

Наша ветка пошла от генерал-лейтенанта Андрея Фёдоровича Лишина (1801–1898), директора Петербургского Строительного училища, всю жизнь отдавшего на дело образования, как военного, так и народного.

Вся семья наша с нетерпением ждала его 100-го юбилея, но, к сожалению, он умер в 1898 г. и был похоронен в семейном склепе в с. Нивное в Мглинском уезде. Его жена, моя бабушка, урождённая Княжна Голицына Констанция Ивановна (1815–1871), была достойнейшая женщина, которую все любили. Она, по рассказам моего отца Андрея Андреевича Лишина (1836–1898), родилась в Варшаве и до выхода замуж в 1830 г. за поручика Лишина А. Ф. жила при дворе великого князя Константина Павловича и числилась вместе с братом Константином воспитанниками князя Голицына. Мать её была графиня Анна Клара де Лоран. С детства она занималась игрой на рояле и всегда гордилась, что учителем её был сам Фредерик Шопен.

(Как видно, тайна цесаревича Константина в потомстве Лишиных скрывалась. — *Б. Р.*)

После восстания в Варшаве в 1831 г. им пришлось остаться в городе, так как поручик Лишин, будучи начальником Школы военных кантонистов, не бросил своих несовершеннолетних подчинённых, а остался с ними в плену. После того, как их разъединили, дед с бабушкой, которая была на сносях, находились в польских тюрьмах до самого их освобождения. Там же в плену бабушка потеряла своего первенца.

По возвращении из плена, дед был награждён орденом и обласкан Императором Николаем I. Затем дед был направлен заместителем начальника, а потом и начальником школы Гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров, ныне это Николаевское кавалерийское училище.

Дед рассказывал, что учился у него поэт Лермонтов, который написал о нём стишок.

С 1849 г. дед поставили командовать Строительным училищем в Петербурге, где он прослужил 25 лет.

В семье Андрея Фёдоровича и Констанции Ивановны было много детей...

(Идёт перечень описанных в книге членов рода Лишиных. — *Б. Р.*)

Андрей Андреевич (мой отец) 1836–1898, военный инженер, изобретатель. Крёстным у него, да и у всех детей А. Ф. Лишина, был лично Государь Император Николай Павлович в Александровской Лавре.

Образование он получил в Институте путей сообщения, участвовал в постройке Петербурго-Варшавской, Нижегородской и Московско-Рязанской железных дорог, а также Одесского порта. Будучи инженером-поручиком, изобрёл центробежную отливку металлов, принятую на заводах в России и за границей. Изобрёл новые железнодорожные рессорные колёса привилегия, на которые были куплены англичанами. Много изобретений для спасения утопающих в военном и гражданском кораблестроении. В Керчи им был построен завод по выработке соли. Последние годы он занимался выработкой огнеупорных материалов. Умер после продолжительной и тяжёлой болезни и похоронен на Севастопольском кладбище...

Вспоминая старые времена, то смутное время, которое началось в России с 1905 г., хочется только пожалеть, что сделали с русским народом, верой в Бога и Отечеством.

По всей великой России не осталось, кажется, ни одного города, который не сохранил бы на себе следов и воспоминаний «освободительного» времени, когда часть людей «освободила» в себе зверя, так часто таящегося на дне человека с давних времён и в наши дни, несмотря на всю внешнюю утончённость современной культуры.

Есть города, где следы разрушений и злодеяний уже изглажены заботливыми руками времени и жителей, есть и такие, которые до

сих пор хранят немых, но красноречивых свидетелей пережитого. Повсюду живы ещё памятники в рассказах очевидцев.

В Москве вам покажут место, где была пролита Царственная кровь сына, брата и дяди — трёх Русских Императоров.

В Петербурге, на его прекрасных островах, вы увидите страшное место, где разрушенный бомбой революционера дом похоронил под своими обломками трупы нескольких десятков ни в чём неповинных, случайных людей, где несчастная девочка была вынесена с растерзанными ногами. «Что это, сон?»

Вот и маленький Калязин, — и здесь на площади пустыми окнами глядит на вас обгоревшее здание, как бы погружённое в угрюмую мрачную думу о прошлом, о том, что случилось.

И так по всему лицу земли Русской. Тяжело говорить и вспоминать об этом. Тяжело будить страшные воспоминания. Тяжело сводить кровавые счёты, подводя роковые итоги.

Запомнилось 17 апреля 1906 г. Серый туманный день в Калязине. Над городом висят тучи и давят воздух своей тяжестью. Не верится, что этот сумрачный день середина весны. Вся Садовая улица города запружена плещеевскими крестьянами, которые пришли освобождать арестованного революционера. Со мной в управлении несколько полицейских, к середине дня толпа нарастает, бросают камни. Я стараюсь сдерживать своих подчинённых, никому не нужна кровь, но есть присяга и закон, который надо соблюдать. Полицейский Иванюк пытался успокоить крестьян, но вынужден был уйти обратно в здание. Пришлось отдать приказ открыть огонь.

С освободительной точки зрения, что такое значат — уездный исправник, пристав и тем более городской? Они — «агенты правительства» и ничего больше.

А раз «народ» борется с правительством, то, стало быть, чем больше будет гибнуть этих правительственных агентов, тем скорее «народ» победит правительство.

О жалкие, о убогие нравственные калеки «освободительного» вырождения! Вы забываете, что и агенты, на какой бы низкой ступени служебного положения они не стояли, прежде всего, люди, что у каждого из них есть близкие, есть родные, есть семья, дети...

Бедная Россия, бедный русский народ, что с тобой сделали враги твои? Где твоё благочестие, где твоя вера, где твоя кротость и добродушие, где страх Господень, где чистые и честные юноши, надежда и гордость наша, где то юное поколение, которое в дни мо-

гущества и славы России воспитывалось на началах веры и нравственности?

Хочется вспомнить погибших от рук революционеров с 1905 по 1916 годы, верных служащих полиции Калязинского уезда:

– пристав 1 стана Константин Васильевич Горчаков — 16 октября 1905 г.;

– городской Никита Евсеевич Кузнецов — 30 октября 1905 г.;

– полицейский стражник Дмитрий Леонтьевич Пировских — 30 сентября 1907 г.;

– городской Григорий Иванович Коробка — 3 августа 1907 г.

– полицейский урядник Григорий Алексеевич Смирнский — 27 января 1912 г.

и многие другие...»

ЛИШИН ВСЕВОЛОД АНДРЕЕВИЧ

(1899–1975)

ИНЖЕНЕР-ГИДРОТЕХНИК

Всеволод Андреевич Лишин родился 8 марта (22 февраля) 1899 года в г. Калязине Тверской губернии. Происхождение — из дворян. Отец: А. А. Лишин, первоначально служил в армии, был офицером, затем служил в земской управе, губернском правлении, снова в армии. После революции отец работал в охране северных железных дорог и в Наркомздраве. Умер в 1943 году в Москве. Мать: А. М. Лишина, первоначально домохозяйка, после революции работала в Наркомздраве, Главвоенсанупре, в учебном комбинате и в школе № 255 г. Москвы. Умерла в 1962 г.

В. А. Лишин в 1918 г. окончил 8 классов Тверской мужской гимназии и по окончании поступил в апреле 1918 г. конторщиком Управления Северных железных дорог. В декабре того же года поступил добровольцем в 308 стрелковый полк 35 дивизии, и в феврале 1919 г. был отправлен в составе полка на Восточный фронт против Колчака. Принимал участие в боях и походах против колчаковцев в качестве красноармейца, затем был переведён в штаб 1-й бригады 35-й дивизии, в его санитарную часть, где работал делопроизводителем. Был списан где-то в Сибири с санитарного

поезда в бессознательном состоянии, как умирающий от сыпного тифа, но его выходила чужая семья и спасла от смерти.

В июле 1920 г. был откомандирован в Москву на формирование санитарно-строительных отрядов и назначен помощником начальника 220 строительного отряда. В августе 1921 г. был назначен секретарём начальника Главного Военно-санитарного управления. В этом же месяце поступил в Московский лесотехнический институт на лесомелиоративный факультет. В феврале 1922 г. был уволен в запас РККА как студент.

С 1926 г. работал в Управлении Лесами Наркомзема РСФСР.

Во время Великой Отечественной войны, отказавшись от эвакуации с «Гидроэнергопроектом», из-за беспомощности родителей, остался в Москве. С 1942 г. служил инженером по водоснабжению и санитарной технике в управлении Северо-Западного фронта. В 1944 г. как инженер-гидротехник отозван из армии для восстановления ДнепрогЭС. С 1 марта 1953 г. переведён начальником гидротехнической службы Колэнерго.

Жена: с 1922 г. — Витко Людмила Андреевна, старший инженер Колэнерго. Сын: Олег Лишин, 1931 г. рождения. Студент МГУ.

Всеволод Андреевич Лишин с женой поженились ещё студентами, вместе работали в лесоустроительных партиях и экспедициях, в том числе в Сванетии, Башкирии, Забайкалье, Краснокамске. Когда в 20-е годы из Москвы на Алтай отправили в ссылку Андрея Андреевича как «бывшего», жена Всеволода Андреевича — Людмила Андреевна Витко поехала за ним и устроилась лесничим, где-то в районе Кузнецка. Вернулась после ссылки с ним обратно в Москву.

Под судом и следствием не был. В оккупации и в окружении не был. Родственников и знакомых за границей не имеет.

20 мая 1953 г. Всеволод Андреевич Лишин оставил своему сыну Олегу Лишину свои тайные дневниковые записи.

В. ЛИШИН

«LATHE BIOSAS» (ПРОЖИВИ НЕЗАМЕТНО)

(8 марта 1899 г. — 31 октября 1974 г.)

Эти воспоминания я пишу для своего сына Олега, уберегая его от репрессий, я до сих пор не должен был посвящать во все

обстоятельства жизни своей и моих родителей. Основой этих воспоминаний стали некоторые рассказы моих родителей и часть из детских воспоминаний.

С детства мои патриотические чувства и чувство собственного достоинства помогли преодолеть страх и отобразить правду о роде Лишиных и том страшном времени, погубившем множество честных православных русских людей.

Отсутствие народной памяти — вещь поправимая, а восстановление народной памяти ложными фактами, фальсификация истории — вот преступление. Особенно меня беспокоит искажение личности верных сынов России из рода Лишиных дореволюционного времени.

Несмотря на всё, я твёрдо верю, что русский человек, чуткий по натуре, рано или поздно распознаёт правду. Я твёрдо верю, что хотя не сегодня и не завтра, но придёт время, когда русские люди преодолеют свои немалые невзгоды. Главным образом, они достигнут этого, как бывало в старину, с помощью и благодатью Всевышнего!

Умышленно, без всякой рисовки, написал я в виде эпиграфа изречение Эпикура — «проживи незаметно». Как хочешь, пойми — незаметно ли для себя, незаметно ли для людей, всё равно. Только легко. Пусть жизнь течёт незаметно. Может быть, тебе и покажется этот совет, как гражданину, недостойным и неуместным, но мне, свидетелю начала эпохи великих потрясений, свидетелю ужасных несчастий народа, только это изречение великого философа древности и приходит в голову, в виде последнего моего совета, написанного тогда, когда жизнь уже клонится к закату.

В этой тетради мне хочется дать тебе разобраться в истории нашего бурного века, в истории нашей семьи и нашего рода. Не знаю, насколько сумею я это сделать, насколько на это хватит мне разума и сил. Конечно, не хватит, но для меня радостно было бы, если б хоть чуть, самым краем, я подошёл к этому решению. Если б эти записки, запоздалый дневник, чуть помогли тебе, хоть немного знать о прошедшем.

Может быть, эти записки покажутся тебе субъективными, может быть, они и не совпадут с официальной историей, — но ведь официальная история всегда официальна, она пишется с определёнными политическими целями. А это ведь только записки обывателя, эпикурейца, российского интеллигента, среднего инженера,

который всё же много думал и много читал, много слушал и много пережил.

Вот только мало ума у него оказалось. Но что же, не всем быть и очень умными.

В 1913 г. минуло 600 лет, как род Лишиных стал известен на Украине. По семейным преданиям нашим родоначальником является один из сыновей Чингисхана, бывший предводителем монголов, попавших в период татарского нашествия на Волынь, там осевших и смешавшихся впоследствии с украинцами и отчасти с литовцами и поляками. Род Лишиных в то бурное время то поднимался и приближался к польскому королю, то попадал в опалу. В последнее время его возвышения он был княжеским родом, и родовой фамилией была «Лишин князь Дудицкий».

Затем наступила опала по неизвестным мне причинам, и Лишин, наш уже ближайший предок, стал запорожским казаком, где его избрали за храбрость и честность войсковым казначеем Сечи. Звали его Денис.

Герб же нашего рода так и идёт от монголов и представляет собой щит, на котором изображён полумесяц и две звезды.

С течением времени наш род распался на 3 линии — Черниговских — наиболее крепкую линию, с родовым именем в селе Нивное бывшего Мглинского уезда Черниговской губернии, это наша линия, и в прежнее, царское время, она была записана в «бархатную» книгу (геральдическую) наиболее древних и выдающихся родов Черниговской губернии. Затем ещё есть две Линии — Полтавская и Елизаветградская (ныне Кировоград). Но это уже захудалые линии мелкопоместных дворян. Одного из полтавских Лишиных Григория Лаврентьевича — инженера, я случайно встретил в Москве, в 1938 г.

В нашей же линии предателей не было. Наоборот, это были глубоко принципиальные, суровые и непреклонные люди.

После присоединения Украины к России Лишины служили преимущественно в армии и занимали довольно высокие посты.

Известных мне Лишиных я со слов отца перечислил отдельно.

Хранителем наших фамильных традиций был брат твоего прадеда Андрея Андреевича Лишина — Михаил Андреевич Лишин — старик генерал. Но он погиб где-то в Одессе в начале революции, и с ним погибли и фамильные документы, и портрет нашего предка Андрея Тимофеевича Лишина, писанный масляными красками на дубовой доске.

Я уже сказал, что мой дед, а твой прадед А. А. Лишин был хорошим, талантливым инженером и изобретателем. Несчастьем его жизни была его жена, а моя бабушка Софья Николаевна Лишина, урождённая Кованько. Человек легкомысленный, ветренный и беспринципный.

Далее дневник обрывается...

ЛИШИН НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ
(1873–1907)

ШТАБС-КАПИТАН

25 сентября 1907 г. в Севастополе трагически погиб капитан Севастопольской Минной роты Николай Степанович Лишин. Его имя, изданием Русского Народного Союза имени Михаила Архангела, внесено в первую книгу Русской Скорби.

«Они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и ни какой зной: ибо Агнец, Который среди престола, будет пасти их и водить их на живые источники вод; и отрёт Бог всякую слезу с очей их». (Апокалипсис Гл. VII, стих 16). Такой эпитафия Союз выбрал к его некрологу, изданному в Петербурге.

«Капитан Минной роты Николай Степанович Лишин принадлежит к группе тех людей, которые служебный долг, основанный на любви к своему народу и родине, ставят превыше всего. Чуждый всяких сделок с совестью, твёрдо установивший свои отношения к жизни Николай Степанович никогда не изменял и пал жертвой человеческого ненавистничества и злобы, этих краеугольных камней освободительного движения.

Николай Степанович родился 4-го октября 1873 года в дворянской, помещичьей семье, где хранились старые заветы веры в Бога и любви к отечеству. Детские годы его прошли при самых благоприятных условиях для будущего развития его ума и характера. Отец и мать Николая Степановича, по отзывам лиц, их близко знавших, весьма вдумчиво и внимательно относились к воспитанию Николая Степановича, не допуская никаких строгостей, не проявляя излишне прав родительской власти, достигли прекрасной подготовки для

дальнейшей жизни своего любимого и единственного сына. Отец его Степан Григорьевич Лишин сам был военный, а потому, держась традиций этого сословия, которые, кстати заметить, теперь почти утратили своё значение, отдал Колю в Киевский Владимирский кадетский корпус.

Один из его товарищей и по совместному обучению, капитан Николай Николаевич Лишин, родственник его, говорил о Николае Степановиче так: «Это был закадыка, славный товарищ, терпеть не мог подлиз. Все его не только любили, но и уважали, а это чувство редко встречается между школьниками». Характеристика, говорящая всё о Лишине и невольно возбуждающая симпатии к этому человеку.

По окончании кадетского корпуса он поступил в Николаевское Инженерное училище, где и окончил курс по 1-му разряду, а 12-го августа 1895 года произведён в подпоручики в Севастопольскую крепостную роту. Вот что свидетельствует о нём командир этой роты подполковник Грусевич-Нечай: «Николай Степанович был идеал офицера, честный, энергичный, любящий службу и за неё положивший жизнь. Отличный стрелок, прекрасный гимнаст, сильный, крепкий, образцовый строевик и превосходный товарищ. Он заслужил всеобщую любовь и в то же время был непоколебимый исполнитель служебного долга. Николай Степанович был строг к себе и справедливо строг к своим подчинённым. Одним словом, это был единственный офицер, который был в то время в роте». Одной из особенностей его отношений к солдату было отсутствие так широко распространившегося в последнее время заигрывания с ним. Отличаясь заботливостью о жизни нижних чинов, он никогда ни вилял перед ними. Настойчивый в своих, всегда строго законных, требованиях, обладавший твёрдой волей и характером, он разумно и гуманно проводил воспитание солдата. Как, безусловно, честный человек, он не выносил недобросовестного отношения к службе. На этой почве у него был ряд конфликтов с бывшими командирами. Но нужно заметить, что, по отзывам близко знавших состав роты, её настроение, солдаты были распушены, дисциплина стояла на низком уровне. Немногие из офицеров занимались солдатом, ещё менее входили в его жизнь и старались сблизиться с ним не поблажками, а путём разумного понимания требований службы и внушения понятия о долге. Николай Степанович был исключением. Что можно было требовать от солдата, говорит один

из его сослуживцев, когда командир роты, бывший в период, предшествовавший убийству Лишина, управлял хором певчих, а не командовал частью.

Не ограничиваясь окончанием Инженерного училища, капитан Лишин окончил офицерские электротехнические классы и перешёл в минную роту, где проявил другую сторону его полезной жизни. От природы весьма любознательный и посвящавший большую часть времени научным изысканиям в области его специальных знаний, он занимался различными изобретениями в усовершенствовании взрывчатых снарядов. По объявлении войны с Японией Лишин отправился на Дальний Восток добровольцем, где получил в заведование мастерскую по изготовлению ручных гранат, которыми снабжал всю армию. Сперва мастерская была в Мукдене, а потом в Харбине. Им было предложено усовершенствование в деле ручных гранат, в направлении изменения предохранителя, которое гарантировало полную безопасность в обращении с ними. Подробное описание этого изобретения можно найти в Инженерном журнале № 1, январь 1908 года. Изобретение это, несомненно, полезное для дела, никаких материальных и служебных выгод Лишину не принесло, да он и не старался их извлечь. В последние дни жизни он работал над изобретением минного замыкателя. Значит, и тут в этой сфере своей деятельности Николай Степанович направлял и могучую энергию, и знание на служение родине, чуждое каких-либо материальных и служебных выгод, всегда им отвергавшихся в принципе. Впрочем, на скромного изобретателя и труженика мало обращали внимание те, кто мог бы содействовать развитию его специальных способностей на общую пользу. Приехав, по окончании войны, в Севастополь в свою часть, он был поражён падением дисциплины, как в роте, так и вообще в войсках Севастопольского гарнизона, — «Потёмкин», «Шмитовский бунт», отдельные выступления в морских командах производили на него возмущающее и удручающее впечатление. Нередко встречаясь с товарищами по службе, со знакомыми моряками, он открыто высказывал свои взгляды на ближайших руководителей революционного движения, на евреев и старался доказать, что как бы неудовлетворительно ни было наше государственное устройство, как бы ни страдала от этих причин наша жизнь, но раз во главе так называемого «освободительного движения» стоят евреи и их деньги, к нему не должен примыкать ни один русский человек. Его

товарищ Д. И. Киселёв, долго живший вместе с ним в одной квартире, говорит: «В беседах с нижними чинами Лишин не скрывал от них, кто, по его мнению, виновники возникшей смуты, скоро дошедшей до открытого восстания флотских команд и в некоторых частях пехоты». Наблюдая творившиеся безобразия во Владивостоке, а затем и в Севастополе, Николай Степанович не был в качестве стоявшего в стороне наблюдателя, напротив, он переживал сердцем ужас протекавших перед ним событий, а пытливым умом понимал, кто ведёт предательство родины, и куда направляет бунтарская рука невежественные грубые инстинкты. Нередко он жаловался на недостаток людей, понимающих совершающееся на их глазах, указывал, что попустительство в разных воинских частях, доходившее до унижительного задабривания солдата, явно обнаруживает трусость командиров частей, страх за свою собственную персону. Он открыто протестовал в этом направлении в обществе и в тех собраниях, где ему представлялось по положению это возможным. Среди нижних чинов Лишин был строг и требователен, взыскивал за каждое отступление от воинского устава и дисциплины, но никогда, как удостоверяет его ближайшее начальство, не был несправедлив, тем более жесток, и заслужил любовь солдата и уважение товарища, несмотря на разность взглядов с некоторыми из офицеров, состоявших вместе с ним в роте.

Семейная жизнь Николая Степановича отличалась редким соглашением и любовью. Лишин был восхитительный муж и отец, это был примерный семьянин, страстно любивший жену и сына своего Борю.

И вот над этим примерным перед Царём и родиной исполнителем долга революционным отребьем был произнесён смертный приговор, лишивший отечество одного из своих верных слуг, семью — горячо любимого мужа и отца, науку — одного из серьёзных работников, а общество — полезного сочлена.

Как известно, в Севастополе и в других местах после прекращения силой мятежных выступлений настало внешнее затишье. Выборгское воззвание, главным образом подстрекавшее деревню не давать солдат, вызвало среди населения недоумевающее впечатление, смутное состояние, отразившееся и на войске. Мятежные выпады среди войск Севастопольского гарнизона ясно показали, что команды, увлечённые агитаторами на бунт, пошли за их призывом, в большинстве, совершенно не отдавая себе отчёта о своих

же действиях. Минная рота, в которой служил Лишин, была достаточно распропагандирована. Он это знал и никогда не смотрел на революционное разращение солдат сквозь пальцы. Беседуя с солдатами, убеждая их в пагубе всего того, что так усиленно им внушают, Лишин в то же время боролся с проникновением пропаганды в роту и, разумеется, был нежелательным для революционных групп препятствием к успеху их работы. В случаях обнаружения агитации был неумолим и никакие компромиссы не допускал. Но язва разрушения воинской дисциплины в роте была так велика, распушенность так была в глаза, что усилия Лишина и его товарищей были напрасны. Мы видели, что собой представляли командиры рот. Ряд таких неспособных людей довели минную роту до полной распушенности и падения дисциплины. Лишин — жертва этого режима. Причина убийства — месть революционеров нижних чинов, распропагандированных евреями.

26-го сентября Н. С. Лишин отправился после обеда в казармы. По обыкновению нежно простился с женой, поцеловал Борю, весёлого и жизнерадостного. Предчувствовала ли жена, что она видит в живых своего Колю в последний раз? Сам Николай Степанович, в последние дни жизни, часто задумывался над смертью, что доказывает найденное в его бумагах стихотворение «В ожидании смерти». Уходя из дома, он всегда прощался с семьёй.

Настали сумерки. Лишин, окончив занятия, пошёл домой. Невдалеке от казарм его встретили два человека, — это видели прохожие. Предполагают, что это были рядовые минной роты, так как, встретив направляющихся на него неизвестных, Лишин должен был принять меры предосторожности. Один из неизвестных подошёл к Лишину и почти в упор выстрелил из браунинга, Николай Степанович, как подкошенный, упал на землю. Из головы хлынула кровь, несчастный корчился в предсмертной судороге. Но этим убийца не ограничился. Опасаясь, что Лишин ещё жив, убийца выпустил ещё пять пуль в голову, и когда перед убийцей лежал недвижимый труп, он бросился вместе со своим помощником в бегство. Вскрытие показало, что одна пуля попала в грудь, а три в голову. Всё это случилось за несколько секунд. Караул, бывший в момент убийства в ста шагах, выстрелов не слышал. Многие удостоверяют, что убийцу в роте знали, но были так терроризованы, что никто не решился его назвать. Впоследствии два солдата минной роты бежали, в них подозревают и теперь убийц Лишина.

Так погиб славный и первый офицер, как называет Лишина командир роты, чудный товарищ, говорят с болью в сердце офицеры-сослуживцы, и идеальный семьянин, безнадежно оплакиваемый женою и сыном. Занося этот печальный и возмутительный факт на страницы воспоминаний о покойном Николае Степановиче, скажем: погиб слуга долга перед отечеством и Царём, погиб на своём посту, всегда защищая честь и достоинство своей родины, никогда не изменяя своим убеждениям и твёрдо стоя на страже закона и порядка, за исповедание которых и принял преждевременную мученическую кончину, от руки тех, у кого нет Бога, нет любви, нет правды».

**ЛИШИНА (КАПНИСТ)
ОЛЬГА КОНСТАНТИНОВНА**
(1881–1960)

ГРАФИНЯ, СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ

*Сестра Ольга
(графиня Ольга Константиновна Капнист)
Фотография 1958 г.*

Ольга Константиновна Лишина родилась 13 июля 1881 г. в семье русского дипломата Константина Николаевича Лишина (1851–1905). Ольга Константиновна родилась на острове Халки, где её родители проводили лето.

Окончила курсы сестёр милосердия в Кауфманском сестричестве в Петрограде. Во время мировой войны работала медсестрой в военном лазарете.

Супруг: Капнист Алексей Павлович окончил Морской корпус, участвовал в войне с Китаем. Окончил Артиллерийский офицерский класс. Был военно-морским агентом в Австро-Венгрии и Италии. Плавал старшим офицером кораблей Черноморского флота. В 1910–1914 годах находился в запасе. С началом Первой мировой войны вернулся на военно-морскую службу. Был помощником начальника Морского генерального штаба, начальником управления Беломорско-Мурманским районом при морском министре, первым помощником морского министра. 15(28) ноября 1917 г. арестован за отказ подчиниться Совнаркому и Военно-морскому революционному комитету, а в 1918 г. арестован ВЧК и расстрелян в Пятигорске.

Дети семьи Капниста: Дмитрий (1905–1975) — инженер, педагог, общественный деятель; Павел (1906–1993) — поэт, благотворитель; Эмилия (1908–1996) — супруга Дмитрия Сергеевича Татищева; Ольга (1911–2003) — в замужестве Вильерс; Сергей (1915–2006).

Ольге Константиновне по завещанию перешло небольшое имение Константина Николаевича Лишина, в д. Поповка, Мглинского уезда, Черниговской губернии, доставшееся ему от отца. Это скромное имение находилось недалеко от Мглина. Край был лесной, а всё, что было пахотного, было засажено яблонями. В имении был небольшой парк, который ещё её дед генерал-лейтенант Николай Фёдорович Лишин, как артиллерист, обустроил по собственному желанию. В парке стояло несколько старых пушек: турецких и наполеоновских. Последний раз они стреляли на именинах Ольги Константиновны, устроенных графом Капнистом, в 1914 г.

После смерти отца, в 1910 г., Ольга Константиновна с мужем и детьми переехала в имение Поповка Мглинского уезда Черниговской губернии.

После начала Первой мировой войны была сестрой милосердия Кауфманской общины. После революции эмигрировала: в 1919 г. эвакуировалась в Константинополь, затем переехала

в Италию. В 1923 г. приехала во Францию, жила в Ницце. Работала медсестрой и компаньонкой. Активная прихожанка храма Христа Спасителя в г. Аньер (Франция) близ Парижа. В г. Аньере в 1931 г. сформировалась инициативная группа для организации богослужения, и был создан приход. С 1932 г. настоятелем прихода храма стал священник Владимир Кульман (будущий преосвященный Мефодий, епископ Кампанский), благодаря деятельности которого храм превращается в один из важнейших духовных центров русского зарубежья. При храме существовала женская монашеская община. Здесь же в 1933 г. действовал дом призрения для пожилых русских эмигранток. При храме, по благословению владыки Мефодия, была создана также Православная культурная ассоциация. Капнист Ольга Константиновна после Второй мировой войны переехала жить в русский монастырь под Парижем. Стала Инокиней Ольгой, посещала русских больных в госпиталях. Затем в 1959 г. Ольга Константиновна переехала в Палестину (Израиль), поселилась в женском монастыре на горе Елеонской. Скончалась 10 марта 1961 г. в Елеонской обители в Иерусалиме.

ЛИШИН СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ

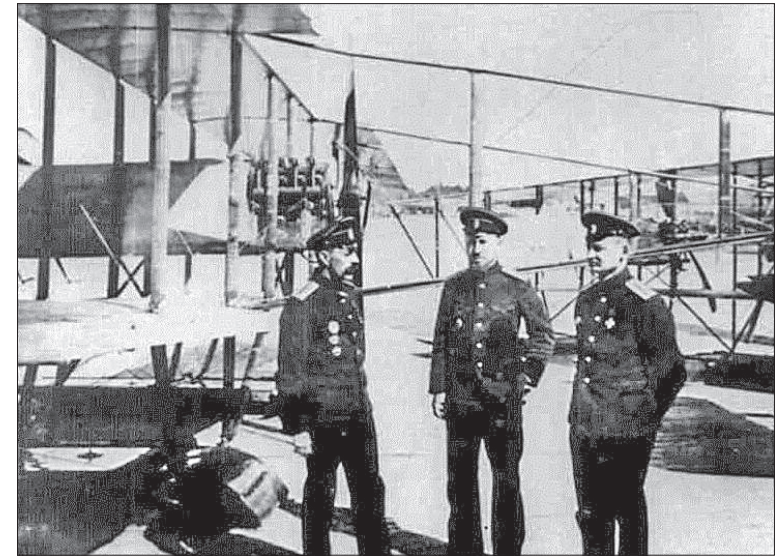
(1889–1919)

ВОЕННЫЙ ЛЁТЧИК

Сын подполковника артиллерии Андрея Николаевича Лишина — Сергей Андреевич Лишин, родился 18 марта 1889 г. в Минске, где тогда служил полковником его отец. Из дворян Черниговской губернии. Окончил Минское реальное училище и Морской корпус в 1910 г., был зачислен в 1-й Балтийский флотский экипаж. В 1914 г. окончил Военную авиационную школу в Севастополе, затем обучался полётам на гидросамолётах на Ревельской авиационной станции. С января 1915 г. — лётчик авиации Балтийского флота.

20 июля 1915 г. С. А. Лишин на летающей лодке «ФБА» вылетел на перехват двух немецких гидросамолётов, пытавшихся атаковать российские миноносцы и подводные лодки в районе Ирбенского пролива. В завязавшемся бою Лишин стрелял из маузера, а его механик, унтер-офицер Н. Я. Смолин, из карабина Мосина. Один

Аэроплан «Фарман МФ-11»

Слева направо: капитан 1 ранга Б. П. Дударов и старшие лейтенанты Б. А. Щербачев и С. А. Лишин. 1916 г.

из самолётов противника они подбили, в результате чего тот спланировал к своему берегу. Второй вышел из боя и пошёл в сторону своего расположения, но, увидев проходящую в это время Ирбенским проливом русскую подводную лодку, попытался её атаковать. С. А. Лишин вторично его атаковал и заставил окончательно уйти. За этот бой Сергей Андреевич был награждён орденом Св. Георгия 4-й степени, став первым Георгиевским кавалером российской морской авиации, а его механик — Георгиевским крестом.

В декабре 1915 г. С. А. Лишин был назначен начальником 1-го судового авиационного отряда, базировавшегося на авианесущем судне «Орлица». 21 марта 1916 г. Сергей Лишин был награждён французским кавалерским крестом ордена Почётного легиона. С марта 1916 г. Лишин — начальник 1-й авиационной станции, а с апреля того же года — начальник одновременно 1-й и 3-й станций.

3 августа 1916 г. два неприятельских самолёта атаковали российскую авиационную станцию на острове Руно в Рижском заливе. Навстречу им взлетели несколько российских самолётов, в том числе С. А. Лишина, который преследовал одного из противников до

его базы на озере Ангерн в Курляндии. Самолёт Лишина получил 9 пробоин, сам пилот был легко контужен. В ответ на нападение немцев в ночь на 4 августа четыре российских гидросамолёта под командованием С. А. Лишина произвели налёт на немецкий гидроаэродром на озере Ангерн, на который были сброшены осколочные и зажигательные бомбы, вызвавшие пожары. Наши самолёты подверглись ожесточённому обстрелу противозащитных батарей, но все благополучно вернулись на базу. За эти полёты Сергей Андреевич был награждён Георгиевским оружием. В конце 1916 г. С. А. Лишин был назначен начальником 1-го воздушного дивизиона и награждён орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (23.01.1917). В октябре 1917 г. Лишин — начальник 1-й воздушной бригады Балтийского флота. В ноябре 1917 г. он временно исполнял обязанности начальника авиации Балтийского флота.

После революции и последовавшего затем наступления немцев и эвакуации остатков авиации Балтийского флота в Петроград С. А. Лишин в 1918 г. был командующим противовоздушной обороной Петрограда и Кронштадта. В 1919 г. он — начальник Морской воздушной бригады особого назначения РККФ. С осени того же года Лишин участвовал в работе подпольной организации «Великая Единая Россия». Арестован Петроградским отделом ВЧК, осуждён и расстрелян.

ЭТАПЫ СЕЛА НИВНОЕ

СОВРЕМЕННОЕ НИВНОЕ

В настоящее время село Нивное находится в Суражском районе Брянской области. В селе 25 улиц и более 390 домов. Улицы: Крупской, Свердлова, Калинина, Олега Кошевого, Дзержинского, Садовая, Луговая.

Село Нивное находится в 23 км к северо-востоку от Суража, в 23 км к северо-западу от Мглина, у заболоченной правобережной поймы Ипути, против устья реки Воронусы. Центр Нивнянского сельского поселения включает села Высокоселище, Кромово и Новый Дроков; деревни Красное, Старый Дроков и Фёдоровка; посёлки Александровский, Вьюнное, Гордый, Тёплый, Ковалевщи-

на, Красная Поляна и Ясная Поляна. Известно это поселение с середины XVII в. как селение Нивное, владение мглинской ратуши; с 1730 отдано Лишням. Храм Рождества Богородицы упоминается с 1731 г.; в 1898 г. построен каменным зданием (с 1936 г. закрыт, полуразрушен). До 1781 г. село входило в Мглинскую сотню Стародубского полка; с 1782 г. временно относилось к Суражскому уезду; с начала XIX в. до 1922 г. значится в Мглинском уезде (с 1861 г. — центр Нивнянской волости); в 1922–1929 гг. в Клинцовском уезде (волостной центр). В конце XIX в. здесь была открыта земская школа. В годы Великой Отечественной войны село освобождено от оккупации (24.09.1943 г.). В середине XX в. здесь образованы колхозы — колхоз «Коллективный труд», «Красная нива», «Луч социализма». В 2 км к югу от села существуют многочисленные археологические памятники разных эпох (от неолита до XIII в.). Максимальное число жителей 2620 человек (1897).

О ХРАМЕ РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ В СЕЛЕ НИВНОМ

Первая половина XX в. — это время жесточайших репрессий. В нашей стране в 20–30 годы пострадали сотни тысяч людей, в их числе были и священнослужители...

Суражский район Брянской области и село Нивное — малая частичка великой России. Всё, что происходило в стране, откликалось в каждом её самом маленьком уголке, в каждом районе, в каждом селе.

Как и по всей стране, в Суражском районе шла борьба с религией. Таким образом, в 1937 г. закрыли немногие действующие церкви. В архиве удалось отыскать разрозненные сведения, относящиеся к ликвидации церкви.

С 1924 г. настоятелем церкви стал священник Романченков Павел Яковлевич.

В ноябре 1936 г. Рождественно-Богородицкая Церковь была закрыта, а здание Церкви передали Нивнянскому колхозному сельсовету под клуб. Страшной была судьба тех людей, которые закрывали и разоряли Церковь, спиливали и сбрасывали кресты, снимали колокола. Нашлось в архиве и ходатайство о закрытии церкви и передачи её на культурно-просветительные цели в с. Нивное. Из протокола заседания комиссии, следует, что, учитывая ходатайство большинства трудящихся о закрытии церкви — ходатайство удовлетворить, молитвенный пункт в с. Нивное ликвидировать, здание

церкви передать сельсовету на культурно-просветительные цели.

26 октября 1937 г. был осуждён в городе Смоленске по обвинению в надуманных преступлениях и священник Романченков П. Я. Одновременно с ним были арестованы и расстреляны его два старших брата и племянник, проживавшие в с. Ершичи Хотимского района.

ЗАХОРОНЕНИЯ В ЦЕРКВИ РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ В НИВНОМ

Склеп слева от алтаря (расчищенный): до 1929 г. в нём находились три гроба:

Константинов Константин Иванович, генерал-лейтенант, умер 12 января 1871 г. Имелся герб.

Лишина Констанция Ивановна, жена генерал-лейтенанта, родилась 13 августа 1815 г. — умерла 8 мая 1872 г. Имелась надпись: «Вся жизнь наша будет постоянным воспоминанием о тебе, добрый друг и нежная мать. Благословляем твоё пребывание среди нас, дорогая сердцу, родная».

Лишин Андрей Фёдорович, генерал-лейтенант, родился 26 мая 1801 г. — умер 6 сентября 1898 г. Имелась надпись: «Добродетельная жизнь твоя, дорогой родитель, исполнена была забот и любви к семье. Анна, Константин, Александр, Михаил и Николай». Имелся герб.

Склеп справа от алтаря, до 1929 г. в нём находились два гроба:

Лишин Михаил Николаевич, отрок, родился 3 февраля 1878 г. — умер 15 сентября 1886 г.

Лишин Николай Андреевич, строитель храма, действительный тайный советник, инженер, родился 22 июля 1843 г. — умер «от раны, полученной при возмущении в Одессе» 26 октября 1905 г.

Лишин Фёдор Андреевич, умер 15 января 1826 г., на 69-м году жизни, и жена его Параскева Владимировна, умерла 23 мая 1840 г., на 77 году жизни. «Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят. Помни о смерти».

Заккрытие храма произошло осенью, в ноябре 1936 г., сразу после ареста священника и сопровождалось изъятием церковных принадлежностей для их дальнейшей утилизации.

Под руководством председателя сельской администрации Молчановой (жители дали ей прозвище «маска») на разбор церкви привлекали молодёжь села. Например, за сброс колоколов, разбор

маковок и колокольни — платили по 10 рублей, а за разбитие памятников на церковном погосте и плит, накрывающих склепы — в церкви подросткам платили по 20 копеек. Затем всё разбитое подводами увозили на строительство фундамента завода в Крутояре.

Вандалы могилы постоянно вскрывали, что невольно приводило, по христианской традиции, к осквернению лежащего здесь праха. В прежние времена «Уложение о наказаниях» 1848 г. гласило, — за разрытие могилы десять лет каторги, истребление или повреждение надгробных памятников — заключением в тюрьму на срок от 4–8 лет. Вот бы это Уложение действовало и в 20–30-х годах XX в.

Как же сложилась судьба закрытой церкви?

До начала войны в 1941 г. часть Церкви использовали частично как склад, а с появлением в 1939 г. кинопередвижки — стали крутить здесь фильмы. Во время оккупации села в сентябре 1941 г. немцы привезли православного священника, и он вёл здесь службу до 1943 г. По освобождении села Нивное в 1943 г. советскими войсками священник был расстрелян. После войны в ней находился склад зерна. В 1948 г. началось строительство дамбы и крахмального завода, правление колхоза приняло решение для обустройства фундамента строительства разобрать кирпичную ограду церкви и два верхних яруса колокольни. В дальнейшем церковь использовали под клуб. Дважды случался пожар, сгорела обшивка, потолок, обрушился кирпичный купол храма. С тех пор кирпичные стены храма брошенные высятся посреди села. Храм не числится ни в каких реестрах и ни стоит на чьём-либо балансе, но зато считается памятником архитектуры Брянской области. Оконные проёмы не застеклены, разрушено арочное перекрытие трапезной. Почему же мы считаем селом место, где нет действующей церкви. Священники из Мглинского благочиния периодически проводят службы в необустроенном помещении бывшего Нивлянского земского училища, построенного в одно время с Храмом Н. А. Лишиным. Местные жители, судя по разговорам, готовы участвовать в Святом деле восстановления Храма, но объединить их усилия, к сожалению, некому.

Владимир Вебер

Владимир Фредович Вебер (слева) и следопыты

ПРЯМОЙ ПОТОМОК КОНСТАНТИНОВА КОНСТАНТИНА ИВАНОВИЧА

Вебер Владимир Фредович, инженер, прямой потомок Константина Ивановича Константинова. Родился 22 сентября 1957 г. Уроженец г. Реутов Московской области. Родители: отец Фред Куртович (Арнольдович) Вебер, родился в 1934 г., мать Лидия Сонн, родилась в 1933 г. Инженер Московского авиационного института. Проживает в Москве, женат с 1965 г. Начал заниматься историей села Нивное Суражского района Брянской области с 2001 г.

Когда журнал «Наш современник» попросил написать краткий очерк о Константинове, найти о нём хоть какие-то сведения оказалось делом нелёгким. Тогда нашлась лишь одна тоненькая книжка рисунков его изобретений, и по крупицам стали собираться о нём краткие сведения в старых военных журналах.

Очерк в итоге был всё-таки написан и вошёл в книгу «Выход в небо» — о людях, верных своему предназначению.

И через 40 лет случилось удивительное.

Когда я выступал во время одной из литературных встреч со старшеклассниками в московской школе № 1464, оказалось, что в зале школьного музея есть материалы о давнем моём герое, и даже на стене висело генеалогическое древо рода Константинова Константина Ивановича, главного ракетчика Российской Империи. Бывают же такие сближенья!

Более того, выяснилось, что в музей школы заглядывал прямой потомок Константинова — Владимир Фредович Вебер. А рядом со школой была улица имени его предка — улица Константинова. Позже я и сам встретился с инженером Вебером.

Почему же на долгое время имя Константинова было предано забвению?

Только теперь стало понятно, что всё дело в его «неправильной» родословной. Ещё бы: Константинов был незаконнорождённым сыном цесаревича Константина Павловича Романова!

При встрече с потомком К. И. Константинова инженером МАИ Владимиром Фредовичем Вебером я узнал, что он разыскал прах из захоронения Константинова и обнаружил в нём сохранившиеся эполеты и ботфорт сапога... Прах своего великого предка Вебер перезахоронил в воинском мемориале у разрушенной церкви. Он приобрёл дом в селе Нивное, рядом с храмом, установил памятную часовню во имя Царя Константина Великого и памятный знак во дворе сельской школы.

Кроме того, передал прошение на имя епископа Брянского и Севского Александра на благословение на восстановление храма Рождества Пресвятой Богородицы.

В. Ф. Вебер рассказал мне и о родословной Константинова.

Его сын Владимир Константинович Константинов (1860–1929) был признан законным и получил фамилию и отчество по отцу. Был женат на Екатерине Алексеевне Юрашевой (1868–1943). У них было 11 детей. Из них кто-то уехал в Эстонию, кто-то в США, Канаду, Швецию, а кто и погиб в годы репрессий или во время войны.

У Валентины Владимировны Константиновой и Курта-Арнольда Вебера в 1934-м родился Фред Куртович (Арнольдович) Вебер. Сын Фреда Вебера — Владимир Фредович Вебер, родился в 1957 г.

После долгих препон, 17 июля 2012 г. в селе Нивное Суражского района Брянской области, по указанию губернатора Н. В. Денина, прошло перезахоронение в мемориале 1943 года, рядом с 300-ми воинами, погибшими при освобождении села в сентябре 1943 года, останков выдающегося русского учёного в области ракетостроения, генерал-лейтенанта К. И. Константинова.

Примечательно и то, что В. Ф. Вебер нашёл имена 160 неизвестных, из 306 воинов, захороненных в мемориале, и добился того, чтобы их имена были увековечены ко Дню 70-летия Победы в мае 2015 года.

А на первом доме соседней с московской школой № 1464 улицы повесили доску с надписью: «Улица Константинова названа в честь выдающегося русского учёного-изобретателя в области ракетной техники, артиллерии и приборостроения Константина Ивановича Константинова (1819–1871)».

Итак, главный ракетчик империи возвращается из забвения.

Владимир Вебер принимал самое активное участие в создании книги о своём потопке. Замечательная книга «Главный ракетчик Российской империи» была выпущена издательским домом «Оружие и технологии» в 2013 г. Автор — П. И. Качур.

Собирая материалы о Константинове, Владимир Фредович Вебер увлёкся и родом Лишиных.

ИЗЫСКАНИЯ ПО ЗАХОРОНЕНИЮ КОНСТАНТИНОВА И ЛИШИНЫХ

 олгое время место захоронения Константинова Константина Ивановича было неизвестно историкам. Лишь благодаря помощи сотрудников Историко-революционного музея Брянска (В. П. Алексеева) и местных краеведов (Е. А. Комлевой) мне, наконец, удалось установить место, где покоится прах Константинова. Выяснилось, что его останки доставила Констанция Ивановна в специальной карете (омнибусе) до Николаевского вокзала, затем по железной дороге до Унечи, где гроб с телом генерал-лейтенанта был размещён на возке и привезён в село Нивное. Здесь, с соблюдением всех канонів православной веры, останки К. И. Константинова были захоронены в подземном склепе рядом с деревянным храмом, построенным в 1731 г. на краю села Нивное, на возвышенном месте. Село в то время входило в Мглинский уезд Черниговской губернии и принадлежало генерал-лейтенанту А. Ф. Лишину, мужу

сестры Константинова. В старую деревянную церковь приходили молиться К. И. Константинов, К. И. Лишина, А. Ф. Лишин во время их пребывания в селе Нивное.

Выяснено, что 1871 г. 12 января — К. И. Константинов скончался в Николаеве. 22 января — захоронен в фамильном склепе Лишиных в церкви села Нивное, Мглинского уезда, Черниговской губернии (ныне Суражский район, Брянская область).

В земле слева от алтаря была устроена целая «комната». Стены и пол этой «комнаты» представляли собой кирпичную кладку, а потолком служило перекрытие в виде свода. Над установленными в склепе гробами на своде укреплялись мраморные плиты намогильных памятников.

Церковь закрыли в ноябре 1936 г., самую последнюю в Суражском районе. После этого кто-то ночью проник в храм, взломал склеп и ограбил останки. Затем были арестованы все члены церковной десятки и им сочувствовавшие. Кто был сослан, кто расстрелян. Но главное, что они успели, пока не надругались над останками, закопать их возле церковной ограды и сравнять с землёй. Кресты и колокола сбросили, внутреннюю роспись стен и куполов заштукатурили, разбили алтарь. Иконостас был разрушен, большая часть икон (которые не смогли сохранить местные жители) сожжены.

И. О. Комлев вспоминал: «Кресты сначала подпиливали, затем привязывали тросы и тянули десяток мужчин, пока они не падали. Потом куда-то увозили.

На крестах (на наружных стенах) выбили звёзды в 1937 г. по указанию председателя сельского совета М. А. Молчановой. Скорее всего, это делалось для того, чтобы «отбить» тягу местных жителей к религии. Представители Советской власти распорядились исказить вид крестов на наружных стенах церкви, и приглашённые безбожники выбили пятиконечные звёзды. Но результат оказался обратный задуманному — храм с обезображенными крестами стал притягивать верующих ещё больше: на Руси пострадавшим за веру испокон оказывали уважение и почитание.

Предвидя в 1937 году закрытие церкви, крестьяне села написали жалобу в Президиум ЦИК СССР. Жалоба была рассмотрена на заседании Президиума, но прошение верующих о сохранении храма в селе осталось без удовлетворения. Окончательное постановление о закрытии церкви было утверждено и принято решение о передаче здания под клуб. Документ был подписан Председателем ВЦИК

М.И. Калининым. Старожилы села вспоминают, что в последний год, перед закрытием церкви, в Пасху, народу в храме было так много, что молились даже на улице.

Судьба была немилосердна и к родовому гнезду русских генералов и даже к их останкам. Как и многие дворянские могилы в годы коллективизации и индустриализации, склеп Лишиных был взломан с целью «вторичного использования мраморных надгробий в строительстве промышленных зданий». Другой целью разорения склепа была тайная надежда поживиться с останков генералов.

Интересны свидетельства очевидца этого события 1938 г. — местного жителя А.С. Козьмина: «Нам, мальчишкам, сказали, что склеп в церкви открыт, и мы побежали туда. Дверь в склеп была действительно открыта, но все боялись заходить туда первыми. В церкви на полу валялась бумага, и я, как старший из ребят, скрутил длинный жгут из бумаги, зажёл его и стал спускаться вниз по ступенькам.

Первое, что я увидел, войдя в склеп, — это то, что с левой стороны находились два гроба. Они были открыты. Я поднял выше руку и при свете увидел лежащего передо мной полного мужчину с чёрной небольшой бородкой (за бородку мальчик принял бакенбарды), но меня, как мальчишку, поразили блестящие золотом эполеты на плечах лежащего. И тут же мысленно задал себе вопрос: «Зачем же ему такие длинные, выше колен красные сапоги?» (Красный цвет сапог объясняется способом выделки кожи, при котором кожа со временем приобретает красноватый оттенок).

В другом гробу лежал такой же военный, но лица я его не рассматривал, так как в это время раздался возглас моего друга: «Гляньте, здесь женщина лежит!» Я повернулся направо и увидел действительно лежащую в гробу женщину. Меня поразила землистый цвет её лица. На ней было белое платье, а на ногах туфли. На груди лежала рука такого же цвета, как и лицо, прикрывавшая спускавшуюся через плечо косу. В это время у меня догорела бумага, и меня кто-то толкнул, и я упал на гроб. Я вскрикнул и бросился наутёк, остальные побежали за мной».

По воспоминаниям И. О. Комлева: «Гробы из церкви выносили в тот же год, в ноябре (1936 г). Было часов 11 вечера, уже стемнело. Их не открывали на улице. Может, в церкви и вскрывали, но не на улице. Гробы были цинковые, пять штук, потому что, когда их

ставили, то слышался звук железа. Закопали их в яме недалеко от большого дубового пня. Сейчас там небольшой прогиб».

В действительности, гробы вскрывали грабители и безбожники именно в церкви, чтобы поживиться за счёт усопших. Однако эта цель вскрытия склепа осталась осуществлённой лишь на половину: говорят, что с тела Констанции Ивановны было снято драгоценное фамильное кольцо, а с руки Константина Ивановича удалось стащить ордена и перстень (царский подарок). Сами останки были закопаны сердобольными членами церковной десятки в двадцати шагах от северо-западного угла церкви, где они и покоятся до настоящего времени. По свидетельству Е.А. Комлевой, драгоценности, снятые с Констанции, видели люди, трогали руками, но затем они бесследно исчезли. Одного из причастных к разграблению арестовали, но вскоре выпустили. С генералов были сняты награды, но они тоже исчезли. Один «сознательный» грабитель пытался снять ботфорты с останков Константинова, но когда стащил один, то ботфорт тут же развалился в руках осквернителя могил. Выругавшись, он не стал снимать второй. Так, попытка добыть красивые сапоги не увенчалась успехом. Кусок сапога, который он бросил, нашли при раскопках.

Могильные плиты со склепа и церковного кладбища были разбиты и свезены на возведение крахмального завода в Крутояре на реке Ипать у села Нивное.

В настоящее время крахмальный завод прекратил своё существование, разворован и разорён до основания. Видно, не принесли выгод советской власти могильные плиты из родового склепа.

В годы Великой Отечественной войны на колокольне церкви немцы устроили пулемётное гнездо. Со временем церковь и колокольня пришли в ветхость и постепенно разрушились. Купол церкви обрушился и завалил грудой кирпича опустошённый склеп. С тех пор она так и стоит разрушенная.

И. О. Комлев вспоминал: «После этого (после выноса останков Константинова и Лишиных) в одной части церкви был клуб, а в другой — склады. Склады просуществовали до 1948 г. Затем были кражи и пожар. А клуб был до конца 1950-х годов, когда кто-то из детей случайно ещё раз сделал пожар. Сгорела вся деревянная обшивка внутри».

Обезглавив храм, село лишилось главных своих православных и архитектурных акцентов: стало плоским и серым. Но храм — это

не только архитектура, а ещё воплощение души крестьянства, символ верности земледельческому православному календарю. Село без Храма на Руси называлось местечком или деревней, так что же хотят жители этого населённого пункта — решать им! Размещение клуба в храме — это кощунство местной власти. К тому же, недалеко от церковной ограды, практически на могилах предков, нашедших здесь последний приют, был устроен общественный туалет.

На Купеческой (ныне Потемкинской) улице сохранился особняк под № 18, в котором жил К. И. Константинов, теперь здесь частная стоматологическая поликлиника. Из этого дома забрала его прах Констанция Ивановна Лишина для захоронения в склепе церкви села Нивное.

Легенда о происхождении, запущенная в оборот императорской фамилией, создавала пренебрежительное отношение к личности К. И. Константинова и играла свою коварную роль даже после смерти известного учёного. Обращает на себя внимание такой факт. В 1872 г. председатель отдела прикладной физики Комитета по устройству Политехнической выставки в Москве профессор А. С. Владимирский обратился к инспектору всей артиллерии генералу А. А. Баранцову по поводу электромагнитных хроноскопов с просьбой дать возможность «...ознакомить публику с этими в высшей степени интересными приборами и их историческим развитием». Баранцов дал соответствующее распоряжение, но оказалось, что единственный имеющийся в распоряжении Пиротехнической школы экземпляр электромагнитного хроноскопа, переданный в 1845 г. К. И. Константиновым, «...находится в таком безобразном виде и настолько испорчен, что не может быть отправлен на выставку». Не решаясь признаться в халатном отношении к раритету отечественной технической мысли, Баранцов поручил дать ответ ответственному секретарю Артиллерийского комитета подполковнику Р. В. Шпицбергу. В письме А. С. Владимирскому тот писал по поводу электробаллистического прибора генерал-лейтенанта Константинова, «...которому первому из русских удалось осуществить на деле идею применения электричества к баллистическим изысканиям. Сколько известно управлению, этот прибор должен находиться у сестры покойного — госпожи Лишиной». Однако к тому времени Констанция Ивановна уже скончалась, а её муж А. Ф. Лишин передал приборы Константинова Михайловской артиллерийской

академии и училищу. Вот какова оказалась судьба замечательных трудов Константинова по применению электричества к точным измерениям в артиллерийской науке. Чиновники из Артиллерийского ведомства не сумели даже сохранить приборы этого выдающегося русского учёного и изобретателя. Но всё же одно изобретение Константинова, за которое он был награждён Михайловской премией, — диоптр для навесной стрельбы, принятый на вооружение в качестве штатного прицела осадной артиллерии и хранившийся в музее Михайловской артиллерийской академии, попало на Всероссийскую политехническую выставку 1872 г.

Для увековечивания памяти К. И. Константинова по инициативе научной общественности в Москве создан Организационный комитет. За короткий срок на средства Оргкомитета на месте захоронения К. И. Константинова в селе Нивное Суражского района Брянской области построена часовня, сооружён памятный знак генерал-лейтенанту К. И. Константинову и чете Лишиных. Активную поддержку в увековечивании памяти Константинова оказывают: маршал артиллерии В. М. Михалкин и академик РАН Г. А. Попов, а также губернатор Брянской области, заместитель главы Суражского района по культуре Прохоренко З. А., глава Нивнянского сельского управления Н. М. Бурделев.

Они считают, что надо сделать всё, чтобы не только отдать должное сынам Отечества Константинову и Лишину, но и восстановить храм Рождества Богородицы, до сих пор оставшийся разрушенным.

По инициативе местных краеведов в школе села Нивное открыта экспозиция, посвящённая Константинову-Лишиным.

Брянским региональным общественным движением поисковых отрядов «Отечество» в 2006 г. проведены поисковые работы по поиску последнего места захоронения генерал-лейтенанта К. И. Константинова, поблизости от разрушенной церкви и внутри неё. Основной задачей группы было — по возможности установить предполагаемое место захоронения, поскольку точных координат нахождения останков знаменитых соотечественников не было известно. Упорно продвигаясь вперёд, поисковики стали видеть результаты своей работы. Склеп очищался от грунта, приобретал первозданные очертания. Были обнаружены фрагменты скелетов, цинка от внешних гробов, фрагменты сапога, значительная часть обивочной парчи, ручки от гробов. 15 июля стал самым удачным

днём в работе всей поисковой экспедиции. Именно в этот день к месту работы прибыла журналистская группа Рен-ТВ Брянск.

Были обнаружены и подняты четыре офицерских эполета, четыре погона в звании генерал-лейтенант. На каждом эполете остались следы от звёзд. На позолоченных эполетах генерал-лейтенантов красовались три серебряные звезды, введенные в русской армии в 1827 году. Эполеты обрамлялись золотой бахромой, которая со временем и в результате осквернения останков в 1930-х годах местами открепилась.

Итогами поисковой работы в селе Нивное Суражского района стало подтверждение места захоронения генерал-лейтенантов К. И. Константинова и А. Ф. Лишина, найдены реальные артефакты, принадлежавшие генералам.

Эполеты К. И. Константинова, после восстановления в Центре реставрации им. академика И. Э. Грабаря, приняты в Музей Вооружённых Сил России, где готовится большая экспозиция, посвящённая ракетной технике и ракетчикам XIX века. 21 декабря 2007 г. эполеты К. М. Константинова были переданы на хранение в Музей Вооружённых Сил России.

Но как человек православный, Вебер хотел исполнить ритуал по-божески. Он обращался во все инстанции. Обратился за помощью и к священнослужителям. Ведь их руками ритуалы совершаются. И они его услышали.

В 2006 г. по инициативе учёных, военных и общественных деятелей под руководством маршала артиллерии В. М. Михалкина был образован Организационный комитет по созданию памятников генерал-лейтенантам К. И. Константинову и А. Ф. Лишину. Разработана программа деятельности комитета, включающая разминирование и расчистку территории захоронения, нахождение и идентификацию останков, восстановление церкви и склепа, создание памятника, проведение информационного обеспечения работ, изготовление медалей К. И. Константинова и А. Ф. Лишина и др.

Губернские власти определили достойное место для захоронения. Теперь останки выдающегося ракетчика России К. И. Константинова перезахоронены в мемориале 1943 года, рядом с 300-стами погибшими воинами Великой Отечественной войны.

17 июля 2012 г. в День Царствующих Страстотерпцев в Нивном прошла торжественная церемония перезахоронения останков генерал-лейтенантов царской армии: Константина Ивановича Кон-

стантинова, Андрея Фёдоровича Лишина и его супруги Констанции Ивановны.

Редко кто не любит свою родину, не гордится героическими страницами прошлого. Но годы тоталитарного режима в нашей стране — это годы тяжелейших репрессий по отношению к своему народу. Обидно и горько читать об этих событиях, но помнить и знать необходимо, чтобы извлечь нравственные уроки из событий прошлого. Новое поколение сельских жителей должно быть духовным и милосердным.

По моему разумению, каждое село заслуживает право иметь свою хотя бы краткую историю, изложенную в письменном виде и изданную отдельной книгой. Её изучение на уроках краеведения в школе должно положительно влиять на молодое поколение, вызывать желание изучать свои корни, знать о каждой местной достопримечательности, гордиться ими. Надо научиться с уважением и трепетным благоговением относиться к тому, что было создано предыдущими поколениями, дедами и прадедами нашими. Тогда мы не будем уничтожать храмы и усадьбы при неожиданных переворотках и революциях в нашей великой стране.

СОДЕРЖАНИЕ

МГЛИНСКАЯ ЗЕМЛЯ. СЕЛО НИВНОЕ	3
Село Нивное	12
Лишень Тимофей Васильевич (1680–1757)	17
Из архива Л. С. Лишина	17
Лишень Мартын Васильевич (... – 1743)	18
Из архива Л. С. Лишина	18
Дудицкий-Лишень Лука Иванович (1777–1847)	19
Журнал ежедневных занятий подполковника Луки Ивановича Дудицкого-Лишеня (<i>фрагменты</i>)	20
400 лет роду князей Лишиных	57
Лишин Николай Фёдорович (1791–1863)	59
Герой-партизан Отечественной войны 1812–1814, артиллерист	59
Воспоминания Лишина о битве при Касселе в 1813 г., где он командовал артиллерией в партизанском отряде генерала Чернышева	65
Лишин Андрей Фёдорович (1801–1898)	90
ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ЛИШИНА АНДРЕЯ ФЁДОРОВИЧА	91
Детство	99
Мглинское уездное училище	100
Московский университетский благородный пансион	102
Служба в Лейб-гвардии Литовского полка в Варшаве	105
Варшавское отделение школы кантонистов (1827–1830)	110
Преддверие Польской смуты. Октябрь 1830 года.	116
В очаге восстания 17/29 ноября 1830 года	120
Цесаревич Константин и Константиновы	136
Иван Александрович Голицын	136
Клара-Анна Де Лоран. Констанция и Константин	140

Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (1833–1849)	151
Строительное училище (1849–1874)	156
Духовное завещание Андрея Фёдоровича Лишина	165
Константинов Константин Иванович (1819–1871)	168
Ракетчик Российской империи	168
Церковь Рождества Пресвятой Богородицы в селе Нивное	185
Освящение церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Нивном Мглинского уезда Черниговской губернии	189
Лишин Михаил Николаевич (1848–1899)	195
Ланцепупы — племя «русских людоедов»	195
Лишин Константин Николаевич (1851–1906)	203
Первая русская абиссинская экспедиция. Золото страны Уаллага. 1904 год	207
Имение Сокиряны (Секуряны)	215
Собственники Сокирян во времена Российской империи	216
Лишин Константин Андреевич (1833–1906)	223
Лишин Александр Андреевич (1834–1909)	232
Петербуржец Александр Андреевич Лишин – Войску Донскому	234
Воспоминания о хивинской экспедиции генерал-майора А. А. Лишина	236
Завещание тайного советника Александра Никифоровича Скребницкого	239
Лишин Иван Андреевич (1835–1892)	245
Послужной список полковника Ивана Андреевича Лишина	245
Воспоминания Баронессы Эрминии Осиповны Велио (Лишиной)	249
Лишина Эрминия Осиповна (Баронесса Велио) (1835–1917)	270

Лишин Михаил Андреевич (1840–1919)	278	Из воспоминаний А. А. Лишина, которые он оставил своим сыновьям	396
Освящение амбулатории Касперовской общины Одесского общества Красного Креста	282	Лишин Всеволод Андреевич (1899–1975)	399
Лишин Николай Андреевич (1843–1905)	286	«Lathe Biosas» (Проживи незаметно)	400
Особенности охоты в моём родовом имении селе Нивном в 1885 году	293	Лишин Николай Степанович (1873–1907)	403
Дети Николая Андреевича Лишина	316	Лишина (Капнист) Ольга Константиновна (1881–1960) .	408
Лишин Николай Николаевич (1876–1914)	318	Лишин Сергей Андреевич (1889–1919)	410
Николай Николаевич Лишин. Помощник начальника Эриванского Губернского Жандармского Управления . .	318	Этапы села Нивное	412
Лишин Борис Николаевич (1879–1937)	325	Современное Нивное	412
Золото Абиссинии	327	О Храме Рождества Богородицы в селе Нивном	413
Ольга Николаевна. Сестра милосердия из села Нивное	331	Захоронения в церкви Рождества Богородицы в Нивном	414
Памяти генерала Ф. И. Ростовцева.	336	Вебер Владимир Фредович	416
Лишин Григорий Андреевич (1854–1886)	337	Прямой потомок Константинова Константина Ивановича	416
«Чайковского или Лишина»	338	Изыскания по захоронению Константинова и Лишиных	418
Григорий Андреевич Лишин в воспоминаниях брата генерал-майора Александра Андреевича Лишина	351		
«От Одессы до Сухума»	361		
Лишин Андрей Андреевич (1836–1898)	364		
Лишина-Лайкевич Анна Андреевна (1837–1904)	366		
Лишин Николай Андреевич (1867–1933)	369		
Лишина (Валентий)			
Олимпиада Николаевна (1873–1961)	371		
Гимназия Олимпиады Николаевны Лишиной в Риге . .	373		
Лишин Николай Николаевич (1893–1941)	377		
«На Каспийском море. Год Белой Борьбы» (<i>отрывок</i>) . .	385		
Молодёжь и НТС	388		
Лишин Андрей Андреевич (1870–1943)	394		
Уездный исправник г. Калязина Андрей Андреевич Лишин	394		

**Рябухин Борис Константинович
Вебер Владимир Фредович**

**ДЛЯ НИХ МОНАРХИ – КРЕСТНЫЕ ОТЦЫ
400 ЛЕТ ДВОРЯНСКОМУ РОДУ ЛИШИНЫХ**

Хроникально-историческое повествование

Корректор *Л.А. Крамаренко*

Вёрстка *Т.А. Никитиной*

Сдано в набор __.02.16. Подписано в печать 05.10.16.

Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Гарнитура Times New Roman.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 25,2. Тираж __ экз. Заказ № __.

Издательство «Литера М»
390035, Рязань, ул. Гоголя, д. 16, оф. 204

Отпечатано ООО «Литера М»
390035, Рязань, ул. Гоголя, д. 16, оф. 204
Тел. 8(4912) 93-70-38.
E-mail: *literaM@mail.ru*